

На правах рукописи

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна

**ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Н. И. ТРЯПКИНА:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук, профессор
Николаева Светлана Юрьевна

Тверь – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. Художественный мир Н.И. Тряпкина.....	27
§1. Архитектоника художественного мира поэта.....	28
§2. Периодизация творческого пути Н.И. Тряпкина.....	60
§3. Полемика о поэзии Н. И. Тряпкина в критике и литературоведении.....	89
§ 4. Идиостиль как способ индивидуализации художественного мира поэта.....	107
4.1. Ономастическое пространство.....	107
4.2. Имена собственные в заглавия стихотворений.....	124
4.3. Поэтика цвета.....	130
Выводы по первой главе.....	149
Глава 2. Русский фольклор как источник поэтических концепций Н.И. Тряпкина.....	152
§1. Образно-поэтический мир русского фольклора и его художественное воплощение в поэзии Н.И. Тряпкина.....	152
§2. Сказочное и мифологическое в художественной системе поэта.....	157
§3. Поэтика «инога царства».....	178
§4. Концепт «дурак» в стихотворениях Н.И. Тряпкина.....	190
Выводы по второй главе	199
Глава 3. Историческая действительность как развернутая аллюзия генетической памяти в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина.....	201
§1. Проблема историзма в лирике поэта.....	201
§2. Семья, род, народ в пространственно-временной структуре художественного мира.....	218
2.1. Концепт семьи в аксиологии Н. И. Тряпкина.....	218
2.2. Имена родства.....	228

2.3. Образы отца и матери	234
§3. Христианские образы и мотивы.....	239
§4. Традиции древнерусской литературы.....	243
§5. Историческая память и память художественная (поэтическое воплощение темы войны и мира).....	252
5.1. Проблема «человек и война» в стихотворениях поэта.....	252
5.2 Лирика Н. И Тряпкина в контексте произведений о Великой Отечественной войне.....	269
5.3. Поэтика и стилистическое своеобразие военной лирики.....	272
Выводы по третьей главе.....	278
Глава 4. Поэзия Н. И. Тряпкина в контексте его литературных связей: типологические схождения и генетическая общность.....	281
§1. Инокультурный код в художественном мире Н. И. Тряпкина.....	281
§2. Античная культура в поэтической интерпретации Н. И. Тряпкина	289
§3. Традиции литературной сказки А. С. Пушкина.....	305
§4. Рецепция образа и наследия М. Ю. Лермонтова.....	325
§5. Традиции литературной сказки А. Н. Островского «Снегурочка».....	334
§6. Художественно-философский мир поэзии Ф. И. Тютчева и Н. И. Тряпкина.....	338
§7. Н. Тряпкин и традиция «новокрестьянских» поэтов (Н. А. Клюев, П. В. Орешин, С. А. Есенин).....	348
7.1. Н. Клюев и Н. Тряпкин.....	352
7.2. П. Орешин и Н. Тряпкин.....	372
7.3. С. Есенин и Н. Тряпкин.....	389
§8. Н.И. Тряпкин и «тихая лирика».....	399
§9. А. Т. Твардовский и его художественное наследие в поэтическом мире Н. И. Тряпкина.....	415
§10. Два поэтических мира: Ю. П. Кузнецов и Н. И. Тряпкин	425

10.1. Волшебные мотивы русских народных сказок в стихотворениях «Атомная сказка» Ю. П. Кузнецова и «Сказка» Н. И. Тряпкина.....	425
10.2. Индивидуально-авторские особенности использования общеязыковой фразеологии в лирике поэтов.....	431
Выводы по четвертой главе.....	447
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	454
Список литературы	459
Фондовый указатель архивных материалов РГАЛИ, связанных с жизнью и творчеством Н.И. Тряпкина.....	499
Перечень архивных материалов Государственного архива Тверской области.....	502
Приложения.....	503
Приложение 1. Периодизация творческого пути Н.И. Тряпкина.....	503
Приложение 2. Список лексем, входящих в СП «война».....	514
Приложение 3. Список лексем, входящих в СП «птица».....	515
Приложение 4. Список колорем лирики Н.И. Тряпкина.....	516
Приложение 5. Стихотворения Н.И. Тряпкина, опубликованные в 1947 году в журнале «Октябрь»(№1).....	529
Приложение 6. Письмо Н.И. Тряпкина М.В. Исаковскому.....	532
Приложение 7. Письмо Н.И. Тряпкина Ф. И. Парфенову.....	533
Приложение 8. Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина.....	534
Приложение 9. Тряпкин Н.И. Письмо Н. В. Лесючевскому.....	535
Приложение 10. Тряпкин Н.И. Письма В. Н. Еременко.....	536

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Н.И. Тряпкина (1918–1999) относится к числу тех явлений русской поэзии XX века, ярких и значительных, место которых в истории литературы и его истинный масштаб ещё только определяется.

Родился поэт в 1918 году в деревне Саблино Тверской губернии, в семье крестьянина. Его отец, по профессии столяр, жил заказами на месте и подрядами на стороне. Во время коллективизации, в 1930 году, семья переехала в один из совхозов Московской области, в районный центр Лотошино.

В 1939 году будущий поэт окончил Лотошинскую среднюю школу и поступил в Московский историко-архитектурный институт.

Интерес к литературному творчеству пробуждается у Н.И. Тряпкина в 40-е гг., в послевоенный период он значительно расширяет тематику своих стихотворений, а в 1967 году пишет крупное эпическое произведение – поэму «Гнездо моих отцов». «Тряпкин развивался и рос в течение полувека, медленно, неуклонно совершенствуя свой талант, <...> Тряпкин не ограничился поднятым и бережно сохранённым наследием, в его поэзии открылось новое дыхание, оборванное в период "канунов", вольная песня "крестьянской лиры", сохранившаяся в голосе и памяти всю страшную эпоху перелома, шум которого поначалу глухо отзывался в его стихах, со временем начиная звучать всё более и более пронзительно»¹.

В восприятии читателей, критиков, литературоведов Н.И. Тряпкин является продолжателем традиций русского фольклора и русской поэзии XIX–XX вв.

Отечественное литературоведение обратилось к творчеству Н.И. Тряпкина еще при его жизни. Первыми серьезными работами, посвященными осмыслению творческого наследия поэта, стали

¹Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918-1999) // Литература в школе. 2008. № 11. С. 2.

исследования В.В. Кожина¹, С.С. Куняева², А. А. Михайлова³. В 70-90-е гг. вышли статьи, рассказывающие о трудной судьбе Н.И. Тряпкина, чьи стихи читатели зачастую воспринимали неоднозначно. В конце двадцатого столетия Н.И. Тряпкин мало печатался. Публикация некоторых его книг так и не состоялась.

Вписать творчество Н.И. Тряпкина в литературный контекст эпохи довольно сложно. С одной стороны, в критических статьях его нередко причисляют к представителям так называемой «деревенской поэзии» (А.В. Кольцов, Н.А. Клюев, С.А. Есенин и др.), что вполне естественно, ведь «творчество поэта нераздельно и органически связано с русской деревней, ее бытом и языком, с ее пляской и песней»⁴. С другой стороны, его лирика близка «тихой лирике», в частности, Н. М. Рубцову.

Ю. Иванов, анализируя поэтический сборник Тряпкина «Жнива», пишет: «Из современников автор "Жнивы" нередко соприкасается с Николаем Рубцовым. Как и последнего, его тоже волнуют "попынный дух времен", "таинство прошедших поколений"»⁵. Большинство исследователей называют Тряпкина поэтом в самом полном и глубоком значении этого слова. «Очень трудно поставить Н.Тряпкина в тот или иной литературный ряд. Николай Клюев? Пожалуй, нет. <...> Есенин? Тоже нет. Может быть, А. Прокофьев? Да ничего похожего, кроме песенных интонаций. Н. Тряпкин – просто другой»⁶.

Появившийся интерес к поэтическому наследию Н.И. Тряпкина представляет собой один из самых значительных культурных феноменов

¹Кожин В. В. Два пласта // Молодая гвардия. 1969. № 9. с. 298–302.

² Куняев С. С. Мои волшебные сказанья // Москва, 1982. № 6. с. 188–190; Куняев С. С. Неизбывный Вертоград // Москва. 1989. № 4. с. 193–197.

³ Михайлов Ал. Быль и сказка // Молодая гвардия. 1971. № 8. с. 304–310; Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» Сельская тема в современной русской поэзии // Дружба народов. 1969. № 2. с. 251–261.

⁴ Кожин В. В. Два пласта // Молодая гвардия. 1969. № 9. С. 298.

⁵ Иванов Ю. Песенная доля // Наш современник. 1975. № 11. С. 191.

⁶ Лебедев Е. Штрихи к портрету Николая Тряпкина. // Литературная газета, 1987. 26 августа. № 35. С. 5.

последних десятилетий. Его творчество получило освещение в целом ряде научных исследований. В работах, посвященных изучению его наследия, отмечается огромный культурный масштаб поэта. Культурный диапазон эпохи оказал существенное влияние на формирование художественного стиля писателя. Прекрасное знание истории, литературы, искусства помогли поэту в выражении самых разных мыслей и чувств. В трудах исследователей рассматриваются такие аспекты творчества Н.И. Тряпкина, как философская основа его произведений (В.А. Редькин, С.Ю. Николаева, Е.В. Богачков), интертекстуальность (А.М. Бойников, А.В. Полубота, Д. В. Псурцев), основные поэтические темы (О. Панченко, Л.В. Рыжкова-Гришина). В стихотворениях Н.И. Тряпкина исследователи находили черты, присущие творчеству Н.А. Некрасова, Н.А. Клюева, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова. В работах В. Н. Баракова, В. Г. Бондаренко поднимается проблема национальных истоков и своеобразия поэтики писателя.

Изучение творчества Н.И. Тряпкина развернулось в конце XX – начале XXI века, когда появляется ряд диссертационных исследований, в которых с разной степенью полноты освещаются этапы творческого пути поэта, анализируются отдельные стороны его поэтики: Е.В. Иванова «Традиции и новаторство в поэзии Н.М. Рубцова» (1996), В.Н. Бараков «“Почвенное” направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» (1998), Л.Н. Тимашова «Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Н. Рубцова» (2002), Л.Н. Малюкова Русская философская лирика: генезис, проблематика, поэтика: 1950–1990 (2001), И.Н. Кошелева «Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого» (2005).

Своеобразным итогом изучения жизни и творчества Н.И. Тряпкина стали поэтические фестивали, ежегодно проводимые на малой родине поэта, в Московской области, п. Лотошино.

Всесторонний анализ исследовательских материалов позволяет сказать о том, что наиболее подробно рассматривается идейно-

тематическое содержание произведений Н.И. Тряпкина, в меньшей степени – их поэтика, связь со всемирно историческим процессом, проявляющаяся на всех его уровнях – в сфере литературных направлений и школ, типов сюжетов, героев. Что заимствовал поэт, а что возникло в результате его собственного имманентного развития; как проявляются заимствованные приемы, как влияют друг на друга и как взаимодействуют с индивидуальными приемами поэта; что явилось результатом воздействия, а что – результатом типологического совпадения? Остаются малоизученными страницы биографии поэта. По творчеству Н.И. Тряпкина не написано ни одной кандидатской или докторской диссертации, хотя изучение его творчества, в котором оценка поэтического наследия поэта осуществлялась бы в контексте развития мировой художественной культуры и русской поэтической мысли, необходимо. В связи с этим художественное наследие Тряпкина следует рассмотреть с точки зрения генетико-типологических связей (с фольклором, мировой и русской литературой XIX–XX вв.).

Проблемами генетического и типологического в литературе занимались крупнейшие отечественные ученые: А.Н. Веселовский, М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, Н.К. Гудзий, Н.И. Конрад, Д.С. Лихачев, Б.Г. Реизов, Ю.Н. Тынянов, М.Б. Храпченко, В.И. Кулешов, И.Г. Неуповоева, Ю.Л. Оболенская, Г.Н. Пospelов, М.Ю. Шульман, Д. Дюришин, С.Г. Бочаров.

«Всякая литературная преемственность, – писал Ю.Н. Тынянов, – есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов»¹. «Чем полнее и многообразнее представим мы себе процесс литературных общений разных народов во всей его сложности, включая и “технические” возможности осуществления литературных связей в каждую эпоху, – тем яснее станет все значение их для истории мировой культуры их роль в развитии современной прогрессивной

¹Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука. 1977. С. 198.

литературы. Связи, существующие между разными национальными литературами, могут быть, как нам кажется, сведены к двум основным типам, которые можно назвать связями контактными и связями по исторически обусловленному сходству литературных процессов. По самой природе своей эти два типа литературных связей различны; рассмотрение каждого из них имеет свои задачи, предполагает изучение особого круга явлений и проблем, особой методики исследования. Однако необходимое специальное изучение каждого из этих вопросов не может превращаться в изучение обособленное» – отмечала И.Г. Неупокоева¹.

В отношении исследования типологических и генетических связей в творчестве Н.И. Тряпкина более продуктивной следует считать точку зрения Д. Дюришина, который отмечает, что «проблема разграничения генетических связей и типологических схождений на практике вовсе не так проста, как может показаться на первый взгляд, потому что исследователь на каждом шагу сталкивается с их взаимоперекрещиванием и взаимосвязанностью»². Исследователь обозначает межлитературные связи следующими терминами: генетические (или контактные) связи, под которыми понимаются любые связи литературного явления с предшествующей традицией, с одной стороны, и типологические схождения – с другой³. Существенным дополнением к выводам Д. Дюришина являются умо-заклучения С.Г. Бочарова, изложенные в его работе «Генетическая память литературы» (2012). В понимании появления генетических и типологических связей в творчестве того или иного писателя важное место исследователь отводит особого рода памяти как центральному представлению творческой силы художника⁴. Такое понимание проблемы с позиций Д. Дюришина и С.Г.

¹Неупокоева И.Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур // Известия академии наук армянской ССР. № 5–6, 1960. С.8–9.

² Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур. М.: Прогресс. 1979. С.190.

³ Там же. С. 98.

⁴Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. С. 35.

Бочарова дает возможность для глубинного изучения генетических и типологических связей в творчестве Тряпкина с русским фольклором, мировой и русской литературой, для построения типологических параллелей, определения масштаба поэтической системы Тряпкина путём имманентного анализа, исследования историко-литературных и философских контекстов, соответствующих таланту и уровню мышления поэта.

В художественной системе Н.И. Тряпкина проявляются два генезиса – автобиографический и литературный. Анализ поэтических текстов неотделим от анализа личности поэта, особенностей ее поведения и обстоятельств ее судьбы. В то же время лирика поэта изучается как пространство контекстов: генетического, контекста культуры в целом, контекста литературы и языка, контекста мифологического и архитипического.

Многие произведения Н.И. Тряпкина основаны на литературных источниках, в числе которых можно назвать художественную литературу, фольклор, исторические сочинения, мифы, легенды и т. д. Трактовка темы или сюжета, уже известных по ставшим каноническими литературным текстам, служила для поэта важным творческим стимулом, поэтому поэт часто обращается к приемам аллюзии, реминисценции, проводит параллель между хорошо известными фактами и событиями прошлого и современности. Эта особенность творчества заставляет обращаться к интертекстуальности и культурологическим исследованиям текстов отдельных произведений. Следует отметить, что Н.И. Тряпкин чаще всего подает фольклорные и литературные источники как усвоенные им в рамках общекультурного наследия. В этом случае можно говорить о взаимосвязи образов и мотивов. Данный подход основывается на попытке соединить два разных исследовательских направления, одно из которых нацелено непосредственно на изучение структуры текста и вычленение наиболее значимых элементов этой структуры и другое, более широкое,

отсылающее «к ближайшему» (биография поэта, свойство его личности, его окружение, творческая история произведения) и «удаленному» (явления социально-культурной жизни современности, феномен «большого исторического времени» [М.М. Бахтин], которому он причастен).

В ретроспективном плане можно говорить не только и не столько о повторениях-сходствах, сколько о том качественно новом, что дал русской литературе Н.И. Тряпкин-поэт.

Актуальность работы обусловлена необходимостью углубления и расширения представлений об особенностях поэтики творчества Н.И. Тряпкина в рамках обозначенной проблемы типологических и генетических связей. Проведенный анализ формирования мировоззрения поэта, его эстетических взглядов и предпосылок творчества позволил заявить о проблеме воздействия мировой и русской культуры на творчество поэта. Изучение литературных источников поэзии Н.И. Тряпкина представляется чрезвычайно важным и актуальным, поскольку это позволяет проникнуть в наиболее существенные аспекты поэтики Н.И. Тряпкина. Исследование литературных тем, сюжетов, образной системы, как основы целых произведений для Тряпкина, проясняет такие важные аспекты его поэтической системы, как тяготение к повествовательности, обращение к общеизвестным образцам литературного наследия, конфликт между известным источником, как частью «общего наследия», и его персональным, частным пересмотром поэтом по законам его собственной поэтики, мифики, системы символов, сочетания архаики и новаторства. Большой научный интерес представляет анализ функциональной роли реминисценций, ибо в творчестве Тряпкина специфика национального художественно-философского сознания и опыт отечественной и мировой культуры носят ярко выраженный характер.

Анализ всех стихотворных сборников Н.И. Тряпкина позволяет скорректировать представление о лирике поэта.

Рассмотрение творческой эволюции поэта позволило поставить вопрос о периодизации его творческого пути. Поскольку ранее никто не занимался исследованием всего художественного наследия Н.И. Тряпкина и анализом всех стихотворных сборников, не было предложено ни одной аргументированной периодизации, то в настоящей работе предлагается выделить 6 периодов творческого пути поэта (подробная характеристика каждого периода дана в I главе диссертации). Такое исследование может существенно дополнить представления о Тряпкине как о художнике достаточно сложном, с яркой и разнообразной культурой письма.

Впервые на поэтическом материале исследуется проблема идиостиля, что позволяет выявить специфику языковой картины мира поэта.

Проблематика работы состоит в выявлении и изучении генетических и типологических связей в произведениях Н.И. Тряпкина, прослеживающихся на всех этапах развития его творчества.

Цель диссертационного исследования – рассмотреть поэзию Н.И. Тряпкина на уровне генетических связей и типологических схождений с целым рядом ключевых произведений русского фольклора, мировой и русской литературы.

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

- 1) составить периодизацию творческого пути Н.И. Тряпкина;
- 2) уточнить и дополнить фактологическую основу биографии Н.И. Тряпкина путем введения в научный оборот новых документальных материалов, хранящихся в РГАЛИ;
- 3) определить содержание художественного мира Н.И. Тряпкина, исследовать его основные компоненты;
- 4) проанализировать художественную систему Н.И. Тряпкина в генетическом аспекте: ее становлении и развитии во взаимосвязи с русским фольклором;

5) раскрыть характерные воплощения исторического материала в лирике поэта;

б) рассмотреть наиболее значимые стихотворения поэта, связанные с восприятием, усвоением и творческим использованием западноевропейской культуры;

7) исследовать образную систему поэзии Н.И. Тряпкина в сопоставительно-типологическом аспекте – в соотнесении с творчеством русских писателей-реалистов XIX вв. (А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А. Н. Островским, Ф.И. Тютчевым).

8) сравнить творчество Н.И. Тряпкина с произведениями мировоззренчески близких ему поэтов XX века (Н.А. Клюевым, П.В. Орешиним, С.А. Есениным, Н.М. Рубцовым, А.Т. Твардовским, Ю.П. Кузнецовым) для выявления общих черт в их поэтических системах и определения констант, являющихся самобытными в лирике Н.И. Тряпкина;

9) изучить особенности стиля поэта.

Объектом исследования являются стихотворные тексты Н.И. Тряпкина 1940–1999 гг., вошедшие в 28 сборников поэта. В процессе работы были привлечены литературно-критические статьи, рецензии, посвященные жизни и творчеству Н.И. Тряпкина. Для сравнительно-сопоставительного анализа были взяты произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Островского, Н.А. Клюева, П.В. Орешина, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова, А.Т. Твардовского, Ю.П. Кузнецова.

Предмет диссертационного исследования – типологические и генетические связи в творчестве Н.И. Тряпкина.

Методологическая и теоретическая база исследования. В качестве опорных теоретических посылов, давших импульс для представления литературоведческого материала для размышлений о творчестве Н.И. Тряпкина, в диссертации использованы изыскания

ведущих ученых в области методологии литературоведения, теории и истории литературы: А.Н. Веселовского, Ф.И. Буслаева, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.Я. Проппа, У.Б. Далгат, М.П.Алексеева, В.М. Жирмунского, М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, Н.И. Конрада, Б.В. Томашевского, Х.-Г. Гадамер, И.Г. Неупоколевой, Д. Дюришина, С.А. Аскольдова, Ю.Д. Апресяна, Ю.С. Степанова, С.Г. Бочарова, Н.А. Богомолова, К.Л.Зелинского, М.М. Гиршмана, Б.О. Кормана, С.Н. Броймана, Л.Ю. Фуксона, Г.Г. Шпет. В освещении проблем генезиса литературы особую значимость приобретают собственно фольклористические исследования (Б.Н. Путилов, Г.Л. Пермяков, К.В. Чистов, В.М. Гапак, В.И. Еремина), а также работы, специально рассматривающие различные аспекты «регулярности фольклорной поэтики (и в этом смысле повторяемости ее элементов (П.А. Гринцер, В.Н. Топоров, С. Ю. Неклюдов, Е.А. Костихин). Если в раннем творчестве Н.И. Тряпкина можно столкнуться с прямым воздействием фольклорных традиций на лирику поэта, то в последующем на первый план выдвигается индивидуально-авторское начало, проявляющееся во всех компонентах произведения – «в сюжетостроении, в обрисовке образов, в формировании авторского стиля, в выборе изобразительных и выразительных средств»¹.

Наиболее важными в данной работе нам представляются следующие аспекты, на которые стоит обратить особое внимание.

Основу работы составили исследования, в которых разработаны принципы соединения историко-генетического аспекта в рассмотрении литературного процесса с типологическим (А.Б. Куделин, О.А. Смирницкая, А. В. Михайлов, Ю.В. Манн, Н.Д. Тамарченко). «Современное типологическое направление в области исторической поэтики предлагает не только учитывать подвижность категорий поэтики, но и заострить внимание на проблеме эволюции поэтического сознания и

¹Баталова Ф.К. Генезис и эволюция сюжетно-повествовательной поэмы в абазинской литературе: дисс... канд... филол. наук. Майков. 2003. С. 5.

его форме, изучать типологическую изменчивость литературного самосознания эпохи¹, т. к. именно «смена типов художественного сознания обуславливает главные линии и направления исторического движения поэтических форм и категорий»². Исследовательская задача в области историко-типологического осмысления конкретного материала заключается в осмыслении художественных форм. При этом особое значение приобретает понятие изменчивости в литературном процессе (Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Б.М. Мелетинский, И.П. Смирнов) и повторяемости основных форм и категорий проявления этого процесса (В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, О.М. Фрейденберг). Среди работ типологически-обобщающего плана следует выделить постановку проблемы литературной преемственности в трудах И.П.Смирнова³. В работе учитываются достижения отечественной науки в исследовании функциональных возможностей текста и его интертекстуальных связей (Ю.М. Лотман, Ю.И. Левин, П.Х. Тороп, С.Т. Золян). С учетом указанного круга исследований эволюционные изменения рассматриваются в работе в разных, но взаимосвязанных аспектах: 1) как индивидуальная эволюция писателя, выражающаяся в эволюции текстов в системе его творчества (область индивидуальной поэтики писателя); 2) как эволюция и преемственность текстов.

Особенностью генетического и типологического влияния является то, что поэт создает новую художественную трактовку той или иной проблемы, уже получившей художественное освещение в произведениях предшественников и современников. На конкретном материале показаны настойчивые поиски поэтом новых жанровых форм. Как особенность жанровой системы можно выделить обращение писателя к синтезу

¹ Протакилова Н.В. Якутская поэтическая традиция: Генезис литературного текста. На материале поэзии А. Е. Кулаковского: дисс... д-ра филол. наук : Москва 2000. С. 9.

² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Наследие. 1994. С. 3.

³ Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука. 1977. 203 с.; Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1981.

разнородных жанров. В связи с этим обращалось внимание на ряд концепций П.А. Гринцера, Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева, относящихся к типологии жанра. Типологический характер преемственности в творчестве поэта не может быть в полной мере представлен без учета жанровой эволюции. При этом исходным в работе является то понимание жанра, которое восходит к исследованиям М.М. Бахтина и О.М. Френберга.

Поэтическое творчество Н.И. Тряпкина, как и всякого другого поэта, неотделимо от влияния социокультурных, философских, биографических факторов, способствовавших формированию мироощущения поэта. Методологически подобный подход неоднократно обосновывался в литературоведении. В частности, Р. Барт обозначает данный процесс как «изучение среды», причем среда поэта – это «не только его друзья, враги и родственники, но и <...> совокупность мыслительных привычек, имплицитных табу, естественных ценностей, материальных интересов»¹. Созвучно этой точке зрения, но более масштабно рассматривает данную проблему А.С. Бушмин. «В творческих личностях, при всей оригинальности каждой из них, повторяются – так или иначе, <...> черты эпохи, нации, народа, класса, той или иной более узкой социальной, идеологической группы, особенности психики, человеческих характеров и т. д.»². В качестве теоретико-методологического обоснования данного подхода приведем и умозаключение В.Е. Хализева «о разнородности и множественности факторов писательской деятельности <...> Во-первых, <...> прямые, непосредственные стимулы, побуждающие к писательству, каков прежде всего созидательно-эстетический импульс. Этому импульсу сопутствует потребность автора воплотить в произведении свой духовный (а иногда также психологический и житейно-биографический) опыт <...> Во-вторых, в составе генезиса литературного

¹Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1988. С. 213.

² Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975. С. 36.

творчества значима совокупность явлений и факторов, воздействующих на автора извне, т. е. стимулирующий компонент художественной деятельности»¹.

Для данного исследования значимы труды М.Г. Гаспарова, в которых рассматривается категория художественного мира², разработки М.М. Гиршмана, где мир лирического произведения предстает как диалогический – как пространство ценностного спора между участниками совершаемого «бытия-общения»³. Употребление понятия «художественный мир» в настоящей работе при характеристике поэзии Н.И. Тряпкина обусловлено тем, что более всего соответствует комплексу рассматриваемых в ней аспектов литературного творчества поэта.

Значимым в диссертации является феноменологический подход, предложенный Х.-Г. Гадамером⁴, поскольку он отвечает самому объекту исследования: в работе рассматривается поэтика Н.И. Тряпкина как самобытное явление через осмысление путей его становления и развития. В диссертационном исследовании задействована и методика герменевтического подхода анализа конкретных текстов, – методики, выработанной отечественной школой феноменологии (Г.Г. Шпет)⁵.

Проблематика и поэтика произведений Н.И. Тряпкина находятся в тесном взаимодействии с его мировоззренческими установками, которые, формируясь под воздействием культурного фона эпохи, обретают всестороннее воплощение в тексте произведений. Наряду с сюжетными заимствованиями, в лирике поэта можно обнаружить и творческую переработку отдельных мотивов и сюжетных ситуаций. В

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. С. 351.

² Гаспаров М. Л. Избранные труды. В 3 тт. М.: Языки русской культуры. 1997.

³ Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры. 2002.

⁴ Гадамер Х.–Г. Истина и метод. Основные черты философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988; Гадамер Х. –Г. Эстетика и герменевтика / Гадамер Х. –Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. с.255–265.

⁵ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. М.: Контекст.1989–1991.

связи с этим в диссертационном исследовании актуализируется достаточно большой пласт идейно-философского наследия отечественной мысли, в особенности парадигма ценностей, нашедшая отражение в философии «русского космизма» (Вл. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский), а также исследования по проблемам историзма в художественной литературе (Г.В. Макаровская, С.М. Петров, И.П. Щерблыкин, М. Альтшуллер, В.Д. Оскоцкий).

Методы исследования определены его целью и задачами. Изучение, предполагающее выявление генетических и типологических соответствий и своеобразия творчества поэта, обусловило выбор методов исследования, за основу концепции которого принимается положение о том, что взятые в совокупности произведения Тряпкина отражают ценностные ориентиры поэта. Как писал Д. С. Лихачев: «Внутренний мир произведения словесного творчества... обладает известной художественной целостностью. Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве»¹. Вслед за Е.А. Кравченковой и Р.В. Епанчинцевым² мы считаем, что утверждение Д.С. Лихачева верно по отношению не только к одному произведению, но и к совокупности текстов одного автора: стихотворения поэта и его поэма «Гнездо моих отцов» – это система, элементы которой находятся в неразрывном единстве.

Сложность предмета исследования предполагает многоплановость его описания, в связи с чем в диссертационном исследовании использовались различные методы и приемы – от общенаучных до лингвистических. К общенаучным методам относятся

¹ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1987. № 8. с. 74.

² Кравченкова Е.А. Художественный мир В.С. Макарина: концепции и интерпретации: автореф. дис...канд. наук. М. 2006. С. 3; Епанчинцев Р.В. Художественный мир рассказов и повестей Олега Куваева: дисс...канд. наук. Магадан, 2009. С. 9.

анализ, дающий возможность описать словесные поэтические образы, и синтез, позволяющий фрагменты образного мира (и саму эту картину в целом) представить в единстве и взаимосвязи составляющих ее элементов. Для выделения и описания общих и частных фрагментов поэтической концептосферы использовались индуктивный и дедуктивный общенаучные методы. Также следует подчеркнуть, что для системного описания современного литературного процесса в настоящий момент необходимо пристальное внимание к изучению индивидуальных авторских систем, в которых проявляются актуальные тенденции литературного процесса в целом. Логика изучения от «частного к общему» представляется сегодня наиболее продуктивной исследовательской стратегией¹.

Разноприродность многочисленных факторов, повлиявших на формирование поэтики Н.И. Тряпкина, делает уместным при рассмотрении его произведений использование комплексного подхода исследования творчества, вбирающего в себя элементы описательного, сравнительно-сопоставительного, историко-хронологического, историко-типологического, системного, текстологического анализа. Значение этого подхода обусловлено специфическим положением поэтической системы Н.И. Тряпкина, возникшей на пересечении художественных методов как литературного происхождения, так и нелитературного, а также интеграционных процессов, имевших место в методологии литературоведения XX века. Данный подход позволяет рассмотреть некоторые теоретические аспекты в сочетании с конкретным анализом текста, исследовать общую структуру произведений в связи с общей проблематикой. Описательный метод представляет собой «систему научно-исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений

¹Даниленко Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус: дисс...канд. наук. Пермь. 2006. С. 5.

языка на данном этапе развития»¹. Из лингвистических приемов, которыми располагает описательный метод, для нас важны: лингвистическое наблюдение – «правила и техника выделения из текста того или иного факта и включение его в изучаемую категорию»², классификация и систематизация. Путем сплошной выборки мы вычленили из поэтических текстов фрагменты, содержащие образные сопоставления (реализации тех или иных парадигм образов); в дальнейшем материал подвергнулся классификации в соответствии с задачами исследования. Важность тематической характеристики материала предполагает использование метода тематического описания лексики, оказывающегося в одном ряду с методом семантических полей и методом описания по лексико-семантическим группам³. Таким образом, в диссертации используются как диахронический способ исследования, позволяющий изучить творчество Н.И. Тряпкина с учетом исторически изменчивых признаков, осмысленных в исторической типологии, так и синхронический, рассматривающий произведения поэта в контрапунктных поэтических соотношениях в рамках единого временного промежутка. При этом описание синхронного среза предшествует диахронии, поскольку о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как дано предварительное систематическое описание этого явления⁴.

В работе использованы разработки в области текстологической науки, в частности, методика генетической критики, представленной в рамках французской текстологической школы (Ж. Бельмен-Ноэль, А. Грезийон, Б. Бойе, А. Миттеран). «Метод генетической критики позволяет проследить трансформацию текста: непосредственный генезис отдельного

¹ Головин Б. Н. Введение в языкознание. М. : Высш. шк., 1983. С.79.

² Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Лекции по курсу Введение в языкознание. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1963. С. 8.

³ Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск, изд-во Петрозаводского ГУ. 1995. С. 60–62.

⁴ Казакова Л. А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII–начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика: дисс... д-ра филол. наук. Москва, 2009. С. 20.

произведения, генезис авторского гипертекста, функционирование идентичных смысловых сегментов на разных уровнях гипертекста, генезис авторской мотивики»¹.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринята попытка определения творческой индивидуальности Н.И. Тряпкина с позиций историко-генетических и типологических связей, рассмотрения его поэзии, в которой моделируются и воплощаются философские, историко-культурные, эстетические установки. На основе фактического материала произведения поэта исследуются в русле фольклорных традиций и традиций мировой и русской классической литературы. Таким образом подчеркивается преемственность творчества Н.И. Тряпкина на всех этапах развития его лирики. Отечественное литературоведение не занималось последовательным сравнительно-сопоставительным анализом творчества Тряпкина и лирики А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, Ю.П. Кузнецова, поэтов-смолян (М.И. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова). Практически вне поля зрения исследователей оставалась проблема инокультурного кода в стихотворениях поэта.

Теоретическая ценность работы. Диссертация дает качественно новый импульс для изучения художественного мира Н.И. Тряпкина в контексте мирового литературного процесса XIX–XX вв. и имеет выход на решение ряда проблем сравнительного литературоведения. Исследование способствует выяснению закономерностей эволюции генетической и типологической общности лирики

Н.И. Тряпкина и целого ряда поэтических систем (мирового и русского фольклора, западноевропейской литературы, русской литературы X–XX вв.).

¹Даниленко Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус: дисс...канд. филол. наук. Пермь. 2006. С. 15.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты будут способствовать обогащению и корреляции существующих взглядов на личность и творчество поэта, до сих пор остающегося не изученными в полной мере. Новый взгляд формируется и с помощью архивных материалов, использованных в работе (Российского Государственного архива литературы и искусства, материалов Государственного архива Тверской области). Выводы диссертации могут быть полезны для исследователей творчества Н.И. Тряпкина, изучения русской литературы второй половины XX века. Материалы работы могут использоваться при исследовании фольклорных истоков творчества писателя, при изучении литературного наследия других поэтов, таких как Н.А. Некрасов, А.А. Фет, А.А. Блок, С.А. Есенин и др. Наблюдения, высказанные в диссертации, могут быть включены в содержание спецкурсов по изучению творчества поэтов XIX–XX вв., более глубокого изучения творчества Н.И. Тряпкина в школе (федеральный и региональный компоненты). Полученные результаты могут быть использованы при чтении лекций по истории русской литературы XX века, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по изучению творчества Н.И. Тряпкина. Раздел «Приложения» содержит значительный справочный материал, который также может найти применение при дальнейших исследованиях творчества Н.И. Тряпкина.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Н.И. Тряпкин является органическим носителем национальной ментальности. Понимание национального характера русского народа в творчестве поэта сформировано всем укладом русской жизни: ее бытом, народной верой. Постигание поэтом «русской природы» опирается на литературную и философскую традиции XIX – первой половины XX в.

2. **Изучение художественного наследия Н.И. Тряпкина дополняет и углубляет сложившиеся представления о закономерностях развития**

русской литературы, раскрывает дополнительные возможности национально-художественных традиций.

3. Творческий генезис поэта тесно связан с фольклором и реализуется в процессе эволюции фольклорных и исторических образов: от выявления характерных черт национальной души (в образах скомороха, дурака, богатыря, иномира) до воплощения темы войны и образов, вопроливших сложные черты русского национального характера (в портретах Ивана Грозного, Бориса Годунова, Гришки Отрепьева, Степана Разина). Новаторство Тряпкина в осмыслении библейских и христианских образов и мотивов проявляется не только в том, что он развивает уже сложившиеся в русской поэзии типы и раскрывает явленные в мировой культуре «архетипы», но и в современной ему действительности выявляет новые.

4. Тряпкин на протяжении всего творчества ведет активный поиск новых жанровых форм. Используя духовный потенциал гражданской классической оды, привлекая духовно-символические и образно-интонационные ресурсы народной поэзии, он создает яркие образцы «синкретических жанровых структур» (термин Б. Томашевского), отражающих величие и трагизм эпохи.

5. Типологическую общность поэзия Н. Тряпкина обнаруживает при сопоставлении с западноевропейской литературой, эта общность многомерно проявляет себя на уровне тем, мотивов, образов, композиции, на уровне интертекста. Личные мировоззренческие и философские установки поэта связаны с искусством и философией античной классики.

6. Приоритетным для поэта был опыт русской классической литературы. Взаимодействие лирики Тряпкина с литературным опытом прошлого осуществлялось как в форме традиции, так и в форме влияния – связь творчества писателя с литературной традицией А.С.

Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева происходила по линии философско-эстетической, художественной преемственности.

7. При сравнительно-типологическом сопоставлении творчества Тряпкина с произведениями «новокрестьянской поэзии» (Н. Клюева, П.Орешина, С. Есенина, А Твардовского) выявляются принципиальные схождения в понимании национального русского мира, «деревенской» темы и ее художественной реализации. Связь осуществлялась на уровне тематическом (Орешин, Есенин, Твардовский), сюжетно-композиционном и мотивно-образном (образы Избы, Печи, веретена – у Клюева и Тряпкина).

8. Поэзию Н.И. Тряпкина и «тихую лирику» Н.М. Рубцова сближает тип лирического героя, общая мотивная структура, обостренное чувство родины, своих корней, поэтизация природы, характер лирических переживаний.

9. Выявленные параллели в художественных системах Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова свидетельствуют о том, оба поэта исследовали современную им российскую действительность в социально-историческом, мифопоэтическом, нравственно-философском аспекте. В их творчестве прослеживаются черты литературного диалога, влияние народно-поэтической традиции.

10. Для идиостиля поэта характерно создание единого ономастического пространства и обращение к категории цвета, раскрывающей образный мир поэта в контексте его авторских представлений о мироустройстве и являющейся многофункциональной (предметно-изобразительной, символическую, эмоционально-экспрессивную, морально-оценочную).

11. Исследование характера бытования литературных и фольклорных традиций на генетическом и типологическом уровнях в произведениях Тряпкина способствует выработке целостной

концепции его творчества, определению его места и значения в русском литературном процессе XX века.

Апробация работы. По теме диссертации изданы три монографии, две из которых в соавторстве, более 40 публикаций, 18 из которых вышли в изданиях, рекомендованных ВАК, общий объем их составляет порядка 38 п.л. По материалам диссертации прочитано 70 докладов на научных конференциях разного уровня: на ежегодных научных конференциях кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета; на международной конференции «Современные пути исследования литературы» (2016), ежегодно проводимой кафедрой русской литературы и методики ее преподавания СмолГУ; на ежегодных конференциях «Твардовские чтения» (г. Смоленск, 2013–2018); на ежегодной международной конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2014–2018); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы фундаментальной подготовки в школе и в вузе в контексте современности» (Череповец, 2014–2018); на ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2015–2019), а также: «Кузнецовские чтения» (Москва, 2014–2015), «Виноградовские чтения» (Москва, 2015–2017), «Дедковские чтения» (Кострома, 2015–2018), «Поливановские чтения» (Смоленск, 2016–2018).

Структура диссертации обусловлена целями диссертации, характером исследуемого материала и спецификой творчества Н.И. Тряпкина. Работа состоит из введения, 4 глав («Художественный мир Н.И. Тряпкина», «Русский фольклор как источник поэтических концепций Н.И. Тряпкина», «Историческая действительность как развернутая аллюзия генетической памяти в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина», «Поэзия Н.И. Тряпкина в контексте его литературных

связей: типологические сходства и генетическая общность»), заключения, библиографии, которая включает 427 источников, из которых 107 посвящены жизни и творчеству Н.И. Тряпкина, десяти приложений.

Первая глава посвящена архитектонике художественного мира поэта, периодизации творческого пути Н.И. Тряпкина, изучению литературно-критического материала о жизни и творчестве поэта с привлечением архивных документов о писателе. Также предметом внимания становится идиостиль Н.И. Тряпкина.

Во второй главе рассматриваются вопросы, связанные с обращением поэта к русскому фольклору.

В третьей главе освещаются проблемы, связанные с исторической основой поэтического творчества поэта.

Четвертая глава посвящена изучению поэзии Н.И. Тряпкина в контексте его литературных связей. Его стихотворения сравниваются с творчеством А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.М. Рубцова, А.Т. Твардовского, Ю.П. Кузнецова, а также лирикой «новокрестьянских» поэтов.

Глава 1. Художественный мир Н.И. Тряпкина

В современном литературоведении понятие «художественный мир» встречается достаточно часто. Многие современные ученые выделяют это понятие как одно из центральных в филологической науке. Его разработкой занимались многие литературоведы. Одно из первых его определений принадлежит С.Е. Шаталову, который трактовал художественный мир как особую модель действительности, созданную писателем с помощью словесно-речевых средств и основанную на базе достигнутых к данному моменту сведений об общественной и внутренней жизни человека»¹.

Ф.П. Фёдоров считал, что художественный мир – это система, во-первых, универсальных духовных отношений, заключенных в тексте, имеющем эстетическое значение, а та «внутренняя форма», которая построена «внешней» формой – речевой системой, во-вторых, это картина мира, сложившаяся в сознании художника», в-третьих, это система взаимосвязанных компонентов («То обстоятельство, что художественный мир представляет собой систему взаимосвязанных компонентов, свидетельствует о нем как о единстве, как о художественном целом»)²

В современном литературоведении понятие «художественный мир» остается многоплановым. Значение понятия во многом определяется исследовательской перспективой и характером методологических установок³. В данном исследовании понятие «художественный мир», вслед

¹ Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М.: Наука, 1979. С. 17.

² Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. С. 5–8.

³ Герасимова Е.К. Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х–начало 60-х гг.): дисс ...канд. наук. Н. Новгород. 2007. с. 12.

за Л.В. Чернец, понимается как синоним творчества писателя¹. В понятие «художественный мир» нами включаются: 1) особенности творческой манеры, 2) своеобразие системы образов, структуры и стиля произведений писателя. Необходимым элементом понятия «художественный мир» является и мировоззрение поэта, выражаемое в литературном произведении художественными средствами². Также художественный мир понимается как внутренне присущая всему творчеству писателя характеристика, как категория, вписывающая писателя в определенную литературную традицию, и, наконец, как надматериальная составляющая творчества, диктуемая личностью автора; а также качественная характеристика творчества одного писателя, совокупности произведений, как своего рода индикатор принадлежности к определенной традиции³.

§1. Архитектоника художественного мира поэта

Архитектоника, вслед за В.И. Козловым, понимается как это структура «эстетического объекта», который определяется как «содержание» эстетической деятельности (созерцания), направленного на произведение⁴. В данном исследовании речь идет о ключевых понятиях художественного мира поэта: выделены основные аспекты, образующие комплекс взаимосвязанных категорий, отражающих философско-эстетические и социально-нравственные ориентиры поэта.

¹Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и комплексы. Учеб пособие / Под ред. Л.В.Чернец. М.: Высшая школа; Издат. центр «Академик», 1999. С. 191–192.

²Попов И.В. Художественный мир произведений В. Аксенова: дисс ...канд. наук. Сыктывкар. 2006. С. 16.

³Разин Д. А. Художественный мир Е.А.Гагарина: дисс ...канд. наук. Архангельск. 2008. С. 14–15.

⁴Козлов В.И. Архитектоника художественного мира лирического произведения: на материале цикла И. Бродского «Часть речи»: дисс. канд. филол. наук. Ростов–н/Д. 2006. С.63.

Мировоззрение, взгляды поэта. Н.И. Тряпкин прошел сложный и трудный путь идейно-эстетических исканий, путь полный противоречий, разочарований и надежд. Его творчество представляет собой особый в литературе второй половины XX века тип художника – органического носителя народной духовной и художественной культуры, чье образное мышление типологически идентично фольклорному. Творчество поэта глубоко национально по своему духу и соприродно народному, фольклорному типу образного мышления. В духовном отношении творчество Тряпкина являет собой сложный синтез глубинного постижения национального бытия, основанного на осмыслении образа русского человека, его сознания, свойственного крестьянскому бытовому мировидению, и народной обрядовой культуре, в которой отражено все многообразие проявлений национального духа русского народа. Поэзия Н.И. Тряпкина национальна и включает в себя общечеловеческие черты. В ней видится полное и искреннее выражение чувств человека, любящего свою Родину – и в ее природе, и в основных свойствах русского характера.

Определяющую роль имеет происхождение Н.И. Тряпкина, его принадлежность к народной среде. Корни поэтического творчества поэта – на Тверской земле, которую он видит сквозь призму фольклорных образов, взятых из мира природы. Природа рождает у поэта ассоциации, подобные тем, какие возникают у творцов народного искусства. Можно сказать и более определенно: поэзии Н.И. Тряпкина близка пантеистическая философия, рассматривающая природу и весь окружающий мир как единое и живое, одухотворенное целое.

Представление поэта о национальном характере сформировалось под влиянием традиций православной веры, на нравственных постулатах которой воспитывался русский человек. Важную роль для поэта имел также уклад русского быта, существовавший практически в неизменном

виде не одно столетие, и народной культуры, передававшейся из поколения в поколение.

Глубокое отражение в творчестве Н.И. Тряпкина получили также положения о структуре национального характера, представление о котором менялось в процессе исторического развития (диалектического влияния друг на друга русской истории и национального характера; многообразия форм существования национального характера, понимания сущности национального «космоса»). Отмечается влияние на поэта философской литературы, работ мыслителей «русского религиозного возрождения». Современники Н.И. Тряпкина справедливо отмечали, что начинающий поэт мыслит в духе идеи особого пути развития страны, которую проповедовали Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров и другие русские философы начала XX века. Опыт национальной самоидентификации, накопленный русской литературой, был художественно переосмыслен поэтом. Творческий потенциал, с которым поэт пришел в литературу, соответствовал тем объективным потребностям духовного развития России второй половины XX века, серьезное осмысление которых занимало творческую мысль поэтов и писателей на протяжении всего XX века.

Лирическое и эпическое начала в поэзии Н.И. Тряпкина. В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина происходит органичное соединение эпического и лирического начал. Однако на протяжении всего творческого пути это соединение не остается неизменным.

Н.И. Тряпкин – это лирик и яркий, самобытный поэт. Его стихотворения отличаются глубоким психологизмом. Лирические произведения Н.И. Тряпкина полны четкими образами, которые указывают на чувства и переживания автора, раскрывают человеческую душу:

Люблю я слушать голоса земли
В постели утром, в лени полудремной...
Вон где-то там, под окнами, шмели

Гудят, бормочут, как деды на бревнах¹.

«Люблю я слушать голоса земли» (1962).

Читая многие стихотворения, можно почувствовать грусть автора, даже некоторую обреченность:

Ты был иль не был на земле –
 Что для тебя в конечной сути,
 Когда начнешь тонуть во мгле
 При той известной, брат, минуте?
 И вот – закроются глаза,
 Замрут последние зарницы.
 И только скатится слеза
 С твоей ненужной уж ресницы².

«Ты был иль не был на земле...» (1971).

Чувство грусти звучит во многих произведениях Н.И. Тряпкина. Зачастую в его стихах отражаются личные драмы, переживания, а также раскрывается время, в которое пришлось жить и творить поэту. В известном стихотворении «Свет ты мой робкий, таинственный свет» (1971) раскрывается сложное психологическое состояние автора.

Немногочисленная любовная лирика наполнена разнообразными эмоциями. Это и порыв, и грусть, и несколько ироничное отношение к возлюбленной, и тоска по ней, и расставание:

Зовут сибирские огни
 Твою судьбу, твои желанья.
 Ну что же, девочка моя,
 Давай побродим на прощанье.
 Давай ходить рука с рукой <...>
 В долинах нашего рассвета.
 Не забывай межи родной
 И вспоминай меня при этом³.

«Зовут сибирские края» (1962).

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит.1984. С. 226.

² Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Сов. Россия. 1977. С. 321

³ Тряпкин Н.И. Краснополье. М.: Молодая гвардия. 1962.С. 75.

На протяжении всей своей жизни поэт пишет стихи о Родине. Счастье и любовь у поэта возможны только на родной земле, в кругу близких и любящих людей.

Если рассуждать об эпическом характере стихотворений поэта, то уже значительная часть текстов конца 30–50-х гг. и даже начала 60-х идейно и художественно близка прозе «социалистического реализма» на колхозную тематику. В своем творчестве Н.И. Тряпкин сближает разные эпохи. В лирике находят место и картины полевых работ, и сельского быта, темы природы, районных будней – всего того, о чём вскоре заговорила очерковая проза¹. Зрелая поэзия Н.И. Тряпкина в целом родственная «деревенской» прозе, особенно лирической прозе В.И. Белова и Е.И. Носова². Эпичностью повествования отмечены стихотворения 80-х гг. Стихотворениям присуща спокойная интонационная сдержанность, использование длинного стиха³. В это время в лирике Н.И. Тряпкина усиливаются былинно-эпические мотивы, становится более отчетливым осмысление исторических событий (поэт начинает ощущать себя потомком великих славянских праотцов).

«Медленно, шаг за шагом, подходит поэт к эпическому сказанию о своей жизни. Первые главы его были написаны в начале 80-х годов, когда Н.И. Тряпкин обрёл былинную поэтическую мощь, когда прежние отдельные попытки совместить временные пласты отступили перед открывшейся картиной народной трагедии, в которой органически слилось недавнее прошлое и видения набегов и захватчиков, переселений народов

¹Котельников В.А. Тряпкин Н.И. // Русские писатели, XX век. Библиографический словарь. В 2-х ч. Ч. 2. М: Просвещение, 1998. С. 462.

²Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин. // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 65.

³Рыжкова–Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012. С. 15.

и исчезновений их с лица земли, отделённых от нас веками и тысячелетиями»¹.

Жанровая система поэта. Н.И. Тряпкин приходит в литературу в период, когда в русской поэзии происходят активные жанровые процессы: диффузия и изменение границ традиционных жанров соседствует с новым жанрообразованием, «реставрация» канонических жанровых моделей – с открытием новых возможностей междошового и межвидового синтеза. Возникают новые темы, новые формы субъективной организации стиха. Усложняются поэтическая картина мира, способы лирической рефлексии, структура лирического сознания. «Жизнь жанра» в сознании Н.И. Тряпкина несомненна, о чем свидетельствует его творчество, разнообразное в жанровом отношении и вместе с тем постоянное в приверженности к устоявшимся жанровым канонам и формам.

Проблема особенностей жанровой системы лирики Н.И. Тряпкина остается до сих пор неизученной. У поэта не каждое стихотворение имеет жанровое обозначение. Н.И. Тряпкиным написано 47 песен и одно «Подражание песне» (1942), восемь текстов, названных поэтом песенками, 26 текстов, названных стихами («Стихи о собачьем наследии», 1961–1973; «Стихи о Николае Клюеве», 1973; «Стихи о Федоре Панферове», 1979; «Стихи о моих бабках», 1982; «Стихи о Павле Антокольском», 1994 и др.), девять стихотворений, жанровая характеристика которых отсылает к жанрам русского фольклора («Сказ», 1947; «Заздравная», 1967; «Каляда-маляда», 1967; «Считалка», 1971; «Сказка», 1972; «Частушка», 1978; «Детская скороговорка», 1981; «Веснянка», 1982; «Речитатив», 1982), пять од («Две романтические оды», 1961; «Ода к морю», 1981; «Ода к России», 1982; «Романтическая ода», 1987; «Торжественная первомайская ода, 1993). Ряд стихотворений перекликается с жанрами древнерусской литературы: пять притч («Зимняя

¹ Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. - М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып 1. С.77.

притча, 1962; «Притча о судьбе Трофиме», 1962; «Притча о Ваньке-однолишнике», 1968; «Старинная притча, 1979; «Притча для себя, 1987), две легенды (1953, 1980), «Сказание о холме Галаадском» (1982). Помимо этого Тряпкиным написано четыре стихотворения, названные поэтом разговором («Разговор одного читателя со мной, 1956; «Разговор по душам», 1962; «Разговор у сибирского закрома», 1965; «Разговор игрушечьего мастера со своими изделиями, 1971), три стихотворения, названные рассказами («Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную (из хроники моего детства), 1963; «Рассказ про одну игру», 1969; «Рассказ про одну посевную», 1971), стансы (1962, 1965, 1970), два романса (1980, 1981), две баллады («Баллада с философией, 1954; «Черная баллада», 1957), две истории (1948, 1973), два гимна (1946, 1957), два письма (1953, 1972), послания («Послание старому приятелю, 1973; «Послание Марку Соболю», 1993 и др.), рапсодии (1987, 1996), тост (1946), завещание (1959), реквием (1962), дума (1966), марш («Марш веселой кавалерии», 1966), заповедь (1970), предание (1973), триптих (1977), завет (1978), слово («Слово о мешках», 1971), сонет о весне (1987), элегия («Две элегии», 1960), письма («Два письма» 1960; «Два посвящения, 1962–1982), ряд поэтических циклов («Стансы», 1970; «Стихи о собачьем наследии», 1961–1973; «Стихи о марсианах», 1977–1981; «Из семейной хроники», 1982; «Стихи о печенегах», 1982; «Стихи о 1921-м годе», 1982; «Подражания Экклезиасту», 1982; «Стихи о героях, 1982; «Стихи о кастальском источнике», 1982; «Стихи о мазуриках», 1982), поэма «Гнездо моих отцов», 1965. Есть тексты, которые следует рассмотреть как жанровые новообразования поэта («Запев», 1940, посвященный русским гармонистам; «Резюме», 1961; «Весенняя прибаска», 1962; «Посиделки», 1966; «Прибаски», 1972–1977; «Автопародия», 1982; «Обращение неопита к народу у дверей первого христианского храма», 1982). Бóльшая часть стихотворений поэта – это лирические стихотворения.

Время становления творческого метода поэта совпадает с постижением традиционной пейзажной лирики. На раннем этапе поэта интересует и мир природы, и вживание, погружение лирического героя в бытие. Ранние произведения Н.И. Тряпкина можно назвать «пейзажными» стихотворениями. В это время поэт тяготел к романтическому восприятию, что позволяет говорить о своеобразии и избирательности мышления художника, это «элегичности». Воспоминание в элегиях Тряпкина связывает прошлое с настоящим:

Где ты, мой друг незабываемый?
 Где ты, мой голос речной?..
 Снится мне берег размытый,
 Помнится колос ночной. <...>
 Где-то пробрезжит долина,
 Утро в цветах луговых...
 Где ж ты, мой зов лебединый,
 В небе созвездий каких?¹

«Где ты, мой друг незабываемый» (1942).

На протяжении всего творческого пути Н.И. Тряпкин обращается к жанру песни. Песенную традицию поэт ведет от творчества А.В. Кольцова, И.С. Никитина, а также от произведений устного народного творчества. Указание на жанр в некоторых лирических произведениях сообщает установку на восприятие своеобразия текста, осмысляемого на фоне традиции:

Как на улице березка вырастала, вырастала,
 А по улице лебедка проплывала, проплывала.
 Проплывала свет Алена, проходила, проходила
 И по кругу эту песню проносила, проносила.
 Ой, свалилась те березка под грозою, под грозою!
 И осталась наша младость под золою, под золою.

¹ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 13.

И снега уже над нами прошумели, прошумели.

И все песни мы, Алена, перепели, перепели¹.

«Как на улице березка вырастала, вырастала» (1968).

В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина появление жанра песни обусловлено, в первую очередь, мировоззрением художника. Через песню он ощущал кровное родство с предками. О песне как явлении в творчестве поэта сказано довольно много. «Поражает количество стихотворений, где стих называется песней, то ли в названии, подзаголовке, то ли в самом тексте; но поражает и песенность – подлинная песенная музыкальность лада, строя всей тряпкинской поэзии. А подобно тому как настоящий песенно-фольклорный спектр у нас очень широк, от былин, плачей и сказов – до романсов и современных частушек, – так широк и "песенный" диапазон Н.И. Тряпкина»². Ю. Иванов считает, что для поэта слова «стих» и «песня» являются синонимами³. В.А.Редькин отмечает, что в образной системе Н.И. Тряпкина опирается на поэтику лирической народной песни⁴. Ил. Саап в рецензии на поэтический сборник Н.И. Тряпкина «Летела гагара» отмечает, что «русская раздольная песня – самая близкая родственница его стихов»⁵.

Проанализировав творчество Н.И. Тряпкина, можно прийти к выводу, что обращение к жанру песни свойственно поэту на протяжении всего творческого пути. Основная часть «Песен» Н.И. Тряпкиным была написана в 60–70 гг. В стихах указанных лет поэт предстает уже зрелым мастером, перед которым стояла задача – добиться синтеза двух традиций в пределах одного текста, воплотить фольклорную интонацию в материальной структуре стиха.

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 548.

² Псурцев Д. В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013).

³Иванов Ю. Песенная доля // Наш современник. 1975. № 11. С. 189.

⁴ Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник ТвГУ.2011 № 18. Вып 3. С. 56.

⁵ Саап И. Николай Тряпкин. Летела гагара // Октябрь. 1968. № 1. С. 218.

Песенная лирика достаточно разнообразна с точки зрения сюжетов, мотивов, образов, ритмикообразующих элементов, которые эволюционируют вместе в авторском восприятии и осмыслением мира (от простого к сложному). Она обогащается признаками других жанров, в частности, балладными элементами («Песня, 1975; «Песнь о российском храме», 1982; «Песнь о лучшей собаке», 1982; «Песнь о великом походе», 1993; «Песня о фонаре “Летучая мышь”», 1993).

В жанровой системе лирики Н.И. Тряпкина песня образует свою подсистему, в которой можно выявить отношения иерархичности, превалирования и взаимопроникновения. Классифицирующими признаками выступают родовидовой, тематический (содержательный), исторический (учитывается происхождение), структурный (формальный), функциональный. На основе перечисленных признаков в поэзии художника вычленяются такие жанровые разновидности, как исторические («Песня казачьей дивизии 1943 года», 1944; «Песня о безногом солдате», 1957), лирические («Летела гагара», 1955; «А хмелинушка вьется», 1968; «Песня» (1973, 1979, 1982), «Ах, речка моя! Ах, лодка моя!», 1984), лиро-драматические (сюжетно-ролевые, песни-монологи и диалоги: «Песня о деревенском кляузнике», 1962; «Песня о веселом заморозке», 1962; «Песня о деревне Белавенки», 1966; «Что за купчики проезжали...», 1968; «Песня сборщиков посуды», 1969; «Песнь песней», 1970–1973; «Песня про Ваньку-водовоза», 1970; «Песня» (1958, 1965, 1967, 1978), «А куда же ты, девка?», 1982; «Песнь о лучшей собаке», 1982), песни, в которых отражена общественная и государственная жизнь («Песнь о хлебе», 1948; «Песнь о зеленых ростках», 1949; «Песня о красных звездоходах», 1957; «Песнь о красных чайках», 1961; «Песнь о великом нересте, 1970; «Песня о пустых небоскребах», 1972; «Песнь о российском возрождении, 1995).

«Жанр, как определил его в свое время М.М. Бахтин, это "типическая форма целого...высказывания"; у каждого жанра лирики – своя эмоциональная концепция бытия, свой "настроенческий" тон. Один и тот же

факт жизни, преломленный в разных жанрах, может, как известно, предстать и как печальный, и как смешной, и как трагический; может оказаться поводом и для иронии, и для философских раздумий ¹, – пишет А. Н. Архангельский. Этим и пользуется поэт в ряде своих стихотворений. Так, в стихотворении «Ягодиночка» (1957) объединяются два жанра: лирическая песня и частушка. Чтобы показать развитие душевного состояния героини, поэт сталкивает несовместимые жанровые традиции, и в этом столкновении рождается третий жанр, но уже сложный, литературный, способный выразить многообразие жизни.

Была свойственна Н.И. Тряпкину и стилизация текстов под народные песни, бóльшая часть из которых написана поэтом в 50–60-е гг. («Запев», 1940; «Я спешил к девчоночке», 1952; «Не метель, а помело», 1955; «Ягодиночка», 1956; «Не говори, моя голубка», 1958; «Зацвела ромашка», 1962; «Завивайся, березка», 1963; «Как у тех у ворот столько всяких бород!», 1966; «Комарики-мухи», 1966; «Меня били-колотили...», 1966; Ходит ветер в чистом поле, 1966; «Что ж ты, ива, что ж ты, ивушка!», 1966; «Каляда-маляда...», 1967). Стихотворение «Серьгов день» (1993) – это удачная попытка поэта в плане имитации народных размеров. Даже в том случае, если указанные тексты рассматривать как произведения стилизованные, они обладают всеми особенностями национального фольклора, на что указывает содержание, композиционно-стилистическое построение, выразительные средства устоявшейся песенной поэтики:

Что бы ни случилось –
 А я тут ни при чем.
 Зацвела ромашка
 Над синим ручьем,
 Белая ромашка
 Над синим ручьем.
 Вот какое дело.

¹Архангельский А. Н. На песенном истоке // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 52.

А я тут ни причем.

Желтенькие лютики –
Весенние цветки –
Смотрят на беляночку,
Привстали на дыбки.

Вот такая песня,

Вот она о чем:

Зацвела ромашка
Над синим ручьем.
Дождик, дождик шустрый –
Прямо на откос,
Увидал беляночку:
«Завтра сенокос!»

Вот такая вскинулась

Радуга-дуга!

Прискакало лето

Да к нам на луга¹.

«Что бы ни случилось...» (1962).

Использование фольклорного материала в стихах Н.И. Тряпкина характеризуется то внешней текстовой невыявленностью фольклорного влияния (например, в стихотворениях «Сказ», 1947; «За морошкой, за черникой», 1957; «За полночь беседа шла, шла, шла...», 1968; «Заклятье», 1966; «Комарики-мухи...» 1966; «Песня про Ваньку-водовоза»; 1970), то очевидной близостью произведений поэта к фольклорным источникам (в стихотворениях «Запев», 1940; «Не метель, а помело», 1955; «Исцеление Муромца», 1958; «Речитатив», 1982; «Не весна ль тому виновница»; 1957, «Песня», 1970; «Песни мои», 1980). Порой почти невозможно разграничить воздействие на Н.И. Тряпкина именно фольклора и широкой разговорно-бытовой стихии. Связь с ними как бы спонтанно обнаруживает себя – и часто только в отдельных словах и оборотах.

¹Тряпкин Н. И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 105.

С песенным словом в творчестве Н.И. Тряпкина хорошо уживается и сказовая традиция, в таких стихах как «Сказ» (1947), «Степан» (1966), «Песнь о хождении в край Палестинский» (1973), «Рассказ про одно странствие» (1982), «Сказание о холме Галаадском» (1982) и др., начиная с 60-х гг. Н.И. Тряпкин начинает тяготеть к сближению лирического повествования с литературной традицией поэтического рассказа («Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную (из хроники моего детства), 1963; «Рассказ про одну игру» 1969; «Рассказ про одну посевную», 1971).

Доминирование жанра песни и генетически связанной с ней балладой в это время можно объяснить повышенным интересом писателя к отечественной истории и народному характеру.

«Баллада занимает особое положение, стоя на грани между эпосом и лирикой и синтезируя в себе повествовательное и лирическое начало. Баллада чаще всего определяется как краткий стихотворный пересказ, повествующий о каких-либо исторических и религиозных событиях»¹. «К числу значительных успехов Н.И. Тряпкина следует отнести его баллады, особенно "Забытые вехи, заглохшие дали...". Известно, что в русской балладе издавна культивировалась сюжетность, а лирическое начало жанра оставалось в тени. В балладах Н.И. Тряпкина господствует лиризм, воссоздана атмосфера русской былинной древности, сюжетная же их основа растворена в пафосе, дана лишь фоном»². Также балладам поэта свойственны такие черты, как философичность, социальная злободневность. В «Балладе с философией» (1954) поэт совмещает историко-философскую проблематику с психологическим и религиозным планом. В «Черной балладе» (1957) поэт не просто пересказывает содержание «народных» произведений, но и вводит современный

¹ Иншакова Ю.Г. Жанровая система поэзии И.А. Бунина: дисс... канд. филол. наук. Елец, 2005. С. 165.

² Архангельский А. Н. На песенном истоке // Литературное обозрение. 1984. № 6. С.52.

философский или психологический подтекст. Это произведение раскрывает противостояние светлого и темного в русском человеке.

Психологизация лирики, – отмечал один из ведущих исследователей литературного процесса эпохи Л.К. Долгополов, – оказалась общим процессом, одинаково свойственным всем ее направлениям, хотя по-разному проявлявший себя Лирический герой получает черты личности, формирующейся в процессе становления, а в его сознании «оформляется специальная и важная проблема – проблема пути, реализуемая в стихах как идея судьбы, соотносимой с историческим временем¹. Указанные процессы в полной мере отразились и на судьбе одного из ведущих жанров русской лирической поэзии – элегии.

Элегизм художественного мышления не был присущ Н.И. Тряпкину изначально. В творчестве поэта стихотворения-элегии появляются в 1960 году («Две элегии»). В сборнике поэта «Заповедь» (1976) стихотворение «Как эта стая молодых скворцов...» (1957) называется «Элегии старому пепелищу».

Такая важная тема, как тема взаимосвязи жизни и смерти, бесконечной повторяемости природного круговорота, в котором жизнь сменяется смертью, звучит в стихотворении 1957 года, эпиграфом к которому стали строки из поэзии Н.А. Некрасова. В нем угадываются мотивы традиционной «унылой», «кладбищенской» элегии:

Да будет так, чтобы за вихрем лет
Мой сын пришел к родительскому крову
И там старинный встретил бы привет,
А не бугор с кусточком вересковым.
Да будет так за бурным вихрем лет!²

«Элегии старому пепелищу» (1976).

¹ Долгополов Л.К. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX в. – начала XX. Л.: Совет писатель. 1977. С. 108, 114.

² Тряпкин Н.И. Заповедь. М.: Современник, 1976. С. 236.

В элегии 1960 года развитие получили «индивидуальные» варианты этого жанра – модификации жанровых разновидностей (унылая, романтическая, пейзажная, усадебная):

И снова с чем-то расставаться жаль,
И все о чем-то хочется поплакать...
И ты опять звенишь, моя печаль, –
Осенняя тоскующая птаха¹.

«Две элегии» (1960).

Следует отметить, что элегический элемент присутствует в той или иной степени во многих произведениях поэта независимо от их жанровой принадлежности, а элегическая тональность является доминирующим эмоциональным фоном части его стихотворений («Август», 1946; «Дожди», 1957; «Море», 1961; «И вновь кладбище. Сосны и трава», 1962; «За грохот скал...», 1965; «Все-то ближе да ближе», 1970). Для поздних произведений Н.И. Тряпкина будет характерен вариант философской элегии («Пускай страдал я в том глухом поселке», 1981; «Первое воспоминание», 1982; «Речки, стога, молодые раakitники», 1993; «За колчами окрестных дорог», 1994). В то же время необходимо подчеркнуть, что элегия не представляет собой один из наиболее важных жанров в поэзии Н.И. Тряпкина. Можно сказать больше: элегизм не является системообразующим фактором всей жанровой системы поэта.

К элегиям примыкает и стихотворение Н.И. Тряпкина «Дума» (1966). В отечественной поэтической традиции «дума» воспринималась как синоним или разновидность элегии². Ведущей в этом произведении выступает тема быстротечности земного пути человека. В этом стихотворении медитативное начало переплетается с описательным, философское – с пейзажным:

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 184.

² Петрова М.А. Классические жанровые формы и их художественные модификации в лирике С.А.Есенина: дисс... канд. филол. наук. М. 2013. С. 37.

За каждый вздох земного пребывания,
 За все, что с нами,
 Я заплачу' безмерным прозябаньем
 В загробном хламе, –
 Среди костей и прочего такого
 Да в том закуте...
 И не припомню, как мычит корова
 И кричат ути¹.

Одним из источников жанровой системы Н.И. Тряпкина стала традиция жанра оды. Общеизвестно, что ода с XVIII века бытовала в русской литературе как высокий жанр. В некоторых случаях Тряпкин использует в своей поэтической речи слово «песнь» именно как синоним возвышенной, торжественной речи – именно в тех смысловых границах, которые в самых ранних российских поэтиках ассоциировались с понятием «ода», что сближает творчество Тряпкина с одической традицией С.А. Есенина².

И ода, как высокая жанровая форма, и «песнь» получают в его творчестве самостоятельное развитие. В ряде стихотворений она станет авторской номинацией лиро-эпического повествования на историческую тему («Песнь о красных чайках», 1961; «Песнь о великом походе», 1993; «Песнь о российском возрождении», 1995), в отдельных случаях – названием лирико-повествовательных произведений трагического звучания («Песнь о российском храме», 1982; «Песнь о лучшей собаке», 1982) и лирико-философских произведений («Песнь о зеленых ростках», 1949; «Песнь о великом нересте», 1970).

Анализ творчества Н.И. Тряпкина в контексте одической традиции позволяет сделать вывод, что в структуре его произведений можно

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 311.

² Петрова М.А. Классические жанровые формы и их художественные модификации в лирике С.А.Есенина: дисс... канд. филол. наук. М. 2013. С. 85.

Интерес Н.И. Тряпкина к одической традиции не случайно возрос именно в тот период, когда в жизни страны происходили события, кардинально менявшие сам уклад жизни события. Классическая русская ода, прежде всего, ода торжественная, создавалась по случаю событий, имевших общегосударственное значение. Поэтому вполне закономерно, что Н.И. Тряпкин откликнулся на события революции и Гражданской войны созданием торжественно, «одически» звучащих романтических произведений.

Рассматривая поэзию Н.И. Тряпкина, следует говорить уже не столько об одическом жанре, сколько об одическом пафосе, одической торжественности, поскольку в его творческом наследии не прослеживаются попытки возрождения жанровой традиции оды в том виде, в котором она существовала в период своего расцвета. Проанализированные произведения предлагается рассматривать в русле «одической» традиции как явление риторической лирики.

Жанр послания является одним из ведущих в русской классической поэзии. М.Л. Гаспаров рассматривает его как литературное письмо. В качестве важнейшего формального признака послания ученый называет «наличие обращения к конкретному адресату и соответственно такие мотивы, как просьбы, пожелания и пр.»¹. Л.Г. Кихней считает, что послание – стихотворное произведение, рассчитанное на вполне определенного реального адресата (единичного или собирательного), обозначенного в самом тексте стихотворения, имеющее в качестве целевой установки «собеседование» с адресатом на ту или иную актуальную для автора тему (предметом разговора могут быть взаимоотношения корреспондентов, их жизненные и творческие взгляды, философские,

¹ Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1968 . Т. 5. Стб. 905.

эстетические, общественно-политические проблемы)¹. М.А. Петрова рассматривает письмо как жанровую модификацию послания². Приведенные определения дают право к жанру послания отнести следующие тексты поэта: «Другу» (1952), «Друзьям (1956), «Дорогой мой охотник, седой Еркимен!» (1958), «Деду» (1961, 1962), «Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970), «Амур» (1978), «Старый год, надень парик» (1978), «Дорогой товарищ мой!» (1979), «Вспомним заповедь поэта» (1982), «Не искал ты, Никита, муравскую землю» (1982), «Ты прости меня, дед» (1993), «Друг ты мой милый, Володя Семакин!» (1995), «И текут, и бегут времена» (1995). Главный отличительный признак послания – наличие адресата, который может быть обозначен как прямо («Послание старому приятелю, 1973; «Послание Марку Соболю», 1993), так и косвенно, на что указывают эпиграфы стихотворений: «Друзьям» (1956, Г. Горностаеву), «Амур» (1978, Ивану Ботвинникову), «Вспомним заповедь поэта», (1982, другу стихотворцу), «И текут, и бегут времена» (1995, Вадиму Кожинову).

В основную проблематику творчества Н.И. Тряпкина вписывалась и эпистолярная форма жанра послания которая предоставляла возможность более многогранной и емкой художественной реализации темы родины, родного дома, близких людей, привнося в нее необходимую социально-бытовую конкретику, психологический элемент, жизненно правдоподобные реалии. Наличие двух «персонажных» и «пространственных» зон – адресата и адресанта, обусловленное самой природой эпистолярного жанра, позволило ярче раскрыть драматизм – взаимоотношений России и Востока («Письмо в Японию», 1972), тоску урбанизированной личности по притягательному своей простотой, человечностью патриархальному миру («Письмо», 1953).

¹ Кихней Л.Г. Стихотворное послание в русской поэзии начала XX века (развитие жанра в символистской и пролетарской поэзии): дисс. канд. филол. наук. М.1985. С. 19.

² Петрова М.А. Классические жанровые формы и их художественные модификации в лирике С.А.Есенина: дисс... канд. филол. наук. М. 2013. С. 128.

В эпистолярной лирике Н.И. Тряпкина встречаются разные типы адресата: индивидуально-конкретный (Володя Семакин, Марк Соболев, Вадим Кожин), обобщенно-собираемый («Другу», 1952; «Друзьям», 1956; «Вспомним заповедь поэта», 1982), условный («Послание старому приятелю», 1973). Неоднозначны тряпкинские послания и по функциональному назначению. Одни из них служат средством литературной полемики («Послание старому приятелю», 1973), выявления эстетических позиций в творческом соперничестве и самоутверждении другие представляют собой попытку объяснить, выяснить отношения с адресатом с точки зрения различных жизненных установок («Амур», 1978; «Друг ты мой милый, Володя Семакин!», 1995), найти взаимопонимание, поделиться пережитым, заверить в незыбленности родственных чувств, убедить или разубедить в чем-либо («Дорогой товарищ мой!», 1979; «И текут, и бегут времена», 1995).

Стихотворные письма Н.И. Тряпкина содержат в себе целый спектр жанровых реализаций: они могут рассматриваться как явление не только эпистолярной поэзии, но и так называемой «персонажной лирики» (термин Г.Н. Поспелова), ведь в письмах к родным и близким воссозданы психологически достоверные крестьянские характеры, детали быта. Эпистолярные произведения Н.И. Тряпкина могут соединяться с лирической исповедью, бытовыми и пейзажными зарисовками, сочетать лирические и эпико-повествовательные элементы:

И текут, и бегут времена,
 Стародавний дружище.
 И почти уж совсем не нужна
 Стариковская пища.
 Закрываюсь в глухой закуток,
 И вздыхаю несмело,
 И сажусь, брат, сверчком на шесток
 За сверчковое дело.

Только слышу, как бьется в окне
 Заплутавшая вьюга.
 Только ты помолишь в тишине
 За пропавшего друга¹.

«И текут, и бегут времена» (1993).

Цитата приведена из стихотворения, посвященного Вадиму Кожинову и являющегося примером поэтического послания Н.И. Тряпкина литературным современникам. Активная включенность Н.И. Тряпкина в литературное движение своей эпохи обусловила широкий круг его литературно-творческих связей и контактов – и как следствие – появление в его жанровом арсенале такого варианта эпистолярной формы, как послание литературным современникам, для которого характерен выход за рамки сугубо личной проблематики в сферу общих с адресатом творческих интересов, обсуждение проблем искусства, роли поэта в обществе:

Дружище Марк! Не упрекай меня,
 Что я стучусь в твое уединенье.
 Давай-ка вновь присядем у огня,
 Что мы когда-то звали вдохновеньем.
 Скорблю, старик, что наш XX век
 Столь оказался и сварлив, и смраден.
 Задели гной – и вот уж сам генсек
 Прополз по миру – гадина из гадин <...>
 Дружище Марк! А ты совсем не зверь,
 Да ведь и я люблю тебя доселе.
 Давай-ка, брат, сойдемся и теперь
 И вновь по чарке тянемся в Цэдээле.
 Для нас ли дым взаимной чепухи?
 Поверь-ка слову друга и поэта:
 Я заложил бы все свои стихи

¹ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 271.

За первый стих из Нового Завета...
 Скорблю, старик, что наш XX век
 Столь оказался и сварлив, и смраден.
 Хвала творцу! Хоть ты-то не генсек –
 И нынче мне особенно отраден.
 А посему – не упрекай меня,
 Что вот стучусь в твое уединенье.
 Давай-ка вновь присядем у огня,
 Что мы когда-то звали вдохновеньем¹.

«Послание Марку Соболю» (1993).

Литературные послания Н.И. Тряпкина позволяют говорить о них как о важных элементах формировавшейся на протяжении всей жизни эстетической платформы поэта. Литературные послания Н.И. Тряпкина поэтам-современникам носят, как правило, характер своеобразной творческой декларации, выявляют его собственные взгляды на искусство слова, его приверженность классическим образцам, а в отдельных случаях – объявляют причины творческих расхождений поэта с собратьями по перу. При этом они сохраняют в себе все определяющие свойства тряпкинской лирики – душевную открытость и прямоту, эмоциональную экспрессию, исповедальную искренность, диалогическую направленность – и тем самым воспринимается как неотъемлемая, органическая часть поэтической биографии Н.И. Тряпкина.

В поэзии Н.И. Тряпкина послание обретает ярко выраженные национальные черты, выявляя богатейшие ресурсы русской речи, в том числе в ее разговорной, просторечной разновидности.

Дорогой товарищ мой!
 Ой-ёй-ёй!
 Что ж ты делаешь, злодей,
 Ей-же-ей!
 Что за вид, что за взгляд!
 Просто – ад.
 Нам бы гребень петуха,
 Ха-ха-ха!

¹ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 275.

Проклинаю себя, что не смог умереть,
 Что не смог умереть за Отчизну свою.
 Был я молод, здоров, а решил постареть
 За игрой этих струн – и не сгинул в бою.
 Проклинаю себя¹.

«Ты прости меня, дед...» (1993).

И еще важное наблюдение: письма деду, старшему члену семьи, отличаются соблюдением этикетных норм народной эпистолярной традиции, особенно ярко проявляющихся в приветствиях и благопожеланиях, в обстоятельной детализации расспросов о жизни родных и откровенного рассказа о собственной жизни в уважительно-любовной форме обращений к адресатам. Данная эпистолярная модификация напоминает в большей степени письмо-разговор.

Тематически связано с рассматриваемой группой произведений стихотворение-послание, адресованное сестре поэта («В гостях», 1961).

В доле трудной и ненастной
 Ты всегда ко мне добра.
 Вот опять кричишь ты «здравствуй!»,
 Вот я снова тут, сестра.
 Посидим на той колоде,
 Где вовсю репей зацвел.
 Тут весной о третьем годе
 Я тебе корзинки плел <...>
 Пережили – с плеч гора.
 Значит, не опасно...
 Ну, к столу зови, сестра.
 Да садись – и хвастай²

В отличие от произведений, адресованных старшим и родным, в которых значимы исповедальные мотивы, в стихотворении появляются мотивы праздника, летней природы, деревенских забот.

¹ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 268.

² Тряпкин Н. И. Скрип моей колыбели. М.: Советский писатель, 1978. С. 30.

В своих письмах к родным поэт привносит в каноническую форму послания следующие элементы: задушевность беседы с родными, теплоту лирического воспоминания. В результате его лирический эпистолярный предстает перед читателем как своего рода полифония родственных голосов.

Уже раннее творчество Н.И. Тряпкина отсылает к пониманию сложных жанровых процессов, происходивших во второй половине XX века. Тенденция к жанровому синтезу дополняется у поэта созданием произведений с выраженной цикличной «спаянностью» («Стансы», 1970; «Стихи о собачьем наследии», 1961–1973; «Стихи о марсианах», 1977–1981; «Из семейной хроники», 1982; «Стихи о печенеггах», 1982; «Стихи о 1921-м годе», 1982; «Подражания Экклезиасту», 1982; «Стихи о героях», 1982; «Стихи о кастальском источнике», 1982; «Стихи о мазуриках», 1982). Вместе с тем, ряд поэтических циклов Н.И. Тряпкина поражает «рыхлостью» своей структуры. Чаще всего в поэзии Н.И. Тряпкина стихотворения объединялись в циклы на основе тематического единства.

Жанровая форма помогала поэту осознать свою причастность к литературному процессу, через жанровые границы поэт постигал совершенство стиха («Подражание Бальмонту», 1982). «Категория жанра была для поэта одной из устойчивых матриц, позволяющих продолжить "жизнь своих предшественников"»¹ Стихотворения на случай («Редактору моей книги по выходе оной из печати», 1962; «Где-то там, в полночном свеченье», 1977; «Автограф», 1981; «Автопародия», 1982; «Грядущие сородичи мои», 1983; «Семьдесят лет, 1984) соотносимы с традиционными понятиями мадригала, эпитафии, также являются данью поэтической традиции. Стихотворения Н.И. Тряпкина, названные поэтом маршем, сонетом, рапсодией, триптихом, завещанием, реквиемом, свидетельствуют о жанровой полисемии в творчестве поэта.

¹ Иншакова Ю.Г. Жанровая система поэзии И.А. Бунина: дисс... канд. филол. наук. Елец, 2005. с. 91.

Поэма «Гнездо моих отцов» (1965) носит автобиографический характер (автор рассказывает о раскулачивании своей семьи в 30-е гг.). На примере судьбы своих родных поэт сумел широко, масштабно показать жизнь народа, пережившего страшную ломку крестьянского уклада. Данное начало определяется повествованием о человеческих судьбах в переломный период истории, поэтому поэму следует отнести к сюжетно-повествовательным произведениям. Также следует подчеркнуть, что в данном произведении поэт следует поэтической традиции А.Т. Твардовского (свой поэтический спор с героем поэмы А. Т. Твардовского «Страна Муравия»).

Мифологизм художественного мышления. Литература XX века реконструирует мифологическое сознание, не столь существенными являются культовый характер мифа и его сакральность, следовательно, граница между мифом и сказкой в литературном произведении становится зыбкой. Неразделенность мифа и сказки в ряде стихотворений Н.И. Тряпкина намеренная, осознанная. По мнению С.Ю. Николаевой, сущность всей творческой работы Н.И. Тряпкина можно охарактеризовать как поэтическую реконструкцию мифа¹. Если миф – инструмент онтологический, то сказка не уступает ему в своих возможностях. Точно так же, как миф моделирует предметный мир, сказка строит определенную этическую систему. Монументальность мифа, идея первотворчества, заключенная в мифологической реальности, привлекает поэта в переломную историческую эпоху. Построение нового мира, с точки зрения поэта, возможно на основе творческого усвоения богатого нравственного опыта нации, живущего в фольклоре: «И ребенку, что дремлет в красивой коляске, / Мы давно уж кладем портативные сказки – / Заводное «баю» в

¹Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина. // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 112.

говорящей коробке. / И везем по лесной предначертанной тропке»¹ («Радиолы», 1965). Тряпкиным найден путь: не сказку сделать былью, а одухотворить мечтой повседневное, «пустить поэзию в жизнь».

5. Фольклоризм, народность поэтического творчества. Сам поэт писал о своем восприятии народного творчества: «Никаким фольклором я специально не занимался. Распевный склад моих стихотворений является результатом моего крестьянского происхождения»².

В эстетическом единстве с природой воспринимается Н.И. Тряпкиным и устная поэзия. Об этом писал И. Панкеев: «Поэт народной поэтической школы, он умеет быть простым и сложным, "городским" и "деревенским", публицистом и бытописателем. Здесь очень важно это определение – "народной поэтической школы", ибо поэтика Н.И. Тряпкина, оставаясь современной, корнями уходит в фольклор, в историю, а именно в народное творчество – частушку, песню, басню»³.

Изучая отношение Н.И. Тряпкина к фольклору, необходимо рассмотреть, как фольклорная традиция в лирике поэта взаимодействует со всеми остальными творческими факторами. Известно, что Тряпкин как поэт вышел из традиций мировой культуры, усвоил достижения античного мира, западноевропейской литературы, опыт русских писателей XIX–XX веков. Обращение к фольклору ни в коей мере не противоречит этой универсальности поэта. Но даже если ограничиться изучением отношения Тряпкина только к народной культуре русского народа, то в этом случае надо принимать во внимание совместное действие разных традиций – литературных и фольклорных. Для изучения творчества любого автора, связанного с народно-поэтической традицией, важно раздвигать границы, в которых изучаются фольклорные заимствования, получая тем самым возможность понять природу того, что называется фольклоризмом

¹Тряпкин Н. И. Златоуст. М.: Худ. лит., 1971. С. 168.

²Тряпкин Н. И. О себе // Н. И. Тряпкин: стихотворения. М.: Худож. лит., 1989.

³Панкеев И. «А мне еще петь» // Литературная Россия. 1998. 12 декабря. С. 13.

литературного стиля писателя. Фольклор, соединившись с авторским замыслом, становится его частью, несмотря на то, что фольклорный текст почти никогда не остается без авторской переработки, иногда весьма существенной.

И.Н. Кошелева, анализируя лирику Н.И. Тряпкина с точки зрения способов реализации фольклорной цитаты в тексте, считает, что в текстах, трансформирующих фольклорную традицию, авторская воля проявляется в столкновении фольклорной и литературной художественных систем, внося в текст динамический элемент. При характеристике способов реализации фольклорной цитаты в стихотворном тексте Н.И. Тряпкина исследовательница отмечает, что во всех стихотворениях, не стилизирующих, а моделирующих художественный мир поэта на основе мира фольклорного текста, обязательно имеет место «выход» из фольклорного пространственно-временного континуума¹.

Важной частью формирования художественного мира поэта является проблема историзма его художественного мышления. Историзм в литературе и как методологический принцип исходит из идеи преемственности, необходимости рассмотрения и изображения каждого явления действительности как части общего исторического процесса². Проблема историзма приобретает сложность, когда дело касается художественного мышления, воплощенного в литературе. «Историзм предполагает понимание исторической изменчивости действительности, поступательного хода развития общественного уклада, причинной обусловленности в смене общественных форм»³. Определение, данное Б.В. Томашевским, выдвигает на первый план связь историзма с такими

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: способы реализации фольклорной цитаты в тексте : автореф. канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 8.

²Агранович С. З., Расовская Л. П. Историзм Пушкина и поэтика фольклора. Саратов, 1989. С. 7.

³Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2: материалы к монографии (1824–1837). М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 155.

понятиями, как реализм и народность. Так проблема историзма творчества Н.И. Тряпкина – это проблема возможностей его реализма и своеобразия его художественной системы.

6. Древнерусские мотивы. Н.И. Тряпкин относился к древнерусской литературе как к целостному художественному явлению. Сюжеты и образы, выразительные средства древнерусской культуры получили своё отражение в ряде стихотворений поэта.

7. Эстетика. Увлеченность Н.И. Тряпкина эстетикой крестьянского быта проистекает от фольклорной традиции. Тряпкин крепко связан с родным краем, не теряет ощущения малой родины и большой Родины. Несмотря на пристрастие к широким сказочно-романтическим обобщениям, Н.И. Тряпкин во многих стихах остается диалектиком – постоянное ощущение родной земли, биография, опыт труженика привязывают его к повседневной действительности.

8. Библейское начало. В своих стихотворениях, написанных на библейские сюжеты, поэт предупреждает современников и потомков о катастрофических последствиях безверия. И в его лирике, особенно в его поздних стихотворениях, более отчетливо видны мотивы «стояния» (свеча, храм, святые), творчество Н.И. Тряпкина проникнуто духом смирения и просветленности. Надежда на духовное возрождение семьи, страны, человечества остается, и связана она с библейской традицией.

9. Тематика, проблематика произведений поэта. Уже в ранней лирике поэт заявляет основные темы творчества (тема «малой» родины, России, природы, деревни, городской жизни, тема противопоставления жизни сельской и городской ¹), появляется любовная лирика, интерес к истории русского народа. Н.И. Тряпкин пишет о послевоенном восстановлении хозяйства, о мирном времени, последовавшем за Великой Победой. В произведениях появляются былинно-эпические мотивы, «космические» темы и образы, посвященные «космической» теме, научно-техническому

¹ Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № . 9. с. 298.

прогрессу, а также героическим и трагическим судьбам русского крестьянства. Постепенно начинают звучать трагические мотивы, связанные с осмыслением трудных периодов исторического пути России, размышлением над вечными философскими вопросами добра и зла. У Н.И. Тряпкина обостряется национальное самосознание, тревога за судьбу России, Творчество поэта ознаменовано новыми исканиями и успехами: происходят изменения и в тематическом плане – стихотворения посвящены «нашему времени, сложностям нашего современного бытия»¹, в творчестве поэта появляется образ Времени, Памяти, возникают библейские темы и мотивы, на страницах своих произведений Н.И. Тряпкин часто размышляет о жизни, смерти, России.

10. Усвоение традиций классической русской и мировой литературы. В работах, посвященных творчеству Тряпкина, слова «традиция», «поэт традиции», «традиционность» не редкость. Поэт, прежде всего, выделял и воспринимал творчество поэтов сходной направленности и художественной ориентации. Поэзия Некрасова, Кольцова, крестьянских поэтов начала XX века, у которых учился Тряпкин, оказалась близка ему и понятна. Это была поэзия со своими художественными темами и приемами. Поэту – «традиционалисту», в тыняновском, безоценочном понимании этого явления, было присуще и углубленное внимание, тонкое понимание других традиций и направлений в поэзии. Он чтит П.Б. Шелли, Ф. Шиллера, В.А. Жуковского, поэтов Серебряного века (В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока). Следует заметить, что А.А.Блока и Н.И. Тряпкина (а вместе с ними – и Н.А. Некрасова) роднит представление о Родине как о главной человеческой ценности, как о единственной и

¹ Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 23 ед. хр. 1524.

всепроникающей теме творчества, что неоднократно отмечалось исследователями¹.

По мысли О. Панченко, «в отличие от "последнего поэта деревни" С.А. Есенина, которому посвящена не одна строка Н.И. Тряпкина, поэт скорбит не столько по уходящей Руси, сколько по разрушающейся земле и культуре, исчезающей гармоничной жизни природы»². У Н.А. Клюева поэт учился «видеть коренную северную Русь, учился говорить о ней крепко связанным, многоцветным словом»³. Творчеству Н.И. Тряпкина была близка художественная система поэтов «смоленской поэтической школы» (М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова). Так, в сборнике «Распевы» (1958), по мнению В.А. Котельникова, особенно явно выступило важнейшее свойство стиха Тряпкина – напевность. В этом свойстве Н.И. Тряпкин наследует вместе с М.В. Исаковским «песенную долю» русского слова⁴. С творчеством А.Т. Твардовского его сближала так называемая «деревенская тема»⁵, а эстетические взгляды Н.И. Тряпкина и Н.И. Рыленкова были связаны с красотой как поэзией мира, его цвета и очарования – всего того, чьей первоосновой стала природа.

Итак, были выявлены основные аспекты архитектоники художественного мира поэта, в которых поэтические особенности лирического раскрываются наиболее полно. Жанровая система поэзии Н.И. Тряпкина вбирает в себя достижения русской мировой культуры прошлого, трансформируя разные поэтические тенденции. В его творчестве развились и достигли идейно-эстетической зрелости лирическое стихотворение, сонет, ода, послание. Наряду с ними активно

¹ Григоров В. А. Некрасов и Тряпкин (2002) url : [http : // www. obshelit.net/works/575/](http://www.obshelit.net/works/575/). (Дата обращения: 12.09.2012).

² Панченко О. Не изменяя, изменяться // Октябрь. 1990. № 7. С. 202.

³ Котельников В. А. Тряпкин Н. И. // Русские писатели, XX век: библиографический словарь. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1998. С. 462.

⁴ Там же.

⁵ Григоров В. А. Некрасов и Тряпкин (2002) url : [http : // www. obshelit.net/works/575/](http://www.obshelit.net/works/575/). (Дата обращения: 12.09.2012).

функционируют сюжетное стихотворение, лиро-эпическая поэма. Целостный характер его поэзии в известной мере определила ориентация на систему фольклорных жанров.

§ 2. Периодизация творческого пути Н.И. Тряпкина

При исследовании творчества любого поэта актуальным является вопрос о периодизации его творческого пути.

Творческий путь Н.И. Тряпкина достаточно долгий: со второй половины 1940-х годов до 1999 года. В современном литературоведении отсутствует общепринятая научная периодизация творчества этого поэта. При обращении к художественному наследию Тряпкина критики и литературоведы, как правило, пользовались условным обозначением периодов творчества автора, границы которых были весьма размыты. Изучив основные книги, большинство исследователей разделяло фактически все творчество автора на достаточно крупные хронологические отрезки: 1940–1950 гг.; 1960–1970 гг. и 1980–1990 гг.

Попытка наметить этапы творческого развития Н.И. Тряпкина принадлежит Л.В. Рыжковой-Гришиной¹. Однако временные рамки этапов творческого пути конкретно не обозначены. Градация творчества автора на периоды производится по тематическому принципу (тема родины, природы, жизни и смерти, Советского Союза, любви, библейская тема и др.).

С появлением новых книг представление о раннем, зрелом и позднем Н.И. Тряпкине менялось.

Было проанализировано 28 поэтических книг поэта. Материалом исследования стал весь массив лирики Н.И. Тряпкина. Творческое наследие автора составляют около 700 стихотворений.

В процессе работы были выявлены следующие проблемы:

¹Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012.

1. В сборниках «Распевы» (1958), «Краснополье» (1962), «Перекрестки» (1962), «Серебряные пруды» (1966), «Летела гагара» (1967), «Заповедь» (1976), «Излучки» (1987) не поставлены даты написания стихотворений, поэтому год опубликования книги считается и годом сочинения таких стихотворений;

2. Для автора характерно включение текстов, опубликованных ранее, в последующие книги. Так, его некоторые сборники полностью состоят из стихотворений, написанных ранее. Повторяющиеся произведения учитывались один раз. Иногда Н.И. Тряпкин изменяет в своих стихотворениях название и помещает в другие книги. В таких случаях принималась во внимание только первая публикация стихотворения.

3. Если даты того или иного стихотворения в разных сборниках поэта не совпадают, то такое стихотворение классифицировалось по первой (ранней) дате написания стихотворения.

4. Если стихотворение создавалось на протяжении нескольких лет, то такое стихотворение включалось в период, совпадающий с годом окончания написания стихотворения.

В результате исследования творческий путь Н.И. Тряпкина был разделен на шесть периодов. Вот характеристика каждого этапа.

Первый – 1940-е гг. В это десятилетие было написано 74 стихотворения, в которых Н.И. Тряпкин заявляет основные темы творчества (тема «малой» родины, России, природы, деревни, городской жизни, тема противопоставления жизни сельской и городской¹), появляется любовная лирика, интерес к истории русского народа.

Поэт обращается к фольклорным образам и приемам (зачин, запев, сказ, повторение предлога в одном стихотворении, употребление народных междометий). Начинается становление стиля поэта. Во время войны поэт несколько лет жил в эвакуации на Севере, в старинных архангельских селах (Н.И. Тряпкин работал в должности счетовода в колхозах в

¹ Кожинов В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № . 9. с. 298.

Московской и Архангельской областей в 1941–1943 и 1945 гг., сотрудником районных газет – в 1941 и 1947–1948 гг.)¹. Здесь и пробуждается его поэтический дар, поэтому много пишет о Севере, северной природе, людях, населяющих этот край.

Период включает в себя «пробу пера». Ранние стихотворения были переданы поэту П.Г. Антокольскому. Известно, что Н.И. Тряпкин приезжает в Москву в 1945 году, встречается с П.Г. Антокольским и показывает ему свои стихи. Впоследствии в автобиографии Н.И. Тряпкин напишет, что он всегда чувствовал поддержку со стороны П.Г. Антокольского и Ф.И. Парфенова (редактора журнала «Октябрь»): «Неизвестно, как бы могла повернуться вся нетвердая судьба моя, если бы не эти два человека»².

В 1989 году в сборнике «Стихотворения» была опубликована автобиография Н.И. Тряпкина («О себе»). Поэт пишет о том, что в 1939 году он окончил в Лотошине среднюю школу и стал студентом Московского историко-архивного института. Писать стихи начал еще в пятом классе. Подражал он в этих стишках известным стихотворцам: А.А.Жарову, А.И.Безыменскому, М.В. Исаковскому³. Сохранилось письмо, в котором Н.И. Тряпкин просит М.В. Исаковского о встрече⁴. В письме, написанном карандашом, не поставлена дата. Вероятно, будущий поэт хотел и М.В. Исаковскому показать свои стихи. Однако документов, подтверждающих их встречу, нет. Следует отметить и тот факт, что в архиве М.В. Исаковского каких-либо упоминаний о Н.И. Тряпкине нет.

Появление нового поэта в советской поэзии было сразу замечено, и уже во второй половине 40-х гг. на стихи Н.И. Тряпкина было написано 2 рецензии: Н. Кассина (рецензия 1947 года на стихотворения Тряпкина,

¹Тряпкин Николай Иванович, 1918 г. р., поэт // РГАЛИ. ф. 631. оп. 40. ед. хр. 937.

²Тряпкин Н.И. О Себе. // Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. литра, 1989. С. 4.

³Там же.

⁴Тряпкин Н.И. Письмо Исаковскому М.В.// РГАЛИ. ф. 1373 оп. 7 ед. хр. 54.

опубликованные в журнале «Октябрь» в 1947 году)¹ и С. Львова (рецензия 1947 года на сборник стихов молодых поэтов «Молодая Москва», в которой рецензент анализирует и стихи раннего Тряпкина)². Оба рецензента отмечают техническое несовершенство ранних стихотворений Н.И. Тряпкина, некоторую небрежность, порожденную поспешностью или недостаточной строгостью автора к своим стихотворениям.

По мнению С. Львова, поэт, написавший («И любо старику / Забить в стропильный паз / Последнюю слезу») не задумывается о том, какой странный зрительный образ должен возникнуть в уме читателя.

Рецензия Н. Кассина, входящая в один из разделов фонда «Рукописи и машинописные экземпляры произведений, изданных в «Литературной газете» за 1944–1953 гг.» посвящена трем стихотворениям Н.И. Тряпкина: «Росело. С заовражной луговины...», «Поспорили хлопцы на улке села...», «Мой любимый, мой друг, мой хороший!». Стихотворения были опубликованы в журнале «Октябрь» № 11 за 1947 г. (см. приложение). Цель написания рецензии заключалась в том, чтобы сообщить читателю о впечатлении, полученном ее автором после знакомства с новыми стихотворениями Н.И. Тряпкина.

Н. Кассин оценивает прочитанные им стихотворения так: никчемные и вредные. Общее впечатление автора от прочитанного заключается в следующей оценке: «вся размашистая манера стиха и исковеркано-вычурный язык заставляют нас, с некоторой тревогой за будущее поэта, обратить внимание литературной общественности на творчество Н. Тряпкина»³. Критик подробно анализирует каждое стихотворение, приводит развернутые цитаты из текстов произведений.

¹Кассин Н. О стихах Николая Тряпкина. // РГАЛИ. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 255.

²Львов С. Л. Рецензия на сборник стихов молодых поэтов «Молодая Москва» и др. Вырезка из газеты 1947 г. // РГАЛИ. ф. 2289 оп. 1 ед. хр. 67.

³Кассин Н. О стихах Николая Тряпкина. // РГАЛИ. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 255.

Автор считает, что в первом стихотворении автор <...> вытягивает из себя рифмы, «"топчется" над девятой строкой, под гул закатных издевок колхозников, считающих его бездельником, и мечтает, что его "заветный рай" "вольется в ваш" (т. е. колхозный. Н. К.), во втором стихотворении "Хлопцы", и ночью "с песняком" заспорили о том, нужны ли в колхозах тройки с бубенцами, в третьем стихотворении, обращаясь к неизвестному "любимому другу", автор занимается следующими разглагольствованиями: "Ну, какую припомним погудку / За молочным медком лепестков? / Посиди же, красавец, минутку / На пороге веселых (?) деньков"».

Рецензия включает в себя не только краткий пересказ рецензируемых стихотворений, но и критический разбор стиля Н.И. Тряпкина: «По первому стихотворению. Можете не сомневаться, что труд, потраченный на него, не будет приравнен к ударному труду колхозницы Натальи Бурминой и других колхозников, законно осмеивающих "потуги" автора: "Как будто что-то ищет – не найдет". По второму стихотворению. Напрасно автор приписывает божественное настроение нашей скромной трудолюбивой советской молодежи, стремящейся к социалистической культуре, а не к тройкам с бубенцами, не к газетам, "игре-коляде", суевериям и прочим атрибутам прошлого, возрождение которых в колхозной деревне немыслимо. Наши колхозные парни, особенно те, кто демобилизовался из армии, кто проливал свою кровь на полях Отечественной войны, не мечтает и не говорит так: "Почто отречься в стране русаков (?) / От сапог фронтовых, от злых рысаков". Русак на русском языке изначально – заяц. Значит, у зайца, если верить автору, есть какая-то собственная страна. И в этой стране живет поэт Николай Тряпкин, с гиком и свистом разъезжающий в святки на тройке злых рысаков, занимающийся колядой-ворожбой и, наверное, кулачными боями. "Ей

палец в ненастье на зуб не клади..." Что это? Поговорка, примета или просто чушь?

Что можно понять в таком, например, безграмотном выражении: "И не в тебя ль, на все хлопоты жадной, / Беру пример искать свои слова?". И ничем иным, как образцом пышности является следующий опус: "И в лунный сугроб вколотил свою трусость / Илья Кобурихин – девичий гость". Уж как отыскивает автор свой замысловатый "творческий процесс", так сказать "родовые муки творчества":

И вот, когда в закате, у комода
 Топчусь я над девятою строкой,
 Мне мамушка блинец со свежим медом
 Пихает в рот настойчивой рукой.
 Я, как Хома, отрециваюсь книжкой,
 Шипя в сердцах: мол, сбился с нужных слов!
 (Меж нами часты погрознее (!) вспышки
 На почве материнства и стихов.)

Читатель может перевести все это на свой прозаический язык, примерно следующим образом: поэт "топчется" над девятой по счету строкой, как и восемь предыдущих, безбожно коверкающих русский язык, а добрая мать, "на почве материнства", пичкает его блинами с медом. Сынок – пишет, отмахивается от матери, как гоголевский Хома Брут от ведьмы, книгами, кулаками, чернильницами.

Если бы его бедная мать знала, на какой вредной, чуждой советской поэзии "почве стихов" сидит ее сынок, она не стала бы угощать его блинами, а посоветовала бы общему собранию колхоза не заносить Николая Тряпкина на доску почета, а главному редактору журнала "Октябрь" Ф. Парфенову – не печатать его "Три стихотворения" и другие, подобные им стихи.

"Наш конюх Климентий – газетный герой". Значит, этого героя выдумала газета или он герой в области газетного дела? Действительно, левая не ведает, что делает правая.

Над твоею обугленной хатой
В пять ракет разгорается флаг.

Можно сказать в пять лошадиных сил, в пять или десять киловатт – тогда станет ясным, что в какой-то физический процесс вложено определение количества энергии. Но у Н.И. Тряпкина свой эквивалент. Флаг у него горит в пять ракет. Свой поэтический талант он, наверное, определяет авиабомбами или торпедами. "Стихи звучат в пять торпед!"».

Последний пример, который Н. Кассин трактует как стилистическую ошибку Н.И. Тряпкина, отсылает к стихотворению С.А. Есенина «Я покинул родимый дом» (1918), в котором есть следующие строки «В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть»¹. Лирическая героиня, мать, глядя на звезды, с грустью вспоминает сына. Грусть матери теплится, как лампада, на которую похожи три звезды. В данном примере речь идет о схожести не только образного строя лирики, но и лексико-грамматических конструкций поэтов. В своей рецензии Н. Кассин стихотворные строки Тряпкина со стихотворением Есенина не соотносит.

Далее Н. Кассин разбирает поэтические приемы Н.И. Тряпкина, его язык и манеру письма, которые, по мысли критика, «не лишены интереса». Критик считает, что когда поэт бежит от жизни, от народа, в мир символики и надрыва, ему, как правило, приходят «на помощь» такие старые «испытанные» приемы, как конструктивизм и фимиаторство. Ни то, ни другое не способны приблизить поэзию к истинно-народной речи, наоборот, они далеки от подлинной жизни, как часто бывает, далеко от жизни и содержание стихов, написанных с помощью этих приемов. Н.И.

¹ Есенин С.А. Собр. сочинений в 6 тт. Т. 1. // С.А.Есенин. М.: Худ лит., 1977. С.168.

Тряпкин оказывает русскому языку медвежью услугу, коверкая русскую речь и протаскивая в литературу искаженные <...> выражения. «Вот «перлы» его творчества. "Блинец" – вместо блин, "предиха" – вместо председатель колхоза, "Соседиха" – вместо соседки, "краду'чись" – вместо "кра'дучись", "с песняком" – вместо "с песнями", "с грудей" – вместо "на грудях", "пешой" – вместо пешком, "почто" вместо почему и многое другое». Критик считает, что поэтические образы, к которым прибегает Тряпкин, вызывающе размашисты, как будто он издевается над всеми: над смыслом, над языком и над читателем.

Затем Н. Кассин обращается к литературно-критической традиции начала XX века, когда А.М. Горький критиковал Андрея Белого за его «словесную тарабанщину». Критик уверен, что ни одно из слов, выдуманных Белым, не вошло в лексику русского языка, и приходит к выводу, что почти все оригинальство, желание приукрасить духовное убожество своих стихов толкают Н.И. Тряпкина на вредный и давно осужденный в современной литературе путь.

Следует заметить, что стихи 1947 года, которым посвящена рецензия Н. Кассина, в первоначальном варианте, в котором они были опубликованы в «Октябре» в 1947 году, больше нигде не печатались. В последующем поэт внес существенные изменения в эти стихотворения и в новой редакции опубликовал их в своих сборниках.

Второй период (58 стихотворений) охватывает творчество 1950–х гг. Расширяется тематика стихотворений первого периода: Н.И. Тряпкин пишет о послевоенном восстановлении хозяйства, о мирном времени, последовавшем за Великой Победой. «Общественный подъем послевоенного "восстановительного" периода он переживал как "праздник своей поэтической молодости"».¹

¹ Котельников В.А. Тряпкин Н.И. // Русские писатели, XX век. Библиографический словарь. В 2-х ч. Ч. 2. М: Просвещение, 1998. с. 461

В произведениях появляются былинно-эпические мотивы, «космические» темы и образы.

Период ознаменован выходом трех книг: «Первая борозда» (1953), «Белая ночь» (1956), «Распевы» (1958), в которых было опубликовано около 60 произведений. Книгу Тряпкина «Первая борозда», выпущенную в издательстве «Молодая гвардия» в 1953 году, рецензировал А.М. Турков¹. Рецензент подчеркивает, что в большинстве своих стихотворений поэт пишет о деревне, «в его стихах множество раз встречаются и трактора, и райком, и ударница Наталья, у которой поэт, по его заявлению, учится "растить, как рожь, свои слова", и сельсовет, куда он "принес на страду свой лирический план". Словом, на первый взгляд, автор органически слит или стремится слиться с окружающими его буднями». Но при внимательном чтении, считает А.М. Турков, зарождается догадка, что перед читателем сплошная бутафория, признанная прикрыть отсутствие подлинного содержания – обуревающих поэта, ищущих выхода и выражения мыслей и чувств. Случайно оброненные Н.И. Тряпкиным слова о «мелких кудрях строк» начинают казаться самоопределением. Рецензент старается это доказать и стремится привести как можно больше иллюстративного материала: «Вот, сообщив читателю, что "для жизни новой хата старая тесна", поэт далее заявляет:

Не хочу краснеть у тына,
В пальцах мять зеленый хмель,
Что не лезет пианино
В нашу маленькую дверь.

В самом деле, нельзя не поразиться этим эффектным поворотом темы, представляющим лирического героя в позе, более подобающей смущенной девушке, чем мужчине, размышляющему о несовершенстве "избяных форм".

¹Турков А.М. Отзыв о сборнике стихов Н. Тряпкина «Первая борозда» Машинопись с правкой. 1953.// РГАЛИ. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 285.

Не ясно ли, что тут автор, нимало не заботясь о верности избранному сюжету, кокетливо повел плечиком, чтобы показать себя во всей красе.

Лирический герой другого стихотворения:

...рукой, что пахла перегноем,
Отводя тумана синий чад,
Что-то пел хорошее, родное...

Не знаем точно, что хотел сказать автор: что можно рукой петь или всего только отводить ею "тумана синий чад", но он тут не упустил возможности пококетничать тем, что у героя руки в навозе.

В стихотворении "Утро" конюх:

...как врач, стригунят на последки,
Простучал, убежденный вдвойне,
Что по новым путям пятилетки
Не поедешь на старом коне.

Последнее двустишие для Н.И. Тряпкина – эффектное финальное "па"»¹.

А.М. Турковым подчеркивается связь лирики Н.И. Тряпкина с творчеством Н.А. Некрасова (стихотворение «Несжатая полоса»), А. Блока (стихотворение Тряпкина «Приехать с дружного покоса»: критик называет такие заимствования ритмическими кальками), Н.С. Тихонова (стихотворение Тряпкина «В эту ночь моя гармошка не смолкала до рассвета...»), Н.А. Клюева («Первым делом бросаются в глаза <...> клюевские "улыбчиво-теплая" горенка, где "журчит на шётке домолюбоцкот", "звякнувший" под окошком "снеговой-крутельник", "смологустой напиток" утра и даже "песенный румяный каравай"»). Но особенно часто, по мысли критика, возникают в сборнике есенинские мотивы («Первый снег, первый снег у ворот», «Я все тревожнее с годами», «Лозняком, да выгоном, да лугом»).

¹Турков А.М. Отзыв о сборнике стихов Н. Тряпкина «Первая борозда» Машинопись с правкой. 1953.// РГАЛИ. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 285.

В целом рецензент дает отрицательную оценку рецензируемому сборнику: по его мнению, большинство стихотворений с головой выдают пристрастие Н.И. Тряпкина к внешней поэтичности и его готовность петь обо всем, не питая особой склонности ни к чему, а за небрежность и неточность поэтического языка, помимо самого Н.И. Тряпкина, А.М.Турков укоряет редактора книги – поэта С. С. Наровчатова.

В 1953 году В. П. Тельпугов, А.А. Жаров, С. Смирнов, Е.А. Долматовский рецензируют книгу Н.И. Тряпкина «Белый сад»¹.

Е.А. Долматовский, анализируя тексты, предложенные Н.И. Тряпкиным для публикации, считает, что на стихи талантливого поэта, появившихся в журналах, пришлась преувеличенная доля хулы и похвал, в которых молодой автор не сумел разобраться с пользой для себя.

Чтение рукописи, представленной в редакцию, наводит рецензента на мысль, что молодой поэт, очень ярко и хорошо начинавший, в дальнейшей своей работе переходит на поэтические упражнения без глубокой поэтической мысли. Е.А. Долматовский обращает внимание на тот факт, что в рукописи стихотворения представлены беспорядочно («рукопись, действительно, находится в хаотическом состоянии»), что недопустимо. Многие стихотворения не датированы, а это вносит некоторую неразбериху в расположении стихотворений в их хронологической последовательности.

18 стихотворений из 27 Долматовскому понравились («в этих стихах колхозный поэт говорит простым и естественным голосом, не стараясь подладиться под поэтические образы», «ряд стихотворений написан с беспощадной к самому себе искренностью, которая и придает силу лирике. Чувствуется: не мог Н.И. Тряпкин не написать этого, не мог сдержаться»). В то же время, критик считает, что другие стихотворения Н.И. Тряпкина можно назвать «поэтическими упражнениями». В стихотворениях звучат

¹Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

ритмические интонации А.А. Блока, С.А. Есенина, М.В. Исаковского, «а вот голоса самого поэта не слышно». Несколько стихотворений написано одним размером, «чрезмерно выпирающим наружу». По мысли критика, фальшиво и ложно написано стихотворение «Кого ревнует и волнует», сочиненное на городскую тему, очень редкую в творчестве Н.И. Тряпкина, и стихотворение «Ресторанного звона гитар...» (1952), которое подробно анализирует в своей рецензии и А.А. Жаров: «Фальшь и безвкусица чувствуется с первого, вводного /программного/ стихотворения "Ресторанного звона гитар не люблю я с крестьянского детства", где поэт получил от деда "хороводистый" песенный дар. А дед этим "даром" форсил когда-то перед князем, который деда "одобрял" по макушке. Так и не поймешь, зачем написана эта пустая и вульгарная вещица, увенчанная следующим "обобщением":

Но старик понимал, что я внук,
Да еще и артист по приметам,
И забавный господский чубук
Переделал... в подобье кларнета.

Выходит так, что наш певец – Николай Тряпкин демонстрирует нам свой песенный дар на переделанном господском чубуке. Странная символика! И глупая»¹. Впоследствии стихотворение «Ресторанного звона гитар...» было в значительной степени переработано поэтом и вошло в текст стихотворения «Жизнь поэта», работу над которым Н.И. Тряпкин завершил в 1972 году.

Е.А. Долматовский подробно разбирает стихотворение «У темной просеки сосновой»: «Правдиво отражая классовое расслоение крестьянской семьи, описывая дядю-кулака, поэт, однако, не находит образного политического решения темы и, уходя в воспоминания детства,

¹Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

забывает о том, что описывал врага, убийцу. Придя к дому дяди-кулака, поэт предается лирике:

Беру на вкус лесные травы
И в сердце радуюсь до слез,
Что нежный цвет ночной купавы
Я к нашей зрелости принес.

То, что это стихотворение хорошо написано, лишь утяжеляет его неправильность! Помимо воли автора стихи о кулаке-убийце превращаются в лирическое треньканье. Нет, это очень плохие стихи, вредные и ненужные»¹.

В заключение Е.А. Долматовский предлагает издательству и секции поэтов Союза советских писателей помочь Тряпкину разобраться в своем «поэтическом хозяйстве», которое, зародившись как явление интересное, на данный момент находится в состоянии хаотическом, не развивающемся, не прогрессирующем, а из рукописи объемом 700-800 строк составить и выпустить маленькую книжку, нечто вроде заявки поэта.

Что касается рецензии А.А. Жарова на сборник Н.И. Тряпкина «Белый сад», то автор отрицательно оценивает стихотворения, проводя параллель со стихотворениями, опубликованными поэтом ранее в журнале «Октябрь», которые, по мнению критика, «написаны чисто в грамматическом отношении»². Рецензент рассматривает символику стихотворений поэта («Август зашумел», 1946; «Не ходил я печником на Кострому», 1952), считая ее странной и глупой, указывает на увлечение поэта лирикой Н.А. Клюева и И. Северянина («Тряпкин вновь кидается в пучину эстетических красотей, лавируя между косноязычием Клюева и Северянина»). А лирического героя стихотворения «Я спешил к девчонке....» (1952) вообще называет бездельником, отрывающим девушку Наташеньку от молотьбы.

¹ Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

² Там же.

А.А. Жаров, один из немногих критиков, анализирует лирику Н.И. Тряпкина о Великой Отечественной войне, в которой, так же, как и в других стихотворениях поэта, видит недостатки: «Символике с мистическим налетом Н. Тряпкин нашел даже место в военно-лирических стихах. Вот – промчался по мосту санитарный поезд...

И я пойму: то сказ кровавый
Тревожно ропщут провода,
То по ночам в седые травы
Сочится раною звезда.

Что же понял автор? А рецензент понял, что сочащаяся звезда взята на прокат откуда-то из Блока или у Есенина позаимствована ненароком»¹.

Бессистемность расположения стихотворений в рукописи, отмеченная Е.А. Долматовским, не мешает другому критику, С.В. Смирнову, сделать главный вывод о Н.И. Тряпкине: Тряпкин – поэт талантливый, самобытный, поэт зоркого глаза, поэт-лирик. «Главная его тема – сельский труд и быт. Чувствуется, что автор живет среди своих героев, тесно с ними связан и его интересы неотрывны от интересов односельчан. Все времена года находят красочное отражение в стихах Н.И. Тряпкина, они полны домовитых, колхозных забот, зримых подробностей современной жизни на селе, взаимоотношений колхозников, бытовых картин. Стихи оптимистичны, от них веет свежевспаханной землей, в них шумят хлеба, действуют очень хорошие люди, специалисты своего дела»². Однако критик упрекает поэта в том, что мир его героев не простирается дальше своего колхоза, приусадебного участка и окрестных полей. «Диву даешься, как могло получиться, что международные события, многообразная жизнь Советского Союза, наконец, существование такого города, как Москва – не

¹ Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

² Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

находят никакого отражения в книге стихов». А сам автор и его герои живут, как сказал С.А. Есенин, «в сплошном картофеле и хлебе»¹. Критик считает, что Н.И. Тряпкин должен устранить такой недостаток.

По мнению С.В. Смирнова, несомненной заслугой сборника являются стихи об Алтае, включенные в рукопись, благодаря которым расширяется тематика книги. В стихотворениях хорошо изображены алтайские пейзажи и труженики («Тряпкин убедительно показывает свою органическую связь с людьми труда»). Также достоинством большинства стихотворений можно считать их язык, разговорный, пересыпанный сочными, взятыми из жизни фразами. Критик отмечает удачные стихотворения Н.И. Тряпкина, посвященные природе (например, стихотворение «Первый снег, первый снег у ворот», 1951).

Что касается недостатков, которых в рукописи немало, то С.В. Смирнов предлагает исключить не только стихотворение «Ресторанного звона гитар...» (1945), но и стихотворения о «Стороне разоренной»² и «Легенду» (1953), объясняя свое решение тем, что поэт пытается объяснить современную ему действительность через восприятие сов, филинов и сорок. Из стихотворения «Не ходил я речником на Кострому» (1952) Н.И. Тряпкину предлагается изъять фразу «лазоревый эфир», требует конкретизации стихотворение «Лозняком да выгоном, да лугом...» (1947). Стихотворения «Август зашумел» (1946) и «Первая борозда» (год написания неизвестен) звучат как прославление единоличного хозяйства.

Публикацию Н.И. Тряпкиным в одном из журналов стихотворения «Утро» (1946) в конце 40-х гг. заметил В.П. Тельпугов и по достоинству оценил одно из ранних произведений молодого поэта. О своих ощущениях, возникших в связи с прочтением стихотворения, В.П. Тельпугов поделился в начале своей рецензии. Уже тогда, по мнению

¹ Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

² Стихотворение опубликовано не было

рецензента, поэт обратил на себя внимание «свежестью интонации и образов, умением автора рассказать о жизни советской деревни так, что рассказ этот оставался в памяти читателя». Однако в большей части своего текста В.П. Тельпугов пишет о поэтических неудачах начинающего поэта и анализирует другие стихотворения Н.И. Тряпкина, нежели Е.А. Долматовский, А.А. Жаров и С.В. Смирнов.

В качестве недостатков критик отмечает, что в ряде стихотворений отсутствует связь с современностью («Накануне», 1953), описание природы доминирует над изображением человека, его характера, мыслей и чувств («Иногда поэт почти совсем не проявляет интереса к внутреннему миру своих героев, пишет о людях общие, ничего не говорящие слова, показывает человека бегло, неглубоко»), отсутствие «психологических мотивировок».

После правки своей рецензии В.П. Тельпугов добавляет фрагмент, касающийся стилистики Н.И. Тряпкина: «В некоторых стихах автор говорит крайне неясно, косноязычно, невразумительно». Речь идет о стихотворениях «Подросток» (год написания неизвестен), «Проселок, дождиком примоченный...» (1947), «Может быть, из-за балки смолистой...» (1946).

В.П. Тельпугов так же, как и А.А. Жаров, обращается к стихотворениям Н.И. Тряпкина, в которые включены образы, навеянные войной, и которые в стихотворения перенесены «чисто механически» («Стихи о нашем дне», год написания неизвестен).

Критик убежден, что в ряде стихотворений молодого Н.И. Тряпкина нетрудно обнаружить явные заимствования. Так, по его мнению, стихотворение Тряпкина «Гость» (год не указан) является переложением знаменитого «Дяди Степы» С.В. Михалкова. Следует отметить, что к личности С.В. Михалкова Тряпкин обращался в своих стихотворениях неоднократно (стихотворения «Разве я тебя не понимаю, 1953; «Стихи о Николае Тряпкине», 1973). Так, в «Стихах о Николае Тряпкине» (1973)

Н.И. Тряпкин пишет о том, что настоящий художник слова должен быть требователен к себе: «Ты же, Тряпкин Николай, / Заходи почаще в рай. / Только песенки плохие / Ты смотри не издавай». Иначе – «А не сделаешь такого, / Я скажу, мол: «Ах ты вошь! / И к Сергею Михалкову / В домработники пойдешь».

Впоследствии Н.И. Тряпкин изменил название сборника. Под названием «Белая ночь» он вышел в 1956 году.

В 1955 году А.М. Лейтесом и С.В. Смирновым были написаны рецензии на сборник Н.И. Тряпкина «На встречах журавлиных»¹. Критики единодушны в том, что Тряпкин – талантливый поэт, у которого немало опубликованных хороших стихотворений. В то же время оба отмечают существенные недостатки, которые в значительной степени снижают представление о лирике поэта.

В стихотворениях Н.И. Тряпкина, как считает А.М. Лейтес, коробит нарочитая и вычурная игра в простонародность, которая несовместима с подлинной народностью. Один из наиболее существенных недостатков назван критиком навязчивым разностилием, порождающим множество смысловых комбинаций, а фольклорные образы и мотивы поэт использует легко и бездумно (стихотворение «Не метель, а помело...», 1955).

На стихотворении Н.И. Тряпкина «Размочило, развезло...» (1955) А.М. Лейтес остановился подробно, т.к. оно произвело на критика крайне неприятное впечатление. По мысли рецензента, «вся идея этого стихотворения сводится к тому, что на дорогах хочется выпить не четвертинку водки, а гораздо больше. Именно эта идея, а не какая-нибудь иная выражена в заключительной строфе нарочито-лубочного стихотворения:

Тут они вернулись в магазин

¹Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073.

И заказали еще по сто пятьдесят»¹.

А.М. Лейтес считает, что для настоящего поэта в своих стихотворениях важным является не только указать на проблемы современности, но и попытаться разрешить их. Но в лирике Н.И. Тряпкина критик не увидел, как преодолеваются те или иные трудности, возникшие, например, в отстающих колхозах (стихотворение «Раздумье», 1953).

Другое стихотворение («Письмо», 1953) критику нравится, хотя и оно не лишено стилистических погрешностей («встречаешь много нарочито-усложненных образов и сравнений»).

Но большинство стихотворений Н.И. Тряпкина, и лирических, и сатирических, по мысли А.М. Лейтеса, «отдают малопривлекательным привкусом чего-то двусмысленного и пошловатого:

И вот ни строгие подруги,
 Ни муж, ни добрый коллектив
 Не разбудили в ней супруги
 И не отсрочили разрыв < ... >
 Или из мутного романа
 Ребенка вынесет на свет,
 И с мамой книжки Мопассана
 Он прочитает в десять лет».

< ... > это игра в сатиру, а не подлинная сатира»².

Суждения А.М. Лейтеса во многом совпадают с замечаниями, указанными в рецензии С.В. Смирнова, у которого даже название сборника Н.И. Тряпкина «На встречах журавлиных» вызывает недоумение. Далее критик призывает поэта избавиться от чуждой ему символичности и чужеродности.

В качестве удачных поэтических находок критик отмечает созданный поэтом образ лирического героя. По мысли критика герой стихотворений Н.И. Тряпкина – однолюб, не мыслящий своего существования вне

¹Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В. // РГАЛИ ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073. С. 4.

²Там же.

коллектива, любит русскую природу и тонко чувствует ее, герой, обладающий отзывчивым сердцем, никогда не сидит без работы. Также критиком названы стихотворения, которые написаны хорошо в грамматическом и стилистическом плане: «Серебристая дорога, серебристая...» (год написания неизвестен), «А сколько было дерева...» (1949), «Первый снег, первый снег у ворот...» (1951). Критик надеется, что весь поэтический сборник Н.И. Тряпкина будет таковым, и призывает поэта тщательнейшим образом еще раз поработать над каждым своим стихотворением.

Итак, рецензенты убеждены: Тряпкин – талантливый поэт, у которого немало опубликованных хороших стихотворений. В то же время каждый из критиков отмечает существенные лексические, грамматические, стилистические ошибки и что публикация стихотворений поэта возможна только лишь при значительной переработке большинства текстов.

Творческий период сопровождается неудачами не только творческого характера, но и бытового, о чем Н.И. Тряпкин написал Ф.И. Парфенову в 1959 году¹.

Третий – 1960-е гг., времена «хрущевской оттепели». Этот период можно назвать самым продуктивным периодом в творчестве Н.И. Тряпкина (220 стихотворений), совпавший с изменениями, происходившими и в стране, и в литературе. В это время выходят сборники «Краснополье» (1962), «Перекрестки» (1962), «Песни великих дождей» (1965), «Серебряные пруды» (1966), «Гнездо моих отцов» (1967), «Летела гагара» (1967). Стихи, написанные в данный период, полны жизнерадостности и небывалой до того остроты, энергии, яркости². «Не с самой поэтической молодости, а где-то уже на перепутье к зрелости начал

¹ Тряпкин Н.И. Письмо Ф.И. Парфенову. // РГАЛИ. ф. 1128 оп. 2 ед. хр. 404. Письмо Ф.И. Парфенову.

²Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия.1969. № 9. с. 298.

вызреть в Тряпкине и романтик, зараженный мечтой о необыкновенном и сказочном»¹.

Перед Н.И. Тряпкиным шестидесятых годов лежит «двойная ответственность – перед людьми и перед миром природы»². Поэта начинает волновать мироздание со своими непостижимыми таинствами и загадками. Выделяется ряд стихотворений, посвященных «космической» теме, научно-техническому прогрессу, а также героическим и трагическим судьбам русского крестьянства («Степан», 1966; «Скажем так: земля ждала привала», 1967; «Притча о Ваньке-однолишнике», 1968; «Девка мылася да белилася», 1968) и др. Любовь к России выражается детально-конкретно, в то же время масштабно, с вселенским размахом.

Период характеризуется серьезной перестройкой содержания произведений и их поэтической формы: появляются стихотворения-притчи, стихотворения-исповеди.

Необходимо заметить, что в 60-е гг. отношение критиков, читателей к творчеству Н.И. Тряпкина было неоднозначным. В частности, критика со стороны читателей (например, читателей журнала «Москва»)³, существовавшая в оценках творчества Н.И. Тряпкина, явилась следствием крайней неоднородности поэзии его. Не последнюю роль сыграли здесь поверхностность, а иногда и заведомая предвзятость анализа творчества поэта, одностороннее, часто бездоказательное объяснение как отдельных стихотворений, так и поэтического творчества в целом. Недостатков в поэзии Тряпкина было не так уж мало. Строго говоря, он не был взыскательным мастером стиха. Писал, порою поддаваясь минутным, скоропроходящим настроениям – и потому иногда небрежно. Но в лучших

¹Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» Сельская тема в современной русской поэзии. // Дружба народов. 1969. № 2. с. 258.

² Там же. с. 257.

³Редакция журнала «Москва». Тряпкин Н.И. Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина // РГАЛИ. ф. 2931 оп. 2 ед. хр. 9.

своих достижениях он, несомненно, в своей лирике поднимался до классической высоты.

В указанный период к изданию готовится книга стихов Тряпкина «Мой Вертоград», на которую было написано две рецензии: М.А. Светловым (1961) и С.С. Наровчатовым (1962).

Если взглянуть на рецензию М.А. Светлова, посвященную сборнику Тряпкина «Мой Вертоград» с точки зрения ее внутреннего смыслового построения, то можно сказать, что главным тезисом ее является суждение: «Там, где Тряпкин естественен, где говорит о пережитом и познанном, – там он хороший поэт. Но там, где он начинает "пущать значительность", он никуда не годится»¹.

Рассуждая о Н.И. Тряпкине и о его стихотворениях, М.А. Светлов отмечает, что давно знаком с творчеством этого советского поэта. «Его появление в советской поэзии всех нас очень обрадовало. Зазвучал свежий, молодой, своеобразный голос». Затем на некоторое время М.А. Светлов потерял Н.И. Тряпкина из виду, и вот теперь этот талантливый поэт предстал перед критиком в новом качестве.

В своей рецензии М.А. Светлов касается нескольких стихотворений и отмечает те из них, которые, по его мнению, написаны хорошо («Вяжут свежие метелки», 1941; «Из биографии», 1958; «Через горы, воды и пески», 1960; «У реки, у леска», 1962; «Хорошо иль плохо жить на свете», 1967), обращая внимание на точные детали, подобранные в стихотворениях, на доброе отношение поэта к миру. Вместе с тем М.А. Светлов критикует автора за некоторые «неточности» в поэтических текстах: «Но только так не по-русски: "Но ты меня выносишь поскорей / Из этого печального колодца...". Выносить можно торопливо, а не

¹Светлов М.А. Рецензия на сборник Н. Тряпкина «Мой Вертоград». // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073.

"поскорей"» (из стихотворения «Из биографии»); «Но как я ни бился, я так и не понял "И этот сон истёк над Русью"» (из стихотворения «Стансы», 1965).

Светлов отмечает тот факт, что в стихотворении «Эшелон скорости» (1965), в котором есть строки «Прощайте, подруги! Прощайте, друзья!» содержится реминисценция из стихотворения Светлова «Гренада» (1926): «Прощайте, родные! Прощайте, друзья!».

Стихотворения «Под говор лежанки вздремнул ввечеру» (1946), «Землякам» (1962), «Кузница» (год написания неизвестен), «Тишина» (год написания неизвестен), «Песнь о красных чайках» (1961) Светлову не понравились. Он полагает, что эти стихотворения, в которых поэт использует «полые» слова, декларативны, считает, что часть стихотворений из сборника должна быть изъята.

Последовательно излагая и обосновывая свою точку зрения на новый сборник Н.И. Тряпкина, М.А. Светлов приходит к следующему выводу: «Книга должна быть выпущена только при очень строгой редакции. Нельзя Тряпкину после долгого молчания выступать с небрежно сделанной книгой».

С.С. Наровчатов, пожалуй, единственный критик, рецензию которого на стихи Н.И. Тряпкина можно назвать положительной. Критик пишет о том, что как редактор одного из первых сборников поэта, уже имел возможность познакомиться досконально с его творчеством. Новый сборник Тряпкина, по его мнению, – новое подтверждение дарования поэта, незаурядности его таланта, «поэт стал строже, вдумчивей <...>»¹.

Если большинство критиков отмечали вычурность, небрежность поэтического языка Н.И. Тряпкина, несовершенство в выборе лексических и грамматических форм, средств выразительности, то С.С. Наровчатов считает иначе: «Словарь у него особенный, в нем редко употребляемые

¹ Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В., Светлов М.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073. С. 18.

русские слова затейливо перемешиваются с наисовременными. По большей части это не производит впечатления неоправданной мешанины, вкус у Тряпкина по-своему выработан, срывы есть, но они редки»¹.

Касаясь в своей рецензии «ляпов», допущенных поэтом (это фактические ошибки, например, неверное истолкование значения слова "мериносы", неоправданное использование арготизмов, нарушение акцентологических законов русского языка, безмерность употребления одних и тех же поэтических приемов), Наровчатов приходит к выводу о том, что «при окончательной редакции, м.б. выпадут и другие отдельные стихотворения, будут заменены строки, но в целом книга не потерпит существенных изменений. Перед нами – новый сборник стихов талантливого и известного поэта, читатель принял его давно, его своеобразный почерк и манеру разговора, последние стихи поэта – полновесное звено в цепи его творчества. Я считаю, что новая книга Н. Тряпкина безусловно должна увидеть свет»².

Четвертый период – 70-е гг. (119 стихотворений). В этот период проявляется космизм поэтического мышления: умение мыслить глобально, во вселенских размерах, воплотившееся в творчестве поэта: «В 70-е годы его муза замирает у Полярного круга. Стынут кометы. Ось мира раскаляется. Мать-Земля кружится волчком. Всемирная юдоль – вот его теперешнее мирозданье. "Вьется звездный пух над Гончим псом". То ли мертво-безлюден космос, то ли захвачен чужаками»³. «Любопытно, что в ряде стихов Тряпкина второй половины 50-х – начала 60-х годов рисовались утопические картины покорения людьми просторов космоса, давались красочные изображения того, как ими достигался некий "космический брег", как "склянки Вечности играют". <...> Однако зрелый

¹ Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В., Светлов М.А., Наровчатов С. С. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073. С. 18.

² Там же. С. 21.

³ Аннинский Л. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы», (2006). url : [http : // www. zavtra. День_литературы114/71.html](http://www.zavtra.День_литературы114/71.html). (дата обращения: 09.01.2013).

художник умудренно приходит к выводу, что космос сам по себе безбрежен, безграничен, непокорим, а тайна Вечности непостижима до конца человеческого разумению и по воле художника в известном стихотворении "Стихи о марсианах", датированном 1977–1981, делается важнейшее признание на сей счет»¹. Становится очевидной его связь с «тихой лирикой», в частности, с поэзией Н.М. Рубцова.

Фольклорная линия начинает уступать место стихам эпико-философского склада. «"Крестьянская" традиция сказывается в остропублицистическом пафосе, с каким поэт подчёркивает свою принадлежность к народу, свою крестьянскую сущность»². Начинают звучать трагические мотивы, связанные с осмыслением трудных периодов исторического пути России, размышлением над вечными философскими вопросами добра и зла. В лирике Н.И. Тряпкина появляются древнерусские образы и мотивы («Я искал твой след неповторимый», 1970, «Старинные песни», 1973). Ощущение земной тяжести и боли за утраченное будет нарастать.

В стихотворениях указанного периода Н.И. Тряпкин обращается к поэтической традиции Н.А. Клюева, А.А. Блока, поэтов Серебряного века.

В это десятилетие выходит восемь сборников Н.И. Тряпкина: «Избранная лирика» (1970), «Гуси-лебеди» (1971), «Златоуст» (1971), «Жнива» (1974)³, «Вечерний звон» (1975), «Заповедь» (1976), «Стихотворения» (1977), «Скрип моей колыбели» (1978).

К концу 70-х гг. завершается период творческого созревания поэта⁴.

Также следует отметить, что к личности поэта и к тому, что Н.И. Тряпкин

¹ Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин. // *Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып 1. С. 64.

² Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград...». // *Литература в школе*. 2008. № 11. с. 4.

³ Сборнику «Жнива» посвящены рецензии 1974 г. Р. Наппельбаум «Ласкаю детские поверья земли моей» и В. Милькова, В. Цыбина.

⁴ Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин. // *Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып 1. С. 65.

переиздавал написанные им ранее стихотворения, некоторые издательства относились неодобрительно¹, о чем свидетельствует письмо Н.И. Тряпкина Н.В. Лесючевскому, директору издательства «Советский писатель». Дело в том, что в 1971 году в издательство «Советский писатель» Н.И. Тряпкин подает заявку на издание книги своих новых стихотворений «Жнива», а в начале 1973 года поэт передает издательству рукопись. В течение длительного времени шла работа по составлению книги, существовали разногласия по поводу включения тех или иных поэтических текстов в сборник. И только в декабре 1973 года было принято решение о включении книги Тряпкина в план издания за счет резервных средств издательства.

Пятый период, который можно назвать постперестроечным – 1980-е гг. (180 стихотворений), который почти целиком определяется внелитературными факторами: перестроечным и постперестроечным периодом в государстве, и как следствие этого – распадом Советского Союза. У Н.И. Тряпкина обостряется национальное самосознание, тревога за судьбу России, усиливаются мрачные предчувствия. В этот период тема родной деревни становится одной из ведущих и в разных вариантах появляется на страницах его стихотворений. «То он заводит рассказ о кирпичном бараке, где после насильственной коллективизации и изгнания добропорядочных хозяев из собственных домов жила вся "совхозная голь"; то возвращался мыслью к родной деревне, которой уже не было; то особенной теплотой вспоминал свое действительно счастливое детство»².

Творчество поэта ознаменовано новыми исканиями и успехами: происходят изменения и в тематическом плане – стихотворения посвящены «нашему времени, сложностям нашего современного бытия»³,

¹Тряпкин Н.И. Письмо Н. В. Лесючевскому // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 21 ед. хр. 1344.

²Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012. С. 15.

³Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 23 ед. хр. 1524

в творчестве поэта появляется образ Времени, Памяти, возникают библейские темы и мотивы, на страницах своих произведений Тряпкин часто размышляет о жизни и смерти. Поэта продолжает волновать историческое прошлое страны, судьба которой в указанный период осмысливается им как своя собственная, в смене поколений поэт видел преемственность, в смене эпох он находил историческую закономерность. Н.И. Тряпкина тревожат мысли о прожитом и будущем. Он размышляет о предназначении поэта, о его долге, о том, чтобы до конца и достойно пройти свой жизненный путь. В то же время Н.И. Тряпкин «не перестает удивляться и радоваться чудесам природы и сохраняет при этом удивительную свежесть восприятия»¹.

По-другому в лирике восьмидесятых раскрывается тема природы (с бóльшей цельностью, экспрессией; природные образы все больше передают жизнеощущение поэта), сохраняется романтический характер его лирики, однако постепенно романтические темы и образы все больше уступают место историческим реалиям. У Н.И. Тряпкина создается ощущение, что важные вехи требуют от поэта новых сил, и он постоянно пишет об этом.

Меняется семантика «космических» тем и образов Н.И. Тряпкина (они несут в себе значение порочности): «Планета крутится среди блуда. Планета, "вздыбив полушария", летит во тьму. Планета уносится в "безвестность". Гудит всемирный крематорий. "Ветер мироздания" падает на "звездные ресницы" "роковым пеплом". "Вселенская пыль оседает на дедов порог". "Вселенская лужа " – вот что остается человеку от Божьего замысла»².

Свои новые произведения Н.И. Тряпкин стремится опубликовать. Так, в сентябре 1982 года в издательстве «Советский писатель» была начата

¹ Михайлов Ал. Быль и сказка. // Молодая гвардия. 1971. № 8. С. 307.

² Аннинский Л. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы», (2006). url : [http : // www. zavtra. День литературы/114/71.html](http://www.zavtra.День литературы/114/71.html). (дата обращения: 09.01.2013).

работа по составлению договора на издание сборника Н.И. Тряпкина «Царская дорога»¹, за что поэт в своих письмах неоднократно благодарит председателя издательства В.Н. Еременко. Рецензия на сборник «Царская дорога» была написана А. Жигулиным в 1983 году. Известно, что в этот сборник Тряпкин включил «Стихи о Федоре Парфенове» (1979). Как отмечает А. Жигулин, «глубоко трогают воспоминания о Федоре Парфенове – писателе, благословившем когда-то поэта на крестный литературный путь»².

В общей сложности в 80-е г. выходят семь сборников поэта: «Стихотворения (1940–1982)» (1983), «Избранное: стихотворения» (1984), «Огненные ясли» (1985), «Излучки» (1987), «Подражание Экклезиасту» (1989), «Разговор по душам» (1989), «Стихотворения» (1989).

«Меня всегда восхищала работоспособность, постоянная вдохновлённость Тряпкина, особенно в конце восьмидесятых – начале девяностых, когда интерес к поэзии у современников стал явно падать, журналистика и политика всецело захватили внимание людей, а он писал и писал, пел и пел... Правда, песенки стали теперь больше походять на пророческие скрижали, на яростные гражданские воззрения, на жаркую исповедь и гневный протест»³.

Необходимо заметить, что три последних творческих периода Тряпкина объединяет то, что, как отмечает В.Н. Бараков в своем исследовании «"Почвенное" направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» (1998), «открыто сказать правду о российской жизни из-за цензурных рогаток он [Тряпкин – Х.Т.] не имел возможности, говорить языком символов, как Рубцов или Кузнецов, не смог или не захотел, лгать не позволила совесть, поэтому

¹ Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи.// РГАЛИ. 19. ф. 1234 оп. 23 ед. хр. 1524.

² Там же.

³ Иванов Г.В. «А я песенки пою...»// Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып 1. С. 52.

Тряпкин стал писать стихи "в стол". Это вынужденное молчание, во время которого он жил старым багажом, не публикуя новых стихов, наступило в середине и продолжалось во второй половине 70-х (сборники «Вечерний звон» (1975), «Заповедь» (1976), «Стихотворения» (1977), «Скрип моей колыбели» (1978), «Избранное» (1980) и первой половине 80-х годов («Стихотворения» (1983), «Избранное» (1984), «Огненные ясли» (1985). Все эти книги повторяли друг друга, – поэт зарабатывал на жизнь переизданием ранее написанного (в 50-е, 60-е годы)».¹

В 2005 году выходит книга В.Г. Бондаренко «Последние поэты империи», в которой исследователь пишет о жизни и творчестве Н.И. Тряпкина. Обращает на себя внимание тот факт, о котором пишет В.Г. Бондаренко: на один из последних съездов советских писателей Тряпкина не пригласили, «не тот оказался уровень значимости у талантливейшего национального поэта»². В знак протеста поэт Юрий Кузнецов, попавший в список приглашенных на съезд, считавший Тряпкина последним русским поэтом, отказался от участия в съезде в пользу Тряпкина. В результате на съезд ни Ю.П. Кузнецов, ни Н.И. Тряпкин не попали.

На протяжении всего творческого пути, как отмечает В.Г. Бондаренко, в своих стихотворениях Н.И. Тряпкин не раз критиковал существующий политический строй, не вступал в партию, предпочитал лирическое, эстетическое сопротивление любому официальному режиму – вот те причины, по которым поэту не присудили Государственную премию СССР в 1987 году³.

Его «вольная» поэзия не укладывалась в канонические православные и патриотические уставы. И в сталинские, и в брежневские годы надо было обладать и смелостью, и дерзостью, и мужеством, чтобы написать такие

¹ Бараков В. Н. «"Почвенное" направление в русской поэзии второй половины XX века: Типология и эволюция»: дис. доктора филол. Москва, 1998. С. 166–167.

² Бондаренко В. Г. Отверженный поэт /Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия. 2005. 667 с. С. 34.

³ Бондаренко В. Г. Отверженный поэт. / Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия. 2005. 667 с. С. 34.

стихотворения, как «Все становится горстью простого дерьма или пыли...» (1961), «Первая песня о районном кляузнике» (1962), «Как людей убивают?» (1965), «А на земле мазурики...» (1966), «И снова пьют, блюют и падают в ухабе...» (1971), «Закрывая Библию» (1972), «Автограф» (1981), «Дураку не даром лестно...» (1981), «Гласом царя Давида...» (1982), «Как научились воровать!» (1982), «Поэзия и ложь» (1982).

Шестой период – 1990-е гг. Опубликовано 43 стихотворения Н.И. Тряпкина, вошедших в сборники, изданные уже после смерти поэта («Уж видно, тот нам выпал жребий: стихотворения», 2000; «Горящий Водолей», 2003). Распад Советского Союза тяжело переживался Тряпкиным, он видел в этом крушении и крушение собственной судьбы и об этом он написал в своих произведениях. «Тряпкин от едких и ироничных в своей беспощадности частушек переходил к величественным гимнам, славя, вопреки всему, "великий Советский Союз" и "великое братство людское"»¹.

Многие стихотворения, в которых наступает прозрение поэта, объединены центральной темой России, представленной «в более жестких, драматических тонах»². В стихотворениях усиливаются гражданско-патриотические мотивы, появляются оригинальные сравнения и параллели (Русь–Богородица, Первомай–Христос, красное–голубое): мышление поэта становится «метафорическим».

В стихотворениях последнего десятилетия наблюдается поэтический взлет, завершивший творческий путь Н.И. Тряпкина.

Таким образом, при рассмотрении творчества Н.И. Тряпкина, были обозначены границы периодов творческого пути поэта. Предлагаемая периодизация не считается окончательной и устанавливается как основание для дальнейшего исследования.

¹Бондаренко В. Г. Отверженный поэт. / Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия. 2005. 667 с. С. 34.

²Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия // Литературная учеба. 2003. №2. С.157.

§ 3. Полемика о поэзии Н.И. Тряпкина в критике и литературоведении

Литературная критика конца XX века унаследовала многие традиции классической критики XIX–XX вв. Современные приоритеты филологической науки, направленной на создание единой истории русской литературы, указали на необходимость изучения литературно-критического наследия, связанного с творчеством Тряпкина, а также основных литературных дискуссий и отражения этих дискуссий на страницах печатных изданий. Анализ русской литературно-художественной критики опирается на методологические положения, которые содержатся в работах М.М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, Л. Я. Гинзбург, Б.Е. Егорова, Ю. В. Манна, И. В. Кондакова. Базу исследования составляют 70 статей, рецензий, литературных обзоров, библиографических заметок, опубликованных с 1968 по 2013 г., в которых рассматриваются отдельные произведения Н.И. Тряпкина и/или содержится оценка его творчества в целом.

С конца 60-х гг. XX века творчество Н.И. Тряпкина становится объектом внимания советских литературоведов и критиков (П.С. Выходцева, В.В. Дементьева, В.В. Кожина, С.Ю. Куняева, А.А. Михайлова, А.К. Тарасенкова), появляются рецензии на поэтические сборники поэта (И. Саап «Николай Тряпкин. Летела гагара» (1968), Ил. Окунев «Н. Тряпкин. Избранная лирика» (1971), Н. Шевелев «Поэзия отворенного дня» (1972) (рецензия на сборник «Златоуст»), Ю. Иванов «Песенная доля» (1975) (рецензия на сборник «Жнива»), В. Журавлев «“Гуси-лебеди” на поворотах истории», 1977), а также исследования, рассматривающие творчество писателя (Ал. Михайлов «“Посреди очарованных трав...”. Сельская тема в современной русской поэзии» (1969), В.В. Кожин «Два пласта» (1969), Ал. Михайлов «Быль и сказка»

(1971), В. Приходько «Лебеди и вертолет» (1977), В. Чалмаев «Статичны ли истины?» (1977)).

В 80-е годы XX века стали изучаться этапы творческого пути Н.И. Тряпкина, основные темы его лирики, анализировались отдельные стороны поэтики его стихотворений (В.А. Котельников «Перуново древо поэта» (1985), А.В. Василевский «Чувство в своем эстестве» (1988), Е. Лебедев «Штрихи к портрету Николая Тряпкина» (1987), С.С. Куняев «Неизбывный Вертоград» (1989), В. Воронов «Убереглись от искушений. О произведениях русской поэзии и прозы, выдвинутых на Государственную премию СССР» (1989)).

Осмысление художественного наследия поэта приобрело еще большую интенсивность в 90-е годы XX века: появляются работы О. Панченко «Не изменяя, изменяться (1990), Б. Волкова «"Свет ты мой, робкий, таинственный свет..."». Поэтическая судьба Николая Тряпкина» (1994), Д. В. Псурцева «Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина)» (1999). Опубликован ряд работ, уделяющих внимание творческим исканиям поэта (обращение А. С. Пушкину, Н. Н. Некрасову, А. А. Блоку, С. А. Есенину; патриотическая тема, исповедальность, философские обобщения), его художественным принципам, в частности объединению лирического и эпического начал в его произведениях (В.А. Котельников, Д. В. Псурцев), а О. Панченко одна из первых рассмотрела мифопоэтическую основу творчества поэта, в частности связь с античной культурной традицией¹. Надо заметить, что творчество Н.И. Тряпкина многими исследователями определяется как мифотворческое, поскольку писатель, отталкиваясь от конкретной предметности повседневной жизни, от ее драматических и трагических ситуаций, создает в своих произведениях совершенно новый мир: «С "дремучей давностью"»

¹Панченко О. Не изменяя, изменяться // Октябрь. 1990. № 7. С. 203.

сплетается день нынешний <...> мифологические существа столь же осязаемы, как и обитатели леса, как домашние животные»¹:

Здесь прадед Святогор в скрижалях не стареет,
Зато и сам Христос не спорит с новизной.
И на лепных печах, ровесницах Кащея,
Колхозный календарь читает Домовой².

«Пижма» (1946).

В 90-е годы задача популяризации творчества Н.И. Тряпкина осложнялась тем, что нужно было найти такую тональность звучания имени поэта, которая «вписывалась бы» в общую канву общественно-политической ситуации в стране, сложившейся еще в 70-е годы XX века не в пользу «любому свободному проявлению таланта»: «Кто из властей предрержащих стал бы в то застойное бесхребетное время замечать какого-то Тряпкина с его “бесцельными и беспричинными” стихами, в которых <...> угадывается заветное желание – “слышать, как тайные реки сливаются где-то в одну”? Легко ли им понять, подобострастно вознесшим на Олимп трилогию безъязыкого генсека, что настоящее большое искусство вырастает из многих ручейков народной поэзии, что почти каждая строка Николая Тряпкина не подлежит девальвации, потому что золотой запас его прочности коренится в родной почве, в плеске родниковой воды?»³:

Среди лихой всемирной склоки,
Среди пожаров и смертей
Все реки наши и потоки
Для нас все ближе и святей...⁴.

«Среди лихой всемирной склоки» (1982)

¹Котельников В. А. Тряпкин Н. И. // Русские писатели, XX век: библиографический словарь. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1998. С. 462.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 23.

³Волков Б. «Свет ты мой, робкий, таинственный свет». Поэтическая судьба Николая Тряпкина // Литературная газета. 1994. 6 сентября. С. 24.

⁴Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 369.

Творчество Н.И. Тряпкина не принадлежало к так называемой ортодоксальной литературе, «возвращенной» или «изгнанной». Но, как отмечает В. Воронов, «нешумная» слава Н.И. Тряпкина оказалась прочнее и устойчивее многих литературных репутаций. Тряпкин, обладая «чистейшим голосом», словно с помощью тончайшей поэтической мембраны поставил глубокий и точный диагноз духовному самочувствию современников:

И только сдуру надеваете
 Пред миром темные очки¹.

«А вы, гуляки и любовники!» (1965).

В конце XX – начале XXI века стихи Н.И. Тряпкина появляются в антологиях русской поэзии XX века (Е.А. Евтушенко. Николай Тряпкин // Строфы века. Антология русской поэзии (1995)), библиографических словарях-справочниках (В.А. Котельников. Тряпкин Н. И. // Русские писатели. XX век: библиографический словарь (1998); С.И. Чупринин. Новая Россия: мир литературы: энциклопедический словарь-справочник (2003), В.А. Котельников. Тряпкин Н.И. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь (2005)).

На малой родине поэта, на Тверской земле, в первое десятилетие XXI века развернулось углубленное изучение художественного наследия Н.И. Тряпкина (В.А. Редькин. Н.И. Тряпкин // Русская поэзия второй половины XX века: учеб. пособие (2006); В.А. Редькин. Тверская поэзия на пути храма (2013); С.Ю. Николаева. Художественная философия Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова (2010); С.Ю. Николаева. Художественный мир Н.И. Тряпкина (2010); А.М. Бойников «...Родился я в сердце России». О творчестве нашего земляка, выдающегося русского поэта Николая

¹Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди: стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 246.

Тряпкина (2003), А.М. Бойников. Концепт «дом», «природа», «вода» в стихотворении Н. И. Тряпкина «Легенда» (2007); А.М. Бойников. Николай Иванович Тряпкин // Литературное краеведение XX века (2008)).

В Рязани вышла монография Л.В. Рыжковой-Гришиной «Свеча земли» (2012), в которой дается представление исследователя о творческом пути Н.И. Тряпкина, его основных, рассматриваемых как части единой системы аспектах, таких как библейская тема, тема древности, тема любви, образ русской женщины в стихотворениях Н.И. Тряпкина, анализируются лексические особенности его поэтики.

В большинстве опубликованных исследовательских материалов содержатся указания на необходимость всестороннего и объективного изучения стихотворений Н.И. Тряпкина. Были и отзывы на поэтические сборники Н.И. Тряпкина, авторы которых лишь указывали направление анализа лирики поэта (И. Саап¹, Ил. Окунев², Н. Шевелев³).

Стихотворения Н.И. Тряпкина включены в литературные энциклопедические издания Тверской области (В.Н. Соколова. Тряпкин Николай Иванович // Имена в истории края: библиотечка краеведа (1997); Старица и Старицкий район: Энциклопедический справочник / сост. В.Н. Соколова (2001); А.В. Шитков. Николай Иванович Тряпкин (1918–1999): 90 лет со дня рождения // Тверские памятные даты на 2008 год).

Советские критики и писатели, оценивая творчество поэта, признавали, что Н.И. Тряпкин – «крупное литературное явление», и отмечали наличие в его произведениях «яркого таланта»: «Николай Тряпкин – истинный поэт, он же и певец для своих стихов. Читаешь его и подумаешь иной раз: неуместны-де повторенья чрезмерные отдельных строк. А споет их Тряпкин – окажется все к месту», – считает А.

¹Саап И. Николай Тряпкин. Летела гагара. // Октябрь. 1968. № 1.

²Окунев Ил. Н. Тряпкин. Избранная лирика. // Октябрь. 1971. № 5.

³Шевелев Н. Поэзия отворенного дня. // Москва. 1972. № 8.

Старостин¹; «Трудно отыскать из живущих ныне поэтов, кто так свободно, вольно владел поэтическим творчеством и одновременно был столь органически укоренен в народных истоках <...>. Кому как, а мне по душе песенная и музыкальная поэзия Николая Тряпкина, <...> стремление “рассказать, что отовсюду на меня веселость веет, что не знаю сам, что буду петь, – но только песня зреет”». Такое созревание и рождает удивительную чуткость Тряпкина к равновесию, ощущение в его стихах ликующего полета», – отмечает Б. Волков²; «Когда новейшие критики говорят о кризисе в русской поэзии, хочется с ними поспорить. И основанием для возражений может служить <...> присутствие в нашем литературном сознании и бытии, в самом воздухе современной поэзии таких ориентиров, таких ценностей, которые принадлежат нашей эпохе, задавая высочайшую планку требований к мастерству поэта. Тверь всегда “поставляла” великой русской литературе крупных, значимых художников слова. <...> Николай Иванович Тряпкин – выдающийся русский поэт XX века – <...> успел осмыслить и воплотить в слове все важнейшие явления и вехи истории России XX столетия. <...> Уровень мышления Николая Тряпкина позволил ему связать тверскую землю со всей Россией, всем миром, даже Вселенной», – пишет С. Ю. Николаева³.

В критике обсуждался широкий круг проблем, связанных с творчеством Н.И. Тряпкина: развитие народно-песенных и реалистических традиций, библейские мотивы, жанровые особенности исторического повествования, мастерство поэта, структурное своеобразие его произведений, их связь с историко-литературным контекстом. Не прошли незамеченными и последние стихотворения поэта: «Не жалею, друзья, что пора умирать» (1993), «Давайте споем» (1993), «Песнь о великом походе»

¹Котельников В. В. Перуново древо поэта // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 137.

²Волков Б. «Свет ты мой, робкий, таинственный свет». Поэтическая судьба Николая Тряпкина // Литературная газета, 1994. 6 сентября. № 33. С. 24.

³Николаева С. Ю. Художественный мир Н. И. Тряпкина. // Тверь. Литературный альманах. Тверь: ООО «Изд-во Волга», 2010. С. 329.

(1993), «Послание Марку Соболю» (1993), «Послание другу» (1993), «Стихи о Павле Антокольском» (1994), «Вербная песня» (1994), «Развалилась моя вселенная» (1994), «Когда-то там, в лесах Устюги» (1995), «За фольклором, за фольклором» (1995), «Горе старого Лира» (1995), «Ни голынинского Пострелкина» (1995), «Поземка» (1995).

Развернутую оценку творчеству Н.И. Тряпкина дали критики В.В. Кожин и С.С. Куняев.

Манера повествования В.В. Кожина словно совпадала со стилем поэта, творчеству или индивидуальности которого посвящены его работы¹. Эта особенность явилась органичным следствием его убеждения в том, что произведение искусства можно рассматривать, только становясь на точку зрения самого автора. По мысли критика, «Николай Тряпкин – просто поэт в самом полном и глубоком значении этого слова, поэт самобытный, поэт, как говаривали в старину, “божьей милостью”². Критик обращает внимание на классические традиции в творчестве Тряпкина (Пушкин, Некрасов, Блок, Заболоцкий). Яркие примеры из поэтических текстов Тряпкина помогают критику перейти к анализу творчества художника в целом.

Где там ели проскрипели?
Чей там шепот, чей там крик?
Разгадать бы травный шелест,
Положить на свой язык!
Чтобы, властный и свободный,
Побеждая темный прах,
Знал я тайны первородной,
Детский запах на губах³.

«Поэзия предстает здесь не как упорное сотворение новой красоты, но как откровение, как разгадка “тайны”. Этот путь <...> связан с гораздо

¹Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № 9; Кожин В. В. Лирическая дерзость // Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Детская литература, 1983; Кожин В. В. Статьи о современной литературе. М.: Советский писатель, 1982.

²Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № 9. С. 298.

³Там же. С. 300.

большим риском, чем последовательное, медленное созидание произведения. И в самом деле: во многих стихах Николая Тряпкина “откровение” не свершилось. Но тем радостнее его поэтические победы»¹. В.В. Кожин не доказывает, а стремится угадать внутренний смысл произведений, воссоздать целостный образ художника.

Статьи С.С. Куняева характеризуются обилием развернутых цитат, критик создает общий эмоциональный настрой, позволяющий наиболее полно воспринимать поэзию Тряпкина, исходя из ее природы. Использование цитат в работах С.С. Куняева многофункционально. Цитирование может быть связано с самой концепцией анализа (например, в статье «Мои волшебные сказанья», 1982). В то же время цитата нередко становится ключом ко всему творчеству поэта («Мой неизбывный Вертоград...», 2008). С.С. Куняев бережно относится к цитируемому тексту, что выражается и в стремлении дать читателю возможность испытать воздействие произведения в целом, и в корректности отбора цитат, и в желании не «заслонять» текст комментированием и истолкованием, а побуждать к активности читательское эстетическое чувство.

В значительной части статей критик органически включает стихотворную цитату в авторский текст как продолжение своей мысли: «Поэт пристально вглядывается в туманные дали, чтобы разглядеть судьбы человечества, его взгляд зорок, трезв, строг. <...> Перед его глазами встает огневой смерч, мировой буран, пронесшийся по земле грядущий мировой катаклизм:

И великое пламя над миром прошло,
 А верней – пронеслось!
 И от прежних лесов только птичье крыло
 Сохранить удалось.
 И хранится оно в золотом терему

¹Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № 9. С. 300.

Да под вечным стеклом.
А земля запропала в крошечном дыму –
И себя не найдем...»¹

Частое употребление в статьях местоимения «мы» и его форм, глагольных форм 2-го лица множественного числа («как удалось Тряпкину повенчать в своей душе ощущение единства и разлада – не будем гадать») указывает на обобщенность позиции критика, сопричастность его читателю, общность их интересов.

Нередко критик заканчивает свою статью стихами автора, о творчестве которого идет речь:

Завещаю кус простого хлеба
И в ночи горящий Водолей.
Поклоняюсь вам, земля и небо,
За весенний клёкот лебедей².

Можно сказать, что в данном случае критик доверяет автору закончить статью вместо себя.

Вклад С. С. Куняева в изучение творчества Н.И. Тряпкина по достоинству оценил Ю. М. Павлов в своем исследовании «Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии» (2010). Точная оценка творчества Тряпкина, немедленные отклики на явления современности – это и многое другое, выходящее из-под пера Сергея Куняева, способствовало сохранению преемственности и целостности русской литературы³.

Творчество Н.И. Тряпкина в контексте традиций русской духовной культуры рассматривалось в работах Л. А. Аннинского, С. С. Куняева,

¹Куняев С. С. Мои волшебные сказанья. // Москва. 1982. № 6. С. 190.

²Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999). // Литература в школе. 2008. № 11. С. 6.

³В своем исследовании Ю. М. Павлов также рассматривает деятельность В. В. Кожина и В. А. Бондаренко, посвятивших свою судьбу изучению, уточнению истории русской литературы.

В.А. Котельникова, В.Г. Бондаренко, В.А. Редькина, С.Ю. Николаевой, А. В. Василевского, Л.В. Рыжковой-Гришиной. Основной тезис обсуждений – введение христианских образов и мотивов в поэтический текст – имеет несколько уровней. Помимо прямого использования религиозных мотивов, сюжетов, выражающих непосредственно авторскую идею, очень важен уровень, где библейское «слово» становится художественным символом, а содержание произведения, идея автора проявляются в процессе мифологического наполнения текста.

Наиболее полно эта проблема рассмотрена в работах С. С. Куняева. Критик, проанализировав христианские образы и мотивы в стихотворениях Н.И. Тряпкина, пришел к выводу, что поэт с тревогой вглядывался в грядущее отчизны, видевшейся ему, подобно Христу, распятой на кресте и терпящей поношения от властителей. «Однако торжество тёмной и злой силы не вечно. Нечисть исчезает под лучами Божественного света, как дым, не оставляющий следа:

Пусть же провеет над нами крыло
 Серафима,
 В сердце моём закипит огневая слеза!..
 Снится мне Русь под созвездием
 Третьего Рима,
 Верую, пращур, в святые твои образа»¹.

В.А. Редькин в статье «Тверская поэзия на пути к храму» (2013) пишет о возрождении России, о ее духовно-нравственных ценностях. Исследователь считает, что возрождение духовности – основное направление развития современной тверской поэзии – в творчестве Тряпкина проявилось особенно ярко².

¹Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999). // Литература в школе. 2008. № 11. С. 6.

²Редькин В. А. Тверская поэзия на пути к храму. // Тверская литературная газета. 2013. № 1. (январь) С. 7.

Своя трактовка «христианской» темы была представлена в работе В.Г. Бондаренко «Николай Тряпкин» (В.Г. Бондаренко «Последние поэты империи», 2005): «...он выглядел явно странным, явно отверженным в грозные сталинские годы, когда спокойно писал о Христе и о крестной ноше, о Зимогорах и о возрожденных Назаретах, тем самым опровергая все нынешние байки о запретности христианских тем и стародавних преданий:

И летят над путями походными
Солнцебоги с твоих рукавиц.
И проносятся песни свободные
Над провалами черных темниц»¹.

Л. А. Аннинский, сопоставляя образы Сталина и Христа, отмечает, что только Н.И. Тряпкин решился примирить с Христом Сталина, коммуниста, по распоряжению которого были сметены храмы в эпоху Великого Перелома, порубаны иконы. Только у Тряпкина хватило души вознести неразрешимость в такую высь, где все разрешилось бы само собой².

Неоднозначность «религиозных настроений» поэта рассмотрела в своих работах С.Ю. Николаева: у Тряпкина человек идет дальше в своем дерзком стремлении овладеть миром и посягает уже на «голубицу на звездном дубу / да у Млечной реки», т. е. восстает против Бога, Святого Духа, колеблет мировую ось, мировое древо, и в итоге мир рушится, возникает картина апокалипсиса, воссозданная во многих стихотворениях Тряпкина:

Дьявол заходит в кабак,
Бог восседает за стойкой.
Пьют из Большого Ковша,

¹Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 19.

²Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы», (2006). url : [http : // www. zavtra. День литературы/114/71.html](http://www.zavtra.День литературы/114/71.html). (дата обращения: 09.01.2013).

Спирт не мешая с водою¹.

Л.В. Рыжкова-Гришина в главе, посвященной библейской теме в творчестве Тряпкина, исследует библейский цикл стихотворений поэта, написанных в 80-е годы: «Стенания у развалин Сиона», «Подражание Экклезиасту», «Гласом царя Давида». Исследовательница считает, что поэт пытается усмотреть общие закономерности в развитии человеческих культур и цивилизаций, прикоснуться к их началам, найти соответствия и параллели в их развитии².

Подобная многозначность трактовок – показатель глубины Тряпкина-поэта, его стихотворений.

Анализ космической тематики в стихотворениях поэта выводит восприятие его художественного наследия на более высокий проблемный уровень. Так, С.Ю. Николаева, вслед за В.В. Кожинным и С.С. Куняевым, указывающими на значительность «космических» стихотворений Тряпкина, отмечает, что наиболее частотным «космическим» образом в лирике поэта является образ Млечного Пути. Образ широко и разнообразно варьируется: Млечный Путь, Млечная корона, Млечная река, – ключевые мотивы обладают выразительностью в силу эффекта системы, эффекта множества, что является репрезентацией всей поэтической системы поэта³.

В.Г. Бондаренко назовет Н.И. Тряпкина «отверженным поэтом». В своих исследованиях «Отверженный поэт» (2002), «Последние поэты империи» (2005), размышляя о жизни и творчестве Н.И. Тряпкина, автор не боится представить на суд читателя свои мысли (он нередко использует местоимение «я», что говорит о ярко выраженном личностном подходе).

¹Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова. // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 5. С. 77.

²Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012.

³Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова. // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Вып. 5. 2010. С. 75.

Он поднимает читателя до возможности воспринять чужую эстетическую позицию как свою. Свободный диалог с читателем предопределяет внешнюю мозаичность его размышлений, включающих в себя многократное цитирование, передачу своих впечатлений о поэте: «Я познакомился с Николаем Ивановичем Тряпкиным еще в студенческие годы, в знаменитом в литературной среде тех лет общежитии Литературного института. Помню, я был там с компанией левых авангардных поэтов и критиков. Пили, гуляли и вдруг слышали где-то в соседней комнате завораживающее пение каких-то неведомых нам и непривычных для нашего уха стихов. Заглянули. Там жил мой однокурсник, талантливый поэт Игорь Крохин из Мценска <...> И у него сидел на кровати и напевно читал стихи про возвращение Стеньки Разина и “Летела гагара”, про забытые песни старины и стихи о Гришке Отрепьеве, о пролетариях всех стран <...> тоже слегка хмельной Николай Тряпкин <...> Это была хмельная ночь вольной хмельной поэзии Николая Тряпкина. Меня еще тогда поразило иное, чисто народное, а может, староверческое сострадательное отношение к Гришке Отрепьеву. И была в нем какая-то гордость за Отрепьева: мол, вот, наш, из самых низов, а в цари выбился, прямо как в русской сказке»¹. Критик всегда настроен на диалог с читателем и анализируемыми произведениями: «И летят над путями походными» (1944), «Старый погост» (1945), «Пижма» (1947), «Где-то есть космодромы» (1966), «Стихи о Николае Тряпкине» (1973) и др. Исследователь стремится «дать цельный лик художника», глубоко проникнув в его мир, изучив исторические условия и бытовую обстановку, в которых он работал.

Общим местом в работах о Н.И. Тряпкине, опубликованных В.Г. Бондаренко, становится введение информации о непростом прошлом писателя: «Поэт переживал свою семейную драму и не получал помощи ниоткуда. Последние годы жизни он вообще жил почти как бомж. Уйдя

¹Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 36.

почти по-толстовски из своего дома, почувствовав отторжение новой родни, он с все тем же неукротенным кержатским духом подолгу скитался по чужим домам»¹.

Н.И. Тряпкин в интерпретации критика предстает человеком, гонимым властью, но не потерявшим веру в жизнь, не отрекшимся от «нормальной» жизни (стихотворения «Заклятье», «Не жалею, друзья, что пора умирать», «Давайте споем»). В описании сопротивления/борьбы реализуется героический компонент. Борьба с врагом в стихотворениях поэта – это прежде всего борьба нравственная, борьба идей, но в своей непримиримости и ожесточенности она не уступает настоящей:

Не сумела злая тля меня сожрать,
 Не погиб я в этой гнусной яме.
 А теперь бы – только строчку дописать...
 Боже мой! Не расставайся с нами².

«Автограф» (1981).

В.Г. Бондаренко разоблачает интеллигентов-либералов, шестидесятников (Е.А. Евтушенко, А. П. Межирова), приводит факты предательства, лицемерия, называет имена литературных и общественных деятелей, с которыми Н.И. Тряпкин был знаком и которые так или иначе ему помогли (П. Г. Антокольский, В. В. Кожин, М. А. Соболев, А. А. Проханов, Ю. П. Кузнецов). Как отмечает Ю.А. Говорухина в статье «Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике» (2013), в уходе от крайних патриотических течений проявляется важная мировоззренческая и гносеологическая черта Бондаренко-критика второй половины 1990–2000-х годов: избегание догматичных, «завершенных» концепций, имеющее характер не резкой оппозиции, а компромисса, который обеспечивает широту критического ракурса и

¹Бондаренко В. Г. Отверженный поэт. // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Выпуск 1. Москва – Лотошино, 2010; Бондаренко, В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005.

²Тряпкин Н. И. Разговор по душам: стихи. М.: Современник, 1989. С. 101.

гибкость интерпретационной стратегии. Понятия «народный» и «русский» в статьях критика предполагают следующие традиционные смыслы: духовное родство с русской природой, землей, любовь к русскому языку в его естественном, простонародном звучании, причастность к героической русской истории, проживание на территории России, этническая чистота, проявление типичных черт русского национального характера, соотнесенность частного бытия с судьбой народа. Истинно русский язык в литературе, в представлении Бондаренко, – это язык, лишенный экспериментаторства, искусственности, утонченности, язык простонародный. Таким языком пишут Е. Носов, В. Шукшин, О. Фокина, Н. Тряпкин, Г. Горбовский, В. Распутин и др. – истинно народные, в иерархии Бондаренко, писатели¹.

Борьба мнений критиков и литературоведов развернулась вокруг проблемы близости художественной системы Н.И. Тряпкина к идейно-нравственным ориентирам поэзии Н.А. Клюева и Н.М. Рубцова. Поэт В.А. Соколов (1908–1991) в своих воспоминаниях о Н.А. Клюеве отмечает, что о значении творчества Клюева в истории русской поэзии обстоятельно писали В. В. Дементьев, С. С. Куняев, Н.И. Тряпкин, «коим дорого несуетное, самоцветное, поэтическое слово»². С. Куняев называет Тряпкина наследником Николая Клюева, которому поэт посвятил стихотворение «Предание» (1973). Как отмечает В. В. Дементьев в своей работе «Олонецкий ведун. Житие Николая Клюева» (2005), Тряпкин – один из немногих современных поэтов, которым довелось увидеть родной дом Клюева в Олонецкой губернии³. В. А. Котельников считает, что у Н.А. Клюева Н.И. Тряпкин «учился видеть коренную северную Русь». В стихотворении Н.И. Тряпкина «Пижма» (1946), по мысли исследователя,

¹Говорухина Ю. А. Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике // НЛО. 2013. №1. С. 131.

²Соколов В. Олонецкий Лонгфелло // Литературная Россия. 1996. № 37 (13 сентября). С. 14.

³Дементьев В. В. Олонецкий ведун. Житие Николая Клюева // Вытегра: краеведческий альманах. Вып 3. Вологда: Русь, 2005.

нетрудно обнаружить переключки со стихотворением Н.А. Клюева «Печные прибои пьянящи и гулки» (1916)¹.

Мысль о том, что лирика Н.И. Тряпкина испытала влияние поэзии Н.А. Клюева, была поставлена под сомнение В.Н. Бараковым, который назвал влияние Н.А. Клюева на творчество поэта «литературоведческим штампом и одновременно мифом» (В.Н. Бараков «“Почвенное” направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» (2004), «Слову предела нет» (2005), «Современная русская поэзия: патриотический дискурс: избранные статьи» (2012)).

Исследователь, подробно изучив историю вопроса, которая берет свое начало в работах С. С. Куняева «Жизнь – океан многозвонный» (1984) и В. В. Дементьева «Исповедь земли» (1984), утверждает, что в большинстве исследований, затрагивающих эту проблему, нет никаких фактических или аналитических доказательств, подтверждающих мысль о влиянии. В.Н. Бараков, оттолкнувшись от положений П. С. Выходцева, высказанных в исследованиях «Земля и люди» (1984) (Н. Клюев – крупный мастер стиха, и надо отдать должное умению молодого Тряпкина опереться на лучшие стороны его поэзии, но более интенсивно Тряпкин учился у других советских поэтов – С.А. Есенина, А.А. Прокофьева, А.Т. Твардовского) Е. Лебедева («Несмотря на совпадение тем, несмотря на собственное преклонение перед Клюевым, Н. Тряпкин не похож на него в главном. Клюев с самого начала ощутил себя носителем и проповедником истины. Н. Тряпкин искал ее “след неповторимый”»²), считает, что у поэта нет клюевского идейно-тематического богатства, отсутствует религиозно-философская глубина, нет многоцветного клюевского языка, обилия бытовых деталей, за исключением староверческой экзотики. Подводя итог дискуссионной ситуации, можно отметить, что наличие традиций Н.А.

¹Котельников В. А. Перуново древо поэта. // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 142.

²Лебедев Е. Штрихи к портрету Николая Тряпкина. // Литературная газета. 1987. № 35. 26 августа. С. 5.

Клюева в творчестве Н.И. Тряпкина требует более детальных и основательных доказательств.

О генетической близости поэтических систем Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина писали многие исследователи: В.Н. Бараков¹, Н. Н. Зуев², В. Макеев³, Ал. А. Михайлов⁴, В. Оботуров⁵. В их понимании большинство стихотворений Н.И. Тряпкина – талантливое явление, роднящее автора с выдающимися представителями «почвеннической» литературы, в первую очередь с Н.М. Рубцовым. О поэтах-«почвенниках» (А.Я. Яшине, Н.К. Старшинове, С.В. Викулове, О.А. Фокиной, Н. Ф. Дмитриеве), по утверждению В.Н. Баракова, можно говорить как о поэтах «рубцовой плеяды». В их стихотворениях приоритетным было внимание к носительнице национальных традиций – деревне. Деревня – предмет их тревог и раздумий, человек-труженик – цель их эмоциональных исследований, природа и человек едины в их художественном сознании, ясно ощутима связь с фольклором, пафос национального бытия пронизывает их произведения⁶. Подобную точку зрения не разделял В. В. Кожин, утверждавший, что близость, в частности, к устному народному творчеству, присущая Николаю Тряпкину, нехарактерна для творчества Николая Рубцова, и критики напрасно говорят об этой близости (а подчас даже усматривают в ней чуть ли не главный источник силы и своеобразия поэта). В. В. Кожин считает, что у Рубцова есть отдельные стихотворения и отдельные образы, связанные с фольклором, но такого

¹Бараков В. Н. Слова пределу нет. Литературоведение. Критика. Публицистика. Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005; Бараков, В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Вологда: Русь, 2004.

²Зуев Н. Н. Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция. // Литература в школе. 1996. № 1. С. 25–32.

³Макеев В. «Душой, которую не жаль...». // Наш современник. 2001. № 1. С. 128–131.

⁴Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...»: сельская тема в современной русской поэзии. // Дружба народов. 1969. № 2. С. 257–258.

⁵Оботуров В. А. Искреннее слово: страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова. М.: Советский писатель, 1987.

⁶Редькин В. А. Русская поэзия второй половины XX века: учебное пособие. Тверь, 2006. С. 142.

рода связи можно обнаружить у очень многих поэтов, так как то или иное специфическое задание требует обращения к фольклорным мотивам и формам¹.

Еще один дискуссионный вопрос, поднимавшийся на страницах публикаций, связан с поэтическим мастерством Н.И. Тряпкина. А. Н. Архангельский считает, что многие «стихи Тряпкина несовершенны, длинны, порою чересчур наивны»², о «плохих» стихах поэта пишет А. В. Василевский³. Более детально «творческие неудачи» Тряпкина прослеживает В. Н. Бараков. Анализируя лирику Н.И. Тряпкина 60-х годов, автор указывает на отсутствие у поэта сквозной лирической темы (например, мотива времени, пути), присущей Блоку, Есенину, Рубцову; считает, что в своих стихотворениях поэт недостаточно использует народную образную символику, и это является доказательством поверхностного знания крестьянской жизни и фольклора; рассматривая жанрово-стилистическое своеобразие лирики поэтов-«почвенников», В.Н. Бараков говорит о внешнем использовании языковых форм (диалектизмы, уменьшительно-ласкательные суффиксы). Однако в своих умозаключениях исследователь приходит к выводу о том, что основой мировоззрения Н.И. Тряпкина является мировоззрение народное, крестьянское в своих истоках, являющееся главным стержнем в идейно-эстетических исканиях поэта⁴.

Творчество Николая Тряпкина и литературная дискуссия вокруг этой фигуры подтверждают жизнеспособность русской литературы конца XX века и задают тот высокий художественный уровень литературной жизни, который стал ориентиром для развития поэтической мысли сегодня.

¹Кожин В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Советская Россия, 1976.

²Архангельский А. Н. На песенном истоке. // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 53.

³Василевский А. В. Чувство в своем естестве. // Новый мир. 1988. № 3. С. 261.

⁴Бараков В. Н. Слова пределу нет. Литературоведение. Критика. Публицистика. Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005; Бараков, В. Н. Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Вологда: Русь, 2004.

§ 4. Идиостиль как способ индивидуализации художественного мира поэта

Одним из распространенных подходов при изучении языковой личности автора является описание его идиостиля. При этом идиостиль характеризуется широким набором критериев. В поэтическом творчестве Тряпкина одними из таких критериев являются особенности организации ономастического пространства и цветообразной поэтики. Имена собственные (ИС) являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, важной частью его образной системы, «слагаемыми стиля писателя»¹. «Цвет, так же, как и пейзаж и звук, отражает основные принципы поэтики писателя»².

Изучение имен собственных и цветообразов через их системное описание дает материал для заключений о художественных особенностях авторского стиля поэта.

4.1. Ономастическое пространство в поэзии Н.И. Тряпкина

В языковой индивидуальной картине мира Тряпкина значительное место отводится ономастическому пласту лексики. Она представляет собою яркое стилистическое и экспрессивное средство: «они́мы вплетаются в текстовую ткань как обязательный и организующий компонент, они взаимодействуют с другими текстовыми элементами,

¹Михайлов В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи: учеб. пособие. Симферополь: Изд-во Симферопольского ун-та, 1981. С. 15.

²Соловьев М.С. Изобразительные средства в творчестве Достоевского. Очерки. М.: Сов. писатель, 1979. С. 195.

демонстрируют свои изобразительные возможности в пределах широкого и узкого контекста...»¹.

Как известно, имена собственные способны выполнять в художественном тексте разнообразные функции: текстообразующую, жанрообразующую, стилистическую.

Выбор имени собственного в художественном произведении определяется и жанром, и художественным методом писателя, и стилистическими целями. Имена собственные образуют ономастическое пространство произведения «с ядерными и периферийными конститuentами», каждое имя собственное участвует в организации и построении художественного произведения, неся при этом большую семантическую и стилистическую нагрузку².

Собственные имена в творчестве поэта служат средством самоидентификации человека и общества (антропонимы), способствуют освоению географического и социального пространства (топонимы, а также некоторые другие разряды имен).

Имена собственные, характеризующие человека (имя, отчество, фамилия), функционально значимы и в номинативном, и в онтологическом аспектах. Антропонимы служат и средством обобщения, и средством познания, выполняя вместе с этим свои обычные функции: номинативную и эстетическую.

В поэзии Н.И. Тряпкина используются имена прецедентные и имена обычных, простых людей.

Широкий пласт имен собственных (антропонимов) представлен именами реальных исторических персонажей. Стихотворения, в которых они употребляются, относятся к различным годам и разнородны по

¹Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. С. 118.

²Картавенко В. С. Ономастическое пространство в поэзии Н. И. Рыленкова. // Язык и стиль Н. И. Рыленкова: материалы межвузовской научно-практической конференции. Смоленск: СмолГУ, 2009. С. 64.

тематике. Здесь можно отметить стихи, которые возвеличивают человека: упоминаются Святослав Игоревич («Эй, славяне, славяне!», 1960; «Не хватает грома для раската», 1969), Г. Отрепьев («Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966), С. Разин («Возвращение Разина», 1945; «Не поляки, не свеи, не фрязи», 1973), Соломон («Песнь о российском храме», 1982), Тимур-Тамерлан («Песнь песней», 1970–1973) – и стихотворения, которые призваны обличить исторического персонажа: представлены А. Гитлер («Годовой отчет колхоза», 1946), Ф. Паулюс («Подъезжают казаки», 1944), У. Черчилль («Увы, брат, Черчилль Уинстон», 1970) – или показать образ людей искусства несколько упрощенно: К.М. Симонов, М.А. Шолохов («Стихи о собачьем наследии», 1961–1973), К.И. Чуковский («Послание старому приятелю», 1973).

Безусловно, имена исторических лиц одновременно имеют и общее значение имени как выделительного знака, и информационный лексический фон, т. е. воспроизводят те семы, которые заложены в имени, являющемся отражением и сохранением информации культурно-исторического и специфического национального характера: Владимир – князь, крестивший Русь; Нестор – монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский историк и публицист; Аввакум – глава раскола в русской церкви.

Названные имена относятся к группе прецедентных, т. е. имен, связанных с широко известными текстами или с ситуацией, широко известной носителям языка¹. Это имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры, имена, денотаты которых выступают как эталоны времени, пространства, меры². Представление обозначаемого данными именами «культурного предмета» (для антропонимов – лица)

¹Бобылева Е. В. Прецедентное имя. Вопросы прецедентности религиозного дискурса // Ономастическое пространство и национальная культура: материалы научно-практической конференции 14–16 сентября 2006 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2006. С. 246.

²Гудков Б. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 142.

«является общим для всех членов лингвокультурного сообщества»¹. В плане содержания имени имеется определенное коллективное представление, которое присутствует в сознании носителей данного языка и актуализируется при употреблении прецедентного имени в речи. Однако, кроме общего, в семантике такого имени присутствует и индивидуальный компонент, субъективный, т. е. имеют место индивидуальные представления, ассоциации и коннотации, связанные с теми или иными прецедентными именами в сознании конкретного носителя языка. Причем важно проанализировать восприятие имени автором текста, дать оценку его употреблению в тексте, его роли в создании образа, раскрытии темы произведения, оценить прецедентные ситуации его использования.

В текстах Н.И. Тряпкина больше всего имен исторических деятелей и людей искусства. Такой подбор свидетельствует об отдельных чертах мировоззрения поэта, его литературных пристрастиях.

Так, имена исторических деятелей чаще всего связаны с российской историей, которую Н.И. Тряпкин хорошо знал, ценил, понимал корни и истоки Руси. Поэтому несколько стихотворений посвящено первым русским князьям, возвеличиванию силы русского духа, борьбе Киевской Руси с татаро-монголами. Князья (Борис, Глеб, Святослав) образно восславлены в стихах «Радость» (1959), «Эй, славяне, славяне!» (1960), «Не хватает грома для раската» (1969), «За речными плесами» (1971), «Где-то звонко стучали зенитки (1971).

Не к векам Святослава
Крылья нашей молвы.
Слушай, Дон и Морава,
Слушай, Курск и Варшава,
Голос красной Москвы!..
Над весенним туманом –
Огнедышащий свет.
По военным курганом –

¹¹Гудков Б. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 146.

Горечь памятных лет.¹

«Эй, славяне, славяне...» (1960).

Имена во многом помогают представить себе величие образа древнерусского князя – мудрого правителя, воина, защитника.

Имеют место и имена более поздних исторических персонажей, в основном это персонажи российской истории: протопоп Аввакум («Черная печорская тайга», 1961; «Савелий Пижемский», 1966; «Предание», 1973; «Стихи о Николае Ключеве», 1973), В. Мономах («Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966), Б. Годунов («Как сегодня над степью донецкой», 1966), И. Калита («Девки бродят по вечерним скверам», 1967; «Пускай придет он – вечно молодой», 1973), М. Скуратов («Царская часовня», 1981), Дмитрий Самозванец («Забытые вехи, заглушенные дали», 1965), русские цари Петр, Павел («Не ведут пути окольные», 1971), Николай II («История», 1982), а также купцы Строганов («Пароход на Вычегде», 1948), Житков («Романово», 1965), матрос Железняк («Песнь о красных чайках», 1961), А. Шкуро, С. Петлюра («Песня», 1958). В перечисленных стихотворениях отражаются эпохальные события в истории России. Зачастую эти стихи не лишены патриотического пафоса.

Необходимо подчеркнуть, что Тряпкин к истории русского государства обращался постоянно. Однако деятели советской эпохи единично упомянуты в текстах (В.И. Ленин – Ильич – «Я родился при Советской власти», С.М. Буденный – «Как сегодня над степью донецкой»). Любовь к России у поэта не ассоциируется с именами ее вождей, что сближает лирику Н.И. Тряпкина в большей степени с лирикой Рыленкова, нежели Твардовского и Исаковского².

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 191.

²Сивцова А. А. Прецедентные имена в лирике Н. И. Рыленкова. // Язык и стиль Н. И. Рыленкова: материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения одного из основоположников Смоленской поэтической школы. 2 февраля 2009 года / отв. ред. И. А. Королёва. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. С. 49.

Имена писателей и поэтов составляют второй важнейший разряд прецедентных имен. Их круг очерчен литературными вкусами и пристрастиями Тряпкина. В сонме литературных имен разных лет – имена мастеров слова, оказавших влияние на формирование Тряпкина-поэта, на что указывают эпитафии целого ряда стихотворений: В.А. Жуковский «К востоку, все к востоку / Стремление земли» («Бабочка белая! Бабочка белая!», 1960), «Вон в сторонке божий храм / Виден одинокий» («Песнь о российском храме», 1982), А.С. Пушкин («Письмо», «Вспомним заповедь поэта...»), М.Ю. Лермонтов – «В минуту жизни трудную» («Стихи в трудную минуту», 1972–1975, «Стихи о мазуриках»), Н.А. Некрасов «Сгорело ты, гнездо моих отцов» («Элегии старому пепелищу», 1957, «Письмо», 1953), А.К. Толстой «Колокольчики мои, / Цветики степные!» («Проселки», 1957), Ф.И. Тютчев «Здесь дым один, как пятая стихия, / Дым безотрадный, бесконечный дым!» («Дым», 1984), «Когда пробьет последний час природы, / Состав частей разрушится земных, / Все зримое опять покроют воды, / И божий лик изобразится в них» («Курильская песня», 1978), А.М. Горький «Господи – помилуй! / Мы – твои рабы!» («Сухмень» 1982), А.А. Блок «С одной думой непостижимой / Смотрю на твой спокойный лик» («Русь», 1973), В.Я. Брюсов «И дальше тропой неизбежной, / Сквозь годы и бедствий и смут...» («Песнь песней», 1970–1973), А.Л. Барто («Не скажу, что мир – поблекший снимок...»), С.В. Михалков («Стихи о Николае Тряпкине»), Н.А. Клюев («Стихи о Николае Клюеве»), А.И. Куприну, М.А. Светлову, А.Т. Твардовскому («Послание старому приятелю»), К.М. Симонову, М.А. Шолохову («Стихи о собачьем наследии»). Безусловно, это объясняется тем, что Н.И. Тряпкин в своем творчестве продолжил и развивал литературные традиции, которые укрепились в истории русской литературы. Так слагались стихи о Николае Клюеве (1973), о Федоре Панферове (1979), шуточное стихотворение-подражание К.Д. Бальмонту (1987). Здесь же нельзя не сказать об

употреблении в эпитафиях поэтов-представителей «крестьянской поэзии»: А.В. Кольцова («Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958), С.А. Есенина («Голубень», 1982), А.А. Прокофьева («Поход», 1981), П.В. Орешина («Рассказ про одно странствие», 1982). Разными сторонами своего творчества Н.И. Тряпкин всегда соприкасался с широким кругом поэтов.

Имена зарубежных мастеров слова в лирике Н.И. Тряпкина немногочисленны: Гомер («Душа моя бьется в каких-то силках непонятных», 1962; «А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры», 1970; «Ода к морю», 1981; «Вспомним заповедь поэта», 1982); Шекспир («Реквием», 1962); Вольтер («А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры», 1970); Шиллер («Я искал твой след неповторимый, 1970, «Я родился при Советской власти», 1987). Эпитафиями к стихотворениям «Фауст» (1957), «Мелодия высотных пустынь» (1961), «Лира священная! Звук Филомелы!» (1982) были взяты строки из произведений Гете, Шелли, Сафо. Все названные имена – имена первого уровня фоновых знаний.

В лирике Н.И. Тряпкина дважды упоминаются имена поэтов Смоленской поэтической школы: А.Т. Твардовского («Послание старому другу»), М.В. Исаковского (строки из стихотворения Исаковского «Спой мне, спой, Прокошина, / Что луга не скошены» стали эпитафией к стихотворению Н.И. Тряпкина «Истопил камелек. Хорошо!», 1961). В работах, посвященных анализу лирики Н.И. Тряпкина, не раз обращалось внимание на сходство его поэтической системы с творчеством М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова (В.Н. Бараков, В.Г. Бондаренко, В.А. Котельников, С.С. Куняев, Е. Лебедев, О. Панченко и др.). Безусловно, всех трех поэтов объединяет любовь к родному краю, чувство гордости за историю родной земли, почтение к своим корням и истокам.

Если обратиться к именам литературных героев и проанализировать имена собственные, составляющие эту группу, то здесь определяющую

роль в выборе онимов играют литературные приоритеты Н.И. Тряпкина. В творчестве поэта представлены следующие литературные имена (князь Игорь, Ярославна, Ленский), которые ассоциируются с литературными произведениями.

Наряду с известными именами знаменитых людей в стихотворениях Н.И. Тряпкина встречаются имена близких ему людей, знакомых: Семена Лесникова («Стихи про одну сходку», 1982), Андрейки Лесникова («Это было в 1927-м», 1973), Силаева Алешки («Барда», 1961), Саши Романова («Не скупы вологодцы на праздники», 1981), Семы-крепыша («Предместье весны на снегах февраля», 1948), Андрейки Переплясова («Рассказ про одну игру», 1969), Сени Горчака и Андрейки-печника («Чайная», 1962); односельчан: телятницы Натальи Бурминой («Каляда-маляда», 1967; «Начало», 1946), деревенского кляузника Афони («Песня о деревенском кляузнике», 1962), счетоводки Наташи («Не мила ты, сырая низина», 1947), счетовода Егора («Песнь о хлебе», 1949), солдатки Клавы («Когда вопрос о новой смете», 1948), колхозников Ильи Кобурихина и Кузьки Портнова, конюха Климентия («Бубенцы», 1958), бригадирки Танюши («Докосили всю рожь. И свезли яровое», 1966), технички Матрены, учителя Аркадия Ильича («В школу», 1956), учительницы Марии Кузьмовны («Первые зовы», 1982), механика Фролки («Вяжут свежие метелки», 1941), тележника Мартьяна («Годовой отчет колхоза», 1946), охотника Еркимена («Дорогой мой охотник, седой Еркимен!», 1958), председателя колхоза Ивана Гаганина («Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную», 1963; «Стихи про одну сходку», 1982), родственников: бабки Настасьи («Посиделки», 1966; «Бабка», 1982; «Жили мы вчетвером. Это прежде – мамаша с папашей», 1982; «Стихи о 1921-м годе», 1982), деда Фили («Встреча», 1982), брата Данилы («За горами, за лесами», 1981), дедка Микулы («Когда мой дед оплакивал коня», 1968), прадеда Семена («История», 1982), сестренки Томочки («Прибаски», 1972–1977), старшего брата матери Андрея Никанорыча («Стихи о земных

переменах», 1982; «Стихи про одну сходку», 1982). С большой теплотой и любовью пишет поэт о них:

Сколько рек остановлено за ночи,
Сколько мерзлых борозд по утрам!..
Мой привет кузнецу Митрофаньчу
И подшефным его тракторам!..¹

«Два письма» (1960).

Органично вплетаются в строки его стихов сказочные имена: Дед Мороз («Заповедь», 1970; «Снег да вечер», 1964; «Масленица», 1964), Снегурочка («Первый снег, первый снег у ворот!», 1951), Кашей («Пижма», 1946), Баба-Яга («Хозяин», 1946), Жар-птица («Да, я знаю тебя такую», 1966), Лель («То градом драит клевера», 1956; «За синие воды», 1957).

Иногда сказочные герои словно перевоплощаются в реальных лиц:

Перед нами сестра. Как из сказки – Аленка-сестренка.
Только чуть повзрослее. Да очи со светом Кремля.
Да звенит ее голос. И слушают люди девчонку.
Только шепчется пар. И за ним шелестит конопля².

«Песнь о хлебе» (1949).

Еще один микропласт составляют имена героев, принадлежавших к «мифологическим»: Берендей («За синие своды...», 1957; «Кострома», 1958; «Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958), Лель («За синие своды...», 1957; «То градом драит клевера», 1956; «Мелодия высотных пустынь», 1961; «Сухмень», 1982), Вий («Дорога», 1979), Зигфрид («Узкие русла, крутые обрывы», 1981), Дон Жуан («Посиделки», 1966),

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 182.

²Там же. С. 76.

Мефистофель («Фауст», 1957), Шехерезада («Стихи о Востоке», 1961). Как отмечает В. А. Котельников, язык мифа, на котором поэт рассказывает о вполне реальных событиях, современных жизненных явлениях, заново создается в стихе специально для выражения современного мироощущения¹:

Свищут века полевой чернобылью,
Кони взметают песок.
Свищут, гремят за спиной твоей крылья,
Зигфрид с мечом на восток.
Вот она – крепость: и гроты, и стены!
Вот он – готический стих!
Шел ты отсюда, сквозь эти морены,
В сторону предков моих².

«Узкие русла, крутые обрывы» (1981).

Мифологическое преобразование мира не оттесняет реалистических картин, однако в ряде стихотворений отдается предпочтение многозначности, иносказательности, свойственным художественному мышлению автора.

Круг антропонимов достаточно широк в плане как временном, так и пространственном. Кроме того, личные собственные имена служат указанием на культурные предпочтения самого поэта.

Топонимы в поэзии Н.И. Тряпкина представлены не менее ярко, чем антропонимы. Названия собственные географических объектов дают чрезвычайно богатый информационный и стилистический материал. В стилистическом потенциале топонимических названий в художественном тексте следует различать три стороны: 1) топонимическое значение; 2) этимологическое значение (с обнаженной внутренней формой); 3) звучание. С особым чувством говорит поэт о своей «малой родине» – тверской земле:

¹Котельников В. А. Перуново древо поэта. // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 144.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 346.

А пока примите сей удельный,
 Мой старинный песенный скобкарь...
 Ой, девчонки! Что за март под Тверью!
 Голубая таль...¹

«Девки бродят по вечерним скверам» (1967).

Н.И. Тряпкин бесконечно любит свой город, гордится им, его история для поэта – мерило достоинства и чести:

Через годы, через броды,
 Из-под Твери, с Калача
 Мы несли к полярным сводам
 Свет родного кумача.
 За родительскую славу,
 За колхозную весну
 Шли на голод и расправу,
 Шли на холод и войну.
 Умирили – повторяли:
 Дескать, что ж, не привыкать...
 И вставали – и шагали;
 Как положено шагать².

«Через годы, через броды» (1960).

Гордость за родной край выражена в стихотворениях Н.И. Тряпкина, в которых называются города, деревни, реки, озера Тверской земли (реки Мста («Зря мы, что ли, земля-молодица», 1962), Старинка («История», 1982), озеро Селигер («Проселки», 1957), города Зубцов, Осташков («Дорога», 1979), Ржев («По городу Ржеву», 1953; «Проселки», 1957; «О том, как старели покосные травы» 1962), Старица («Не алтари и не пророчества», 1981).

Поэт любит свою родную землю, гордится ее прошлым и настоящим, и вся его любовь и гордость отражаются в стихах:

Я родился
 На земле Тверской,
 Рос в полях,
 Гостил на Селигере.
 Эх, развеи мне,
 Ветерок родной,

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 176.

²Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди: стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 185.

Русый волос –
Чесаней кудели!¹

«Я родился не земле Тверской» (1958).

С революционными, военными событиями своего родного края Тряпкин связывает и прошлое своей семьи:

И легла чужая сторона –
Жгуча, камениста.
Где-то Тверь, гражданская война, –
Ой-ё-ёй! не близко.
Разругался дед со всей семьей –
Ничего не мило!
А пред ним – тот самый край святой...
Что же так... заныло?²

«Песнь о хождении в край палестинский» (1959–1973).

Наряду с Тверским краем дорого Н.И. Тряпкину название одного поселка, расположенного в Московской области, – Лотошино. Туда семья будущего поэта вынуждена была переехать после раскулачивания в 1930 году: «Живи без всякой жалобы, / Вари свое пшено. / И ту обитель, стало быть, / Зовут Лотошино»³ («Песнь о великом странствии», 1987).

Но не только топонимия Тверского края представлена в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина. Это – вся Россия от Москвы до Байкала: Аляска и Чукотский пролив («Белая тучка», 1966; «О том, как старели покосные травы», 1962), Алтай («Белая тучка», 1966; «Дорогой мой охотник, седой Еркимен!», 1958; «Из далекой службы ратной», 1962), Сибирь («За маленьким сельским прогоном», 1952; «О том, как старели покосные травы», 1962), Кубань («А у нас на Мезени», 1978), Краснодар («В гостях», 1961), Курилы («И снова дни, и снова годы», 1971; «Курильская песня», 1978; «Письмо в Японию», 1972), Карпаты («Ночной ветер», 1948; «Не хватает грома для раската», 1969), Колыма («Первая

¹Тряпкин Н. И. Распевы. М.: Советский писатель, 1958. С. 48.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 460.

³Тряпкин Н. И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 19.

песня о районном кляузнике», 1962), Печорский край («Лесные заливки», 1951; «Желание», 1957; «А у нас на Мезени», 1978; «Аргиш», 1961; «Песнь о великом нересте», 1970), Север («О том, как старели покосные травы», 1962), Соловки («Песенка», 1971). А также союзные и автономные республики с их городами и весями: Украина («Заявление в партию», 1959; «Не говори, моя голубка», 1958, Донбасс – «Ночные голоса паровозов», 1960), Белоруссия (Полоцк – «Ливонский монастырь», 1981; Хатынь – («Гласом царя Давида», 1982; «Узкие русла, крутые обрывы», 1981), Крым, Кавказ («Проселки», 1957). Встречаются в стихах поэта Москва, Питер, Сталинград, Вятка, Вологда, Псков, Калуга, Кострома:

И Кострома, и Тверь, и Ладога
 Да будут радостны и святы!
 И пусть горит над миром Радуга,
 И смолкнут вещице набаты¹.

«И, завладев любимыми трассами» (1987).

И, конечно же, сама Русь. Поэт верит в великое будущее своей страны: «Но все проходит. И над Русью / За светом новый вспыхнет свет...»² («Стансы», 1962).

Неоднократно становится предметом поэтических размышлений Н.И. Тряпкина славная многовековая история Смоленской земли, в своих произведениях он пишет о силе, стойкости Смоленска и его жителей («Литания», 1981), защитниках Родины, воевавших на Ельнинской и Вяземской земле: «Ради / Доли самой скромной / С белой гречкой над рекой / Мы ходили в бой огромный / И под Ельней и Москвой»³, «И гремели с Вязьмы на Осташков. / А потом со Ржева на Зубцов. / И на самых огненных коняшках / Ликовала спесь моих отцов»⁴.

¹Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 120.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 96.

³Тряпкин Н. И. Краснополье: стихи. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 35.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 344.

В 1984 году Н.И. Тряпкиным было написано стихотворение «А птички пели, птички пели», анализируя которое один из исследователей творчества поэта С.В. Молчанов пишет: «Не случаен в стихотворении и образ птички на плуге: из сельской реалии он преобразуется в образ символический. Здесь приходит на память ещё одна ассоциация: герб Смоленска – пушка, на которой сидит птичка. <...>. Для нас же важны детали-знаки, присутствующие на гербовом поле: зелёное, как будто пропаханное плугом поле с волнистыми, почти параллельными линиями, на нём пушка с поднятым стволом и “хвостом”, опирающимся на эту распаханную землю, присевшая в конце ствола, ближе к замку, к человеку, а не к гремящему жерлу. Герб этот вдохновил Николая Рыленкова»¹:

Когда гляжу на древний герб Смоленска,
Мне никакие тяготы не в счет.
Я не дивлюсь, что в нем смогли сродниться
У перекрестка грозových путей
И пушка, что таит грома, и птица,
О ясном дне поющая на ней.²

«Кувшин, в кургане найденный, и фреска» (1960).

Исключительно важную роль в жизни людей всегда играли реки. Это нашло отражение в поэзии Н.И. Тряпкина: упоминаются Виледь («Лебединая песня», 1973), Мезень («Желание», 1957; «А у нас на Мезени», 1978; «Аргиш», 1961), Вычегда («Коряжема», 1962; «Днем и ночью, снова днем и ночью», 1971; «Пароход на Вычегде», 1948; «Песнь о хлебе», 1949), Кама («Загостился я, земля, в твоих долинах», 1973; «И, завладев любыми трассами», 1973), Клязьма, Пахра («Девки бродят по вечерним скверам», 1967), Онега («Песнь о хлебе», 1949; «Песня», 1966;

¹Молчанов С. В. Образ воина-пахаря в поэзии Н. Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Н. Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып 1. С. 103.

²Рыленков Н. И. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. М.: Современник, 1985. С. 257.

«Днем и ночью, снова днем и ночью», 1971), Пинега («Желание», 1957), Свирь («Днем и ночью, снова днем и ночью», 1971), Улюсь («Голубень», 1982), Уссури («Желтый тайфун», 1979), Шелонь («Белая ночь», 1954).

Во многих стихотворениях встречаются названия крупных рек России: Амур («Амур», 1978), Ангара («Костел в Иркутске», 1973), Волга («Пусть метель засыпает ложбины», 1943; «Возвращение Разина», 1945; «Песнь о хлебе», 1949; «По городу Ржеву», 1953; «Легенда», 1953; «Журавли», 1955; «Песня», 1966), Двина («Пароход на Вычегде», 1948; «Заструги», 1962; «О страсти мира! Извечный крик!», 1969), Днепр («И вы, и вы, трагические хоры», 1981), Дон («Гайда, хлопцы!», 1942–1944; «Да с того ли с моря-окияна», 1966; «И вы, и вы, трагические хоры», 1981; «К беде или к счастью – не знаю», 1960; «Песня», 1958), Дунай («А я пойду опять к Восходу», 1971; «Горизонт», 1946; «Ивняковый, травяной, долинный», 1961; «Не хватает грома для раската», 1969), Иртыш («Заходили пламенные грозы», 1963), Москва-река («Легенда», 1953), Печора («Заструги», 1962; «Ивняковый, травяной, долинный», 1961). Причем зачастую реки бывают представлены в одном контексте: «Мы пройдем от моря и до моря – / За крылом, шумящим вдалеке. – / И споем на Волге о Печоре / И Днепру – о волжском рыбаке»¹, «Покатится к Волге, Десне и на Сож... / И вызреет в мире громовая рожь»². Упоминание таких крупных рек создает ощущение пространства. Д.С. Лихачев писал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором... Русское понятие храбрости – это удаль, а удаль – это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на просторе для выявления этой храбрости...»³.

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 208.

²Там же. С. 421.

³Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1985. С. 107–108.

Как всякий истинно большой поэт, Н.И. Тряпкин представляет в своей поэзии весь мир, он пишет о Гавайских островах («Вспомним заповедь поэта», 1982), Тибете («Желтый тайфун», 1979; «Легенда», 1980; «В самом сердце оконного ромба», 1981; «Допою свои песни земные», 1982), Кубе, Алжире, Каире («Две романтические оды», 1961), пустыне Гоби, Харбине («Желтый тайфун», 1979), Сирии («Заструги», 1962), Востоке («Он жил один в своей тени», 1973). Ему интересны иные города и страны: Америка («Ночной ветер», 1948), Нью-Йорк («Ночной ветер», 1948), Вьетнам («Не проглядим лихого часа», 1972), Корея («Посещаю все музеи», 1978), Берлин («Годовой отчет колхоза», 1946), Ливерпуль («В магазине “Тысяча мелочей”», 1981), Лондон, Шанхай («Коли есть волна-попутка», 1971), Париж («Горизонт», 1946; «Нет, я не вышел из народа!», 1982), Позрань («Костел в Иркутске», 1981), Хиросима («Завет», 1978); Темза и Ламанш («Песня о пустых небоскребах», 1972), Занзибар («Пусть где-то есть там город Занзибар», 1966).

В ряде стихотворений поэт противопоставляет Европу и Россию: «И даже в рубищах Парижа / Да не замучает нас грыжа! / И в этих песенках – не жижа, / А родниковая вода».¹ («Нет, я не вышел из народа», 1982).

Вначале это противопоставление не совсем понятно, но затем становится ясна его суть:

Поклонюсь я Шиллеру и Ведам
И восславлю Дрезден и Гарлем.
Только никогда я не уеду
Ни в Париж, ни в город Вифлеем².

«Я родился при Советской власти» (1987).

Помимо указанных групп онимов, есть в стихотворениях Н.И. Тряпкина и другие разряды имен собственных, например, зоонимы: Гнедок

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 541.

²Тряпкин Н. И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 149.

(«Когда мой дед оплакивал коня», 1968), Трезор («Цены повышаются, 1981), Тузик («Черная баллада», 1957), птицы Подь-полодь («Если синий-синий свет и зори...», 1947).

Представлены в поэтических произведениях Н.И. Тряпкина и геортонимы: Новый год («Новогодняя колхозная пирушка», 1948–1958), праздник Покров («Из дальней и долгой разлуки», 1973).

Астроним – собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, планеты, кометы. В качестве астронимов можно назвать слова Венера («Песня о красных звездоходах», 1957; «Пусть не лезет в кровь лихая спячка», 1961), Водолей («Песня о красных звездоходах», 1957; «За мосты, что мы позамостили», 1970; «Ах, речка моя! Ах, лодка моя!», 1982), Земля («За поемный терновник, пустившийся в рост», 1946; «Может быть, из-за балки смолистой», 1946; «Песнь о хлебе», 1949; «Песня о красных звездоходах», 1957; «Унесут меня в бесконечность», 1957; «Море», 1961; «Девки бродят по вечерним скверам», 1967; «Увы, брат, Черчилль Уинстон», 1970; «Не проглядим лихого часа», 1972; «Стихи о первом совхозе», 1973; «Черная, заполярная», 1978; «За каким там холмом и заставою», 1973; «История», 1982), Луна («Хулиганская песенка», 1981), Марс («Унесут меня в бесконечность», 1957), Месяц («Песнь о великом нересте», 1970), Козерог («Пусть не лезет в кровь лихая спячка», 1961), Орион («Две романтические оды», 1961; «В самое сердце оконного ромба», 1981), Сатурн («Обелиск», 1966), Солнце («Заздравная», 1962; «Песнь песней», 1970–1973; «Хулиганская песенка», 1981; «Да где ж вы, граждане Земли?», 1984).

Еще один вид имен собственных зафиксирован в поэзии Н.И. Тряпкина; это наутоним «Аврора» («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961).

Итак, онимы в лирике Н.И. Тряпкина играют важнейшую роль в создании богатого ономастического фона; кроме того, имена собственные

содержат в себе важные особенности реализации национально-культурного компонента в творчестве поэта.

4.2. Имена собственные в заглавиях стихотворений

Работая в области ономастики, занимаясь изучением имен собственных (ИС) в творчестве поэта в целом, нельзя не обратить внимания на онимы в роли заглавий его стихотворений. Когда художественное произведение имеет заглавие, то оно является главным компонентом художественного текста, в частности – его ономастического пространства¹.

Сами заглавия относятся к особому разряду имен собственных – идеонимам, так как именно в них, как в свернутом тексте, содержится множество смысловых оттенков замысла автора. Если в заглавии есть имя собственное (антропоним, топоним, гидроним и др.), то идейная концентрация заглавия повышается.

Имена собственные в роли заглавий или входящие в заглавия произведений как элементы играют весьма важную роль в раскрытии авторского замысла и воссоздании индивидуально-авторской художественной картины мира. Известна оценка роли заглавий художественных произведений: они несут в себе первичную информацию о тексте (нередко ключевую), призваны ориентировать читателя в пространственно-временном плане художественного текста. Имена собственные, используемые в заглавии, обычно указывают на главное или главных действующих лиц, отражают идею произведения².

¹Королева И. А. Имена собственные в заглавиях стихов Н. И. Рыленкова. // Язык и стиль Н. И. Рыленкова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. С. 38.

²Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2000.

Для выбора того или иного онима в роли заглавия или в составе заглавия имеют значение следующие факторы: тема произведения, цели и задачи автора, организация главных сюжетных линий, разнообразные текстовые вехи, герои произведения, место и время действия, особый исторический или иной фон действия, его романтичность, реалистичность, фантазийность и пр.

Рассматривая заглавия стихотворений Н.И. Тряпкина, необходимо обратить внимание на соотношение трех компонентов: «писатель–имя–текст», которое позволяет показать мотивацию выбора ИС, осмыслить связь онима с биографией поэта, соотнести текст с другими его стихотворениями. Такой анализ позволяет говорить об особенностях идиостиля поэта, его индивидуальном авторском мастерстве.

Имена собственные в заглавиях Н.И. Тряпкина представлены в 55 стихотворениях. Наиболее распространенными являются антропонимы и топонимы. Антропонимы призваны в основном обозначить главное действующее лицо, а топонимы определяют пространственные отношения. Позиция заглавия – ключевая, именно поэтому ИС в этой позиции ярко реализуют информационно-стилистическую и экспрессивно-стилистическую функции онимов.

В количественном выражении статистика употребления ИС в роли заглавий выглядит следующим образом: антропонимы – 37 названий-заглавий, топонимы – 18.

Антропонимы, как правило, используются в названиях стихов в виде имен и фамилий писателей, поэтов, литературных критиков, исторических лиц, фольклорных персонажей. Эти ИС четко обозначают приоритеты Н.И. Тряпкина в русской и мировой истории и литературе («Фауст», 1957). Нередко имена и фамилии входят в состав заглавий-словосочетаний или заглавий-предложений: «Возвращение Разина» (1945), «Исцеление Муромца» (1958), «Стихи о Гришке Отрепьеве» (1966), «Подражание

Бальмонту» (1973), «Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970), «Стихи о Николае Тряпкине» (1973), «Стихи о Николае Клюеве» (1973), «Стихи о Федоре Парфенове» (1979), «Стихи о Павле Антокольском» (1994). Например, стихотворение «Возвращение Разина» – оно написано в годы Великой Отечественной войны. Обращаясь к историческому образу народного вожака XVII века, поэт подчеркивает связь прошлого и настоящего. «Исцеление Муромца» – указание на былинный сюжет, связь с устным народным творчеством, «Подражание Бальмонту» – свидетельство интереса поэта к литературным традициям Серебряного века.

Стихотворения «Притча о судьбе Трофима» (1962), «Притча о Ваньке-однолишнике» (1968), «Песня про Ваньку-водовоза» (1970), «Ах ты, Кузя-барышник...» (1981), «Снова про Кузю» (1981), «Степан» (1966), «Не искал ты, Никита, муравскую землю» (1982) – сюжетные. В них автор рисует эпизоды из истории становления колхозной России, создает образы односельчан с тверской земли, образы строителей социалистических «первоначал» северной деревни¹.

Где-то в избах
Сходится народ,
И опять – все те же разговоры:
Был у нас такой-де счетовод –
Не башка, а целая контора!
И пускай ты просто был Степан,
А не громким Стенькой-атаманом <...>
И проходишь ты,
Подняв крыло,
Как легенда, полная простора,
И цветет,
Как Стенькино седло,
Вся твоя бывалая контора...²

«Степан» (1966).

В пору особой остроты национальных проблем в современном российском обществе Тряпкин размышляет о шовинизме русского

¹Иванов Ю. Песенная доля. // Наш современник. 1975. № 11. С. 191.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 141.

происхождения. «Ему, поэту, радеющему за русскую культуру, глубоко несимпатичен тип русопята, спекулирующего на патриотических чувствах»¹.

Не люблю русопятов –
 Неумных Федотов,
 Потребителей лука
 И ворованных шпротов <...>
 Ах ты, Кузя, мой Кузя,
 Из московских злодеев,
 Дорогой обличитель
 Этих подлых евреев!
 Не люблю тебя, Кузя,
 Да и всех гармонистов,
 Что играют присядку
 Для голодных артистов...²

«Снова про Кузю» (1981).

ИС в заглавии стихотворения «Стихи о Николае Тряпкине» (1973) носят специфический характер: через имя выражается социальная, идеологическая, национальная принадлежность, характер поэта-героя стихотворения:

Не бездарна та планета,
 Не погиб еще тот край,
 Если сделался поэтом
 Даже Тряпкин Николай <...>.
 Заявляю, дескать, прямо –
 И с того, мол, и с сего:
 Для таких не жалко храма,
 Пойте песенки его.³

Разнообразны названия, в составе которых представлены топонимы, а также и гидронимы. Их можно разделить на две группы: очерчивающие пространства в мировом масштабе («Стихи о Востоке», 1961; «Пусть где-

¹Панченко О. Не изменяя, изменяться. // Октябрь. 1990. № 7. С. 203.

²Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 204.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 287.

то есть там город Занзибар», 1966; «Письмо в Японию», 1972; «Говорят, что в Нью-Йорке...», 1973; «Уходил самолет на Чикаго», 1977; «Стихи о Мюнхене», 1973–1981), и в российском масштабе – «Не ходил я речником на Кострому», 1952; «По городу Ржеву», 1953; «Кострома», 1958; «Коряжема», 1960; «Романово», 1965; «Песня о деревне Белавенки», 1966; «А у нас на Мезени...», 1978; «Завет» (Бухта Золотой Рог во Владивостоке, 1973), «Костел в Иркутске», 1981; «Славное море Байкал», 1981).

Тверские названия в роли заглавий пространственно представляют малую родину поэта (стихотворение «Я родился на земле тверской»). Вторая малая родина поэта – русский Север (большинство указанных топонимов связано с Архангельской областью, куда будущего поэта забросила волна эвакуации). «У меня впервые открылись глаза на Россию и на русскую поэзию, ибо увидел я все это каким-то особым, «нутряным зрением. А где-то там, совсем рядом, прекрасная Вычегда сливается с прекрасной Двиной. Деревянный Котлас и его голубая пристань – такая величавая и так издалека видная! И повсюду – великие леса, осененные великими легендами. Все это хорошо для начинающих поэтов. Ибо сам воздух такой, что сердце очищается и становится певучим. И я впервые начал писать стихи, которые самого меня завораживали. Ничего подобного со мной никогда не случилось. Я как бы заново родился, или кто-то окатил меня волшебной влагой», – напишет Н.И. Тряпкин в автобиографии¹.

А у нас на Мезени златороги олени,
А у нас на Мезени – виноград по лесам.
Только бабы сварливы, только печки дымливы,
А в других отношеньях – только мед по усам².

«А у нас на Мезени» (1978).

Многие названия стихотворений связаны с людьми и местами, близкими поэту («Анчи», 1952, «Савелий Пижемский», 1966).

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 5.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 318.

Мифонимы, связанные с традициями Ветхого и Нового Завета, в названиях стихов Тряпкина немногочисленны, но значимы: «В день святого Пантелеймона» (1953), «Подражание Екклесиасту» (1982), «Гласом царя Давида» (1982), «Стенания у развалин Сиона» (1982), «Молчи, Иеремия!» (1982), «Сказание о холме Галаадском» (1982), «Стихи о Кастальском источнике» (1987). Все перечисленные названия стихотворений относятся к поздним стихам, в которых наиболее отчетливо и осознанно выявлены приоритеты Тряпкина. В то же время частое обращение поэта к истории мировой культуры в восьмидесятые годы говорит о том, как сложно и с какими душевными перепадами происходит вживание поэта в современность¹:

И я не с тем ли, не затем ли
 Даю стихам высокий лад
 И вот кричу: не грабьте землю,
 Не будьте прокляты стократ!²

«Я не был славой затуманен» (1969).

В работах, посвященных анализу лирики Н.И. Тряпкина, не раз обращалось внимание на сходство его поэтической системы с творчеством поэтов Смоленской поэтической школы: М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова. Если сравнить ИС в заглавиях трех основоположников Смоленской поэтической школы³ и ИС в заглавиях Н.И. Тряпкина, то можно сделать следующие наблюдения: у Твардовского 54 названия имеют в своем составе ИС, у Н.И. Рыленкова – 84 (А.Т. Твардовский реже использует онимы в ключевой позиции «надтекста», чем Н.И. Рыленков), у М.В. Исаковского – 35 стихотворений. Н.И.

¹Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» (сельская тема в современной русской поэзии). // Дружба народов. 1969. № 2. С. 257.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983 С. 197.

³Королева И. А. Имена собственные в заглавиях стихов Н. И. Рыленкова // Язык и стиль Н. И. Рыленкова. Смоленск, 2009. С. 41.

Тряпкин, имея около 60 ИС в заглавии стихотворений, в количественном отношении близок к традиции Твардовского. В то же время с Н.И. Рыленковым его сближает употребление антропонимов в заглавиях стихотворений (у А.Т. Твардовского преобладают топонимы и гидронимы). С М.В. Исаковским его роднит «предпочтение» обобщенных названий стихотворений, также в роли героя у поэтов выступает лирическое «я» (М.В. Исаковский – «Не прошу иного, не гонюсь за славой», 1925; «Мы, поэты, на судьбу не ропщем», 1926; «Старик со скрипкой», 1927; «Я не клала в печку дров», 1927; «Услышь меня, хорошая», 1945; Тряпкин – «Я не был славой затуманен», 1969; «Привяжу свою судьбу», 1969; «Сколько милая любила», 1972; «Люблю районную газету», 1981).

Итак, имена ИС в заглавиях стихотворений Тряпкина являются концентрированным воплощением идеи произведения, формируют контекстуальность художественного текста, обладая добавочной экспрессией, оказывают на читателя эмоциональное воздействие, являются одним из важных средств создания художественного образа в поэтическом тексте.

4.3. Поэтика цвета

Цветовая картина мира Н.И. Тряпкина имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено своеобразием художественного мировоззрения поэта. Цветопись стала одним из отличительных признаков целого ряда стихотворений: «Ах, речка моя! Ах, лодка моя! / Ах, песня моя – пирога! / Раскрашу тебя, излажу тебя / У хатки моей – у порога¹; «У тебя изба расхваленная – / Да на ста золотых столбах, / Да на ста столбах да на тысяче, / Семицветный скат под резьбой. / Только

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Современник, 1989. С. 415.

песенки, только причеты / Да с калиточки расписной»¹. О том, какую роль может играть тот или иной цвет в поэтическом произведении, Н.И. Тряпкин написал так: «Есть у каждого цвета / Свой желанный удел»².

Поэт использует достаточно большое количество красок. Путём сплошной выборки было выявлено 534 цветообозначения, составляющие лексико-семантическое цветовое поле. Под лексико-семантическим цветовым полем (ЛСП) понимается группа слов, обозначающих цвет, обладающих высокой степенью организованности и образующих систему. Интегральным признаком, присущим каждому члену системы, является значение цвета. Архилексемой ЛСП цвета является сема цвет – общая сема родового значения ЛСП. Это объединяющий элемент, входящий в семантический набор каждого из членов поля. В параграфе в качестве исходной составной единицы ЛСП цвета рассматривается колорема – двухплановая знаковая категория, характеризующаяся как определённой цветовой значимостью, так и определённой его выражением с помощью конкретной лексической морфемы³.

Выявлено следующее количество оттенков в каждом микрополе. Самым объёмным является микрополе золотого цвета, оно включает 104 цветообозначения и 3 оттенка. Доминанта – золотой (златой, золотистый) (79). Периферия: жёлтый (20).

Микрополе красного цвета включает 107 цветообозначений и 9 оттенков. Доминанта поля красный (68). Ближняя периферия: розовый (6), кровавый (2), алый (4), огненный (4), малиновый (8). Дальняя периферия: румяный (3), медный (1), рыжий (10), огнистый (1). Микрополе белого цвета включает 86 цветообозначений и 3 оттенка. Доминанта – белый (77). Ближняя периферия – светлый (8). Дальняя периферия – блеклый (1). Микрополе серебряного цвета является частью микрополя белого цвета.

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Современник, 1989. С. 149.

² Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 176.

³ Чумаков-Жунов И. И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина: состав и структура, функционирование; дис...канд. филол. наук. Киев, 1996. С. 13.

Оно содержит 24 цветообозначения и 2 оттенка (серебряный – серебристый). Микрополе синего цвета включает 82 цветообозначения и 4 оттенка. Доминанта – синий (37). Ближняя периферия: голубой (37). Дальняя периферия: бирюзовый (3), лазоревый (1), сиреневый (4). Микрополе коричневого цвета включает 3 цветообозначения, 1 оттенок. Доминанта – коричневый (1). Периферия: бурый (2). Микрополе чёрного цвета включает 65 цветообозначений и 2 оттенка. Доминанта – чёрный (63). Периферия: вороной (2). Микрополе серого цвета включает 32 цветообозначения и 2 оттенка. Доминанта – серый (15). Ближняя периферия: седой (16). Дальняя периферия: темный (1). Микрополе зелёного цвета включает 48 цветообозначений. Самыми частотными цветообозначениями являются: золотой (79), белый (77), красный (68), чёрный (63), зелёный (48), голубой (37), синий (37), вокруг которых группируются микрополя, периферийные члены которых толкуются через соответствующие ядерные лексемы и имеют дополнительные уточняющие (конкретизирующие) семы.

Исследовав цветное поле в лирике Н.И. Тряпкина, можно выделить и основные тематические группы, включающие объекты, описываемые с помощью цветообозначений. В соответствии с классификацией В.Г. Кульпиной¹, цветообозначения распределились по следующим тематическим зонам:

1. цветообозначение природных объектов;
2. цветообозначение водных пространств, воды, водоёмов;
3. цветообозначение небосклона и небесных объектов;
4. цветообозначение метеорологических объектов;

¹ Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Московский Лицей, 2001. С. 81–411.

5. цветообозначение времени суток;
6. цветообозначение элементов ландшафта;
7. цветовые характеристики флористических объектов растительного мира;
8. цветообозначение сообществ растений и их составных частей;
9. цветообозначение анималистических объектов (животных, птиц, насекомых, рыб).

Особенностью поэзии Н.И. Тряпкина является наличие сложных цветообозначений – прилагательных. Выявлено 24 сложения, которые могут быть классифицированы по следующим признакам:

1. Сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и компонентами ярко-, тёмно-, бледно-, дымно-, уточняющими качество цвета (ярко-красный, тёмно-красный, тёмно-бурый, бледно-жёлтый, бледно-серый, тёмно-изумрудный, дымно-розовый, дымно-белесый); «птица <...> белогрудо-изумрудно-огнецветная» («Пароход на Вычегде», 1948), «костюмы у нас – темно-синий бостон» («Бубенцы», 1958); «гуси лапчатые, серо-кrapчатые» («А у нас в городке, 1980).

2. Сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и уточняющим компонентом, вносящим сравнительное или конкретизирующее значение «белоперая пена» («Возвращение Разина, 1945), «бугорки зеленотравные» («Старый погост, 1945), «черноусый Степан» («Возвращение Разина, 1945), «желтолистый костер» («Анчи», 1952), «лебедь белокрылый» («Ягодиночка», 1956), «белогривая вода», «березыньки белоствольные» («Все-то хочется, не расхочется», 1958), «красношапочные всадники» («До конца бы светлыми и милыми», 1958), «белокожие владыки» («Пираты», 1962), «гость огнеликий» («Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную», 1963), «виноградие краснопелое» («Виноградие да зеленое...», 1966), «густой чернобыль

(«Скрипка», 1966), «красногровая лава» («Как сегодня над степью донецкой, 1966), «чернокрылый патруль» («Где-то звонко стучали зенитки», 1971), «краснокрылая почта зарниц» («Юность», 1972), «огнеопалый стих» («Предание», 1973), «златогривый мой конек» («Вечером», 1979), «огнепламенный Змий» («Подражание Бальмонту», 1981), «беломорские ветра» («Сонет о весне», 1981), «земное красногорье» («Наталья», 1993), «ехал я с товаром в Краснополье» («Феникс», 1993), «Не хватало сил у красноборья / Нарожать малины и грибов» («Сколько было сродников в округе», 1994).

В 11 случаях цвет входит в названия стихотворений: «Чернокрылый прокаркал» (1944), «Белая ночь» (1954), «Песнь белой тундры» (1956), «Песня о красных звездоходах» (1957), «Черная баллада» (1957), «Песнь о красных чайках» (1961), «Я уйду за красные туманы» (1962), «Белая тучка» (1966), «Песня о деревне Белавенки» (1966), «Черная, заполярная» (1978), «Желтый тайфун» (1979).

Следующим критерием классификации цветообозначений в поэзии Н.И. Тряпкина является их принадлежность к той или иной части речи. По такой принадлежности слова со значением цвета разнообразны: прилагательные (463), существительные (19), глаголы (29). Следует отметить, что из общего числа прилагательных 11 употреблены в краткой форме. Принимая во внимание словообразовательный критерий, отмечается, что характерны для поэзии Тряпкина прилагательные с суффиксом неполноты качества -оват- (2), употребляются прилагательные с суффиксом -ист- (6), с уменьшительно-ласкательным суффиксом -еньк- (6). Из общего количества глагольных форм 7 цветообозначений употреблены в форме причастия и 1 в форме деепричастия.

В поэзии Н.И. Тряпкина употребляются слова, имплицитно выражающие цветовое значение. Это значение проявляется в контексте стихотворения:

1. Названия флористических объектов могут заключать в себе имплицитные цветовые значения: «малиновый тюльпан» («Радуга», 1971).

2. Имплицитное цветовое значение может заключаться в сравнении: «Ой, цветы, ромашка, / Белая рубашка!» («Лето, мое лето», 1959), «В кумачах, малиновых, как вишня» («Что за весны без громов приветных?», 1966).

Более ярко имплицитные цветовые значения проявляются с другими, явными или имплицитными цветообозначениями: «черные темницы» («Сколько трав под чужими подковами!», 1944), «белый снег» («Горизонт», 1946), «черные скворцы» («Воскресенье», 1946), «румяное солнце» («Благодарность», 1947), «румянец розовый» («А сколько было дерева», 1949), «алая заря» («Другу», 1952), «желтая, спелая рожь» («Радуга», 1952), «черемуха белая» («Радуга», 1952), «золотой одуванчик» («Где вы, стены, одетые в тес», 1953), «рыженькие елки» («Письмо», 1953), «на черных тех пожарищах войны» («Как эта стая молодых скворцов...», 1957), «белый снег» («Победоносцы в фартуках весны!», 1947), «розовая заря» («Песенка про Африку», 1961), «белая ромашка» («Зацвела ромашка», 1962), «елки зеленые» («Песня о горячем камне», 1962), «в черной копоти лицо» («Лирика», 1971), «светлое солнышко» («Девочка с книжкой», 1963), «голубой кипарис» («Радуга», 1971), «зеленая кедрница» («Радуга», 1971), «луна, такая белая» («История», 1973), «на заре голубела зорька» («Голубень», 1982), «золотая солома» («Первые воспоминания», 1982), «черные головни» («Гласом царя Давида», 1982).

Традиционно все цвета делятся на хроматические и ахроматические. В основе этого деления лежат такие признаки, как цветовой тон, насыщенность и светлота. Для хроматических цветов обязательным качеством является цветовой тон (красный, жёлтый, зелёный, синий и т. д.). Ряд ахроматических цветов составляет переход от белого через серый к чёрному.

Из ряда хроматических цветов в лирике Н.И. Тряпкина доминантами микрополей являются цветообозначения «красный», «синий», «зелёный», «жёлтый», так как обладают важнейшим признаком доминантных лексем – невозможностью определения их лексического значения через другие цветообозначения. Особенностью поэзии Тряпкина является то, что в его поле цвета наиболее активной и частотной является колорема золотой. Цветообозначение золотой образует собственный словообразовательный ряд (золотой – златой – золотистый).

В устном народном творчестве золотой цвет обладает особой силой. Золото, его красочное сияние связано с поклонением древних людей солнцу. Золотым предметам свойственно возгорание, светоизлучение (ср. «Сказку об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», «Сивку-Бурку» и др.).

То же встречается в стихотворениях Н.И. Тряпкина: «золотая бадейка луны» («Ночная песня», 1949), «златые струи» «А я пойду опять к Восходу» (1971), «Зачерпну-ка я ковшом» (1971), «золотая солома – такая лучистая вдруг» («Первые воспоминания», 1982).

В стихотворениях Н.И. Тряпкина на реке Мезень бродят «златороги олени»¹, деревенская изба стоит «на ста золотых столбах»², в стихотворении «Допую свои песни земные» (1982) «струи резные» отправляются «с золотого крыльца»³. Употребление «постоянных эпитетов», характерных для фольклорного текста, в поэтическом тексте «обусловлено не столько самим автором, сколько объектом описания. Постоянный эпитет здесь входит в общую «этикетную ситуацию», которая связывается с тем или иным объектом повествования»⁴.

Золотому цвету придается значение символа могущества, благосостояния: «век золотой» («Дай мне, земля, в эти громкие годы»,

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940-1982). М.: Современник, 1983. С. 319.

² Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ лит, 1984. С. 269.

³ Там же. С. 542.

⁴ Успенский Б. А. Поэтика композиции. Спб.: Азбука, 2000. с. 204–205.

1948), «золотое лукошко» («Исцеление Муромца», 1958), «златые врата» («За каким там холмом и заставою», 1973), «золотой терем» («И великое пламя над миром прошло», 1979), «золотой год» («Встреча», 1982), «золотая пила, золотые весенние дрели» («Мой отец был столяр», 1982), «золотой поднебесный убор» («Песнь о российском храме», 1985).

В стихотворениях «Другу» (1952), «Никаких таких ракет» (1968), «Лотошино» (1982), «Дорогая моя столица!» (1993) значение эпитета «золотой» метафорическое. В первых двух стихотворениях золотой цвет применяется по отношению по-настоящему к родным, близким людям, в стихотворениях 80–90-х годов при описании городской темы.

Н.И. Тряпкин использует золотой цвет при описании природы: «золотая Весна» («Ай лю...», 1949), «золотой урожай», («Дай мне, земля, в эти громкие годы», 1948), «на полях золотых» («Песнь о хлебе», 1949), «золотой одуванчик» («Где вы, стены, одетые в тес?» 1953), «золотые сучки» («Журавли», 1955), «золотые ометы» («Осень», 1956), «денек золотой» («Весенняя прибаска», 1962), «золотая кукушка» («Завивайся, березка», 1963), «золотистый хмель» («Виноградие да зеленое», 1966), «злат листопад» («Листья дубовые...», 1971). Также золотой цвет выступает в значении фантастического, нечеловеческого могущества, недаром эпитет золотой может относиться к животным, способным помогать людям (у Тряпкина «Ах ты, рыжий космач! Золотой мой чумазый дружище!» («Песнь о лучшей собаке», 1982).

Рассмотренные примеры говорят о многозначности и популярности золотого цвета в стихотворениях поэта, что не всеми критиками отмечается как положительная черта поэтики Н.И. Тряпкина. В частности, С.В. Смирнов в рецензии на сборник Н.И. Тряпкина «Белый сад» (1953) пишет, что «Николаю Тряпкину следует вести борьбу с эпитетом "золотой", этот эпитет присутствует во многих стихотворениях»¹.

¹Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

Все прочие цвета находятся по отношению к нему в некотором подчинении.

Ассоциативно к золотому цвету близок желтый цвет – один из семи основных тонов хроматического ряда, спектра солнечного света, обладающий большой экспрессивностью¹. Желтый цвет представлен прилагательными «желтый» (желтенький, желтолистый) и глаголом «пожелтел». Желтый цвет – это цвет осени, соломы, жнивья:

Прозрачная осень.
Спокойные желтые жнивы.
Грачи на ометах.
И голос, далекий, как детство.
Прозрачная осень.
Машины, идущие с хлебом.
И пахнет печеной картошкой
Костер у дороги².

«Прозрачная осень» (1962).

Прилагательное «желтый» характеризует свет, блеск, блики, производимые различными источниками света. «Равны права у небес и земли. / Желтые блики на сердце легли» – пишет Н.И. Тряпкин в стихотворении «Свет ты мой робкий, таинственный свет» (1969). Также в лирике поэта желтый цвет – цвет болезненного состояния человека: желтые взгляды («Легенда», 1953), желтые руки («На груди твоей желтые руки», 1954), желтые зубы («Две элегии», 1960).

Очень символичен серебряный цвет – цвет справедливости, единства, открытости – выражающий стремление к свободе и попытку преодолеть все ограничения. В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина серебряный цвет указывает на то, что человек любит фантазировать (стихотворения «А я пойду опять к Восходу», 1971; «В самое сердце оконного ромба», 1981; «Стихи о кастальском источнике», 1981).

¹Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. Т. III. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 632.

²Тряпкин Н.И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 115.

В легендах и сказаниях многих народов душа и тело человека связаны тончайшей серебряной нитью. У Н.И. Тряпкина – «И гремят знамена листопадов Жаркие, в серебряную нить.../ Дай ты мне во все твои прохлады/ Душу-песню шире пораскрыть»¹ («Ивняковый, травяной, долинный», 1961).

Издревле серебряный цвет ассоциировался с луной, светом надежды, мудростью, неэмоциональностью, таинственностью². Поэт не выходит за рамки указанных понятий – у него на первом месте сочетания серебряного цвета со светом луны, дороги, травы, воздуха, воды – действие в ряде стихотворений разворачивается на фоне «серебристой природы»:

Что ни ночь, то луна. До рассветной звезды
 По окрестным лугам серебрятся пруды.
 Серебрятся пруды.
 Где-то крикнет петух. Где-то скок табуна,
 А в заснувшем пруду серебрится луна.
 Серебрится луна³.

«Серебрятся пруды» (1966).

Широко использует Н.И. Тряпкин белый цвет, «абсолютный цвет света и поэтому – символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности. Хотя он имеет и некоторые негативные значения – страх, трусость, капитуляция, холодность, пустота и бледность смерти, белый – позитивная сторона антитезы "черное-белое" во всех символических системах»⁴. Значение белого цвета в русском народном творчестве такое: 1. прямое значение цвета (белый снег, белый лебедь, белый конь); 2. «сияющий, сверкающий» (белый день, белый камень, белый месяц, белая заря), 3. красивый» (белая грудь, белое лицо, белое

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 207.

² Перельгин В.П. Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С.Есенина и Н.Рубцова. // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 1 (57). С. 164.

³ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 296.

⁴ Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1994. С. 23.

тело, белая шея)¹. В лирике Тряпкина из указанных значений используются первые два: белый снег («Горизонт», 1946; «Победоносцы в фартуках весны!», 1958); белый камень («Горизонт, 1946; «Ходит ветер в чистом поле», 1965); белые туманы «Белая ночь» (1954); белые росы «Только зорька-заряница» (1959); белая береза («Девушка зарницу поджидала», 1962); белый конь («Как у тех у ворот столько всяких бород!», 1966); белый свет («Ходит ветер в чистом поле», 1965; «Среди государства русского», 1982); белая лебедь («Юность», 1972). В целом семантика белого цвета в лирике Тряпкина имеет позитивный оттенок, в большинстве случаев ассоциирующийся с картинами природы, ее торжественности, праздничности и красоты:

Первый снег, первый снег у ворот!
 Не колышется провод лохматый.
 В белый-белый зашла огород
 В белой шубке отцовская хата².

«Первый снег, первый снег у ворот!» (1951).

В то же время в ряде стихотворений белый цвет играет отрицательную роль – это цвет осеннего увядания (белые листья капусты («Прозрачная осень», 1958); белая капуста («Песня о веселом заморозке», 1962); забелеют кусты на лугу («Два письма», 1960), старости (побелеет русая головка моя – «Лето, мое лето», 1959), несчастья (белые палаты военного госпиталя – «Песня о безногом солдате», 1957).

Говоря об использовании красного цвета в стихотворениях Тряпкина, необходимо указать на его двоякое значение, «в своей символике он подвергался самым разнообразным толкованиям»³. Он может играть как положительную роль по отношению к добру, красоте, здоровью, так и отрицательную (цвет ада, дьявола).

¹ Москалева А.Г., Воробьева Е.А. Цвет в сказках А.С. Пушкина // Начальная школа. 2003. № 7. С. 29.

²Тряпкин Н.И.Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 79.

³Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. С. 131.

В народе красный цвет считался самым лучшим, ярким, праздничным. На праздник парни надевали вышитые красные рубахи, а девушки – красные сарафаны и ленты. Персонажи Н.И. Тряпкина носят красные рубахи («В стороне лесного гула», 1958; «За речками, за кочками», 1981), у которых красные рукава («Только на плечи накинула», 1981), красный полушалок («Старт», 1962), красную шапку («Стихи о героях», 1982). Красный цвет говорит о стыдливости: «краснею поневоле» («Песенка», 1946), «засмеялась калина, краснея счастливо» («Засмеялась калина, краснея счастливо», 1947), «краснеть у тына» («Я построю дом сосновый», 1953). А отсутствие стыдливости указывает на внутреннее уродство, холодный эгоизм. Например, в «Стихах о печенегах» (1982) поэт, размышляя о духовном состоянии советского общества, пишет о «лихачах», которые, воруя «и тачки, и це'мент, и жесьть», не стыдятся и не краснеют¹.

У Н.И. Тряпкина красный – это цвет природы, чувств, захватывающих его при виде осеннего красного леса («Письмо», 1953; «Песня о деревне Белавенки, 1966) и красных боров («Песня о деревне Белавенки», 1966; «Пусть где-то есть там город Занзибар» (1966), красных гор («За синие своды», 1957), красных зорь («Гимн», 1957), красных туманов («Я уйду за красные туманы», 1962), красненькой лисицы («Снег да вечер», 1964), восхищения красотой природного мира, например:

С красной клюквой в кузовке
Ходит солнышко лесное.
В золотом березняке
Столько света и покоя!²

«Я люблю осенний шум» (1961).

Красный – это не только цвет лица героев, цвет их одежды, образов из мира природы, это еще и цвет революции (революционного импульса, эмоций). Такое значение красного цвета в стихотворениях Н.И. Тряпкина

¹Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Современник, 1989. С. 371.

²Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 212.

преобладает: красная звезда («Я родился при Советской власти», 1981), Красная Куба («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961), красное знамя («Песенка про Африку», 1961; «Стихи о Востоке», 1961), красный флаг («Через годы, через броды», 1960; «Умерить пыл...», 1962), красные птицы («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961), красный Союз («Вербная песня», 1994), красные петлички и лычки – отличительные знаки одежды красноармейцев («Встреча», 1962).

Кроме того, красный цвет – это цвет крови, который является ярким имплицитным цветообозначением. «В традиционном христианском искусстве красный цвет был цветом жертвенной крови Христа»¹. Кровь является прототипом красного цвета, хотя в художественной литературе функционируют и другие цветовые характеристики крови (чёрный, голубой). Кровь – символ жизни, любви, но существует и противоположное значение (смерти, войны, битвы): «кровь боевая» («Старый погост», 1945), «кровь моя крепнет» («Прозрачная осень», 1958), «в кровях у нас прослежены» («Приглашение», 1981), «все кровавые цари» («Прогнали иродов-царей», 1981), «текла уже кровь под рукой» («Стихи о земных переменах», 1982), «кровавое солнце» («Стихи о первом совхозе», 1982), «не спускай своих кровных ран» («Стихи о печенеггах», 1982). Образ крови играет большую роль в лирике Н.И. Тряпкина (как и цветообозначение «кровавый»).

Зеленый цвет «повсеместно ассоциируется с жизнью растений (в более широком смысле с весной, молодостью, плодородием)², в народных представлениях символизирует надежду³. В стихотворениях Н.И. Тряпкина зеленый цвет в основном имеет позитивный смысл, ассоциируется с жизнью растений, весной, молодостью, обновлением. Обычно он

¹Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. С. 131.

²Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1994. С. 108.

³ Там же. С. 93.

реализуется, сочетаясь со словами, обозначающими растительные и природные объекты, выступает в качестве традиционной характеристики леса, луга, травы: «Пускай без страха любит человек / Зеленую траву и белый снег...»¹. В то же время найдены примеры негативного аспекта функционирования зеленого цвета, имеющего оттенок незрелости, угнетенности, безнадежности (зеленый пьяница («Дело было летом», 1957); зеленое вино («Не сердись на меня, молодница», 1971); «дочери наши, как в тлене зеленые мухи» («Рапсодия», 1996).

Синий цвет, как цвет ясного неба и моря, представляет высоту, глубину; постоянство, преданность, правосудие, совершенство и мир². В народном творчестве синий цвет распространен, в основном связан с характеристикой моря, реже – неба. Значение синего цвета в фольклоре однозначно. Это символ спокойствия, глубины морского простора, молодости и скромности, возвышенности и одухотворенности. Н.И. Тряпкин скуп на краски, описывающие морские картины. Только в одном стихотворении («Море», 1961) при описании морского пейзажа подчеркивается не морская, а лесная бесконечная синева. Чаще всего Н.И. Тряпкин употребляет синий цвет для обозначения воды: «Ах, синей рекою по вольным краям! / Пусть солнце ударит по всем якорям!»³; «льется синяя вода»⁴; «зацвела ромашка над синим ручьем»⁵, «Победоносцы в фартуках весны! / Мы синевую рек освежены»⁶.

Голубой цвет, близкий по значению синему, в стихотворениях Н.И. Тряпкина характеризует разнородные понятия: поэт вводит этот цвет при описании молний («Запев», 1940), воды («По городу Ржеву», 1953; «Размочило, развело», 1955; «Юность», 1972), земли («Голубень», 1982); мостов («Голубели у изб карнизы», 1982), ночи («Прибаски», 1972–1977),

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 37.

² Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, АСТ, 1996. С. 352.

³ Тряпкин Н.И. Скрип моей колыбели. М.: Сов пис-ль, 1978. С. 240.

⁴ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 144.

⁵ Тряпкин Н.И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 105.

⁶ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 37.

окон («Бабка», 1982), растительности («голубые покосы» – «В долинах пестрели», 1962; «голубой кипарис» – «Радуга», 1971; «голубой мезонин» – «То ли было, не знаю», 1984). Кроме того, многие понятия, не соотносящиеся в реальности с голубым цветом, в поэзии Н.И. Тряпкина также находят с ним сочетание: голубое тепло («Чернокрылый прокаркал», 1944), голубела зорька («Голубень», 1982), голубая советская Русь («Снова запах весенних проталин», 1993).

Также голубой цвет ассоциируется с королевской властью и благородством происхождения. «Эпитет голубая кровь для людей высокого происхождения произошел из убеждения, что вены у испанских аристократов "более синий"»¹ (У Тряпкина – «кровь моя – не голубая!»²).

В русской поэзии голубой цвет традиционно исполнен смысла. Как считает Д. В. Псурцев, голубой цвет «это уже не былинный, а лирический цвет, заряженный символизмом поэтического преобразования действительности в тонах светлой ностальгии, возвышенной, просветленной грусти <...>»³.

Серый цвет часто используется в пейзажных зарисовках: серый дождик («Распутица», 1946), серая дубрава («Снова беркут над серой дубравой», 1952), при описании животных и птиц: серенькая птичка подполоть («Если синий-синий свет и зори», 1947); серые гуси («Уже не густы листопады», 1961), серая кукушка («Девушка зарницу поджидала», 1962); серая птаха («Девочка с книжкой», 1963), предметов одежды (серые шинели – «Я только вспомню те названья», 1966). В стихотворениях «В магазине "Тысяча мелочей"» (1981), «Рапсодия» (1981) серый цвет символизирует признак духовного истощения:

¹Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, АСТ, 1996. С. 352.

²Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 541.

³Псурцев Д. В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013)

А вы, мои распрекрасные
 Серенькие соседи!
 Любите вы неопасные
 Дорожки к своей победе.
 С похвальнейшею привычкою
 Хлопчете о всемирном,
 А сами – пред каждой лычкою
 Встаете по стойке «смирно»¹.

«В магазине "Тысяча мелочей"» (1981).

Значение черного цвета в творчестве Н.И. Тряпкина также совпадает с отношением к нему в народе. Это символ несчастья, печали. Черный цвет может содержать значение беды или ее предупреждение, связываться с дурными мыслями героя:

Только с милым по любви
 Проживешь с охотой.
 Все же стирку не зови
 Черною работой².

«Я зову тебя своей» (1955).

Черный цвет – цвет несвободы, войны: черный дым («Ночная песня», 1942), черные темницы («Сколько трав под чужими подковами», 1944), черные пожарища войны («Как эта стая молодых скворцов», 1957). Эпитет «черный» используется при описании внешности человека, его цвета кожи (черная копоть лица («Лирика», 1971), черные рабы («Стихи о Востоке», 1961), образов природы и природных явлений: пня («Речная нота», 1960), тайги («Черная печорская тайга», 1961), трясей («Лесные заливки», 1961), земли («Я выхожу на школьный двор», 1962), неба («Где-то звонко стучали зенитки», 1971), скал («Поэт», 1982).

Для фольклорных текстов характерны постоянные эпитеты: черный ворон, черная ночь, черная земля, характеризующие животных и явления в природе. Н.И. Тряпкин использует этот прием при описании птиц:

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Современник, 1989. С. 307.

² Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 110.

червонные соколы («Возвращение Разина», 1945), черные скворцы («Воскресенье», 1946).

У поэта не наблюдается позитивных характеристик черного цвета. Вместе с тем, когда черный «выступает в паре» с белым цветом или светом, его давление слабеет, и картины, рисуемые поэтом, уже не столь печальны и драматичны: «И я кладу мой черный хлеб / На эти белые страницы» («Рождение», 1958), «Бабочка белая с черненьким носиком!» («Бабочка белая! Бабочка белая!», 1960), «Скользит, несмелый, / Скользит – несмелый – / То облак белый, / То черный пень» («Речная нота, 1960).

В фольклоре и мифологии птица чёрного оперения со зловещим криком – ворон – выступает вестником зла и смерти. Если обратиться к стихотворениям, где Н.И. Тряпкин использует образ этой птицы, то выяснится, что у поэта она, как правило, имеет такую же символику, как и в народной поэзии: «Ворожит себе царь на Москве в терему: / Ко добру ль смотрит ворон в окошко к нему?» («Возвращение Разина, 1945), «То ли ворон за трубой, то ли сыч / Закричали: /– Магарыч!» («Черная баллада», 1957), «Громко шумит воронье...» («Где же ты, сердце мое?», 1979), «И задыхался лес, и падал крик вороной» («Ливонский монастырь, 1981).

В лексико-семантическом поле цвета русского языка выделяется ещё одно микрополе, члены которого объединяются вокруг колоремы коричневый, которая обладает всеми релевантными признаками доминантных лексем. Коричневый цвет встречается единожды (стихотворение «Сколько выпито горячих самоваров», 1971) и выполняет смысловую функцию: коричневая кожанка – свидетельство ее поношенности:

Сколько топано в коричневой кожанке
 Да с гармоникой за правое плечо!
 И кричали нам все ярмарки-гражданки,

То на «чи» они кричали, то на «чо»¹.

«Сколько выпито горячих самоваров» (1971).

Необходимо заметить, что в 30 стихотворениях разные цвета сочетаются в пределах одного предложения, что создает образы двух взаимодействующих цветовых стихий: «В голубых долинах Нила / Жили черные рабы», «Чайки алые восхода, / Птицы розовой зари!» («Песенка про Африку», 1961), «Белая ромашка над синим ручьем» («Зацвела ромашка, 1962), «Зашумит зеленая макушка, / Закукует серая кукушка («Девушка зарницу поджидала», 1962), «Виноградие да зеленое, / Красноспелое, всё в кистях» («Виноградие да зеленое», 1966), «Желтый Тибет и серебристые Анды» («В самое сердце оконного ромба», 1981), «Ах ты, рыжий космач! Золотой мой чумазый дружище!» («Песнь о лучшей собаке», 1982), «Из-за синих рек, из-за белых гор» («Из-за синих рек, из-за белых гор, 1993).

У Тряпкина можно найти примеры повторяющихся определений одного и того же предмета. Снег, туманы и гречка у него белые, дуб, ветла, трава – зеленые, струя – золотая, флаг – красный, борода, виски – седые, дорога, путь – серебряные, дождь – синий, а ветер и лед – черные, что указывает на традиционное использование поэтом фольклорной модели, воспринятой им как часть фольклорной поэтической традиции.

Иногда поэт использует индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения: «белый агитпункт зимы» («Пред этим днем», 1946), «раскроется море кругом – голубое дворище» («Где вы, стены, одетые в тес», 1953), «белая полянка блокнота» («Рейд», 1954), «красный звон дуги» («Радость», 1959), «зеленую песню поет огород» («Чу! Колосья ржаные», 1964). Отсюда можно сделать вывод, что каждая метафора, сравнение, эпитет, способствуя усилению выразительности, в каждом стихотворении создают своего рода миниатюру.

¹Тряпкин Н.И.Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1984. С. 429.

В.П. Перелыгин в работе «Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С.А. Есенина и Н.М. Рубцова»¹, рассматривая лирику этих двух поэтов, считает, что практически во всех циклах С.А. Есенина приоритетными становятся цвета «синий», «золотой», «красный», «белый», «черный», лексико-семантическая группа «свет» и «тьма». При этом многокрасочный фон присущ не только молодому С.А. Есенину, однако в более поздние периоды поэт уходит от декоративной яркости и формирует свою собственную образную систему, заостряя внимание читателя на психологическом моменте, хотя, безусловно, цвет всегда остается важным средством выразительности.

Что же касается эволюции цвета в творчестве Н.М. Рубцова, то можно сказать, что основным в нем было противоборство света и тьмы, белого и черного цветов, наблюдающееся на протяжении всей жизни поэта. Далее, на разных этапах, следовали, как правило, красный, синий и зеленый цвета, позиция которых варьируется в зависимости от внутреннего мироощущения поэта. Причем очень важно, что свет и тьма в стихах Рубцова выполняют большей частью не изобразительную функцию, а важны сами по себе, характеризуют психологические акцентуации Н.М. Рубцова и его отношение к изображаемому.

Сравнив основные оппозиции и параллели цветовой лексики художественного мира С.А. Есенина, Н.М. Рубцова² и Н.И. Тряпкина (см. приложение 4), определяющие их творческую индивидуальность, можно сказать следующее, что лексико-семантическое цветовое поле Н.И. Тряпкина схоже с системой цветообразов лирики С. Есенина, что объясняется близостью принципов образного восприятия явлений внешнего мира.

¹Перелыгин В.П. «Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С.Есенина и Н.Рубцова» // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 1 (57). С. 161–166.

² Там же.

Итак, проанализировав частотность употребления цвета в лирике поэта, можно сказать, что использование цвета в поэзии Н.И. Тряпкина является значимым средством выражения не столько мысли, сколько чувств и эмоций, и по палитре используемых цветов можно воссоздать внутреннее самоощущение поэта.

Выводы по первой главе

Проведенное исследование художественного мира Н.И. Тряпкина позволяет подвести некоторые итоги:

1. В художественном мире Н.И. Тряпкина отразилось национально-историческое бытие русского народа. Поэт создает поэзию, в которой нашли преломление фольклорные и литературные поэтические традиции. Поэт, следуя русской жанровой традиции, в своем поэтическом творчестве раздвигал границы традиционных жанров (элегии, письма, «стихотворения на случай»), создавал метажанровые (подражание, автопародия, прибаски, резюме) и сверхжанровые образования (поэтические циклы). В результате разработанной классификации жанра было установлено, что в поэзии художника доминирует песенная жанровая разновидность и жанровые формы лирического повествования.

2. Определение границ периодов творческого пути Н.И. Тряпкина является концептуально значимым элементом в контексте целостного научного осмысления личности и судьбы поэта. В основу периодизации поэтической биографии Н.И. Тряпкина были положены два критерия: эволюция тематики его стихотворений и время их написания. Помимо этого, во внимание принимались сведения из жизни поэта и общественно-политические события, происходящие в стране. Составленная

периодизация творческого пути поэта дала возможность проследить тематические изменения в каждом из выделенных периодов.

3. Предметом полемики исследователей творчества Тряпкина стали вопросы, связанные с тематикой и проблематикой стихотворений поэта, стилистическими особенностями его поэзии, а также возможностью причисления его творчества к «тихой лирике». Одни исследователи видели в Тряпкине самобытного поэта, индивидуальный поэтический стиль которого складывался постепенно. Поэт, к концу 20 века достигший поэтической зрелости, был поставлен в один ряд с Н.М. Рубцовым, чей художественный мир стал близок Тряпкину. Другие исследователи выявляли тексты, стилизованные под русский фольклор, подчеркивали явный подражательный характер его поэзии русской классической литературе, отмечали тематическую бедность, отмечали значительное число стилистических ошибок и неточностей. В целом большинством критиков и исследователей отмечается многогранность его таланта и самобытность его лирики, решается задача популяризации творчества поэта. Критики и исследователи рассматривают лирику Тряпкина в контексте культурологических, эстетических и научно-философских проблем, что дает возможность рассмотреть поэтическое наследие Тряпкина в эстетико-теоретическом русле художественной мысли второй половины XX века и выявить принципы взаимодействия и взаимовлияния индивидуальных и общеэстетических явлений и тенденций развития литературы данного периода.

4. Объектом исследования в § 3 явились имена собственные и колоремы как особые подсистемы единой лексической системы поэта. Ономастическое пространство в поэзии Н.И. Тряпкина достаточно широко, является показателем стилистической индивидуальности поэта. Особенность ИС у Н.И. Тряпкина связана с наличием у них лексического фона – комплекса исторических, национально-культурных, социальных и других ассоциаций, соотносимых носителем языка с языковой системой.

Онимы в поэзии Н.И. Тряпкина представлены следующими разрядами: антропонимы, топонимы, гидронимы. Самую многочисленную группу составляют антропонимы, т. е. именованья людей. Н.И. Тряпкин активно использует прецедентные имена. Наиболее часто в стихах встречаются имена исторических деятелей (разные виды антропонимов), имена поэтов и писателей, что отражает пристальное внимание поэта к истории народа, его литературные вкусы и пристрастия, характеризует языковую личность Н.И. Тряпкина как духовно богатую, мыслящую, обладающую индивидуальным видением мира.

5. Цветовая картина мира Н.И. Тряпкина имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено своеобразием художественного мировоззрения поэта. Цветопись стала одним из отличительных признаков целого ряда стихотворений. «Цветовое» поле состоит из 8 микрополей, самым объёмным является микрополе золотого цвета; самые частотные цветообозначения – золотой, белый, красный, чёрный. Цвет в стихах Тряпкина не нейтрален, как не нейтрален он и в фольклоре. С помощью цветового окружения, имплицитных цветообозначений передается как традиционно-символическое, так и индивидуально-авторское значение. Цветопись является своеобразным ключом сюжетного действия в поэтическом тексте, придавая ему разные оттенки – грусти, радости, тревоги, смятения.

Глава 2. Русский фольклор как источник поэтических концепций
Н.И. Тряпкина

§ 1. Образно-поэтический мир русского фольклора и его
художественное воплощение в поэзии Н.И. Тряпкина

Любовь к русскому фольклору, оказавшему сильное влияние на Н.И. Тряпкина, прошла через всю жизнь поэта. Это подтверждают многие свидетельства современников.

В своем творчестве он обращается к различным фольклорным образам. Например, живая вода, обладающая разнообразной волшебной силой: оживляет мертвого, омолаживает старого, дает зрение слепому, делает героя сильным, а его врага слабым. «О мертвой воде говорится подчас как о субстанции, которая делает мертвое тело вполне и окончательно мертвым; затем оно оживляется живой водой». Образ живой и мертвой воды в народных сказках тесно связан с представлением об иномирье¹. У Н.И. Тряпкина –

А я пойду опять к Восходу –
В те заповедные сады,
Чтоб поклониться Древороду
И вновь испить живой воды².

«А я пойду опять к Восходу»(1971)

Д. В. Псурцев, анализируя стихотворение Н.И. Тряпкина «Сказ» (1947) и определяя его жанр, считает, что это произведение – живая вода современного языка. В стихотворении есть истовость, сила, чувство (без

¹ Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 101–102.

² Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ лит, 1984. С. 416.

налета сентиментальности), светлое складное косноязычие, присущее некоторым фольклорным формам¹.

И за что я – зеленый, некошенный, –
 Может, здесь покачнусь, запорошенный,
 Завалюсь, не живой и не uznанный,
 Вот такой-рассякой, необузданный?²

«Сказ» (1947).

Исследователь полагает, что именно прошлое, память народа, живая вода языка хранят спасение, нужно лишь вновь обрести в своей душе этот таинственный питающий источник, чтобы душевно возродиться.

В ряде своих стихотворений поэт вводит в текст образы древнерусского язычества. Например, в стихотворении «Эй, славяне, славяне!» (1960) поэт, обращаясь к образу Дажьбога, прославляет не всемогущество бога плодородия и солнечного света, а достижения человека в освоении космического пространства.

Не во славу Дажь-бога
 Это слово у нас.
 Не из бычьего рога
 Мы возносим свой глас.

Мы ковригу целуем,
 Преклонясь на комли.
 Мы сегодня стартуем
 К новой славе Земли.

И к неведомым светам,
 На космический брег.
 За ракетой ракета.
 Разгоняет свой бег³.

¹Псурцев Д. В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013).

² Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ. лит, 1984. С. 59.

³ Там же. С. 191.

Одним из частотных фольклорных образов является образ богатыря, который борется с многочисленными врагами, побеждает их большей частью без посторонней и без чудесной помощи, совершает подвиги религиозного или патриотического характера. Таковы богатыри Илья Муромец, Добрыня, Никита Кожемяка и т. п.

В стихотворении «Встреча» (1982) богатырскими чертами наделяется отец поэта (он носит богатырский шлем со звездой и золотые ремни). А в стихотворении «Алексею-воину» (1981) сила богатыря Алеши, названного в тексте золотым охранителем наших древних могил, приобретает сверхъестественный характер: сражаясь исполинским мечом, богатырь Алеша всю жизнь борется с инакомыслием.

У Н.И. Тряпкина тип героя-богатыря представлен не в одном-двух сюжетных типах стихотворений, а в широком диапазоне контаминаций с сюжетами, определенными традицией: «Пижма» (1947), «Исцеление Муромца» (1958), «Дорогой мой охотник, седой Еркимен!» (1958), «Песнь о хождении в край палестинский» (1959–1973), «Савелий Пижемский» (1966). К былинному богатырю, Илье Муромцу, восходит образ русского человека, «с его простодушным характером, открытым нравом, душевной щедростью, с одной стороны, и непостижимым мужеством, нестигаемой твердостью, суровой решимостью, с другой стороны, и сочетающим в себе порой противоречивые черты. Он, иногда забывающий в мирные годы посетить старый погост, беспечно позволяющий зарастать мхом могилы предков, становится совершенно другим в годы испытаний и трудностей. Он словно вспоминает, кто он и откуда, осознает свою причастность и кровную связь с народом и чувствует ответственность за судьбу Отечества. Сила недюжинная просыпается в нем, как в былинном богатыре, и он, словно Илья Муромец, тридцать лет и три года пролежавший на печи, неожиданно для всех поднимается во весь свой исполинский рост и уверенно встает, опираясь на твердь матушки-земли. Он теперь чувствует

ее могучую силу и, наконец, обретает память и осознание своей непростой участи и неслыханную мощь, которая позволяет ему свернуть горы»¹.

Да ударьте, ребята, еще по струнам –
 Это верное дело.
 Разбегается жар по рукам, по ногам.
 Оживает все тело.
 И махну же я, братцы, на добром коне
 Через гривы курганов!
 И помню я врагов по родной стороне,
 Как печных тараканов! ².

«Исцеление Муромца» (1958).

Поэт «поддерживает былинный мотив о том, что богатырь и защитник отечества черпают силы в родной земле»³. Именно в этом заключается главная мысль стихотворения:

Посмотрите, как землю весенним теплом
 Распекло, разморило.
 Это машет в полях огненным помелом
 Животворец Ярило.
 Посмотрите, как сыплют зерно мужички
 В золотое лукошко.⁴

«Исцеление Муромца» (1958).

Трагическая фигура пьяного забулдыги, бывшего старообрядца, безбожника и охальника, чередующего частушки и «псалом о местах пересыльных, о решётках пяти лагерей!, напоминает Савелия – святорусского богатыря, воплощение русской удали и богатырства или

¹ Рыжкова–Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Николая Тряпкина. Рязань: Скрижали, РИБиУ, 2012. с. 112–113.

² Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 73.

³ Редькин В. А. Аксиология творчества Николая Тряпкина. // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 140.

⁴ Тряпкин. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 166.

былинного Святогора, так и не нашедшего применения своей чудовищной силе¹.

Сколько раз у дворов бушевал ты, Савелий, –
 А тебе, лешаку, попадись!
 Ты все Пижму колеблешь во гневе и грое:
 «О, лукавое племя святош!
 За молитвою – снох перелаят в соломе,
 За свечою – убьют ни за грош»².

«Савелий Пижемский» (1966).

В.А. Редькин в статье «Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина» (2011) указывает на то, что лирический герой стихотворений поэта – личность многогранная: это и певец, и песельник, и скоморох³. Л. А. Аннинский, анализируя стихотворение «Про тулуп» (1962), посвященное А.А. Прокофьеву, пишет:

«И стоишь ты наверху,
 Опершись на ольху.
 Кабы мне такую шубу –
 Олонецкую доху, –
 Чтобы в качестве такого
 Я прошелся по Москве,
 Чтобы критика Туркова
 Я упрятал в рукаве.

Олонецкий ведун Н.А. Клюев надежно засунут в рукав, в другом рукаве обеспечивает симметрию критик А.М. Турков между прочим, отличающийся скупой честностью своих оценок), но никто не должен обижаться: дело не в них, а в самой «скоморошине», которую

¹Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) // Литература в Школе. 2008. № 11. С. 6.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 152.

³ Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина. // Вестник ТВГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 3. С. 57.

запускает в литературное небо поэт Н.И. Тряпкин»¹. По мысли критика, при анализе «Стихов и Николае Тряпкине» (1973) следует рассмотреть «скоморошину», т. к. в ней утверждено имя поэта в первых двух строчках, взятых из Н.А. Некрасова и переделанных Н.И. Тряпкиным на свой поэтический лад:

Не бездарна та планета,
Не погиб еще тот край,
Если сделался поэтом
Даже Тряпкин Николай ².

«Стихи о Николае Тряпкине» (1973).

В.Г. Бондаренко считает, что народное, совсем иное, чем официальное отношение ко многим историческим событиям и личностям прорывалось в фольклоре, в лубке, в представлениях скоморохов. У Н.И. Тряпкина оно выражалось тоже не как его личное, а как нечто природное, нечто выкрикнутое из народного сердца³. В. Журавлев в предисловии к сборнику «Гуси-лебеди» (1971) называет самого Н.И. Тряпкина поэтом-гуслиаром, представшим перед своими читателями уже зрелым мастером, завершенным в раскрытии своим поэтическим замыслом⁴.

Вопрос о репрезентации образа скомороха в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина имеет свои особенности.

В древности скоморохи совмещали в одном лице играца, плясуна и гудца. По этому признаку – одновременному владению разными видами искусства – можно устанавливать изображение скомороха в тексте, если он не назван:

¹ Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы» (2006). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: http://www.zavtra.День_literatury/114/71.html. (дата обращения: 09.01.2013).

² Там же.

³ Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 37.

⁴ Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Тряпкин Н. Гуси-лебеди. Стихи. М: Москов. рабочий, 1971. С. 12.

Не рифмованная капуста
И не кляузы Би-би-си.
Это – голос певца-златоуста,
Гуслезвонца всея Руси¹.

«Не рифмованная капуста...» (1971).

Со временем в среде скоморохов произошла дифференциация по профессиональному признаку (гусяры, дудары, сопельники)². В стихотворениях поэта доминирует образ мастера-гусельщика, сродни музыканту, владеющему инструментом: «А мы скажем-споем, гусяры-соловьи, / Как, столы окружая, гремели скамьи, / Как у наших ворот колобродил народ / И звенел под полозьями хрупчатый лед» («Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958); «Старинные песни, забытые руны! / Степные курганы, гусярные струны! / Далекая быль!» («Старинные песни», 1973), «Песни мои – это «Тихий Дон», / Гусельный клетот моих времен, / Горечь земли и радость земли, / Гуси мои, журавли мои» («Песни мои...», 1980).

В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина народным музыкальным инструментам далекого прошлого уделяется очень большое внимание. Их звучание необычное, волшебное, прекрасное. В подобной оценке сохраняются следы сакрального отношения к музыке. Такие музыкальные инструменты всегда изображаются как волшебные предметы: «Заиграют гусли с перевоза – / Встрепенется белая береза, / Затомит гусяр тебя у пруда. / Вот такое, девки, будет чудо» («Девушка зарницу поджидала», 1962), «Что за дудка-самогудка / Из далеких лет! / Только выйду, заиграю – / А зимы и нет» («Журавли всё с юга, с юга...», 1966). Эпитет «самогуды» образован от слова «гудок» – старинный смычковый инструмент³. В стихотворении поэта «Что за купчики проезжали...» (1968) встречается и этот музыкальный инструмент: «Ах вы, чуды мои причуды –

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М: Худ лит., 1989. С. 200.

² Власова З.И. Скоморохи и сказка. // Русская литература. 1988 № 2. С. 65.

³ Там же. С. 67.

/ Эти гусельки-самогуды, / Да касатка моя – трехрядка, / Да поддужные соловьи!».

Гусли – «чудо чудное, диво дивное» – могут называться «гусли-самопевцы», они сами пляшут, сами песни поют¹. О чудесных свойствах этого инструмента Н.И. Тряпкин пишет в стихотворении «Песни мои...» (1980).

Ай вы, гусли мои, ай вы, гуси мои,
Гусли-гуси!
То ли радуга-дуга, то ли в пляске луга
У Маруси.

То ли в пляске луга, то ли бровь дорога, –
Эх ты, лада!
То ли в небе журавли, то ли в небе корабли
Для приклада².

Гусли награждают человека музыкальностью. Музыканты в стихотворениях поэта – талантливые умельцы:

Только на плечи накинула
Да с кружевом платок.
Только жилочка запрыгала,
Застукала в висок.
Только белые горошины
Да с красна рукава.
Только шутки-скоморошины –
Затейные слова³.

«Только на плечи накинула» (1981).

Использование двусоставных слов (шутки-скоморошины) – характерный прием лирики Н.И. Тряпкина, который сразу же определяет его отношение к герою, событию, явлению природы, окружающему миру⁴. В данном случае – к слову и творчеству.

¹ Власова З.И. Скоморохи и сказка // Русская литература. 1988. № 2. С. 66.

² Тряпкин Н.И. Избранное. М: Худ лит., 1984. С. 506.

³ Там же. С. 519.

⁴ Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Н.И. Тряпкина. Рязань: Скрижали, 2012. 294 с. С. 154.

Талантливость исполнителя подчеркивается воздействием его игры на окружающую действительность: все живое принимается плясать:

Заплясали скоморошины,
 Запели на устах.
Ты стоишь, моя хорошая,
 Взвиваясь на носках.
Зацвели твои подмосточки,

 Как радуга-дуга.
Заиграли твои косточки,
 Застукала нога¹.

«Только на плечи накинула» (1981).

Это метафорическое изображение высокой степени выразительности гусельной игры, мастерское исполнение музыкантов из скоморошьей среды. Переиграть их трудно, такая игра вызывает потрясение среди гостей.

В стихотворении «Песня о деревне Белавенки» (1966) игра на гусях сопровождает работу по переработке льна.

В фольклорной традиции волшебными звучащими музыкальными инструментами владеют загадочные персонажи, преимущественно старики необычной внешности, вызывая представление о масках и напоминая изображения скоморохов раннего Средневековья в их рогатых шутовских колпаках с бубенцами². Главный герой стихотворения «Степан» (1966) счетовод «не башка, а целая контора», «с бурей рыжей бороды» «в гусельном разгоне» появляется как «легенда, полная простора»³. Контекстуальная значимость антропонима («Степан») подчеркивается его вынесением в сильную позицию текста – заглавие. Имея определенную заданность, заглавия несут в себе первичную информацию: они призваны ориентировать читателя в пространственно-временном плане

¹Тряпкин Н.И. Избранное. М: Худ лит., 1984. С. 519.

²Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб: «Алетейя», 2001.

³Тряпкин Н.И. Избранное. М: Худ лит., 1984. С. 300.

художественного текста, указывать на главное действующее лицо, отражать основную идею произведения¹. Данное текстообразующее средство играет существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в произведении образов и идей². Стихотворение, в котором автор выражает напряженные думы о прошлом и настоящем России, пронизано «земляным» чувством³. Для Н.И. Тряпкина, чья поэзия глубоко уходила корнями в деревенскую почву, характерно особое внимание к устному народному творчеству. «В забубенном сказе» о Степане у Н.И. Тряпкина с песенным словом хорошо уживается и сказовая, также народная в своей основе речь⁴.

З.И. Власова в своем исследовании «Скоморохи и фольклор» (2001) пишет о том, что едва ли не со времени их учреждения во времена Ивана IV Грозного появляется традиция играть и петь у кабаков. Также исследовательница отмечает, что в награду за свою игру скоморохи могут попросить «рюмочку винца», «стаканчик пивца». Традиция требовать угощения и платы складывалась в условиях раннего Средневековья, когда скоморохи были организаторами и зачинщиками обрядовых празднеств, свадеб и похорон⁵. В проанализированных текстах Н.И. Тряпкина лишь единожды встречается образ скомороха-пьяницы. В стихотворении «Исполать тебе, отцовский дом» (1973) лирический герой – колхозный соловей «только водку жрет со скоморохами»⁶. Очевидно, что в данном случае образ скомороха – сниженный, «бесхарактерный», его функция определена традиционной фольклорной сюжетной функцией героя-гуляки.

¹Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Смоленск: Смядынь, 2010.С. 60.

²Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Наука, 1973. С. 23.

³ Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы» (2006). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: <http://www.zavtra.День литературы/114/71.html>. (дата обращения: 09.01.2013).

⁴ Котельников В.А. Тряпкин Н.И. // Русские писатели, XX век. Библиографический словарь. В 2-х ч. Ч. 2. М: Просвещение, 1998. С. 462.

⁵Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб: «Алтейя», 2001.

⁶ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1977. С. 373.

В 1981 году Н.И. Тряпкин написал стихотворение «Царская дорога», впоследствии давшее название всему сборнику. А. Жигулин в своей рецензии 1983 года на сборник поэта пишет: «Скажу сразу, что рукопись Николая Тряпкина меня взволновала. Иные стихи даже потрясли. Вот цитата из стихотворения об Иване Грозном, давшее название всему сборнику:

Пусть он в прахе исчез. А в потомстве он так недалек!
Он костями исчез. А вот дыхом – в любой еще сваре!
Вот часовня его. Из горбатых камней теремок.
Царь молиться любил. И рыдал в покаянном угаре.
Принажми-ка, шофер! И с разгону – была не была!
Разотри на песке это жуткое, злое виденье.
Мы и сами в свой час – не с его ли визжали кола?
Не с его ли крюков на скудельные шли удобренья?

Плоть от плоти, кость от кости родной страны, родного народа, поэт остро переживает все, что происходило или происходит тут, на его земле, с его земляками и соседями, предками и современниками, родичами по крови и по духу»¹, поэтому в характере Ивана Грозного и сочетаются черты трех разных образов, берущих начало из народной культуры, один из которых – образ скомороха:

Вот он там, впереди, вихревым заметался хвостом,
И взлетела метла, и дорожный развеялся пыльник.
Газани-ка, шофер! И давни-ка его за мостом!
Пусть он знает свое – это сын, скоморох и насильник².

«Царская дорога» (1981).

Так автор почти уравнивает образы затворника, лиходея и царя.

В фольклорной традиции скоморохи изображали действительность, изменяя традиционные мотивы, что приводило к возникновению нового

¹Жигулин А. Рецензия на рукопись стихов Николая Тряпкина «Царская дорога» // РГАЛИ. ф. 1234. оп 23. ед. хр. 1524.

²Тряпкин Н.И. Стихотворения. М: Худ лит., 1989. С. 284.

При рассмотрении стихотворений Н.И. Тряпкина важно учитывать, как фольклорные реминисценции сочетаются с общими основами художественного мировосприятия поэта. Например, стихотворение «Считалка» (1971).

Из фольклора в нем заимствовано наименование. Первые строки стихотворения также указывают на детскую считалку, относящуюся к категории «на вылет»:

Аты-баты – шли солдаты,
 Аты-баты – на базар,
 Аты-баты – что купили?
 Аты-баты – самовар.
 Аты-баты – сколько стоит?
 Аты-баты – три рубля.
 Аты-баты – кто выходит?
 Аты-баты – ты и я¹.

Это рифмованное стихотворение, в котором слово выступает выразителем определенного смысла, носителем необходимой ритмической единицы и рифмы. Относится к малым жанрам русского фольклора.

Для понимания смысла и значения фольклорного вкрапления в рассматриваемом стихотворении необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Его образная система выходит за рамки просто детской считалки, скорее, тяготеет к детскому игровому фольклору в целом («будет свалка, будут жмурки»). В начале стихотворения сообщается о том, что детская игра началась («ходит бойкая считалка») – ее участники начинают перемещаться в пространстве («встали кругом среди хаты», «лезет голенький в подклеть»), вместе с участниками игрового действия начинается движение в мире природы («снег мохнатый / Густо валит», «ходит месяц-старичок»²). В то же время часть предметов

¹ Тридцать три пирога: игры, считалки, скороговорки, скоговорки / сост. М. Буланов. М.: Дет. лит., 1988.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 433.

внутридомового пространства принимает состояние покоя: «замерла жужжалка-прялка», «лампа теплится едва». Нерезкие звуки («за печкой – свист да шорох»), присутствие белого цвета в стихотворении (снег и облака) также являются ключами к пониманию сюжетного действия. В стихотворении Н.И. Тряпкина, в соответствии с фольклорной традицией, белый цвет вызывает ассоциации, связанные с понятиями светлого и радостного («ставь-ка, бабка, самовар»).

Несмотря на то, что ритмическая бойкость стиха отзывается детскими интонациями, замысел стихотворения «недетский», о чем свидетельствуют образы семантической группы «время» – месяц-старичок «колотушкой считает сутки, годы и века». Так многогранная образная система стихотворения отражает его идею – осмысление человеческой жизни в свете диалектической традиции.

Связь поэзии Н.И. Тряпкина с фольклором обнаруживается в приверженности поверьям народа, в следовании особому складу народного мышления. Связь эта находит выражение в разработке фольклорной темы с использованием характерного строя мысли. Фольклорные черты стихотворения «Считалка» воплощает, прежде всего, его семантический ряд. Тем самым связь с фольклором ощущается не через прямое содержательное наполнение считалки, а через использование ее логики. Одним словом, связь творчества поэта с фольклорной традицией становится внутренней, смысловой, тематической.

Вот пример соединения творчества Тряпкина и с фольклором, и с бытовым просторечием. Стихотворение «В моем селе устроили музей» (1971) выдержано в высоком литературном стиле, но в то же время соединено и с живой бытовой разговорной речью (в нем используются такие характерные выражения, как «старый хвощ», «черт возьми», «вся криулинская знает», «смех меня берет», «злая образина»)¹. К таким же

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 424.

поэтическим текстам можно отнести и стихотворения «Деду» (1961), «Сколько выпито горячих самоваров» (1971), «Стихи в трудную минуту» (1972–1975), «Стихи о борьбе с религией» (1982), «Стихи о героях» (1982).

Одним из способов взаимодействия литературного текста с фольклорным является его метафоризация на основе фольклорных констант. В таких текстах создаются новые смыслы с использованием уже имеющихся в данной культуре знаков, т. е. создаются метафоры на основе семантических констант, характерных для фольклора. Гетерономность используемых автором наименований, связывающих разные ассоциативные комплексы, позволяет создавать новую реальность, новые формулы поэтического языка. «Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее, по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации»¹, – писал по этому поводу А.Н. Веселовский. Например, поэт переносит сказочные символические формулы, характерные для народной поэзии, на современные исторические события, «расшифровывает» их, создавая новые речевые выражения («а ты бы сказки плел, браток», «троекратно в пояс бью челом», «сбирали мои “купчишки” <...> то ли присказку, то ли сказку», «здоровый колобок», «скрипело царствие мое», «ровесницы Кащея»). Избираемые поэтом культурные знаки обеспечивают такой способ коммуникации, который способствует вовлечению в текст новых семантических комплексов с собственными рядами ассоциаций, причем предполагается, что адресат знает соответствующие культурные блоки². Используя уже имеющиеся в языке наименования (символические формулы), Тряпкин отражает большее количество реально-чувственных проявлений, чем может передать один лишь символ сам по себе.

¹Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 376.

²Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте. дисс... канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 132.

Итак, в творчестве Н.И. Тряпкина художественное воплощение фольклорных образов зависит от тематики произведений, проблем, обозначенных в его стихотворных текстах.

§ 2. Сказочное и мифологическое в художественной системе

Будучи особым способом духовного освоения действительности, миф имеет мировоззренческую функцию. Сказка традиционно считается фольклорной формой, ориентированной на вымысел, и в связи с этим рассматривается преимущественно как жанровое явление. Такое разграничение является справедливым, если говорить о мифе и сказке в их генетическом истоке. Большинство исследователей настаивает на том, что между мифом и сказкой «структурных различий может не быть вовсе»¹. «Миф и сказка отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции», – утверждал В.Я. Пропп². Сказка и миф оперируют архетипическими образами. Изъятые из реального времени, образы делаются повторяющимися, привычными, узнаваемыми.

В работах, посвященных творчеству Н.И. Тряпкина, подчеркивается особая роль сказочного фольклорного жанра. «Все написанное Николаем Тряпкиным более или менее четко делится на две линии, два пласта, один из которых непосредственно связан с народным творчеством, с песней и сказкой» – считает В. В. Кожин³. В.А. Редькин отмечает, что сказочные образы появляются у поэта прежде всего там, где речь идет о детстве, о природе, о славянской древности⁴. В.А. Котельников, анализируя лирику Н.И. Тряпкина, пишет о современной разработке языческих традиций

¹Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 262.

²Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 27.

³Кожин В. В. Два пласта. // Молодая гвардия. 1969. № 9. С. 301.

⁴Редькин В. А. Аксиология творчества Николая Тряпкина. // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино : НИЦ «Академика», 2010. С. 139.

художественного мышления, воплотившихся в фольклоре, в сказочно-лирическом ключе¹.

Действительно, сказки занимают особое место в художественном мире Н.И. Тряпкина. Сказка, как многофункциональный жанр, открывает перед Тряпкиным-поэтом широкие перспективы. Прежде всего, писателя привлекает полет ее фантазии, удивление перед небывалым:

Я возьму только душу с глазенками школьника
И скажу ей: гляди, понимай.
И подарит мне сказку Великого Хвойника
Серебристый шалун-горностай².

«Желание» (1957).

«Именно этот подъем над житейским делает ее нужною всем народам, всем ступеням культуры», – писал Е. Н. Трубецкой³.

В сказке следует искать ответы на многие жизненные вопросы, учиться бесхитростности и искренности веры в чудо, и потому при осмыслении одной из главных тем своего творчества – темы детства как утраченного рая и жизни как разлада мечты и действительности – поэт обращается к сказке:

У реки, у леска, на крутом берегу
Утонула деревня в глубоком снегу.
Только дым из печей да сугробные лбы,
Водокачка у фермы да с гудом столбы,<...>
Перезвон проводов. Тишина. Забытье.
Это сказка моя или детство мое?⁴

«У реки, у леска» (1962).

¹Котельников В. А. Перуново древо поэта. // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 139.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 143.

³Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. // Литературная учеба. 1990. № 3. С. 102.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 227.

Все усилия Тряпкина-художника направлены на то, чтобы остановить процесс депоэтизации мира. Детский взгляд на мир свойственен человеку из народа, крестьянину, связанному с жизнью земли, природы:

Какие тайны прошлое хранит!
Какие сны для сердца пропадают!
И только смутный звон звенит, звенит
Из тех времен, что детством называют.
Младенчество! Загадочный туман!
Извечный зов несбывшегося хмеля!¹

«Первое воспоминание» (1982).

В атмосфере русских народных сказок будущий поэт рос с детства. Для простого деревенского мальчика, еще только постигающего красоту и сложность человеческого бытия, окружающая действительность была полна тайн, вызывала огромное желание разгадать ее загадки, понять ее законы, отделить реальность от вымысла:

Аргиш, да песня, да ветер с Печоры,
Где мои сказки про вешние годы?
Старые сказки с веселыми снами
Снежною пылью свистят под санями².

«Аргиш» (1961).

Детство для поэта – это деревня, образ, окутанный туманной, сказочной дымкой. Деревня-детство прекрасна, как всякий поэтический образ: «Снится мне утро и домик у речки. / Мальчик, зажмурясь, лежит на крылечке. / ...Солнце щекочет. А мухи-то, мухи! / Столько тут звону у каждой вострухи!»³ («Снится мне утро», 1966). В сказочной дымке даже мухи не разрушают прекрасный образ деревни-детства, ставший таким

¹ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 526.

² Тряпкин Н. И. Златоуст. М.: Худож. лит., 1971. С. 115.

³ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 309.

потому, что давно превратился в воспоминание и воротиться к тем мухам-вострухам нельзя¹.

В сказках быт рисуется в праздничных красках, он воплощает народную мечту о лучшей жизни, обобщая черты прекрасного в эстетике реального быта. Эту особенность Н.И. Тряпкин развивает в стихах, придавая ей колорит сказочности: «И я без выдумки скажу: / Домой, что в сказку, прихожу»² («Воскресение», 1946).

Поэтически сказочной представляется поэту и природа, если посмотреть на нее из детства. Только близость к природе спасает от ложных ценностей и помогает найти настоящее:

Я уходил в леса такие,
Каких не сыщешь наяву,
И слушал вздохи колдовские,
И рвал нездешнюю траву <...>
И вновь теплом родных селений
Запахли снежные горбы.
И вот опять пою о сене,
О звонких пряслах городьбы³.

«Я уходил в леса такие» (1956).

Так первые впечатления детства и юности, постепенно расширяясь, вбирают в себя все более сложные явления мира. Но взгляд лирического героя на окружающую его действительность в своей основе не изменился – это взгляд человека, охваченного постоянным стремлением понять мир, пестрый, противоречивый, а главное – красочный.

В лирике Н.И. Тряпкина военных лет сказочные образы нередко переплетаются с картинами реальной действительности для того, чтобы сравнить, оттенить те или иные качества современников:

Была война. Гремел за Волгой бой.

¹Приходько В. Лебеди и вертолет // Литературное обозрение. 1977. № 1. С. 62.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 35.

³Там же. С. 122.

А мы тут лес грузили на подмогу.
 И уходил к медведям домовый,
 Чтоб не слышать воздушную тревогу.
 И всю-то ночь у сказочной свечи
 Хозяйка наша, бабушка Агния,
 Крутила прялку на своей печи,
 Как истая полночица Россия¹.

«Коряжема» (1962).

Подобные параллели диктовались особенностями жизненного материала. Было очень важно показать выносливость русских людей, их упорство, с которым они шли на борьбу с фашизмом, обострить значимость «необыкновенных условий», дающих силы для борьбы. Пысли П. С. Выходцева, «тенденция к сопоставлению реального со сказочным возникла на естественной психологической основе: необычайный характер событий и подвигов требовал необычайных сравнений, и для самого воюющего человека чем-то несбыточным и почти что сказочным казались простые житейские радости <...>»². В лирике периода Великой Отечественной войны народное творчество служит целям обобщения, благодаря чему был создан целостный образ России, сильной и мужественной и в то же время – «сказочно-народной»³, которая всем своим существованием протестует против ужасов войны:

Сколько трав под чужими подковами!
 Сколько слез в погоревших полях!
 Только солнце – как щит заколдованный
 На высоких твоих облаках.
 Ах ты, доля! Змея-подколодина!
 Ни куска, ни избы, ни плетня.
 Только жарок твой щит, моя Родина,
 Под высокими стягами Дня⁴.

«Сколько трав под чужими подковами!» (1944).

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 239.

²Выходцев П. С. Русская народная поэзия и народное творчество. М.–Л.: Наука, 1963. С. 443.

³ Там же.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 22.

Идут годы, приходит зрелость, а Н.И. Тряпкин не перестает удивляться и радоваться «новому свету сказки», сохраняя при этом удивительную свежесть восприятия. В 1967 году поэт написал стихотворение «Скрип моей колыбели», в котором лирическому герою не дает покоя «древняя сказка прялки». Другое стихотворение («Я уйду за красные туманы», 1962), представляющее собою романтическую сказку, характерно для творчества Н.И. Тряпкина с его сказочным целомудрием, лексическим многоцветьем, народно-песенной романтикой. По мнению Ал. Михайлова, не с самой поэтической молодости, а где-то уже на перепутье к зрелости начал вызревать в Н.И. Тряпкине и романтик, заряженный мечтой о необыкновенном и сказочном. «Как за пером сказочной жар-птицы, отправляется он в погоню за огнекрылым сказочным цветком. Тряпкина все больше тянет к выдумке, к сказке, к поэтизации обыденного. Не от желания приукрасить жизнь, в этом его не упрекнешь, а от желания связать сказку с жизнью, от мечты о прекрасном. Краснослов и сказочник, он не ограничивает себя традиционной основой устной народной поэзии. И в традициях фольклора Тряпкин налаживает новые связи»¹. Ю. Иванов, анализируя сборник Н.И. Тряпкина «Жнива», пишет о том, что сказочное преображение мира – не редкий случай в творчестве поэта. Тряпкин любит сказку за богатство народной фантазии, зримость в передаче яркого многоцветия мира. Она не оттесняет реалистических, жизнеподобных картин деревенского быта, тоже полных жизни и движения. Что касается пейзажных стихов, считает критик, Н.И. Тряпкин избегает натуральности описаний, предпочитает многозначность, иносказательность, свойственные народно-поэтическим воззрениям на природу².

¹Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...»: сельская тема в современной русской поэзии. // Дружба народов. 1969. № 2. С. 251.

²Иванов Ю. Песенная доля. // Наш современник. 1975. № 11. С. 190.

В стихотворениях «Девушка зарницу поджидала» (1962), «Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную (из хроники моего детства)» (1963), «Я только вспомню те названья» (1966), «А на улице снег» (1968) и др. переплетаются быль и сказка, подробности деревенского быта и поэтическая выдумка. Сказка окрашивает своим присутствием самые реальные, материальные вещи:

И вот на окраине сибирского града
 Из серого камня возникла ограда
 И красной стеною поднялся кирпич.
 И вот над землей, из хвои' и подзола,
 Взлетела стрела молодого костела,
 Как праздничный факел, торжественный клич, –
 Взлетела, потрясши окрестные реки,
 Как свет, что исторгли подземные штреки,
 Как меч, рассекающий тьму облаков!
 И в этом серебряном гулком органе
 Сверкнули земные волшебные грани,
 Алмазные грани руды и снегов¹.

«Костел в Иркутске» (1981).

В то же время поэт переживал моменты, когда поэзия «чудесного» мешала трезвому взгляду на вещи, и тогда он безжалостно разрушал сказку. Особенно резко это проявилось в стихотворении «Пробуждение», где лирический герой срывает маску чудесного со сказочного леса, обнажает «грязные корни коряг», «притоны вонючих лягушек», называет все владенья Черномора «ребячьим сном», «горьким дурманом», «миражом»².

Свободно «вписываются» в сказочную романтику и «космические» стихи Н.И. Тряпкина, вписываются четкими штрихами реального, сбывшегося и продолжением фантазии. Ал. Михайлов в статье «Быль и сказка» (1971) отмечает, что стихотворения поэта являются естественным продолжением и развитием поэтической сказочной мечты, конкретное

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 276.

²Михайлов Ал. Быль и сказка. // Молодая гвардия. 1971. № 8. С. 308.

человеческое деяние облекается в красивую сказку, оно еще связывается с легендой о Прометеевом огне, который «великая Гея» Земля посылает на небо (стихотворение «Где-то есть космодромы», 1966). Здесь же и стартовая площадка для его вселенских экспедиций: «и к небу летят мои думы, и сны, и загадки», здесь же осмысливается связь настоящего с прошлым и будущим.

Несмотря на пристрастие к широким сказочно-романтическим обобщениям, Н.И. Тряпкин во многих стихах остается диалектиком – постоянное ощущение родной земли, биография, опыт труженика привязывают его к повседневной действительности. В стихотворении «Я вышел оттуда, где знают простейшие вещи...» (1961) заключена исходная жизненная позиция и Н.И. Тряпкина, и его лирического героя. Это стихотворение дает основание говорить об историзме поэтического мышления в строго реалистическом плане, хотя Н.И. Тряпкин не уклоняется полностью от сказочной выразительности. Стихи раскрывают его отношение к завоеванию космоса теперь уже как к насущно практической задаче человечества. Сказка и быль не расходятся в поэтическом мировосприятии. Такова диагностика творческого поведения и меняющаяся в связи с ним поэтика, образная структура лирики поэта.

Многие исследователи творчества Н.И. Тряпкина отмечают, что элементы интертекста, проявляющие себя как в тематике, так и в поэтике его произведений, обладают множеством функций, выражают авторскую оценку, характеризуют персонажей и ситуации, способствуют типизации изображаемого, актуализируют скрытые текстовые смыслы, подчеркивая связь фольклоризма поэта с желанием вернуться во времена, которые забыты современниками, но очень важны для национальной самоидентификации:

Забылись песни старины,
 Распались древние обряды.
 И сказки старые смешны
 Про заколдованные клады <...>

И пусть нам сказки не нужны
И плохо спится на соломе,
Но радость вечную весны
Никто не выразит в биноме¹.

«Забылись песни старины» (1955).

Не слишком многочисленна, но, тем не менее, заслуживает внимания и любовная лирика Н.И. Тряпкина. Например, в стихотворении «Суматошные скрипы раKIT» (1970) любовь предстает настоящим колдовством (сказочным, фантастическим, магическим), дом возлюбленной превращается во «вдовью избушку на курьих ножках», на крыше которой «концы от жердей, как у ведьмы надбровные рожки»². Обращение поэта к устойчивым сказочным образам и мотивам и использование слов, вбирающих в себя образную парадигму сказки («сказка», «чудеса», «волшебство») вполне естественно. Приведённые примеры имеют характер, создающий подтекст, являющийся особенностью стиля Н.И. Тряпкина.

Рассматривая причины обращения его к сказочному жанру, необходимо учесть, что обычно развлекательная функция сказки чужда поэту. Стремление к чудесному в сказке равнозначно романтическому взгляду на мир, развлечение в контексте романтической традиции – снижающий элемент. Традиционный сказочный колорит развлекательного плана игнорируется и замещается духом мифа. В текстах Н.И. Тряпкина сосуществование мифического и сказочного реализуется через мифологический подтекст, через смысловую глубину образов-символов. Ориентируясь на внешний облик сказки, на ее связь с земным, писатель имеет возможность сохранить глобальность картины мира, философичность повествования за счет эффекта проступания мифологического подтекста:

Пусть жена твоя, бабка Настя,
 приготовит нам колобок.
Это просто моя удача,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 109.

²Там же. С. 391.

что ты здравствуешь до сих пор.
Только тьма в бороде лешачьей,
только сказки глядят из нор¹.

«Посиделки» (1966).

Мир сказочных образов крепко связан круговой порукой. Круг, лежащий в основе тряпкинской модели мира, зачастую подчиняет себе композицию произведения, а мифологическая картина мира в сознании поэта воздействует на сюжетостроение его произведений (стихотворения «За синие своды...», 1957; «Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958; «Кострома», 1958; «Я только вспомню те названия», 1966; «А на улице снег», 1968). Художественное мышление Н.И. Тряпкина и поэтика народной сказки питаются из одного родника – природной гармонии, воплощенной в «круговых» явлениях природы. Поэт использует не столько форму сказки, сколько ее дух:

А ты заглянула бы в это селенье,
Прошла бы со мною по снежным дорожкам
В малиновой шубке да в белых сапожках
По красному лесу, по рыженьким елкам,
Где смотрит лисица в сугробную щелку,
Где зимними сказками дышит природа <...>
Я очень доволен, родная, и весел.
Здесь жить невозможно без сказок и песен...²

«Письмо» (1966).

Нередко поэт углубляется в языческую эпоху народной жизни, с чем связано и обращение его к мифологическим представлениям и образам в трактовке природы и крестьянского быта, поэтому язык мифа нередко используется для выражения современного мироощущения лирического героя³:

Я свято чту фамильное родство
И души предков грею у печурки,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 280.

²Тряпкин Н. И. Серебряные пруды. М.: Советская Россия, 1966. С. 20.

³Котельников В. Перуново древо поэта // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 144.

И сам творю для сердца своего
 Семейный миф – и с ним играю в жмурки¹.
 «Я свято чту фамильное родство» (1968).

В поэтических текстах Н.И. Тряпкина, трансформирующих фольклорную традицию, авторский замысел проявляется в столкновении фольклорной и литературной художественных систем, что вносит в текст динамический элемент: «каждая из точек зрения в тексте претендует на истинность и стремится утвердить себя в борьбе с противостоящими»². В стихотворениях Н.И. Тряпкина такая динамика формы выражается:

1) на уровне взаимообусловленности прецедентных знаков различных художественных систем в пределах одного произведения. Поэт нередко сталкивает прецедентные знаки разных культурных традиций: русского фольклора и мировой мифологии (стихотворения «За поемный терновник, пустивший в рост», 1946; «Курильская песня», 1978; «Ах, речка моя! Ах, лодка моя!», 1984);

2) в использовании славянской мифологии, мировой литературы в самых разных модификациях (стихотворения «Пижма», 1946; «Все лужки, да ямки родничковые», 1966; «О страсти мира! Извечный крик!», 1969).

Столкновение в самых разных модификациях русского фольклора, мифологии, литературы продиктовано целью выразить свое собственное понимание картины мира, синтезировать разрозненные элементы формирующегося единого культурного пространства.

Итак, слияние сказки и мифа для Н.И. Тряпкина является одним из смысловых центров его художественной системы.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 189.

²Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 335.

§ 3. Поэтика «иноного царства»

Пространственная организация русской народной сказки такова, что в ней имеют место два царства. Первое царство – область сказочного мира, где живет сам герой и его семья, где пашут, сеют, ездят по торговым делам, женятся. Второе – «иное» – тот мир, куда неизменно отправляются герои сказок, где существуют избушки на курьих ножках, где бродят говорящие звери и птицы, где бытуют волшебные предметы и совершаются чудесные превращения. В стихотворениях Н.И. Тряпкина «Барда» (1961), «О страсти мира! Извечный крик!» (1969), «За дворами царства однолишного» (1975) и некоторых других также повторяются и варьируются характерные для сказочной традиции рассказы про «иное, другое царство», «иные земли». Зачастую ищут новых земель все те, кому так или иначе тесно в рамках быта («Где нам было грезить сиракузами / За набором книжных небылиц?»), кто чувствует отвращение ко всему обыденному, житейскому («За дворами царства однолишного, / Где ругались мамки поутру...» – «За дворами царства однолишного», 1975)¹. По мнению И.Н.Кошелевой, в цитируемом тексте «царство однолишное» не что иное, как заколдованное тридевятое государство, царство мертвых².

Символом «мертвого царства» в стихотворении «Сухмень» (1982) являются Ветры Ветровеичи – стрибожьи внуки, которые веют с моря стрелами, мечут молнии из дождевой тучи³ «в мертвые пределы»:

Разрешите поразмяться,
Ветры Ветровеичи!
С ясным солнцем поравняться,

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 244.

²Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дис. ... канд. филол. Бийск., 2005. С. 143.

³Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1995.С. 294.

Стрелок не жалеючи!
 Порезвиться вместе с вами
 Над ходячими гробами!
 Гей!¹

«Иное царство» волшебной сказки содержит средства, необходимые для преобразования действительности, компенсации всех ее недостатков, разрешения главных жизненных противоречий, защиты и возвышения обездоленных, неизбежной победы добра над злом – того утешения и надежды человека, которых нет в реальной жизни. Не случайно человеческому воображению «иное царство» может представляться как некая светлая грань, названная в лирике Н.И. Тряпкина царством «многозвонным» («Чайная», 1962) и «фруктовым» («Райские яблоки», 1982).

Для обозначения отдаленности «иногo царства» в сказке имеется множество речевых оборотов. Зачастую оно называется «тридесатым» или «тридевятым». По одной из версий туда надо ехать «тридцать дней и тридцать ночей», по другой – «тридцать лет и три года». Искомое царство – это тот край света, «где красное солнышко из-за синего моря восходит»². В лирике Н.И. Тряпкина указание на значительную отдаленность «другой земли» присутствует в ряде стихотворений, в которых «иному царству» тождественны «заморские пустыни» («Стихи в трудную минуту», 1972-1975), «муравская земля» («Не искал ты, Никита, муравскую землю», 1982), «лукоморье» («Стихи о моем Лукоморье», 1987), «страна Берендея» («За синие своды...», 1957).

Иногда внутренне пространство в произведениях Н.И. Тряпкина разделено на два мира: условно-реальный, в котором живут персонажи, и «иное царство», куда отправляется герой. Представляет особый интерес характер той трансформации, которой оказываются подвергнуты в

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 376.

²Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 105.

художественном пространстве стихотворений традиционные фольклорные сказочные элементы.

С первых строк ряда стихотворений Н.И. Тряпкина встречается следующий авторский хронотоп: сочетание неопределенного сказочного пространства и точного названия городов – Вязьма и Брест («Чайная», 1962), а также описание малой родины поэта – Тверской земли («Не искал ты, Никита, муравскую землю», 1982; «Райские яблоки», 1982). Иное царство наполняется конкретными реальными топографическими объектами, которые обретают сказочную семантику, что позволяет автору усилить эффект достоверности. При этом Н.И. Тряпкин не отступает от традиционной для народной сказки краткости в описании всех событий и перемещений героя.

Далее при описании путешествия в «иное царство» читатель сталкивается с аналогичным сочетанием в топосе «иногo царства» неопределенности и конкретики («И в древнем царстве моих полян / Грохочет рынок» – «О страсти мира! Извечный крик», 1969)¹.

Согласно фольклорно-сказочным традициям, описанным Е.Н. Трубецким и В. Я. Проппом, в русской волшебной сказке сборы в дорогу, обретение попутчика, волшебные предметы, указывающие дорогу, говорят о том, что конечной целью странствий героя должно стать «иное царство», семантические признаки которого можно определить как мотивационно-целевые. Они мотивируют цель путешествия в «иное царство», а вместе с ней раскрывают художественный смысл присутствия этого топоса в сказочном мире. В сказке это может быть поиск решения трудной задачи, стремление избыть сказочную беду, обрести чудесные предметы, освободить похищенную красавицу или пройти инициацию с целью позитивного изменения статуса. В лирике Тряпкина при сохранении традиционных для фольклорного инварианта мотивационно-целевых

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 170.

признаков «иное царство» представлено иначе, нежели в сказках. На первый взгляд может показаться, что отправка туда героя мотивируется традиционными желаниями (стремлением к богатству, изобилию, веселью). Однако автор, подчеркивая душевные качества своих персонажей, природное благородство, заставляет их отправиться в опасное путешествие в поисках смысла в жизни:

Я уходил в леса такие,
Каких не сыщешь наяву,
И слушал вздохи колдовские,
И рвал нездешнюю траву <...>

И не ищу, и не жалею...
На землю новый сыплет снег.
Рублю дрова и хату грею –
Уже поживший человек...¹

«Я уходил в леса такие...» (1956).

Компенсаторная функция топоса «иного царства» фольклорной сказки выступает важнейшей, но не единственной ее функциональной особенностью. Торжество добра над злом, гуманизм и оптимистичность являются в сказке и основой для выражения воспитательной функции. Волшебные силы и предметы «иного царства» поощряют и награждают тех персонажей, которые воплощают в себе такие качества, как верность, преданность, порядочность, трудолюбие, доброта и благородство. Таковыми и являются герои Н.И. Тряпкина. Таким образом, «иное царство» в интерпретации поэта призвано способствовать утверждению главенства нравственной чистоты.

Признаки иномира на фоне современной действительности можно увидеть и в стихотворении «В магазине “Тысяча мелочей”» (1981).

Один из персонажей стихотворения, воробей, попадает в иной мир, представленный инородными образами: леса, из которого он не может выбраться, городами Ливерпулем и Колываньем, воплощающими в себе

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 58.

нечто неизвестное, а магазин является аналогом фольклорных «выморочных мест»: «затерялся sereneкий, как в лесу»¹. В данном случае иномир не имеет прямых проекций на привычное пространство жизни, воспринимается как мир вторичный, организованный на иных общесистемных принципах, чем мир обычный, но его восприятие становится возможным лишь с опорой на реальность, поэтому стихотворение можно разделить на две части: первая часть – это мир повествователя, находящегося в структуре текста в качестве стороннего наблюдателя («даже я разбойника не спасу»). Вторая часть – это мир появляющегося в стихотворении Иванушки-дурачка, влияющего на события в рамках своего мира («Ну, здорово, стреляная ты душа! / Без меня не стоишь ты и гроша»). В тексте имеет место синтез ретроспективной (совершенный вид, прошедшее вр.) и синхронной (несовершенный вид, прошедшее время) точек зрения. Синхронная точка зрения свойственна для фольклорных произведений, она знаменует настоящее в прошлом. Такая форма позволяет производить описание изнутри самого действия, помещая читателя в центр описываемого. Таким образом, автор выступает в роли наблюдателя, который не в силах повлиять на фольклорный мир Ивана-дурачка². В то же время первая и последняя строки стихотворения напоминают читателю о существовании реального мира, в структуре которого находится замкнутое фольклорное пространство.

Волшебный предмет, чудесные перемещения и исцеления – все это типичные элементы сказочной фантастики, свойственные «киному царству». Но в качестве их носителя – волшебного дарителя – может выступить не сказочный персонаж, а персонаж, в большей степени

¹Кошелева И.Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дис. ... канд. филол. Бийск., 2005. С. 140.

²Там же. С. 141.

соответствующий христианским преданиям (например, святой Георгий)¹. Присутствие в хронотопе сказочных событий поэтических образов, связанных с христианским миром (пижемские кресты, Никита-праведник, фруктовое царство – сад, в котором срывает яблоки Ева; в стихотворении «Стансы» (1970) персонаж, в руках которого посох и сума и который стучится в райскую калитку; тема предательства, которая осмысливается поэтом в русле библейской традиции: «И снова мертвому Иуде / Не пригодится кошелек»²), говорит об использовании фольклорного мотива волшебства, связанного с «иным царством»: топоним «иног царства» обретает дополнительную географическую характеристику. Под географическими признаками понимаются черты, указывающие на религиозную принадлежность «иног царства». Ведущей географической характеристикой аналогичного топонима в народных сказках является указание на принадлежность к христианству, что представляется как более позднее обретение по сравнению с первоначальными языческими представлениями. Е.Н. Трубецкой в 20-е годы XX века отмечал, что «русские сказочные образы как-то совершенно незаметно и естественно воспринимают в себя христианский смысл», считал, что само понимание сказочного волшебства близко пониманию чудесного в христианском значении слова³, чем и объясняется христианизация «иног царства» в народной сказке. В. Я. Пропп писал о «ложнорусском стиле» в изображении «иног царства» как Небесного Иерусалима и невозможности нахождения там церквей⁴. В некоторых сказках этот процесс представляется вполне законченным, в других наблюдается смешение христианского и языческого начал (например, «по щучьему веленью, по Божьему благословенью»). Можно сделать вывод, что христианские

¹Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 46–47.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 189.

³Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 115.

⁴Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 283.

представления и образы, органично войдя в фольклорную сказку в процессе ее исторического бытия, находят дальнейшее творческое развитие в русской поэзии XX века, в частности в поэтическом наследии Тряпкина.

Важнейшим элементом организации сказочного пространства волшебной сказки является мотив пути. В стихотворении «Я уйду за красные туманы» (1962) герой отправляется в путь в поисках волшебного цветка: «Говорят, что там, за гранью алой, / Где садится солнце на шесток, / Зацветает силой небывалой / Огнекрылый сказочный цветок...»¹ – одного из символов лучезарного бога солнца. Ближайшим эквивалентом сказочного цветка служит образ аленького цветочка, символа чего-то прекрасного². В стихотворении поэт создает два мира: мир людей, дома, который рисуется начальной ситуацией (далекое поле, бурьян), и другой мир, представленный в стихотворении таинственным садом, в котором растет волшебный цветок. Этот цветок так прекрасен, так чудесен, что воплощает в себе всю красоту мира и возможное земное счастье: «И никто вовек не перестанет / Забываться в песне, как во сне. / А цветок в глаза ему заглянет / И расскажет сказку обо мне»³.

Персонажем русских сказок, олицетворяющим огонь, свет, солнце, является Жар-птица, «приносящая тому герою, который овладеет хоть одним ее пером, великое счастье»⁴. В лирике Н.И. Тряпкина образ Жар-птицы является символом родного края («Прилетит зарничка – жар-птичка, / Зацветет в лугах земляничка / Затомит гусяр тебя у пруда...»⁵, «В деревнях на столбах засверкали жар-птицы. / Веселее, рожок, веселей!»⁶). Лирическому герою стихотворения «Да, я знавал тебя такую...» (1966)

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 102.

²Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 296.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 102.

⁴Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1995. С. 90.

⁵Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 233.

⁶Тряпкин Н. И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 107.

возлюбленная видится «жар-птицей в злаках полевых!..»¹. Л.В. Рыжкова-Гришина в статье «Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н.И. Тряпкина» пишет, что женщина, названная в тексте «княжной», «королевой», представляется своему любимому «птицей, полной чуда»².

Лирический герой поэта, как и сам Н.И. Тряпкин, – путешественники во всех смыслах: «Через реки, озера, дубровы / Ты пройди по волшебным путям...»³ («Зря мы, что ли, земля-молодица», 1962). Для поэта движение в пространстве, прежде всего, жизненная реальность. Башмаки, стоптанные поэтом на дорогах Севера, пришлось бы впору сказочному герою. Как и во многих волшебных сказках, завязка многих стихотворений-путешествий Тряпкина формируется на основе какого-либо предания или легенды: «Забытые вехи, заглохшие дали...» (1965), «Из древней книги» (1973), «Предание» (1973), «Легенда» (1953), «Легенда» (1980), «Идол» (1980) и др. Обращение к жанрам народной несказочной прозы дает возможность автору символически реализовать мотив пути, понимаемый в духе народной традиции как путь нравственных и духовных исканий.

Чтобы достигнуть «нового царства», нужно совершить невероятные подвиги, преодолеть несчетные препятствия, прежде всего бесконечное расстояние, отделяющее действительность от «волшебного мира». Отсюда – волшебные способы передвижения и волшебные предметы, предназначенные для этой цели: ковры-самолеты и сапоги-самоходы (с теми или иными видоизменениями они имеются в сказках всех народов). Но для достижения сказочной цели недостаточно вещественных орудий – для этого требуется содействие вещей животных, которые преодолевают тяжесть земную, поднимаются «повыше леса стоячего, пониже облака

¹Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 294.

²Рыжкова-Гришина Л. В. Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н. И. Тряпкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 179.

³Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 232.

ходячего»¹. В лирике Н.И. Тряпкина такими живыми силами являются «серебристый шалун-горностай» («Желание», 1957), «златорогие олени» («А у нас на Мезени», 1978), «сивка-бурка» («Масленица», 1964).

Сивка-Бурка, сказочный конь, гибридное существо, соединение лошади и птицы. Функции коня разнообразны. Одна из них заключается в том, что конь переносит по воздуху героя за тридевять земель в «иное царство»². В стихотворении Н.И. Тряпкина «Масленица» (1964) волшебный конь переносит новобрачных в счастливое царство семейной жизни:

Скачет свадьба в лентах, позументах,
Из-под сивок-бурок – снежный прах,
И столы со всем ассортиментом
И с оркестром – прямо на дровнях³.

«Масленица» (1964).

Чтобы попасть в «иное царство», нужно взлететь под небеса на крыльях птицы. В связи с этим интерес представляет наиболее частотный в стихотворениях Тряпкина образ гусей-лебедей.

В разных мифологических системах образ гусей-лебедей соединяет взаимоисключающие базисные символы и понятия: верх и низ, лето и зиму, мужское и женское, жизнь и смерть. Русские волшебные сказки, повествующие о путешествии на гусях-лебедях, являются фрагментами мифологического сюжета, восходящего к образности древнеземледельческого мифа об исчезающем и возвращающемся боге⁴, гуси-лебеди трактуются как психофоры, переносящие души в загробный мир, что связывает этот образ с темой смерти, ее преодоления («Не гуси

¹Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 111.

²Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. С. 214.

³Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Художественная литература, 1984. С. 257.

⁴Мелетинский Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимодействие литератур древнего мира. М., 1971. С. 70.

летят, не лебеди – Христос воскрес на весь свет!»)¹. Р. Погодин в статье «Гуси-лебеди: о законах жанра сказки» (1993) пишет, что «в народной сказке всякая лебедь – белая. Всякая лебедь – свет. Любовь и самопожертвование»². Размышляя над образом гусей-лебедей, исследователь приходит к выводу о том, что злые гуси-лебеди – это зов красоты³.

Следует отметить, что гуси и лебеди не во всех случаях выступают как мифопоэтические синонимы – зачастую они противопоставлены друг другу как нижнее – верхнему, чужое – своему. На русской свадьбе пели:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор, гор высоких,
Вылетала гусей стада
А другая лебединая.
Отставала лебедушка
Ко стады ко серым гусям⁴.

Изучение большого количества текстов Н.И. Тряпкина позволило прийти к выводу о том, что, несмотря на очевидную поэтическую индивидуальность и разные способы художественной организации стихотворных текстов, наблюдается некоторая закономерность осмысления поэтом образа гусей-лебедей в русле мировой фольклорной традиции. Один из сборников поэта, вышедший в 1971 году, называется «Гуси-лебеди» (он рассматривается В. Журавлевым как «лирическая сказка»⁵). Можно предположить, что поэтический образ проходит через стихотворения, находя разное языковое выражение: «Каждый поэтический

¹Поэзия крестьянских праздников / вступит. статья и примеч. И. И. Земцовского. Л.: Советский писатель, 1970. С. 322.

²Погодин Р. Гуси-лебеди: о законах жанра сказки // Детская литература. 1993. № 2. С. 6.

³Там же. С. 7.

⁴Фольклор Тверского региона. Электронная библиотека. Семейные обрядовые песни. Свадебные обряды. 1925. ФТГ с. 72. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url : http : // tverfolk.tverzha.ru/sources (дата обращения: 23.08.2014).

⁵Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах времени // Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди. Стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 11.

образ существует не сам по себе, а в ряду других <...> в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий закон, модель, правило, или парадигму»¹. Изучение поэтического материала позволило выявить три концептуальные метафоры, или образные парадигмы, связанные с образом гусей-лебедей: гуси-лебеди = дом («Ах, балконы с простынями! / Это – будни иль парад? / Это, скажешь, – над полями / Гуси-лебеди летят»²), гуси-лебеди = разлука («Улетайте, гуси-лебеди, мы с вами полетим. / Ой-да! / А что будет с нами, девочки, не видно через дым. / Ой-да! / Гуси-лебеди летели, где-то утки крякали. / Ой-да! / Все ребята песни пели, а девчонки плакали»³), гуси-лебеди = душа («Душа улетает в мерцающий свет <...> / Как белое стадо гусей-лебедей, / Гусей-лебедей, / За островом белым другой островок... / И сам я мерцаю, как белый дымок, / Как белый дымок»⁴). Так Тряпкин использует традиционные аналогии, но модифицирует их в соответствии со своим творческим видением.

Гуси-лебеди — души умерших предков, которые сопровождают Праматерь – Бабу-Ягу. В мифологии происхождение Бабы-Яги связывается с язычеством: под этим именем славяне почитали богиню, изображаемую страшилищем, сидящим в железной ступе, имеющим железный пест. Существует мнение, что ее имя возникло в результате объединения наименований славянского божества Баба и общеевропейского мифологического персонажа Яга – привратницы в мире мертвых. Одно из этих божеств (Баба) – персонаж положительный, а вот другое, Яга, – существо противоречивое. По верованиям древних славян, Яга отправляла людей в мир иной, но также снаряжала женихов, которые переходили в матриархальную общину невесты. Это тоже представлялось символической смертью, поэтому в обрядах проводов жениха оплакивали

¹Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. С. 14.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940-1982). М.: Современник.1983. С. 131.

³Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 307.

⁴Там же. С. 210.

как умершего (он уходил в чужую общину, не мог вернуться). Именно жениха принимала Яга в избушке на курьих ножках, кормила священной пищей духов. Попытка Яги сжечь юношу в печи представляет собой обряд символического умерщвления огнем¹.

Баба-Яга живет в избушке на курьих ножках, что является, по мнению А. Брагиной, переосмыслением представлений о постройках на сваях, в которых хоронили умерших. Определение ножек избушки («курьи») исторически связано со словом прокуренные (просмоленные для прочности). В то же время прилагательное курий является притяжательным, родственно слову кура (курица). Таким образом, роль Бабы-Яги – стоять на страже границы двух миров, ее избушка – домовина, гроб. По той же причине гость, попавший в избушку к Бабе-Яге, не может остаться у нее на ночь (живой не может спать в гробу)².

С.А. Кошарная отмечает, что отсутствие у Бабы-Яги ноги («костяная нога») свидетельствует об отсутствии у нее жизненной силы (по древним верованиям считается, что в колене, ноге и голове сосредотачивалась эта сила)³.

Баба-Яга – главный отрицательный персонаж многих сказок, она помощница Кощея Бессмертного или Змея Горыныча. Колдовством и заговорами она сбивает с пути, губит странников и героев. Непременные атрибуты Яги – ступа, помело; в избушке есть печь и лопата.

Баба-Яга у Н.И. Тряпкина напоминает фольклорный персонаж русских волшебных сказок. Сценарий стихотворений поэта, в которых участвует мифоконцепт «Баба-Яга», включает такие сцены-фрагменты: «колток Яга», «лопатиха-Яга» пытается мужика усадить в печь («Хозяин», 1946), персонаж в костюме Бабы-Яги «исполняет арию Ленского» («Не

¹Алещенко Е. И. Мифоним Баба-Яга в русских народных сказках // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 90.

²Брагина А. А. Мир животных в мире слов. М.: Московский лицей, 1995. С. 84.

³Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.

скупы вологодцы на праздники», 1981). Героиня стихотворения «Суматошные скрипы ракит» (1970) – вдова, ее дом сравнивается с избушкой Бабы-Яги («Не на курьих ли ножках стоит / У тебя твоя вдовья избушка?»)¹. В стихотворении «Изба» (1982) поэт, рассказывая историю раскулачивания своей семьи, обращается к образу избушки на курьих ножках и осмысливает его как символ родового гнезда, полученного в результате «распродажи» (взамен потерянного дома):

А совхозные боги входили во всем снаряженье:
В грозовых портупях, в надраенных скрип-сапогах...
И родитель кружил вечерком по окрестным селеньям:
Приискать бы избенку! Хотя бы – на курьих соплях!²

Создание подобных образов может свидетельствовать о стремлении поэта подойти к каноничному образу нестандартно, попытаться придать ему неоднозначность, отсутствующую в мифе.

§ 4. Концепт «дурак» в стихотворениях Н.И. Тряпкина

Концепт «дурак» – один из ключевых концептов русской культуры. За словом «дурак» – мир образов, представлений, система ценностных установок, метафор. С его помощью выделяют не столько определённую группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов³.

Образ дурака – традиционный русский архетипический фольклорный образ. В художественном произведении, раскрывая важные субстанциальные свойства русского характера (житейская мудрость,

¹Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 391.

²Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 463.

³Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Наука: Флинта, 2007. С. 171.

широта души, стремление к вольности, удали или наоборот – лень, пьянство, «состояние неразумной пассивности»), образ делается повторяющимся, привычным, узнаваемым, попадает в зону «внимания». В связи с этим важно рассмотреть тип героя-дурака, избранного Тряпкиным для ряда своих стихотворений.

В «Разговоре игрушечного мастера со своими изделиями» (ночью в мастерской) (1971) лирический персонаж называет фигурки, сделанные своими руками, дурачками:

Довольно безобразничать,
Подсовывать крючки!
Да и кого ж вы дразните,
Смешные дурачки?
Из глины да из сажицы
Не я ли вас лепил?
Деньки над вами, кажется,
И ночки проводил¹.

В стихотворении, как и во многих других произведениях Н.И. Тряпкина, сосуществование фольклорного и реалистического реализуется через подтекст [через смысловую глубину образов-символов]. Ориентируясь на внешний облик фольклорного образа, на его связь с земным, поэт имеет возможность сохранить глобальность картины мира, философичность повествования за счет эффекта проступания подтекста. Так, в анализируемом примере образ дурака выполняет функцию культурной отсылки, точнее – фольклорной.

Дурак – один из самых колоритных и популярных персонажей в русских сказках, который в силу своей простоты и наивности, доброты и беззлобности выходит победителем в борьбе со злом. Его предполагаемая глупость может не проявляться, а может выражаться в «непрактичности», когда дурак жертвует какими-то ценными благами ради мечты или идеала, не придает значения совершенным подвигам или

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 443.

не умеет доказать их авторство. Нередко в начале сказки он несчастен и обездолен (третий, младший сын, которому не достается ничего). Проявляя, как правило, настойчивость, а нередко и хитрость, дурак успешно проходит все испытания и к концу сказки вознаграждается богатством, рукой царской дочери и т. п.¹

Самыми популярными героями-«дураками» русских народных сказок являются «дураки» по имени Иван и Емеля.

Имя собственное Иван, войдя в русский язык в церковной форме Иоанн, закрепилось в литературном языке, стало самостоятельным. Иван – имя русское, потому что оно прошло все ступени адаптации иноязычного слова (на русской почве оно послужило основой для целого ряда производных слов, отчеств и фамилий)².

Какие ассоциации имя Иван вызывает в сознании русских поэтов второй половины XX века? На этот вопрос дает ответ анализ его функционирования в произведениях Н.И. Тряпкина, творчество которого основывается на незыблемых национальных основах русского народа, в том числе традициях именования. Имя Иван отмечается в стихах Н.И. Тряпкина неоднократно: «Песню пою...» (1956), «Черная баллада» (1957), «Уж так поставлено по штату» (1966), «Притча о Ваньке-однолишнике» (1968), «Песня про Ваньку-водовоза» (1970), «Первое воспоминание» (1982). Также следует заметить, что тексты, включающие элементы русской народной традиции, зачастую имеют реминисцентное заглавие. Заглавие уже само по себе концентрирует внимание на теме авторского текста, а реминисцентное заглавие сразу же ориентирует читателя на «чужой» текст. Доминантные признаки, задающие направление интерпретации, как правило, выражены в заглавии текста, например,

¹Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

²Зубкова Л. И. Имя Иван в языковом сознании русских людей второй половины XX века // Русская словесность. 2009. № 1. С. 56.

«Песня про Ваньку-водовоза», «Притча о Ваньке-однолишнике», подключающие авторский текст к традициям сказочной прозы¹.

Анализируемый материал позволил выделить следующие производные формы имени в стихотворениях Н.И. Тряпкина: 1. Иван («Песню пою», «Первое воспоминание», «Уж так поставлено по штату», «Черная баллада»). 2. Ваня («Черная баллада») 3. Ванька («Притча о Ваньке-однолишнике», «Песня про Ваньку-водовоза»). 4. Ванюша («Песня про Ваньку-водовоза»). Имя Иван в указанных текстах обозначает разных людей мужского пола, приобретает коннотации как положительного («Каким я был, когда отец Иван, / Наш сельский поп, святил меня в купели?»² или «К тетке Матрене да к дяде Ивану, / Выпьем-ка с ними чайку по стакану»³), так и отрицательного характера:

– Ой ты, Ваня, Ваня.
Ваня, мой Иван!
Что же ты наделал?!
Мать родную утопил,
В черну прорубь опустил...⁴

«Черная баллада» (1957).

Становится очевидной и культурная обусловленность эмоционально-оценочных суждений в отношении данного имени. Кроме того, приведенные примеры подтверждают выводы о том, что любой антропоним в сфере языка и культуры воспринимается на фоне определенных ассоциаций, основанных на некоторых признаках обозначаемого им объекта⁵.

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс....канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 21.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит, 1984. С. 526.

³Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди: стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 105.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит, 1984. С. 139.

⁵Зубкова Л. И. Имя Иван в языковом сознании русских людей второй половины XX века // Русская словесность. 2009. № 1. С. 57.

Коннотативный потенциал имени Иван поддерживается русскими народными сказками, в которых имя Иван несет не только речевую, но и «энциклопедическую» информацию. В связи с тем, что значение имени расширяется за счет актуализации образов, связанных с этим именем, оно может иметь несколько созначений. Так, с именем Иван в русском национальном сознании связаны имена Ивана Царевича, Ивана – крестьянского сына и Ивана – купеческого сына. Сказочный Иван – это всегда определенный тип героя, обладающий рядом обязательных черт. Коннотативный образ-символ ассоциируется с признаком, выступающим в качестве эталона для выражения соответствующей характеристики. Имя Иван ассоциируется также с именем Иванушка из сказки об Аленушке и ее братце Иванушке – герое, вызывающем сочувствие, со сказочным образом Иванушки-дурачка, молодого деревенского парня, сына крестьянина, всегда третьего, не желающего работать, поэтому образ Иванушки-дурачка стал олицетворением лени, нерасторопности, что накладывает отпечаток на восприятие этого имени, имеющего отрицательную коннотацию. Указанная оценка имени в народной сказке порождает соответствующую эмоциональную реакцию людей и на бытовом уровне, и в текстах художественной литературы. Показательно в этом отношении стихотворение Н.И. Тряпкина «Песня про Ваньку-водовоза» (1970):

Как собрался Ванька за водой,
 Эх, собрался!
 Он сперва с мамашей дорогой
 Распрощался, <...>
 И поехал Ванька, засопел
 По морозу,
 Да и тут же с бочкой загремел
 Прямо с возу!
 И заплакал Ванька, зарыдал
 С перепугу
 И к своей аварии собрал
 Все округу.
 Прискакали девки на конях
 С пересвистом
 И огрели Ваньку второпях
 Коромыслом.

А потом заставили дружка
 Грызть орешки,
 А потом заместо лошака –
 Да в дровешки.
 Запрягли Ванюшу, как должно –
 Под дугою, –
 Да и к речке, с бочкой заодно, –
 Дуй горою!¹

Автор использует стихотворную лексику, характерную для мира фольклорного текста: уменьшительно-ласкательные суффиксы, разговорные и просторечные элементы. Так в тексте реализуются признаки «человек из народа» и «доверчивый простака».

Из рассмотренных стихотворений Н.И. Тряпкина следует, что образ дурака в его творчестве неоднозначен, как неоднозначен он в фольклорной традиции. Как замечает А.А. Дуров, полисемантичесность слова «дурак» порождает модель этого образа². Не случайно толковый словарь В.И. Даля дает несколько толкований этого понятия: 1) глупый человек, тупица, непонятливый, безрассудный; 2) малоумный, юродивый; 3) шут, помышляющий дурью, шутовством; 4) неразумный и самонадеянный глупец³. Как считает Е.М. Мелетинский⁴, это скорее чудак, подлинный предшественник литературных чудаков, т. е. фольклорный дурак дает начало развитию образов глупца, плута, шута, юродивого и т. д. с их ложным непониманием, добродушного простака с его наивным непониманием, священного безумца с его героической жадой переустройства мира по идеальному образцу и дурака-праведника, аккумулирующего в себе черты блаженного, юродивого. Поэтому в русской классической литературе чаще всего выделяются следующие

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 411.

²Дуров А. А. Трансформация традиционного образа дурака в прозе В. М. Шукшина: автореф. дисс.... канд. филол. наук. Ставрополь, 1996. С. 6.

³Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А–З. М.: ТЕРРА, 1995. с. 501.

⁴Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 188.

типы: дурак-недотепа, дурак-шут, дурак-простак, дурак-юродивый, «малоумный дурак»¹. В лирике Тряпкина представлено большинство указанных моделей этого образа.

Дурак-недотепа – фольклорный герой пословиц, поговорок, бытовых сказок. Из-за своей «глупости» он предпринимает нелепые шаги, противоречащие здравому смыслу, или поступает невпопад, несообразно обстоятельствам, как герой русской сказки; является назидательной иллюстрацией или объектом насмешки автора:

Что за нэп! Что за хлеб ? Что за ВЦИК!..» –
 Ходит Ванька – сам себе большевик.
 Что ни слово – то рублев на пятьсот,
 А сынишка – погоди! – подрастет!..
 Ходит Ванька, да посвистывает,
 Да делишки всем подыскивает,
 Да всё колышки постругивает,
 Да жену свою поругивает...
 То ли год, то ли век, то ли два...
 Где ты, Ванька, удала голова?
 Запропал ты где-то там... Ой-е-ей!
 Душу грешную господь упокой.
 А домишко да под весь корешок
 Подклевал золотой петушок.
 Зашумела, зацвела трын-трава...
 Ой ты, Ванька, удала голова!
 А сынишка – вот с такой бородой! –
 Целый день сидит за кружкой пивной².

«Притча о Ваньке-однолишнике» (1968).

Поступки и чувства «малоумного»дурака противопоставлены естественной для человеческой природы системе ценностей и предрассудкам мира «неразумных»:

Испеки, жена, мне ржаной пирог,
 Да пораньше съест тот пирог вели,
 Да ко всем чертям дураков пошли³.

«У меня к тебе...» (1967).

¹Авдониин В. В. Типология образа дурака в прозе В. Н. Войновича // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 9 (124). С. 144–149.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит, 1984. С. 357.

³Там же. С. 347.

Дурак-юродивый говорит и действует несообразно принятому обычаю, его поступки для окружающих скорее страшны, чем смешны. Пример – стихотворение «Черная баллада» (1957), созданное по мотивам старинных песен. В герое стихотворения заложены потенциальные и реальные возможности эпохи, воплощены особенности национального духа. Представляя своего героя в народно-реалистическом облике, автор выявляет вечное во временном. Поскольку тип героя находится в непосредственной связи с жанром произведения (стихотворение-баллада, стихотворение-сказка, стихотворение-песня, стихотворение-притча), в тряпкинском герое следует искать как фольклорные, так и реалистические черты.

Итак, совершая «глупые» действия, «дурак» выступает против «несправедливости» и нарушения наиболее базовых для своего времени законов – «божеских». Таким образом, «имя Иванушка-дурачок обладает моделирующими свойствами: оно предполагает не только значение, но и закладывает свойства носителя имени вплоть до полного раскрытия его истинной сущности. В структуре стихотворного текста Тряпкина он действует согласно исторически сложившейся символической формуле»¹.

Имя Иван вошло и в названия таких растений, как иван-да-марья, иван-чай, ванька мокрый. В стихотворении Н.И. Тряпкина «Завет» (1968) встречается первое из названных растений: «И чтоб земные пели полушарья / На той же спице, / И чтобы цвел цветок Иван-да Марья / В твоей петлице!»².

Растение иван-да-марья (также братки, брат-и-сестра), известное в ботанике как марьянник дубравный, носит название народное. «Вокруг этих названий в народе обреталось такое сказание. Жили, будто, давным-

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс....канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 141.

²Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 152.

давно, брат и сестра; братца звали Иваном, сестрицу Марьюшкой. С малых лет заставила их судьба-разлучница скитаться врозь. Долго ли коротко ходили они из края в край – неизвестно. Только повстречалась раз Ивану девица красоты невиданной. Послал парень сватов к ней да и женился. А позже от людей узнал: девица и есть та самая Марьюшка – сестрица его. С горя Марья пожелтела, а Иван посинел, да так, что в траву превратились»¹. Фольклорные образы, включенные в стихотворение, контрастируют со сложными жизненными позициями и ситуациями, в которые попадает главный герой. Н.И. Тряпкин сумел достичь глубокого лиризма в передаче душевного состояния своего лирического героя, его тяги к народному началу.

В стихотворении «За поля яровые» (1965) встречается еще один образ дурака – Емели. В работе Е.И. Лутовиновой отмечается, что тип Ивана-дурака – подвижный, и круг сюжетов, в которых он выступает, довольно широк, в то время как Емеля-дурак, как сказочный тип, привязан к сюжету «По щучьему веленью» и почти не переходит в другие сказки². Емеля-дурак ленив, все время лежит на печи, в его образе просматривается специфический русский характер: пассивность, лень, надежда на «авось», на то, что все сделается само собой. Вот почему Емеля в стихотворении становится символом опустевшей крестьянской России: «Сельская Россия опустела потому, что она покинута! Крестьяне ушли. (Есть для этого оправдание, как всегда, по-нашему, по-русски, звучащее беспомощно: "Пусть не так и не эдак. / Хоть и эдак и так...")»³.

¹Стрижев А. Н. Лесные травы. М.: Лесная промышленность, 1979. С. 57.

²Лутовинова Е. И. Сюжетные типы и типы героев волшебной сказки // Искусство и образование. № 2. 2007. С. 93.

³Псурцев Д. В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013)

Итак, типологические признаки образа дурака в поэзии Н.И. Тряпкина рассматриваются в соотношении с образом сказочного героя (Ивана-дурака, Емели) и как особый тип русского национального характера.

Выводы по второй главе

В настоящей главе изучалось отношение Н.И. Тряпкина к фольклору: анализировалась роль фольклорной традиции в лирике поэта, ее взаимодействие с другими творческими факторами. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Фольклорный текст продуктивен и легко реализуется в лирике Н.И. Тряпкина, поскольку, во-первых, основывается на сохранении в памяти носителя отдельных элементов традиции, а во-вторых, потому что в памяти носителя фольклорной модели мира заложены правила структурирования отдельных элементов. Фольклор, соединившись с авторским замыслом, становится его частью, несмотря на то, что фольклорный текст почти никогда не остается без авторской переработки, иногда весьма существенной.

Вместе с тем поэт не стремится к стилизации и повторению гетерономного текста: чаще он трансформирует фольклорную традицию в системе своего мировосприятия. Фольклорное начало в структуре произведений Н.И. Тряпкина – это часть системы его поэтического мира. Структурная организация стихотворного текста Н.И. Тряпкина такова, что в ней заложен элемент реорганизации гетерономного текста на разных его уровнях.

2. В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина можно выделить следующие характерные особенности поэтического воплощения «иног царства»:

- модель авторского мироздания строится по принципу противопоставления «условно-реального» и «иноного мира», что соответствует народной традиции;
- в изображении «иноного царства» активно используются сказочные образы;
- поэт описывает дорогу героя в «иноное царство», при этом для авторского хронотопа характерно наделение элементов «иноного мира» другим значением;
- в оппозицию «условно-реальный – иной мир» вводятся реалии современной жизни, что подчеркивает впечатление достоверности;
- «иноное царство» обладает рядом семантических признаков: топографических, содержательных, мотивационно-целевых, сочетающих в себе фольклорную традицию с авторским мировидением.

3. В художественном мире Н.И. Тряпкина сложилось несколько основных интерпретаций героя-дурака. Анализ использования имен Иван и Емеля в стихотворениях поэта позволил сделать следующий вывод: национально-культурное своеобразие имени создается и поддерживается творческим потенциалом, указывающим на то, что образы дураков, встречающиеся в лирике поэта, связаны с культурно-историческими традициями русского народа. Можно утверждать, что с точки зрения национального характера они являются свернутым диахроническим национально-культурным текстом, а совокупность ассоциаций в стихотворениях Тряпкина образует ассоциативное поле, которое воплощает взаимодействие языковых и экстралингвистических факторов и преломляет их через призму выработанной в обществе системы оценок во взаимодействии с индивидуальным опытом поэта.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗВЕРНУТАЯ АЛЛЮЗИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.И. ТРЯПКИНА

§ 1. Проблема историзма в лирике Н.И. Тряпкина

Историзм для Н.И. Тряпкина – это категория, заключающая в себе определенное методологическое содержание, т. к. «историзм предполагает рассмотрение явлений в их развитии, взаимосвязи, в процессе становления, с исторической точки зрения»¹. При таком подходе исторический материал, бывший в центре внимания Н.И. Тряпкина, раскрывал поэту закономерности литературного процесса. Решение проблемы историзма художественного мышления Н.И. Тряпкина, определение места и значения исторических образов и сюжетов в поэтике его стихотворений необходимы при рассмотрении вопроса о взаимоотношении истории и литературы, взаимодействия национальных культур (проблема типологических связей), их отражение в художественной системе поэта.

Каждый период русской истории IX–XX вв. нашел свое поэтическое воплощение в творчестве Н.И. Тряпкина:

1. Период Киевской Руси, феодальной раздробленности и объединения русских земель в централизованное государство: князь Игорь, поход князя Игоря на половцев («Старинные песни», 1973), Ярославна («Я искал твой след неповторимый», 1970), Владимир Мономах («Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966), Иван Калита («Девки бродят по вечерним скверам», 1967; «Пускай придет он – вечно молодой...», 1973), Протопоп Аввакум («Савелий Пижемский», 1966), («Стихи о Николае Клюеве», 1973), Нестор-летописец («Рассказ про одну посеvную», 1971).

¹Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976.С. 5.

2. Время правления Ивана Грозного («Царская дорога», 1981), образ Малюты Скуратова («Царская часовня», 1987).

3. Исторические события XVI–XVII веков. Эпоха Б. Годунова («Как сегодня над степью донецкой...», 1966), фигура Г. Отрепьева («Забытые вехи, заглохшие дали», 1965; «Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966).

4. Царь Алексей Михайлович «Тишайший» («Савелий Пижемский», 1966) и его «бунташное» время («Возвращение Разина», 1945), («Не поляки, не свеи, не фрязи», 1973; «Степан», 1966).

5. Время становления Советской власти, период Гражданской войны: образы В.И. Ленина («Я родился при Советской власти», 1987), С.М. Буденного («В моем селе устроили музей...», 1971; «Как сегодня над степью донецкой», 1966), А.В. Колчака («Я тобой, как брагой, отуманен...», 1952).

6. Образы, связанные с Великой Отечественной войной: А. Гитлер («Годовой отчет колхоза», 1946), генерал Паулос («Подъезжают казаки», 1944).

Поэт подходит к изображению конкретной исторической эпохи через особенности мировоззрения человека и уровень его сознания. Определенный интерес в творчестве Тряпкина представляет рассмотрение одного из сложнейших аспектов проблемы художественного историзма – воплощение историзма как принципа мышления в художественной ткани конкретного произведения.

Быт боевой дружины, психология русского человека той эпохи – вот содержание стихотворения «Возвращение Разина» (1945). Автор подчеркивает воинскую удаль, энергию молодого народного вожака:

Не бывало то рани лазоревой:
Загорался народ вместе с зорями.
Двинул Русь атаман, двинул родину
На востры бердыши воеводины¹.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 26.

Разинское движение 1667–1671 годов было результатом обострения социальной обстановки в казачьих областях (прежде всего на Дону) в связи с притоком беглых крестьян из внутренних уездов России после принятия Соборного уложения 1649 года и полного закрепощения крестьян. Поэтому доминирующей чертой Разина у Н.И. Тряпкина являются его «освободительные» начинания, что соответствует традиционному осмыслению этого образа в русской классической литературе А.С. Пушкиным, А.П. Чапыгиным, С.П. Злобиным, В.В. Хлебниковым и др. Война ведется потому, что казаки хотят одного – получить свободу. Отсюда и немногочисленность психологических деталей в стихотворении. А отношение народа к Разину подчеркивает единство национальной психологии русских в ту историческую эпоху. Это молодой, воинственный народ и достойный его вождь.

Полукругом раскинулся парусный стан.
И гремит с высоты черноусый Степан:
– Коль приедем сыну мать хмель подает,
Он в утеху родимой по доньшко пьет <...>.
Во плечах напрягся черносливый жупан –
До земли казакам поклонился Степан¹.

«Возвращение Разина» (1945).

В заключительных строфах стихотворения можно увидеть точное воспроизведение исторической ситуации: мысли народного вожака – о распространении казацкого военно-демократического строя на всей территории Российского государства. И, как следствие этого, следующая строка:

То ли царь сыпанет по казацкой башке?
То ль царя поведут на донском кушаке?²

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 26.

«Возвращение Разина» (1945).

Так в стихотворении автор представлял взаимозависимость истории и личной судьбы своего героя.

Стихотворение было написано в 1945 году. Обращаясь к историческому образу XVII века, поэт подчеркивает связь прошлого и настоящего (победа русского народа в Великой Отечественной войне), а в прошлом и настоящем хранится залог грядущего. Также необходимо отметить, что поэт разработку разинской темы поднимает на новую высоту: в стихотворении Степан Разин предстает архетипом национального характера, что сближает образ Стеньки Разина Н.И. Тряпкина с образом легендарного народного героя в творчестве В.М. Шукшина¹.

В стихотворениях «Девки бродят по вечерним скверам...» (1967) и «Пускай придет он – вечно молодой...» (1973) упоминаются события XIV века, точнее, поэт обращается к одной из исторических фигур этого времени – великому московскому князю Ивану Калите. По приказу князя была заложена и отстроена церковь Иоанна Лествичника «под Колоколы», был воздвигнут каменный храм на краю Боровицкого холма на месте деревянной церкви Михаила Архангела (в настоящее время – кремлевский Архангельский собор), чуть позже был заложен Успенский собор. В 1339 году в Москве завершилось строительство дубового Кремля. «Московские дома» князя и «сельский дом» на малой родине поэта – два топоса, сопоставляемые в стихотворении «Пускай придет он – вечно молодой...». В.Г. Бондаренко в монографии «Последние поэты империи» отмечает, что творчество Н.И. Тряпкина – это «поэзия русского народа, еще не обретшего религиозную или идеологическую общность, поэзия, которую сам народ не всегда осмеливался принимать за свою. Потому и не рвался

¹Тортунова И. А. Степан Разин как национальный архетип в творчестве В. М. Шукшина: традиции и специфика освоения образа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

долго Н.И. Тряпкин в столицы, оставаясь подальше от идеологических битв»¹.

Пуškai он взглянет на мои цветы
И скажет так, зажмурившись от света:
Что это, мол, не терем Калиты,
А уголок российского поэта².

«Пуškai придет он – вечно молодой...» (1973).

Одной из отличительных особенностей поэтики Н.И. Тряпкина является субъективность образа, игра разными его поэтическими значениями. Так, в стихотворении «Девки бродят по вечерним скверам...» (1967) семантика образа Ивана Калиты (при описании народного гулянья) скорее народно-мифологическая, нежели историческая:

И пройду я путь свой неподсудный
Через прах Ивана Калиты.
А покуда, девки, очень трудно
Запираться в дальние скиты³.

«Девки бродят по вечерним скверам...» (1967).

«Иногда в исторический порядок событий и судеб у Н.И. Тряпкина может ворваться какая-то своевольная стихия – тогда смешиваются “века и даты”, поэт становится «“жильцом Бог вестъ каких времен”»⁴:

И почти нигде уж места нету
Для моей преклонной головы.
Или вы с другого, девки, свету?
Или я не там уже, где вы?⁵

«Девки бродят по вечерним скверам...» (1967).

¹Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 39.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 303.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 154.

⁴Котельников В.А. Тряпкин Н. И. // Русские писатели, XX век: библиографический словарь. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1998. С. 463.

⁵Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 154.

Идея исторического круговорота оставляет место для сопоставления исторических событий с современностью, поэтому одна из особенностей историзма творчества Н.И. Тряпкина характеризуется отражением современности «в порядке исторической аналогии».

Вопрос о совмещении современного и исторического пластов в лирике Тряпкина частично рассматривался в литературоведении. Так, С.С. Куняев в статье «Мой неизбывный Вертоград...» (2008) пишет: «Столь характерное совмещение ярче всего воплощено в одном из его лучших стихотворений – “Песнь о хождении в край Палестинский”. Легенда, рассказанная поэтом о своём дедушке-богомольце, воспринимается как реальность, но одновременно – и как далёкое прошлое, окутанное идиллистической дымкой <...>»¹. Ал. Михайлов, анализируя ряд «фольклорных» стихотворений Н.И. Тряпкина, утверждает, что, несмотря на пристрастие к широким сказочно-романтическим обобщениям, Н.И. Тряпкин в стихах остается диалектиком. Размышляя о стихотворении Н.И. Тряпкина «Я вышел оттуда...» (1961), исследователь отмечает, что, хотя поэт не уклоняется совсем от сказочной выразительности, это стихотворение дает основание говорить об историзме поэтического мышления в строго реалистическом плане². Анализ «исторической» лирики поэта указывает на то, что можно говорить и о существовании «литературно-исторических параллелей», и об «обращении литературы к истории»³.

Время правления Ивана Грозного отражено в стихотворениях «Царская дорога» (1981), «Царская часовня» (1987). Поэт, обращаясь к отечественной истории, размышляет о судьбе русского народа:

¹Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». // Литература в школе. 2008. № 11. С. 6.

²Михайлов Ал. Быль и сказка. // Молодая гвардия. 1971. № 8. С. 308.

³Агранович С. З., Расовская Л. П. Историзм Пушкина и поэтика фольклора. Саратов, 1989. 188 с. С. 10.

А дорога звенит, а дорога свистит под ногой,
 И срывается вдруг, и встает на дыбы пред глазами.
 Это русская быль. Это царский маршрут столбовой.
 Это грозный Иван, а не коршун промчался над нами...<...>
 Этот горестный сон! Эти вещи смуты в крови!
 Эти сосны и мох! Эти встречные сучья осины!..
 Ах, ты, русская жизнь! Не в тебе ли кричат соловьи –
 И в тоске непонятной летят под колесные шины?¹

«Царская дорога» (1981).

Любимый опричник и жесткий сподручник всех кровавых деяний Ивана Грозного Малюта Скуратов – один из героев стихотворения Н.И. Тряпкина «Царская часовня» (имя Скуратова сделалось в народе нарицательным именем палача и злодея).

А рядом часовня – валун да кирпич.
 Тут зельем вскипает любой магарыч.
 Здесь ухнет Малютою царственный лес.
 И царь над душой пролетает, как бес.
 И древние кости простонут во мху.
 И кровью закапает крест наверху².

«Царская дорога» (1981).

«Царская часовня» – с одной стороны, размышление о судьбе России со времен Ивана Грозного, с другой – взгляд на современную Россию («Подъявши стаканы и “Приму” куря, Народ поминает Ивана-царя»)³. Лирический характер в стихах Тряпкина неотделим от современности, от жизни того поколения, к которому принадлежит поэт. И не случайно, когда писатель размышляет о народной судьбе, тема, образность его стиха меняются, романтические «реалии» его стихотворений уступают место реалиям историческим. «Рассмотрение истории в ее динамике подводило и к восприятию современности как одного из звеньев в непрерывно

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 344.

²Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 95.

³Там же. С. 95.

движущейся цепи событий, где, по выражению Вяземского, как бы слилось “все вчерашнее, все сегодняшнее, а еще более все завтрашнее”»¹.

У стихотворений «Забывтые вехи, заглохшие дали» (1965), «Стихи о Гришке Отрепьеве» (1966) общий предок – исторические события XVI–XVII веков: эпоха правления Б. Годунова, появление Г. Отрепьева. Известно, что вместе с Борисом Годуновым претендовал на царский престол первый в истории России самозванец, худародный дворянин и беглый монах Григорий Отрепьев. Финал борьбы за власть является пружиной драматического действия в длинной цепи философских, этических и социальных проблем стихотворений.

А солнце вечерним сквозит померанцем,
И вот уже снова,
Что красная грива царя Самозванца,
Горит из-за Пскова².

«Забывтые вехи, заглохшие дали» (1965).

И ходил бы с клюквой на базаре
Да из лыка плел бы лапотки.
А тебя вот псивые бояре
Изрубили прямо на куски³.

«Стихи о Гришке Отрепьеве» (1966).

Отношение Н.И. Тряпкина к Лжедмитрию находится в какой-то степени в противоречии с исторической оценкой роли Самозванца в судьбе Российского государства⁴: «Народные движения грозили ниспровергнуть устои родившегося, но еще не окрепшего крепостнического режима. Бывший боярский слуга и расстрига Отрепьев, оказавшись на гребне народного движения, попытался сыграть роль казацкого атамана и

¹Жабина Е. М. Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры: дисс....канд. филол. наук. М., 2008. С. 15–16.

²Тряпкин, Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 110.

³Там же. С. 135.

⁴Логина А. С. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тюмень, 2004.

народного вождя, « <...> подлинные интересы народа были ему глубоко чужды»¹, «<...> ни о благе государства, ни о принципах своего правления он не думает»².

Поэт явно испытывает симпатию к своему герою. Объяснение особого пристрастия поэта к Григорию почти всегда основано на констатации положительных качеств беглого инока: смелость, одаренность, острый ум и дерзкая отвага, т. е. его лучшие черты, нравятся поэту.

Для меня ты, брат, совсем не книга,
И тебя я вспомнил неспроста,
Рыжий плут, заносчивый расстрига
И в царях – святая простота³.

«Стихи о Гришке Отрепьеве» (1966).

«Отсутствие смирения, своеволие судьбы, присущие русским национальным характерам, интересуют Н.И. Тряпкина в самых разных проявлениях, в разных измерениях хроноса – от Николая Клюева до Гришки Отрепьева. С последним он разговаривает и впрямь запросто по душам: “Мы с тобой – одна посконь-рубаха”»⁴.

Художественная система стихотворения указывает на то, что за конкретными историческими фактами, отображаемыми автором, скрывается символический смысл поэтического произведения в целом. Например:

Сколько весит шапка Мономаха
И во сколько сечен ты кнутов?..⁵

«Стихи о Гришке Отрепьеве» (1966).

¹Агранович С. З., Расовская Л. П. Историзм Пушкина и поэтика фольклора. Саратов, 1989. С. 45.

²Там же. С. 116.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 135.

⁴Панченко О. Не изменяя, изменяться // Октябрь. 1990. № 7. С. 204.

⁵Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 135.

Шапка Мономаха – символ государственной власти, атрибут абсолютной монархии, в какой-то степени уверенности в том, что только насильем можно сохранить и укрепить власть.

Образ Бориса Годунова встречается еще в одном стихотворении Н.И. Тряпкина – «Как сегодня над степью донецкой...» (1966), что не случайно, т. к. в своем творчестве поэт стремится соединить прошлое и настоящее – таков устойчивый принцип эстетической концепции Н.И. Тряпкина в 60–80-е годы XX века. Ал. Михайлов в статье «“Посреди очарованных трав...”»: сельская тема в современной русской поэзии» отмечает, что с годами Н.И. Тряпкина тянет к выдумке, к сказке, к поэтизации обыденного. Результатом такого соединения стали строки:

Завивается пыль по дорогам,
Голосят трубачи по излогам.
Это, осень, твои эскадроны.
А в степи, как холмы, – терриконы.
То не всадники древней разведки,
То взбираются вверх вагонетки.
Только пусть, для высокого слова,
Это будет дозор Годунова.
Ибо лучше, ребята, для песни,
Если правда и выдумка вместе¹.

«Как сегодня над степью донецкой...» (1966).

Терриконы и вагонетки с углем в донецкой степи поэтизируются Н.И. Тряпкиным в проекции на историю, легенду. Так жизнь и сказка сплетаются в романтический узел стихотворения².

В структуру поэтических текстов Н.И. Тряпкина вошли имена известных путешественников, политиков: Васко да Гама и Шарля де Голля («Стихи о Востоке», 1961), имя итальянского композитора XIX века Д. Верди («За моей деревней – изгородка», 1966), а образ главного героя стихотворения «Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970) связан в сознании

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 145.

²Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...»: сельская тема в современной русской поэзии // Дружба народов. 1969. № 2. С. 257–258.

поэта с традицией европейской истории – английской политикой и защитником Британской империи Уинстоном Черчиллем.

Образ Уинстона Черчилля как одного из крупнейших западных политиков XX века запечатлен в русской истории; человек, придумавший «железный занавес», «холодную войну» Запада с Россией, о чем он и оповестил человечество в своей знаменитой «Фултонской речи» 1946 года.

А был ты знатен и могуч, –
Ты помнишь, брат?
И воздвигал ты горы туч
У наших врат¹.

«Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970).

Известно, что Черчилль участвовал в координации военного сотрудничества Великобритании с Россией в годы Первой мировой войны. Он же был автором плана похода против России в 1918 году, и он же первым предложил ей союз в июне 1941-го. Однако едва успела закончиться Вторая мировая война, как Черчилль объявил СССР врагом англо-саксонской цивилизации, открыв период холодной войны, продолжавшейся почти до конца XX века².

В осмыслении образа поэт выходит за историко-политические рамки изображаемого. Это стихотворение философского содержания, стихотворение о смерти («А ты и сам был по смертям / Великий спец. / И все же всем – и вам, и нам – / Один конец»), времени, его быстротечности и необратимости:

Пускай ты слишком был хитер
И врал – вот так!
А время вымело, как сор,
Тебя, чудак³.

«Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970)

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 233.

²Емельянов Ю. В. Черчилль и Россия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: http://ngebooks.com>book_3402_chapter...i...Posleslovie.html (дата обращения: 26.03.2013).

³Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 234.

Образ времени является сквозным в творчестве многих поэтов. Существуют авторы, для которых он является ключевым (Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.А. Блок, Н.И. Рыленков и др.), а тема времени – особо значимой. К ним относится и Тряпкин. В его творчестве немало поэтических произведений, в которых проходит тема времени. Постоянно и настойчиво поэт начинает обращаться к этой теме в лирике 60–80-х годов. Для него время как отвлечённо-философская категория в контексте стихотворений приобретает социально-психологическую характеристику, а к концу 80-х годов Тряпкин приходит к важному выводу о том, что не может быть глубокого чувства времени без чувства истории:

И не рейхстаг, брат, и не стрит,
А Время Землю покорит.
Увы, брат, Черчилль Уинстон,
Любезный сэр¹.

«Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970).

В стихотворениях «Стихи о Востоке» (1961), «Песнь песней» (1970–1973), «Песнь о российском храме» (1982) и др. разной степенью полноты отображены различные этапы мировой истории (например, поэт воссоздает поэтические образы Тамерлана, царя Соломона).

В 1981 году Н.И. Тряпкин написал стихотворение «Костел в Иркутске», повествующее о судьбе поляков, сосланных в Сибирь:

В старинные годы дружины казаков
Сюда пригоняли мятежных поляков –
Орду за ордою, гурьбу за гурьбой.
Внизу грохотали андарские воды,
А к небу взлетали марсельские оды,
И слышалось только: «На бой! На бой!»².

Известно, что в первой половине XIX века в Иркутске была построена деревянная церковь Успения Пресвятой Девы Марии, прихожанами

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 234.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 276.

которой стали поляки, сосланные в Сибирь после Ноябрьского восстания 1830 года. Этот храм сгорел в 1879 году. На его месте в 1884 году была построена новая – каменная церковь, которая сохранилась до сегодняшнего времени¹.

И вот на окраине сибирского града
Из серого камня возникла ограда
И красной стеною поднялся кирпич.
И вот над землей, из хвои и подзола,
Взлетела стрела молодого костела,
Как праздничный факел, торжественный клич...²

«Костел в Иркутске» (1981).

Выглядел собор очень красиво и естественно вписался в архитектурный ансамбль главной городской площади: «И красной трубою готической фуги / Звучат эти стены среди хвойной округи»³. Среди каменных круч и дремучих болот – высокая готическая башня над зданием костела, длинный каменный забор с металлическими решетками с одной стороны и каменное основание с ажурными чугунными решетками – с другой создавали своего рода проспект, который вел к двум самым старым культовым постройкам Иркутска – Спасской церкви и Богоявленскому собору⁴.

Стихотворение заканчивается философским обобщением, автор рассуждает о любви, свободе – вечных человеческих ценностях.

Гремящие стены, гремящие своды,
Гремящий псалом той любви и свободы,

¹Литвинов Б. Т. Религиозные сооружения неправославных культов // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 413–416. 448 с. : url : <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения 18.03.2013); Шостакович Б. С. Памятники и памятные места, связанные с политической ссылкой 1830–1880-х гг. // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 166–170. 448 с. : url : <http://ru.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 18.03. 2013).

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 145.

³Там же. С. 145.

⁴Гольдфарб С. Истории Старого города: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: <http://Baikal.travel/Irkutsk/Polskij-kostel> (дата обращения: 18.03.2013).

Что в нас никогда, никогда не умрут.
И славу земному весеннему пуху,
И славу людскому бессмертному духу
Поют эти трубы. Поют!¹

«Костел в Иркутске» (1981).

Также в 1981 году Н.И. Тряпкиным было написано стихотворение «Литания», опубликованное в сборнике «Разговор по душам» (1989). Оно явилось логическим продолжением исторической темы и своеобразной вершиной творчества поэта. В нем прослеживается дальнейшее развитие оригинальных традиций и достижений русской советской поэзии в целом, умение найти новые стилистические решения проблемы в зависимости от уровня литературной жизни эпохи.

В основу сюжета легли исторические события 1611–1613 гг. Известно, что в 1611 году Московское государство было сильно разрушено. Поляки взяли Смоленск; польский отряд сжег Москву и укрепился за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города, шведы заняли Новгород. Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части. Но в конце 1611 года, когда политические силы изнемогли, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пришли на выручку гибнущей земле. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский собирают народное ополчение против поляков и идут к Москве². В 1612 году русским отрядам при поддержке населения удалось разбить польский контингент и вынудить его к отступлению³. В 1613 году вожди земского и казацкого ополчения князь Пожарский и Трубецкой разослали по всем городам государства повестки, призывавшие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского совета и государственного

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 145.

²Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 2. Ростов н/Д., 1998. 592 с. С. 180.

³Всемирная история: В 24 т. Т 11. Развитие государств Восточной Европы / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич [и др.]. М.: Современный литератор, 1999. С. 79.

избрания. Состоялся первый всесловный собор, на котором Михаила Федоровича Романова провозгласили царем всея Руси¹.

Что за звоны рассыпаются окольные?
Колокольные!
Голосистые, малиновые, хвальные!
Величальные!
Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!
Завестили, зачастили все-то звонницы!
С той ли Бронницы!
Заиграла вся слободушка Стрелецкая!
Молодецкая!²

«Литания» (1981).

Такая событийная «насыщенность» произведения – новое явление в творчестве Н.И. Тряпкина. В большинстве других, предшествующих этому произведений, автор, как правило, ориентировался на один эпизод исторического прошлого, ограниченный узкими временными рамками. Здесь же многочисленные факты истории и судьбы русского народа находятся в сложной, эмоционально-смысловой системе взаимоотношений.

Исторические события, связанные с польским нашествием на Россию в XVII веке, легли в основу нескольких произведений русской литературы, таких как исторические песни, «Повесть 1606 года», «Новая повесть о преславном Российском царстве» (1611), поэма Н.И. Рыленкова «Свадьба Марины Мнишек» (1939). А.А. Шаховской в 1834 году написал драматическую хронику «Смоляне в 1611 году», рассказывающую о двенадцатимесячной осаде Смоленска польским королем Сигизмундом³.

¹Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 2. Ростов н/Д., 1998. С. 181.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 286.

³Литература Смоленщины. 9 класс: учебник-хрестоматия по литературному краеведению. В 2 т. Т. 1 / авт.–сост., метод. материалы: Г. С. Меркин. Смоленск: Универсум, 2002. С. 120.

М.А. Булгаков в 1938 году создал либретто к опере «Минин и Пожарский» (автор музыки – Б.В. Асафьев).

В стихотворении Н.И. Тряпкина можно обнаружить сюжетные связи с историческими фактами. В стихотворении присутствуют конкретные временные приметы: в названии указаны место действия и год (Москва, 1613 год). Также известно, что русское духовенство (Святитель Филарет и Авраамий Палицын) активно содействовало победе русского ополчения под руководством Минина и Пожарского¹:

А вдали, вдали – дороженька Смоленская,
Выходила к ней вся сила духовенская –
С хлебом-солью, да с подъятыми иконами,
Да с окрестными святыми перезвонами².

«Литания» (1981).

Смоленск выступает в стихотворении как опора всего государства Российского, как пример самоотверженного служения отчизне:

С новой силушкой ударим во все медные!
В заповедные!
Эй вы, люди москворецкие, боярские!
Чеботарские!
Да ликует наша горушка Смоленская!
Духовенская!
Голосистая, малиновая, хвальная!
Величальная!
Динь-бом! Тили-тили! <...>
Благодарствуем!³

«Литания» (1981).

Композиционное кольцо стихотворения замыкается для завершения основной мысли. Лексические средства (звукоподражания), использованные в начале и в заключительной части стихотворения (динь-

¹ Литература Смоленщины. 9 класс: учебник-хрестоматия по литературному краеведению. В 2 т. Т. 1 / авт.–сост., метод. материалы: Г. С. Меркин. Смоленск: Универсум, 2002. С. 120.

² Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 286.

³ Там же. С. 286.

бом! тили-тили!), изображают колокольный звон, «православные христиане <...> великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату, королю, не покорятся и не сдадутся»¹.

Вызывает интерес название стихотворения. В русской литературе поэты и писатели нечасто обращались к этому музыкальному образ-символу. Лишь в «Огненном ангеле» В.Я. Брюсова удалось найти пример включения в роман литании – жанра церковного песнопения, которое имитируют герои². Но их действие приобретает оттенок магического, а не церковного ритуала. Рената выступает как заклинательница, а Рупрехт – как ее эхо и ассистент, поддерживающий словесно-музыкальный ритм. В литании Рупрехту предоставлена роль церковного хора, восхваляющего графа Генриха. Ритмизованная проза призвана усилить воздействие литании на участников ритуала. Литания и ритуал магического круга строятся по орнаментальным законам, на повторах и вариациях. Результатом ритуала становится не только проявление таинственных сил, но и преобразование любовной страсти героев в их духовное единство. Единение героев в молитве переходит в телесную близость, это снопоподобное состояние³.

Литания – молитва или песнопение в католическом богослужении, обращенные к Богу, Богородице или святым с мольбой о заступничестве или помиловании⁴. И в этом смысле поэт подчеркивает: мольбы о помиловании польских воинов – результат их пребывания на русской земле, т. к. никогда русская земля «злым волкам» не была доступна.

¹Ильин В. В. Конец «смуты» на Смоленщине // Смоленский край в литературе и фольклоре (по ред. Ильина В. В.). Смоленск: Транс-Имаком, 1995. С. 134.

²Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4: Огненный ангел. М.: Худож. лит., 1974.

³Нагорная Н. А. Магия любви, магия сна: роман В. Брюсова «Огненный ангел» // Русская словесность. 2006. № 5. С. 39.

⁴Музыкальная энциклопедия /глав. ред. – Ю. В. Келдыш/. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 298.

«Литания», задуманная как стихотворение о восстании, имеющее под собой документальную основу, вместило в себя важные, магистральные события истории.

Итак, в раскрытии исторической темы Тряпкин в своей художественной практике делает упор на типическое. Сведения об исторических процессах (сюжетных мотивах, ситуациях, образах и их функциональных взаимоотношениях) выводят писателя к глубокому историческому и философскому изображению прошлого и настоящего. Такой историзм является одной из основ реалистичного метода Н.И. Тряпкина.

§ 2. Семья, род, народ в пространственно-временной структуре художественного мира Н.И. Тряпкина

2.1. Концепт семьи в аксиологии Н.И. Тряпкина

Семья – это группа близких или дальних родственников (включая приемных детей/родителей), ощущающих себя единым целым, связанных тесными эмоциональными отношениями, живущих или не живущих вместе, ведущих общее или раздельное хозяйство, иногда включающая в себя формально чужих людей, если они воспринимаются как очень близкие, душевно родные, а также (редко) домашних животных¹. Под концептом понимается один из наиболее значимых элементов культурной концептосферы России, существующий в коллективном сознании в виде совокупности представлений, образов, обусловленных спецификой национальной культуры².

¹Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: дисс.... канд. филол. наук. Белгород, 2005.

²Сказко А. С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дисс... канд. филос. наук: Ставрополь, 2005.

Анализ поэтического воплощения концепта «семья» в лирике Н.И. Тряпкина проводится на нескольких уровнях:

- на биографическом, так как личная судьба автора накладывает отпечаток на изображение семейной темы в поэзии;
- на социально-историческом, так как реальное историческое время отражается в поэзии, влияя на развитие указанной темы: различные исторические периоды дают разные типы образов родителей, других членов семьи, выдвигая на первый план те или иные их особенности;
- на уровне собственно поэтики, так как индивидуально-авторские черты создают тот или иной поэтический образ.

В художественном мире Н.И. Тряпкина концепт «семья» имеет сложную структуру, его семантика отражает особенности духовной жизни и творчества поэта, а также его мировоззрение и внутренний мир.

Структура концепта «семья» складывается из двух составляющих: «родительская семья» и «собственная семья». Взаимоотношения в родительской семье автор представляет с помощью следующего поэтического контекста:

Жили мы вчетвером. Это прежде – мамаша с папашей.
А потом уже – бабка Настасья. И, стало быть, я.
Невелик был актив <...>¹.

«Жили мы вчетвером...» (1982).

Большинство лексико-синтаксических единиц стихотворения («гоститься», «гость», «любить», «возлюбя», «ласкать, ласкаться» и др.) имеют исключительно положительно эмоционально-экспрессивную коннотацию и являются доминантами стихотворения, т. к. выполняют характерологическую функцию микрополя «родительская семья». Особым компонентом микрополя является фразеологизм «курам на смех»

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 227.

(у Н.И. Тряпкина – «у кур на смеху не бывали в дому у себя»). Узуальная форма этого фразеологизма имеет значение «что-либо совершенно нелепое, глупое, бессмысленное». В результате преобразования фразеологизм приобретает противоположный смысл, в контексте формируется позитивная оценочность. Так автор стремится подчеркнуть, что члены его родительской семьи оказались духовно близкими, похожими друг на друга людьми, вот почему их семейная жизнь была счастливой.

Лирический герой последовательно описывает свою жизнь в родительской семье, начиная повествование с рассказа о детстве:

И в сердце – из детства, из дальней разлуки –
Я слышу все те же знакомые звуки¹.

«Лесная жалейка, знакомые звуки...» (1957).

Детство для Н.И. Тряпкина, как и для многих писателей, – важное, значимое время, воспоминание о котором питает их творчество. Ощущение детства как особенного, экзистенциального материала, приближающего к разгадкам тайны бытия, присуще поэту на протяжении всего творческого пути и присутствует во многих стихотворениях: «Песенка подростка» (1946), «А сколько было дерева» (1949), «Первый снег, первый снег у ворот!» (1957), «Два письма» (1960), «В гостях» (1961), «Я вышел оттуда...» (1961), «Это было в 1927-м» (1987) и др., в которых, обращаясь к теме детства, Н.И. Тряпкин поднимает проблему духовной преемственности. Детские впечатления сформировали его личность, и поэт навсегда остался верен первым святыням:

Но живут в моем сердце все те перезвоны ржанные,
И луга, и стога, и задворки отцовской избы.
И могу повторить, что родился я в сердце России, –
Это так пригodiлось для всей моей грешной судьбы².

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М., 2000. С. 35.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 362.

«Деревенька была небольшая...» (1962).

Мысленно возвращаясь в детство, Н.И. Тряпкин пишет о деревенской природе, он смотрит на землю «глазами ребенка», ему даровано счастье видеть, как «колосья кивают», слышать в полях «звон жаворонка», ходить под «говор ленивого шмеля»¹. И чем старше становится поэт, тем острее он чувствует свою родословную как питающую силу своей поэзии, все сильнее овладевают им «тяга земляного родства» и чувство вины перед предками, которым человек может изменить своим легковесным житьем:

И вот свалился весь дедов лес
 В сухмень суглинка.
 И не моя ли в костях древес
 Застряла финка?
 И только в строчках озноб луны
 Заглох, как рыба.
 И только вспомню снега Двины
 Да зной Турксиба.
 И стал я жаден, как злой цыган,
 А был ведь иннок².

«О страсти мира! Извечный крик» (1969).

Постепенно лирическим героем обретается истинное, гармоническое соотношение судьбы, судьбы рода – и масштаба исторических событий. Во «взрослой» жизни автору вспоминается отчасти то, что на протяжении десятилетий освящено душевной работой: «Пускай звучат рассказы матерей / В душе у нас, как песня родовая»³ («Первое воспоминание», 1982). Вот краткая, но емкая поэтическая формула причастности судьбы будущего поэта к смутным событиям эпохи:

Колыбель мою качали голод, холод и война.

¹Архангельский А. Н. На песенном истоке // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 51.

²Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 117.

³Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 230.

Руки матери сновали за отсевками зерна.
 Бабка стлалась пред иконой, дед под окнами стучал.
 А родитель мой с Буденным землю-волну защищал¹.

«Стихи о 1921-м годе» (1982).

По мысли П.С. Выходцева, любовь Н.И. Тряпкина к прошлому Отечества, к «дедовской старине» никоим образом не противостоит любви к современности. Более того, она помогает поэту чувствовать себя связующим звеном в смене времен, поколений, человеческих дел². Примером такой связи служат строки из стихотворения поэта «Старый погост» (1945):

Под сводом лип здесь долгие века
 Покойно тлели прадедовы кости.
 Погост дичал. И глух от лозняка.
 И парни из оградин гнули трости.
 Потом забыли. И замолкла речь.
 Порос морошкой мховый плис надгробий.
 Но смутный голос дедовский предтеч
 Остался в недрах правнуковой крови³.

В 1965 году Н.И. Тряпкин переехал на постоянное место жительства в город Реутов Московской области, а в Лотошино оставались его родители. И, пока они были живы, Н.И. Тряпкин очень часто приезжал к ним. На долгие годы отчий дом стал местом отдыха, убежищем от житейских неурядиц. Поэт знал, что у него есть родные места, служащие ему опорой и «точкой приземления»⁴. В стихотворении «Хорошо, ребята, быть поэтом...» (1958) Н.И. Тряпкин писал: «Я люблю забавные погудки / Деревенских сродников своих / И дымком отцовской самокрутки /

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 329.

²Выходцев П. С. Земля и люди: очерки о русской советской поэзии 40–70-х годов. М.: Современник, 1984. С. 109.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. с. 33.

⁴Ложба А. Т. «Земля моя! Моё сказанье» // Неизбывный Вертоград: альманах всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып 1. С. 90.

Согреваю мой вселенский стих»¹. Тема памяти, жажда духовной связи со своими предками ярко воплотилась в стихотворении «За речными плесами...» (1971).

Если обратиться ко второй составляющей концепта «семья» – семье самого Н.И. Тряпкина, а не его родителей, то в ряде стихотворений звучит тема несложившейся семьи. Поэт был женат два раза, и первая, и вторая жены были милостивыми, интересными женщинами, работали учительницами. Именно стихами Николай Тряпкин покорял женские сердца (внешне он был довольно неброским человеком)².

Вот и я в этом мире
 Так обязан судьбе!
 Тем обязан, что вырос
 В деревенской избе –
 В золотой, небогатой, –
 В настоящей, тверской;
 Что женился когда-то
 На девчонке простой...³.

«Радость» (1959).

Но подлинно гармоничные отношения в семье поэта оказываются реально неосуществимыми. Как отмечает М.А. Шаповалов, Н.И. Тряпкин тяжело переживал семейные неурядицы. Ему требовалось общение, чтобы хотя бы на час унять душевную боль, забыться⁴. По мысли В.Г. Бондаренко, «Поэт пережил свою семейную драму и не получил помощи ниоткуда <...> Уйдя по-толстовски из своего дома, встретив отторжение новой родни, он со всем тем же неукротенным кержацким духом подолгу

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 157.

²Полубота А. В. Певец золотого Вертограда: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: [http : // www.rospisatel.ru/tryapkin.htm](http://www.rospisatel.ru/tryapkin.htm). (дата обращения: 03.09.2014).

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 176.

⁴Шаповалов М. А. Николай Тряпкин // Неизбывный Вертоград. Альманах всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 161.

скитался по чужим домам»¹(«И от сынов своих скрываю / Свою сиротскую печаль»²– «Река в сугробах утонула», 1964). Тема личного сиротства впоследствии перерастает в тему сиротства русского народа («Родство исчезло без приметы, / Как перепревший боровик» – «У темной просеки сосновой...», 1949)³, Родины:

Прости, великая Отчизна!
Не утомлю тебя хвалой.
Но не справляй последней тризны
Над этим прахом и золой⁴.

«Среди лихой всемирной склоки...» (1982).

Во всем творчестве поэта прослеживается православное понимание семьи. В его стихах сохраняется трагизм, потому что семья в современном мире распята так же, как и Христос. Традиционные семейные ценности уступили место мнимым ценностям свободы личности и эгоцентризму.

Или кто не захочет прославить геройство,
Оглушенное звоном фанфар?
Эти песни имеют прекрасное свойство –
Для семьи доставлять гонорар⁵.

«Стихи о собачьем наследии» (1961–1973).

Семья – это защищенность от любой беды и напасти, чувство собственной полноценности (поэт предлагает «своротить горы для семьи и народа»⁶, «избегать семейной брани»⁷). Это и мотив родового наследства,

¹Бондаренко В. Г. Отверженный поэт // Неизбывный Вертоград: альманах всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва – Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып 1. С. 33.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 261.

³Тряпкин, Н. И. Гуси-лебеди: стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 56.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 537.

⁵Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М., 2000. С. 170.

⁶Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 339.

⁷Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 239.

доставшегося от предков («Что забвенью не предал / И храню до конца / То, что принял от деда, / Получил от отца» – «Радость», 1959). Поэт понимает, что сохранить родовое наследие невозможно при условии прерывания его семейных связей. В стихотворении «Да где ж вы, граждане Земли?» (1984) он призывает:

Да где ж вы, граждане Земли,
Народы всей планеты?
Во имя собственной семьи
Давайте же ответы¹.

«<...> в мире существует определенное количество духовности, добра, чести, доблести, совести <...>, которое должно по мере смены поколений и эпох как минимум восстанавливаться. Как только его станет лишь на чуточку меньше хотя бы в одном поколении, мир покатится к гибели, если <...> потомки не примут на себя наряду со своей собственной долю предков в борьбе за восстановление его духовно-нравственного единства»².

И никаких уж гроз дыханье
Не издымит углов людских,
И будет внук хранить преданья
О светлых родичах своих!³

«Река в сугробах утонула» (1964).

А.В. Полубота, изучая биографию Н.И. Тряпкина, пишет, что после разрушения неперспективной деревни Саблино Тряпкин будет с грустью вспоминать о том, что забыл уже отцовский пригорок, на котором стояла деревушка, давно уже превратившаяся в пепел и прах. «Да и не пригорок это вовсе, если взглядеться, а могильный холм», а над могилой родителей

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 423.

²Лебедев С. Штрихи к портрету Николая Тряпкина // Литературная газета. 1987. № 35 (26 августа). С. 5.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 262.

Николая Ивановича возвышается безымянный крест. Да и место, где они похоронены, может указать всего один человек¹.

В стихотворениях «Элегии старому пепелищу» (1967) и поэме «Гнездо моих отцов» (1967) Н.И. Тряпкин попытался объяснить, почему «пали-запропали» «жилища предков» и с лица земли исчезла одна из тверских деревень. Стихи и поэма имеют скорее общечеловеческое значение и звучание. Деревня для поэта – это детство: образ, подернутый туманной, сказочной дымкой. Деревня-детство абсолютно прекрасна, как всякий поэтический образ детских лет («Пролетай же, детство, над строкой / Заиграй в забытые свирели!..» – «Я родился на земле Тверской», 1987)². Вот этот сказочный мир разрушается против воли автора:

Как эта стая молодых скворцов,
Здесь наше утро звонко прошумело,
«Сгорело ты, гнездо моих отцов», –
Сказал поэт. И я твержу: сгорело...³.

«Элегии старому пепелищу» (1976).

История XX века трагична. Человека пытались лишить рода, веры. Поэт предупреждает современников и потомков о катастрофических последствиях безверия. И в его лирике, особенно в его поздних стихотворениях, более отчетливо видны мотивы «стояния» (свеча, храм, святые), творчество Н.И. Тряпкина проникнуто духом смирения и просветленности. Надежда на духовное возрождение семьи, страны, человечества остается, и связана она с библейской традицией:

Ты вышел из дома – все цитры звучали,
Все дети твои и друзья ликовали,
А в дом возвратился – и скорбь, и рыдания,
И всю твою семью ведут на закланье <...>

¹Полубота А. В. Певец золотого Вертограда: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url : [http : // www.rospisatel.ru/tryapkin.htm](http://www.rospisatel.ru/tryapkin.htm). (дата обращения: 03.09.2014).

²Тряпкин Н. И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 114.

³Тряпкин Н. И. Заповедь. М.: Современник, 1976. С. 236.

Крепись и мужайся и телом и духом.
 Не все ли под солнцем проносится пухом?
 И в славе почета, и в смраде бесчестья
 Да будет в руках твоих шест равновесья!¹

«Подражание Экклезиасту» (1982).

В творчестве Н.И. Тряпкина существование семьи как этико-философской реальности становится возможным тогда, когда она является одновременно и духовной реальностью. Здесь, пожалуй, можно говорить о дихотомии. Поэт смотрит с непримиримой требовательностью на семью в обычной жизни, он не готов принять любую жизненную ситуацию. В момент испытания, всякий раз делающийся смысловым центром произведения, совершается подвиг именно христианского служения: герои лирики поэта могут демонстрировать нерушимую веру друг в друга и в Бога и верность «даже до смерти» людям, отечеству и Богу. Таким образом, автор в своих произведениях показывает тот этический и духовный максимум, который может выявить в реальности семьи русская литература XX века. Но и в его произведениях, вероятно, именно в силу его художественной правдивости, налицо общая тенденция русской литературы: некоторое несоответствие высокого «семейного» потенциала и повседневности, его неосуществимость.

В христианстве семья понимается как малая церковь. В христианской семье мыслятся муж, жена, дети и родители. «В каждой доброй семье должна быть единая семейная жизнь. «Наше», общее – всегда должно в ней стать выше «моего», «личного». Именно такая семья была идеалом для Тряпкина, и его недостижимость придавала его поэзии напряженное трагическое звучание.

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 273.

2.2. Имена родства

Имена родства, являющиеся языковой универсалией, представляют собой одну из лексических микросистем. С точки зрения семантического представления лексических единиц система имен родства может быть организована по тезаурусному принципу. И в этом случае концепты родства соответствуют их языковому выражению. Обращаясь к конкретному материалу – поэтическому корпусу текстов Н.И. Тряпкина, следует отметить, что выбранный ракурс рассмотрения предполагает анализ имен родства в автобиографическом аспекте, т. е. это имена с конкретно-референтным употреблением.

Развитие автобиографического семейного дискурса можно проследить по следующим кластерным зонам: а) предки; б) родители; в) жена; г) дети, внуки (гипотетические). Компонентный состав указанных кластерных зон представлен следующими лексическими единицами: отец, мать, бабушка, тетка, сестра, дед, братеник, шурина, сноха, сын, дядя, внук, правнук, крестная. Автор описывает людей, обозначая их социальный статус, род занятий: «плотник-отец», «руки матери сновали за отсевками зерна», «...вязала баба веники / И носила продавать. / Помогали ей братеники / Младших деток поднимать», «дядя имел крупоружку, / Жеребца и лавчонку с набором конфеток цветных». Многие стихотворения Н.И. Тряпкина повествовательны, некоторые называются рассказами («Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную (из хроники моего детства)», 1963; «Рассказ про одно странствие», 1982).

Сопоставительный анализ имен родства, представляющих «родительскую семью» и «собственную семью», показал, что языковые единицы семантического поля «Семья» во многом совпадают с единицами, составляющими семантическое поле «Семья» в русском языке. Отличия

касаются набора лексем и их расположения в том или ином микро- и макрополе. Например, если в состав макрополя «Состав семьи» в языке входят лексемы: муж; жена; ребенок; дети; сын; дочь; родители; родственники; домашние; близкие; союз; семейство; брак; теща; свекор; зять; невестка; шурин; сноха; деверь; золовка; сват; кум; кума; правнук; прабабушка и др.¹, то макрополе «Состав семьи» в творчестве Н.И. Тряпкина представляет не только лексемы и словосочетания, характерные для языка в целом, но и авторские номинации, в том числе образные: батя, батька, родитель, папка, папаша, папочка, мамка, маманя, матушка, бабка, дедун, хозяин, хозяйка, сыночек, детки, дядя, сношенция, шуренок, муженек, женка (жинка), родня, родичи, детки, молодки. В семантическую структуру ассоциативно-семантического поля «собственная семья» входят микрокомпоненты «одинокость, разъединенность».

Единицы микрополя «Взаимоотношения в семье» в лирике Н.И. Тряпкина частично совпадают с лексемами и словосочетаниями, входящими в общеязыковое макрополе «Взаимоотношения в семье», например, семейные традиции, совместная жизнь, общение, диалог, молчание, любовь, дорогой, ценить². Лексические единицы, демонстрирующие особенности взаимоотношений между членами семьи, характерные для поля «Семья» поэта (воркованье, лясы точить, теребить вихор, скакать, петь, хлопотать, шлепать, расплакаться, убираться к дядьям, любить ласкаться, выпить чаю, к родне идти с поклоном, потчевать гостей, несравненные дети и внуки, светлые родичи, потомственный ковшик любви), указывают на высокую ценность семейных отношений. Номинации с отрицательной коннотацией (ругались мамки, дрались отцы, утопить родную мать, спесь отцов, «родитель

¹Пьянкова Т. В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): автореф. дисс....канд. филол. наук. М., 2012. С. 9.

²Там же. С. 15.

блудный возвращается», «расплюются твои сыновья, / разбегутся по новой планете», «у отца родного был / скорее пасынком, не сыном», забытая жена, злая мачеха, сопляк, отцы-застольники, пьяненький папочка, лахудра, бедные дети, слегли папаши) не нарушают положительного восприятия образа семьи в целом.

Сильное впечатление на воображение будущего поэта произвела колоритная фигура деда, сельского мудреца и вселенского бродяги, «хаживавшего за пустыни до гроба господня. Спустя много лет образ этого богатыря пойдет гулять по сборникам поэта»¹. Образ деда в стихотворениях Н.И. Тряпкина связан с реально-биографическим контекстом, исторической ситуацией, преломленной в текстах, а также с индивидуально-авторскими особенностями поэтики автора: дед «парит, как сокол, и притопывает на ходу», «заводил таратайки на рессорах крутых», ездит с внуком «то за грибами, то за мхом»; рожь, выращенная дедом-крестьянином, «святится навеки»; будущему поэту достался в наследство дедовский «хороводистый песенный дар». Лирическая природа стихов, в которых показан образ деда, подтверждается их тяготением к субъективности, изображаемый Н.И. Тряпкиным мир – это всегда мир внутренний. При этом его стихи отличает монологизм – стилевая черта лирики; произведения построены как лирический монолог:

Когда мой дед оплакивал коня,
 Что пал в извозе,
 Он целый день топтался у плетня
 В согбенной позе <...>
 А снег бурел, светлели облака,
 Стога чернели...
 И вдруг удар – не стало старика
 К страстной неделе! <...>
 А я, как щур, сижу у камелька
 С клубком преданья,
 И до меня родного лошака

¹Богачков Е. В. Два Водолея (Юрий Кузнецов о Николае Тряпкине) // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 14.

Доходит ржанье¹.

«Когда мой дед оплакивал коня..! (1968).

В тех случаях, когда Н.И. Тряпкиным используется форма диалога, его «персонажи» выражают разные грани лирического сознания, следовательно, принцип монологизма сохраняется:

Изводился мой дед, уходя на добычу с рассвета,
Холодея за внука, дрожа за больную сноху.
Изводился мой дед, уходил на любую поденку
И за каждую корку стелился у чьих-то дверей:
Заручить бы ее! Принести бы гостинец внучонку!
А уж тот – поджидал и закликивал: «Деда, скорей!»²

«Стихи о 1921-м годе» (1982).

В поэме «Гнездо моих отцов» (1965) воссоздается образ прадеда поэта, «сивого деда Семена», который «вечно курит на бревнушке, / У передка своей избы, / В какой-то старенькой холстухе, / Пошитой вроде из торбы!»³. Так подчеркивается связь поколений в семье будущего поэта.

Детство для Н.И. Тряпкина, как и для многих поэтов, является одной из важнейших сил, питающих их творчество. Мысленно возвращаясь в детство, он стремится вписать воспоминание в деревенский пейзаж, он смотрит на землю «глазами ребенка».

Однако воспоминание воспоминанию рознь. Одно дело – вызвать из памяти образ деда («Деду», 1961), чтобы просто поговорить с ним, чувствуя насущную потребность в разговоре: «И вот – прошел в моем сознании, / Как туча с пылью грозовой. / И вот – пою свое сказанье / Про твой веселый путь земной»⁴ («Деду», 1961). И другое – почувствовать, как под писательским пером материал воспоминаний, ожидаемый и одушевляемый, преобразуется в целый мир, в сотворенный миф, поначалу пока еще только для самого себя:

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 362.

²Тряпкин Н. И. Излучи. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 59.

³Тряпкин Н. И. Песни великих дождей. М.: Московский рабочий, 1965. 138 с. С. 94.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 213.

Какие тайны прошлое хранит!
 Какие сны для сердца пропадают!
 И только смутный звон звенит, звенит
 Из тех времен, что детством называют¹.

«Первое воспоминание» (1982).

В 1982 году Н.И. Тряпкиным было написано стихотворение «Бабка». Это стихотворение, как следует из названия, посвящено бабушке поэта. Представляет собой обращение к ней, внутренний монолог, обращенный к ней.

Внук, вспоминая бабушку, пытается понять ее душу, узнать характер, проникнуть в ее внутренний мир. Поэт спрашивает: «Ах ты, бабка Настасья! / Что было бы нынче со мною, / Если бы в детстве своем / Я не ведал, старушка, тебя?»². Автор пытается «прочувствовать» до конца, какое место она занимала в сердце Коли Тряпкина. Любовь к домашнему уюту, желание поговорить по душам («воркованье» у печки), любовь к народной песне («поешь сказки свои родовые» или «вирши духовные, коим не видно конца») – черты, присущие и бабушке, и внуку. Но главное для поэта – это бабушкина душа, которая проникает через годы в душу поэта. Он пытается понять: что же сближает их? И Н.И. Тряпкин отвечает:

И уж если теперь
 Мои песни хоть что-нибудь значат,
 И уж если теперь я и сам
 Хоть на что-то гожусь, –
 Ах, всему тому корень
 Тогда еще, бабушка, начат –
 Там, у нас на печи,
 По которой и ныне томлюсь³.

«Бабка» (1982).

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 526.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 343.

³Там же.

С большой любовью нарисованы портреты бабушки Марины, Прасковьи, в поэме Н.И. Тряпкина «Гнездо моих отцов» (1965). Поэт пишет о том, как они устраивали крестьянский быт, берегли семейный уклад.

Ключевое слово – «корень». «Семья», «родовое древо» для Н.И. Тряпкина не пустые слова. Отец, мать, сестра, дед, бабка, тётки и дядя – всё присутствовало в его жизни, всё это дало ему ощущение полноты бытия, органичности, гармонии и целостности мира, чувство причастности к общенациональному, общенародному бытию. В этом особенность тряпкинское мироощущения, отличающая его от мироощущения других поэтов родственного направления (Ю.П. Кузнецова, Н.М. Рубцова)¹. Вот, что объединяет бабушку и внука, несмотря на разделяющий их полувековой отрезок времени.

О своей бабушке Н.И. Тряпкин пишет в стихотворениях «В школу» (1956), «Посиделки» (1966), «Снится мне утро» (1966), «Я родился на земле Тверской» (1982), «Стихи о 1921-м годе» (1982), «Песнь о лучшей собаке» (1982), «Жили мы вчетвером. Это прежде – мамаша с папашей» (1982), «Все-то снится мне туман» (1982), «Первое воспоминание» (1982), в которых ее образ рисуется точными штрихами: она была верующим человеком («бабка стлалась пред иконой»), вела хозяйство («вот те, бабка, узелок, / От лица Советской власти – продовольственный паек», «и все бабкины кадки вели стукотню на ходу», «Жмурится мальчик и сладко мурлычет. / К завтраку бабка давно его кличет», «бабка щей принесет», «нам бабка блинов напекла», «бабкин самовар», «хлопочет бабка»), была рукодельницей («бабушкина прялка»). На ее долю выпало много испытаний, но она должна «смерти не сдаваться и внука сохранить». Таким образом, из разных поэтических произведений, объединенных по

¹Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино : НИЦ «Академика», 2010. С. 115.

тематическому принципу, складывается целостная картина развития темы бабушки и дедушки в поэзии Н.И. Тряпкина; обнаруживаются поэтические между разными по стилю, по времени написания стихотворными произведениями.

Итак, описание и анализ имен родства, образующих лексический фонд концептуальной области «Семья», позволяет раскрыть некоторые коммуникативно-прагматические и аксиологические установки поэта.

2.3. Образы отца и матери

В своих стихотворениях Н.И. Тряпкин неоднократно обращается к образу отца.

Во время коллективизации отец поэта решил попытать судьбу в подмосковном райцентре Лотошино – живописном торговом селе с высоким белым храмом и с двумя огромными парками, принадлежащими когда-то князьям Мещерским¹. Впечатления детских лет нашли свое отражение в «Стихах о первом совхозе» (1973).

После переезда семьи в Лотошино отец стал плотничать, а двенадцатилетний Коля пошел в школу. Мальчик был тихий, спокойный, помогал отцу:

<...>давай, отец, и мы,
И мы свое в дорогу оснастим.
Возьми топор, поправь-ка до зимы
Колхозный склад, где жито сохраним.
А я наш домик обойду кругом,
Взяв паклю, конопатку и обух,
Чтоб не совал в пазы его потом
Хитрец мороз ноздрины белый пух².

«Август зашумел» (1946).

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 3.

²Там же. С. 31.

В 1936 году в Лотошино случилось еще одно событие, оказавшее большое влияние на творчество Н.И. Тряпкина: была разрушена построенная в XVIII веке Спасо-Преображенская церковь, в разрушении её принимал участие отец Н.И. Тряпкина, и сам поэт был свидетелем этого события¹.

Церковь эта была в своем роде примечательная, граф Сергей Дмитриевич Шереметев писал о ней: «Среди многочисленных зданий Лотошинской усадьбы лишь одно здание здесь царит над всеми, далеко виднеясь по всей окрестности, и здание это величественно – словно собор городской, а не сельская церковь. Далеко разносится его призывной благовест, сплывающий все население Лотошино в одну цельную и стройную русскую семью»². После объявления в 1932 году «безбожной пятилетки» декретом советского правительства за подписью И.В. Сталина, призывавшим забыть имя Бога на всей территории страны, к 1 мая 1937 года участь лотошинской церкви была предрешена. Лишь в 1982 году Н.И. Тряпкин нарушит свое почти полувековое молчание о лотошинской трагедии и напишет «Стихи о борьбе с религией» (1982).

Сын столяра стоит на пороге церкви, глядя, как ее «уничтожают» отец с напарником; им в глаза он не смотрит, он смотрит куда-то вверх, не понимая, что с ним:

Замирала душа, и дрожало свечное мерцанье,
А гремящие хоры свергали волну за волной.
И все чудилось мне, что ступил я в предел Мирозданья
И что вечность сама возжигала огни предо мной³.

«Стихи о борьбе с религией» (1982).

¹Шувалов Г.В. Родник, какому нет цены // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 165.

² Там же.

³Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 441.

Перед тем, как взорвать церковь, власть велит отцу ее «разгрузить», или, как тогда выражались, «раскулачить».

И пришел я туда – посмотреть на иную заботу!
 Не могу и теперь позабыть той печальной страды, –
 Как отцовские руки срывали со стен позолоту,
 Как отцовский топор оставлял на иконах следы¹.

«Стихи о борьбе с религией» (1982).

Стихотворение передает ощущение единства жизни и смерти, космической масштабности всего, что совершается на земле и в душе мальчика. Судьба храма, разрушенного отцом, воспринимается им как трагедия вселенского масштаба. Это вполне характерно для православной традиции, в которой семья рассматривается как «“малая церковь”», а отец в ней – настоятель семейного храма. Служение отца в семье заключается в том, что собой и своей жизнью он должен явить ребенку мир, ввести его в общество, показать, каким человеком ему надо стать и к чему стремиться. Отец являет для ребенка образ Бога, Небесного Отца, образ мировоззрения и религии, которую сам исповедует»². Архетип отца относится к основным архетипам человеческого сознания. Семья во главе с отцом не допускает торжества инфантилизма и безответственности. В данном случае рушится православный уклад – погибает отец, погибает духовно. Некому ввести сына в иерархическую систему ценностей: где добро, а где зло – каждый должен решать сам. Эти категории различать очень сложно: одно маскируется под другое. По сути, традиция рушится независимо от того, жив отец или нет, а личная трагедия перерастает в трагедию общенациональную: «И стояли у стен наши скорбные тетки Улиты, / Утирая слезу бумазейным своим лоскутком»³.

¹Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 441.

²Епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский). Православный катехизис. М., 1990. 130 с. С. 73.

³Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 441.

В русской словесности образ-символ отца существовал всегда, однако в XX веке он особенно востребован как некий символ эпохи. В стихотворениях «Август» (1946), «А сколько было дерева» (1949), «В школу» (1956), «Детство» (1960), «В моем селе устроили музей» (1971), «Встреча» (1973), «Дворня» (1973), «Дорога» (1979), «Все-то снится мне туман» (1982), «Деревенька была небольшая, совсем небольшая...» (1982), «Изба» (1982) важнейшие для Н.И. Тряпкина мотивы памяти, родных мест (малой родины), сыновнего долга и сыновней благодарности соединены именно в образе отца, который навсегда запомнился ему «с топором, в гимнастерке», и это соединение является отдельной темой в его творчестве: дождавшись отца с фронта, мальчик «как самый лучший избранник, восседал в красной парче и сосал отцовский пряник у отца на красном плече» (стихотворение «Встреча», 1987). Из школы сын приносит отцу пятерки, будущая профессия сына ложится «тесовыми посадками» по «отцовскому краю», дом, в котором живут Н.И. Тряпкины, в стихотворениях назван «отцовской избой». Также в лирике поэта отец предстает музыкально одаренным человеком (играет на мандолине), олицетворяет собою трудолюбие («спешил за испытанный свой верстачок»), верность семейным традициям («хозяин потчует гостей»); образу отца присуща и высокая идеологическая нагрузка («родитель мой с Буденным землю-волю защищал»).

Образ матери, имеющий глубинные корни, в художественном мире поэта занимает особое место, так же, как и в ценностной символике России, классической и современной литературе. Через образ матери в русской поэзии традиционно выражались главные мировоззренческие вопросы. В народном сознании убийство собственной матери – величайший грех. В «Черной балладе» (1957) поэт осуждает внутрисемейные распри и убийство, разрушая тем самым советскую революционно-романтическую традицию, в которой семейные разломы

поэтизировались¹. Концепт христианского прощения воплощен Н.И. Тряпкиным в стихотворении «Мать» (1993), в котором образ распятой и истекающей кровью Святой Руси восходит к образу распятого Христа, а страдания сына своего отечества сравнимы со страданиями Пресвятой Богородицы. «Мать глотала кровь железную с Его гвоздей», а «сын глотает кровь железную с её гвоздей». Но мать нашла в себе силы простить. Этому же должен последовать и сын².

В поэзии XX века образ матери можно разделить по типам отношений субъекта речи к образу матери:

1) образ матери воплощается как особая направленность, обращенность поэзии к образу (стихотворения несут в себе драматическое начало – сочетание объективности и субъективности);

2) создание текста непосредственно от лица матери (лирическая субъективность);

3) поэзия, в которой образ матери существует объективно, почти становясь персонажем, указывая тем самым на эпическое начало в поэзии.

Условно говоря, трем различным способам выражения соответствуют грамматические формы второго лица – «ты», первого лица – «я» и третьего лица – «она»³.

К теме материнства, материнской любви Н.И. Тряпкин обращается в стихотворениях «Начало» (1946), «Унесут меня в бесконечность» (1957), «Детство» (1960), «Жили мы вчетвером. Это прежде – мамаша с папашей» (1960), «За дворами царства однолишного...» (1975), «Встреча» (1982), «Стихи о 1921-м годе» (1982), «Песнь о лучшей собаке» (1987), «Это было в 1927-м» (1987), «У темной просеки сосновой...» (1987) и др. В указанных текстах доминирует эпический способ воплощения темы матери

¹Редькин В. А. Аксиология творчества Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 141.

² Там же. С. 145.

³Мелексетян М. В. Образ матери в русской поэзии XX века: А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский: дисс....канд. филол. наук. М., 2009.

(образ матери в форме третьего лица – «она»). Образ матери существует объективно, становится персонажем стихотворений поэта: «Мне девять лет. Пора бы в школу, / Да мамка что-то... Не пойму!»¹ («Это было в 1927-м», 1987), «Ты прости меня, матушка из того ль городка Назарета, / За скитанья мои среди скорбных селений земных»² («Это было в ночи, под венцом из колючего света», 1980), «И заплакала мать, заслоняясь уголком полушалка»³ («Песнь о лучшей собаке», 1973), «Покрыла мама коржик свежим медом / И мне сует настойчивой рукой»⁴ («Начало», 1946), «А маманя все выше, выше / Поднимает меня на руках»⁵ («Встреча», 1982), «Станет мама сушить новины»⁶ («Унесут меня в бесконечность», 1957). Автор делает образ матери реально-бытовым.

Итак, на основе рассмотренных примеров можно сделать вывод, что образы родителей появляется в текстах, как прозаизация, эпический способ отображения действительности. В развитии темы родителей особое значение приобретает наследие народного творчества. В целом образы родителей остаются в сфере традиционных поэтических форм, стремления к простоте.

§ 3. Христианские образы и мотивы

Русская литература второй половины XX века характеризуется синтезом идей, тем и образов православного христианства. В поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина этот синтез имеет глубокие национальные корни, восходит к философским и эстетическим традициям.

¹Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 69.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 269.

³Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 21.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 54.

⁵Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 66.

⁶Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 152.

Житель Русского Севера, сольвычегодских и устюжских деревень, знаток старинных погостов, старообрядческих преданий и сказов, поэт признавался:

Когда-то там, в лесах Устюги,
Я неприкаянно кружил.
Скрипела ель, стелились вьюги
У староверческих могил¹.

«Когда-то там, в лесах Устюги» (1995).

Большое место в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина занимают его «космические» стихотворения, в которых «поэт выстраивает вертикаль от подземных глубин в Божественной выси, ощущая себя единосущным с Русью, удерживающей мировую вертикаль, бросая взгляд на великих предшественников и сознавая свою неповторимость. Не царь, не раб, не червь и не Бог – но и русский человек в своей переменчивости, в своих многочисленных ипостасях – и в своей гармонии, единстве тела, души и духа, принимающий на себя всю силу земных катаклизмов и таинственных стихий, значение которых остаётся за гранью человеческого сознания:

Пусть я не тварь Господняя,
Но и не червь земли.
Небо и преисподняя
В песни мои легли»².

Убежденность в неотвратимом возмездии сливается с трагедийным чувством, которое слышится в голосе поэта, обращающегося к векам, мирозданию и от имени живых, и от имени погибших, в голосе обретшего пророческую силу, словно пронизывающую земной круг и космические дали.

¹Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 280.

²Куняев С. С.«Мой неизбывный Вертоград...» // Литература в школе. 2008. № 11. С. 5.

Пронизана ассоциациями, связанными с книгами Ветхого и Нового Завета, лирика Н.И. Тряпкина 80-х годов. В «Песне о российском храме» (1982) лирический герой, бродящий в тоске по руинам русского храма, противопоставляет его былое величием нынешним «вымпелам на шестах да рекламам из ярких фанер» – так поэт говорит о разрушении человека, о разрыве человеческих связей: над храмом поднимается «растревоженный галочный хор», с храма срывается «золотой поднебесный убор», во время сенокоса в храм «вкатывают громоносные бочки». Но, несмотря на всеобщую бездуховность, поэт старается сохранить нити, связывающие прошлое и настоящее: «Только снятся порою удары вечернего звона, / И над сердцем моим золотой проплывает хорал»¹; стремится к тому, чтобы его связи с внешним миром и, главное, с людьми, населяющими этот мир, не утратились в будущем.

С библейскими реалиями названия многих стихотворений Н.И. Тряпкина связаны напрямую («Стенания у развалин Сиона» (1982), «Молчи, Иеремия!..» (1982), «Подражание Екклесиасту» (1982), «Гласом царя Давида» (1982), «Обращение неопита к народу у дверей первого христианского храма» (1982) и др.). Л.В. Рыжкова-Гришина считает, что в «Подражании Екклесиасту» (1982) проводится психологическая параллель между образом Екклесиаста и образом Поэта и читательские эмоции (положительные, отрицательные) связываются именно с поэтом: «Более того, мы хотим видеть в поэте учителя, наставника, советчика. Нам кажется, что он, умеющий слышать музыку сфер, понимает то, чего не понимаем мы, знает гораздо больше нас, видит дальше и глубже. Мы прислушиваемся к голосу поэта, как к голосу мудреца. И потому поэт никогда, ни в коем случае не имеет права нисходить, опускаться до пошлости, злобы, ненависти, придирок и разбирательств <...> ибо жизнь его и творчество ниспосланы и благословлены свыше, как говорил Н.И. Тряпкин, «“во спасение древлего нрава” <...> Спасение древлего нрава –

¹Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 444.

это удел поэта, творца, созидателя, зиждителя и хранителя, несмотря на то, что ему бывает нестерпимо трудно, ведь он может испытывать “злопыхательство холопов”, козни врагов, зависть недоброжелателей. При этом может отрешиться от мирского, отказаться от суетности, уйти с головой в свои труды – это его право, даже прерогатива <...> сильны колебания эфирных струн, которые невидимыми, но осязаемыми кругами расходятся по Вселенной от его песнопений»¹. Анализируя стихотворение «Гласом царя Давида» (1982), исследовательница приходит к выводу, что в произведении проводится параллель между событиями XX века и библейским сюжетом. Говоря о трагедии Хатыни, автор вспоминает гибель Гоморры². Поэт словно перевоплощается в библейского героя – царя Давида и, обращаясь к Создателю, «гласом царя Давида» восклицает: «Уважь, господь, мои печали, / не проклинай моих дорог»³.

В «библейском цикле» слышится пророчество о новых испытаниях. Поэт не желал мириться с наплывом безбожной пошлости, растлением души и умов. Изнемогая под гнетом житейских невзгод, он с тревогой вглядывался в грядущее отчизны, видевшейся ему, подобно Христу, распятой на кресте и терпящей поругание от властителей. Но торжество тёмной силы не вечно. Она исчезает под лучами Божественного света как дым, не оставляющий следа: «Пусть же провеет над нами крыло / Серафима, / В сердце моём закипит огневая слеза!.. / Снится мне Русь под созвездием / Третьего Рима, / Верую, пращур, в святые твои образа»⁴.

Следует заметить, что «библейские» стихи Н.И. Тряпкина отличаются от стихов поэтов так называемой книжной традиции на ту же тему. Поэт соединяет линии проповеднической средневековой литературы и фольклорной обработки Священного Писания, чтобы через события,

¹Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012. С. 65–66.

²Там же.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 391.

⁴Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...» // Литература в школе. 2008. № 11. С. 6.

изображенные в Библии, раскрыть перипетии современного бытия. Эмоциональный отклик читателя для него в той же степени важен, что и нравственная оценка, поэтому он всячески приближает события Священного Писания, перемещая их в настоящее время. При этом поэзию Н.И. Тряпкина нельзя назвать религиозной, в его стихах нет дистанции между лирическим героем и Богом: Бог столь же реален, сколь и пишущий о нем, взывающий к нему (это продолжение апокрифической традиции).

Н.И. Тряпкин может писать о разных бытовых вещах, предметах, явлениях, но он не переходит грани тривиального, «чистое поэтическое Бытие не знает отъединенности временного и Вечного, мира и Бога»¹. Но в то же время в его лирике своеобразно выразилась сложность и напряженность духовной жизни русского народа.

Итак, размышление о Вечном и преходящем в человеческой жизни, о свете «просиявшей Вечности» для Н.И. Тряпкина без обращения к Библии было невозможно. В то же время в его лирике сложно найти одномерность. В канонические православные уставы его вольная поэзия не укладывалась. Это поэзия русского народа, отчасти утратившего религиозную или идеологическую общность, поэзия, самобытный характер которой народ принимал не всегда.

§ 4. Традиции древнерусской литературы

Проблема переосмысления традиций древнерусской литературы в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина в современном отечественном литературоведении намечена в исследованиях С.Ю. Николаевой²,

¹Волков Б. «Свет ты мой, робкий, таинственный свет». Поэтическая судьба Николая Тряпкина // Литературная газета. 1994. 6 сентября. № 33. С. 24.

²Николаева С.Ю. Художественный мир Н.И. Тряпкина // Тверь. Литературный альманах. – Тверь: ООО «Изд-во Волга», 2010. с. 329–338.

В.А.Редькина¹, Л.В. Рыжковой-Гришиной². Так, С.Ю. Николаева в статье «Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина» считает, что «Тряпкин глубоко знает древнерусскую литературу и тонко использует соответствующие реминисценции из "Слова о Законе и Благодати" ("Во все концы со всеми переправами, / Во все края / Ты пролегла червлёными заставами, / Страна моя"), из "Четьих Миней", из "Повестей о бражнике" ("Испивал вина во славу Божью"; "И с той же гривенкой усердной / В калитку райскую стучим"; "От рая ключи", "Райские яблоки")»³. В.А. Редькин, исследуя лирику Н.И. Тряпкина сороковых годов, указывает на то, что в ней продолжают традиции древнерусской литературы: «Поэт советской эпохи утверждал единство национального мира с включением в него мифологии древних славян, русского фольклора, христианства и реалий современности»⁴. В лирике Н.И. Тряпкина, как и в древнерусской литературе, природа сочувствует и соперничает русскому воинству.

По-новому зазвучали мотивы древнерусской литературы в дни Великой Отечественной войны. Снова на русской земле был враг, и поэтому древние образы стали актуальны, как в дни их создания:

Страна родная! Русская страна!
 Поплачь на эти свежие курганы.
 Да, ни броня, ни мина, ни картечь
 Не поколеблют верности сыновней:
 Далекий голос дедовских предтеч –
 Веков присягой в недрах нашей крови!⁵

¹ Редькин В.А. Аксиология творчества Николая Тряпкина // *Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 137–146.

² Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления. 2012.

³ Николаева С.Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // *Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 114.

⁴ Редькин В.А. Аксиология творчества Николая Тряпкина // *Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 138.

⁵ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 33.

Н.И. Тряпкин, опираясь на реалии далекой древности, создает здесь патриотические образы.

В 50-е гг. в творческое сознание поэта органически входила древнерусская агиография. Постигая тайны русского национального характера, поэт обращался к Четых-Минеем, образ которых в стихотворениях появляется дважды: в «Савелии Пижемском» (1966) и в «Песне о хождении в край Палестинский» (1959–1973). В первом стихотворении Савелий Пижемский назван поэтом «чертовой дылдой», «лешаком», читающим Четых-Минеем и хранящим старину («Ты и сам за «Четыхами» гундосил когда-то / И "Уставом" хранил старину»). Во втором стихотворении легенда, рассказанная поэтом о своем дедушке-богомольце, воспринимается как трагическая реальность, которая напоминает трагедию далекого прошлого, случившуюся на иорданских берегах:

И воскликнем в Господа и мать
И в Четых-Минеем:
Что же вы творите здесь опять,
Ироды-злодеи?¹

«Песнь о хождении в край Палестинский» (1959–1973).

А вот стихотворение 1981 года «А хотел бы я стать для себя летописцем смиренным...», текст которого, опираясь на поэтическую древнерусскую реальность, отражает лирические переживания самого поэта:

А хотел бы я стать для себя летописцем смиренным,
И закрыться в скиту, и возжечь, как в древле, лампаду,
И сидеть, и писать, составляя правдивую повесть
Про себя, и других, и про все, что я знаю и помню.

Ибо годы мои к той черте подошли заповедной,
Где ни звона не нужно, ни стука, ни денег, ни славы...

¹Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 461.

Затвориться б в скиту. И возжечь бы старинную свечку.
За себя и других наконец помолиться желаю¹.

В стихотворениях «Радость» (1959), «Где-то звонко стучали зенитки...» (1971), «За речными плесами...» (1971), «Семейные забавы» (1982) поэт обращается к образам Бориса и Глеба, чьи имена упоминаются во многих произведениях народной словесности или являются их персонажами. Братья – целители и помощники в выращивании урожая, воздействующие на плодородящую силу земли. Характерны пословицы: «На Бориса и Глеба берися до хлеба», «На Борис и Глеб поспекает хлеб». В Белоруссии черный хлеб называли в прошлом веке «Борисом», а белый — «Глебом». У Тряпкина – «Чтобы в шелесте хлеба, / С красным звоном дуги, / В день Бориса и Глеба / Выезжать на торги» («Радость», 1959), «Городьбой гороженный / Златорусый Глеб – / Да святится всхоженный / Испоконный хлеб!» («За речными плесами...», 1971). В православной церкви святые Борис и Глеб символизируют страдание и прощение. Христианское покаяние, прощение, «молитва о душе»² выражены и в стихотворении поэта «Где-то звонко стучали зенитки» (1971):

Уходил я под чёрное небо,
Никому ничего не суля.
И пред ликом Бориса и Глеба
На колени бросалась земля³.

Исследователи наследия Н.И.Тряпкина отмечают жанровую заданность его стихотворных произведений (А. Архангельский, Б. Волков, В.А. Котельников, В. Приходько, И. Рогощенков и др.). Действительно, жанр как одно из главных миромоделирующих и коммуникативных начал

¹ Тряпкин Н. И. Уж видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 222.

² Редькин В. А. Аксиология творчества Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. с. 143.

³Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984.С. 436.

художественного целого был чрезвычайно важен для поэта. Так, древнерусское слово составлялось в строгом соответствии с литературной византийской и античной традициями. Все произведения, за редким исключением, в композиционном отношении делились на три части: вступление, повествовательная часть и заключение. Можно сказать, что «Слово» Н.И.Тряпкина в целом вписывается в древнерусский канон: оно включало в себя вступление – характеристику предмета (мешка) и его предназначение, основную часть – размышление о бренности человеческого существования:

И пусть там другие не знают,
А я вот кричу им: Салют!
За те вон мешки – умирают,
За этот мешочек – убьют;
Одни есть мешки – для голодных,
Другие – для сытых обжор...
И все это – судеб народных
Живой нескончаемый спор.

и философское заключение:

То – света и тьмы столкновенье,
То – сшибки воды и огня,
И наше второе крещенье,
И наша земная броня¹.

«Слово о мешках» (1971).

Важное место в творческом сознании и поэзии Н.И. Тряпкина занимает «Слово о полку Игореве». Поэт никогда не высказывался об этом древнерусском памятнике, не анализировал его текст, но, очевидно, всегда относил произведение к вершинам русской словесности. Об этом свидетельствуют мотивыданного шедевра русской книжности, перенесенные в рамки собственных поэтических произведений в

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 439.

стихотворениях «Не хватает грома для раската...» (1969), «Старинные песни» (1973).

В стихотворении «Не хватает грома для раската...» мотивы переложения Слова...» зазвучали так:

Ты не спишь иль спишь, моя Любава?
И какой ты, краля, видишь сон?
Не с веков ли давних Святослава
Пред тобой гремит сей гарнизон? <...>
И грохочет Слово, как былина,
Замешавшись ветром и водой.
И прошла, протопала дружина
Да по всей по нашей мостовой¹.

В стихотворении, прославляющем подлинных героев, поднимается тема патриотизма, борцов за Родину, не случайно Н.И. Тряпкин обращается к образу Святослава Всеволодовича. В тексте не только используется образность «Слова о полку Игореве», но и при помощи звукописи выстраивается характерная тональность, в которой совмещаются «о-о-о» и грозное «р-р-р».

Эпиграфом к стихотворению «Старинные песни» (1973) стали строки («Что мне шумит, что мне звенит / Далече рано пред зорями?»)², отсылающие к памятнику древнерусской литературы. Этим лирическим восклицанием, передающим чувство глубокой скорби от поражения русских, автор прерывает свой рассказ о походе князя Игоря на половцев.

В стихотворении Н.И. Тряпкина, по поэтическим особенностям, граничащим и с фольклором, и с литературой, соединились песенные жанры, жанры героического эпоса, «славы».

Л.В. Рыжкова-Гришина, анализируя стихотворение «Старинные песни, забытые руны!», задается вопросом: что за забытые руны

¹Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 387.

² Там же. С. 468.

упоминает поэт в первой строке своего стихотворения. Объясняя семантику слова «руны»¹, исследовательница считает, что Н.И. Тряпкин, увлекаясь русской стариной, знал и понимал, что слово «руны» имеют очень широкое значение (у А.Н. Афанасьева – речь, беседа, сказание), что «знание это является тайной. Знал он и о других тайнах славян и, так или иначе, отразил в своих стихах».

Образ половцев появляется в стихотворениях «За пылью ханского набега...» (1965) и «Лихолетье. 1921 год» (1982), Стихи о 1921-м годе (1982), в которых поэт размышляет о судьбе русской земли, терзаемой «степными кочевниками»:

Эти страшные дни! Эти грозные, вечные годы!
 Просыпайся же, песня! И с нами – опять на подъем:
 В половецких степях пролетают отцовские взводы.
 О геройская Русь! Далек ты еси, за холмом².

«Лихолетье. 1921 год» (1982)

В 1970 году появилось стихотворение Н.И. Тряпкина «Я искал твой след неповторимый...», в котором есть такие строки:

Только дым от песни многославной,
 Да и жизнь растаяла, как дым...
 Да куда ж ты скрылась, Ярославна,
 Перед родом-племенем моим?³.

Стихотворение сразу ассоциируется с великим памятником древней литературы «Слово о полку Игореве». В них общая героиня – Ярославна.

Образ тоскующей по мужу Ярославны – одно из ярчайших поэтических достижений «Слова». Ярославна – верная и преданная подруга мужа, горячо любящая своего "ладу". Силой своей любви она помогает Игорю вернуться из плена. В своем плаче-заклинании Ярославна

¹Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления. 2012. С. 53.

²Тряпкин Н. И. Огненные ясли. М.: Советский писатель, 1985. С. 118.

³Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 399.

упоминает не только мужа, но и его воинов. Ее скорбь о поражении Игоря – скорбь всех русских жен и матерей.

В образе Ярославны воплотился внесловный идеал женщины Древней Руси, который и пытается найти лирический герой стихотворения Н.И. Тряпкина, и в современной жизни не может его отыскать. Создается впечатление, что его душа больше не может выдержать напряжённых чувств. Она стремится освободиться от переполняющей сердце боли через «Слово...».

В стихотворении просматривается определенный канон обрядовой песни.

1. Зачин. Поиск лирической героини, обращение к ней («По каким ты шла цветам и травам? / У каких ты грелась очагов?»);

2. Монолог – размышление, внутренний диалог с миром природы (облаками, водой, осенним овином), исчезновение былинного следа;

3. Концовка, заключающая в себя риторические вопросы («И грохочут волны с переправы, / И кричу вот с тех же берегов: / По каким ты шла цветам и травам? / У каких ты падала снегов?»). Так в стихотворении утверждается мысль, что поэтические высоты, достигнутые древними мастерами слова, остаются незыблемыми, будят мысль, душу последующих поколений.

Полноправными жанрами древнерусской литературы были видения и знамения. Если знамения – рассказы о необычных явлениях природы, указывающие на проявление Божественной воли и предвещающие какие-то события, то видения – описание непосредственных явлений людям Божественных сил, которые не только предвещают тот или иной ход истории, но и прямо пророчествуют о будущем, призывают к определенным действиям. Особенностью древнерусских видений и знамений было обязательное присутствие определенных образов (ясновидца, таинственных сил, сна, галлюцинации или молитвенного

экстаза) и эсхатологическое содержание¹. Мотив видения звучит в стихотворении «Я искал твой след неповторимый...» (1970).

Только плыл твой голос журавлиный
И, как дым, спускался у воды.
Только дым осеннего овина
Заметал былинные следы².

Авторы древнерусских слов использовали одни и те же стилистические приемы: риторические обращения к читателю или слушателю, риторические вопросы и восклицания, метафоры, антитезы и повторы. Ритмический строй речи, образующийся чередованием предложений одной и той же синтаксической конструкции или повторением первого или последнего слова³. У Н.И. Тряпкина:

1. Обращения, восклицания:

«Будь прославлена навеки, / Русь, родная сторона!» («За леса, поля и реки», 1944), «Да святится Борис!» («Как у тех у ворот столько всяких бород!», 1966), «Давай же раскроем Глубинные Книги / На черном пороге дымящейся риги, / У дедовских рек!» («У смеркшего дня...», 1969), «И этот сон истек над Русью!» («Стансы, 1970), «Ой ты, русское Слово, / Голос отчей земли! / Это с поля родного – / Снова песни мои» («Триптих», 1977), «Лотошинская прыть! Лотошинская святость монашества! / Да святится тот край – и теперь и во веки веков!» («Лотошино», 1982), «О геройская Русь! Далеко ты еси за холмом!» («Лихолетье. 1921 год», 1982), «Чтоб все было вместе – и радость и грусть... / Да здравствуйте песня! Да славится Русь!» («Стихи о кастальском источнике», 1982), «Давай же,

¹ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 11.

² Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 399.

³ Юрина Н.Г. Переосмысление традиций жанров древнерусской литературы в поэзии В.С. Соловьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №4 (30). С. 140.

герой наш вещей, / Сияющий бог дружин! / Мы знаем такие вещи, / Что стоят любых былин» («Песнь о великом походе, 1993).

2. Риторические вопросы: «Ой ты гой еси! Не по всей ли Руси / Затрубила весна голосистая?» («Из-за синих рек, из-за белых гор, 1993).

3. Повторы, анафора: «Про тебя моя слава былинная, / Про тебя моя лучшая песнь» («Луговая, лесная, полынная, 1973).

4. Метафоры: «Из новых колосьев, из древней печали / Завяжется слово – / И вот уже снова гонцы прискакали / С нагорий былого» («Забутые вежи, заглухшие дали, 1966).

Итак, обращение к традициям древнерусской литературы свидетельствует об актуальности этого пласта национальной культуры для поэта.

§ 5. Историческая память и память художественная (поэтическое воплощение темы войны и мира)

5.1. Проблема «человек и война» в стихотворениях поэта

Анализ стихотворений Н.И. Тряпкина показывает, что тема войны является периферийной. Однако нельзя говорить о тематической узости его произведений: война сделала Тряпкина поэтом, оставила в его душе неизгладимый след.

О военной лирике Тряпкина в критической литературе писали следующее: «Если выстроить в один ряд стихотворения Н.И. Тряпкина, посвященные далекому и недавнему прошлому, получится большая сага, охватывающая огромные пространства и целые эпохи отечественной истории: <...> с невероятным напряжением всех физических и духовных сил народа в Великой Отечественной войне, с трудными задачами послевоенного времени по восстановлению жизненного уклада, взорванного войной, и нравственного организма людей, контуженного

войною же <...>¹ – пишет Е. Лебедев. Г.В. Шувалов считает одними из лучших произведений Н.И. Тряпкина о войне стихотворения: «Старый погост» (1945), «Распутица» (1946), «Песнь о безногом солдате»² (1957). С.В. Молчанова рассматривает образ воина-пахаря в поэзии Тряпкина³, Л. А. Аннинский отмечает, что «судьба обошла поэта солдатским опытом: по болезни (скупо поминаемой в автобиографии) его в 1941 году комиссовали, и отъехал он из прифронтового уже Подмосковья в сольвычегогорскую глушь, где "километрах в семи от Котласа" приткнулся в колхозе.

Гибель, назначенная ему, как и его сверстникам, от него отступила, оставив вечное терзание души, когда смертельное железо губит в небе, где патрулируют самолеты с крестами, а наши солдаты проносятся по большаку к фронту, звякая трехлинейками <...>

Война обошла Н.И. Тряпкина огнем, но по складу души он был, конечно, сыном своего поколения, поколения смертников Державы; осмыслить ему предстояло именно расплату за спасение, прочувствовать обреченность, преодолеть ее, и сверстники, вернувшиеся с фронта на костылях, его приняли. Он и сам это почувствовал»⁴.

Музыку к стихотворениям Тряпкина писали фронтовики Ф. И. Маслов, П. В. Теплов, М. В. Андриахин и Я. С. Солодухо⁵.

¹Лебедев Е. Штрихи к портрету Николая Тряпкина // Литературная газета, 1987. 26 августа. № 35. С. 5.

²Шувалов Г.В. Родник, какому нет цены // Незбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 169.

³Молчанова С.В. Образ воина-пахаря в поэзии Николая Тряпкина // Незбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 99–107.

⁴Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы», (2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: <http://www.zavtra.День литературы>114/71.html>. (Дата обращения: 09.01.2013).

⁵Фомин А.И. «Слова Николая Тряпкина» // Незбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 149.

Первая группа стихотворений на военную тему была написана Н.И. Тряпкиным в годы Великой Отечественной войны (19% от общего количества текстов по теме). В них звучали мотивы Родины, большой и малой. «Юность – с котомкой дорожной, / В пепле – родное жилье», – скажет поэт в 1942 году в стихотворении «Где ты, мой друг незабываемый?», а в стихотворении «Песня казачьей дивизии 1943 года» (1944), в котором, используя народные образы, Н.И. Тряпкин напишет: «Немцу ль щупать наших о'куней в затоне? / Аль нам, хлопцы, тесаки не по ладони?»¹. В дни военных испытаний, когда русскому народу пришлось отстаивать не только жизнь и свободу живущих, судьбы людей будущего, но и честь предков, поэта беспокоила судьба его Родины. В стихотворении «Старый погост» (1945), которое носит эпический характер, поэт подчеркивает единство поколений в борьбе с врагом: «Так спи, наш предок! / Кровью боевой / Скрепил твой мир / В твоей земле / Твой правнук»².

Уже в юношеской лирике поэт старается выйти на дорогу широких исторических размышлений и сопоставлений («Суворов играет в бабки», 1944). Поэт чувствует причастность к судьбе своего поколения, его особую роль в истории страны: «И со всеми кровными друзьями / Вышли мы померяться с бедой, / Всю-то нашу молодость, как знамя, / Развернув над первой бороздой»³ («Не забуду темную землянку», 1950).

В то же время «в сороковые годы безусый хлипенький поэт боролся своими стихами не за власть Советов и даже не за родимый, оставленный где-то в Подмосковье под немцами дом, а за архаичный национальный прамир Святой Руси»⁴: «И стала ты, моя Устюга, / Моим пристанищем навек»⁵ («Когда-то там, в лесах Устюги», 1995). «Не влезают по всем параметрам тряпкинские стихи в его "квазиэпос разрушенной эпохи", это

¹Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ. лит., 1984. С. 23.

²Там же. С. 33.

³Тряпкин Н.И. Первая борозда. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 5.

⁴Бондаренко В.Г. Отверженный поэт // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино, 2010. С. 30.

⁵Тряпкин Н.И. Горящий Водолей. М. Молодая гвардия, 2003. С. 280.

не поэзия Долматовского или даже Симонова. Это какой-то другой, параллельный поток русской поэзии, который, не прерываясь ни на миг, жил ещё в те суровые и победные, трагические и величавые сороковые и пятидесятые годы»¹.

Одной из основных тем как военного, так и послевоенного времени является тема судьбы родного Отечества, защиты Родины и победы над врагом: «В болотце, хлорофиллом опыленном, / Ожившем после шальных батарей, / Поймай кувшинку / И пригубь влюбленно – / Всю в капельках пролившихся дождей. / Тебе шепнет в ней каждая тычинка, / Целуя в губы нежным холодком: / – Прислушайся, / Тут пульс твоей кровинки. / Июнь пророс / На подвиге твоём»² («Победителю», 1946).

Начальный этап войны обозначил микротему борьбы с захватчиками, Н.И. Тряпкин создает образы защитников Отечества – простых солдат: «В ночах загорались прекрасные звезды – / А мы воевали. / В лугах дожидались покосные песни – / А мы умирали. / Карпатские горы, дунайские воды, / Бои, переходы. / В ночах загорались прекрасные звезды – / А мы воевали»³ («В долинах пестрели», 1962). Призыв к защите Родины явно или косвенно проходит через всю военную лирику Тряпкина: «Грозись врагу суком и взглядом, / Гарцуй на вздыбленном коне...»⁴ («Пока и старые раненья», 1970).

Н.И. Тряпкин по состоянию здоровья на фронт не попал, но в 1941 году начал свою трудовую биографию. С ноября 1941 г. по март 1942 г. он работал сотрудником районной газеты «Сталинский путь» Сольвычегодского района Архангельской области. В том же 1942 г. устроился счетоводом в колхоз «Большевик» в Архангельской области, где трудился до октября 1943 г. С января следующего года по июнь 1945 г.

¹ Бондаренко В.Г. Отверженный поэт // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино, 2010. С. 30.

² Тряпкин Н.И. Первая борозда. М.: Молодая гвардия, 1953. с. 28.

³ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит-ра, 1984. С. 244.

⁴ Там же. С. 395.

Н.И. Тряпкин работал счетоводом колхоза-деревни Абушково Лотошинского района Московской области.

В годы войны началось становление Н.И. Тряпкина как поэта, в 1945 г. он начал серьезно заниматься литературой и через год опубликовал свои произведения в журнале «Октябрь»¹.

В автобиографии о предвоенном и военном времени он написал так: «В 1939 году закончил я в Лотошине среднюю школу и поступил студентом в Московский историко-архивный институт <...> институтом я не увлекался, мечтал о специальном филологическом образовании, готовился к редакторской деятельности. Но грозной осенью 1941 года внезапно оказался в городе Котласе, куда забросила меня эвакуация. Помню скопище беженцев, особенно поляков. Поляки располагались своим отдельным табором, жгли на площади костры, приплясывали от холода <...> Осенью 1943 года я вернулся домой, к своим родителям. Лотошино было целиком сожжено, возвышалась только внутренняя труба спиртзавода. Она до сих пор является единственным ориентиром этих мест. <...> Деревня Ивановское и родительская хата военному погрому, к счастью, не подверглись. Но окрестные поселения почти все целиком восстанавливались заново. И меня с первых же дней прибытия охватило великое напряжение края, воскрешающегося из пепла. Повсюду стучали плотничьи топоры, звенели пилы. Я и сам почувствовал себя плотником, что от истины не столь-то было далеко, ибо частенько приходилось помогать своему отцу на различных постройках. И вот я писал стихи, в которых пахло сосновой стружкой:

И поют мастера о полетах,
О полетах сверкающих пил.
И поют мастера о высотах,
О высотах горячих стропил.

¹Тряпкин Н.И., поэт // РГАЛИ. Ф. 631, Оп. 40, Ед. хр. 937, Л. 1, 3, 7, 32, 60; Тряпкин Н.И. Личное дело // РГАЛИ. Ф. 632, Оп. 5, Ед. хр. 364, Л. 2 об.; Тряпкин Н.И. Личное дело кандидата, не получившего Государственной премии СССР 1987 г. и документы к нему // РГАЛИ. Ф. 2916, Оп. 4, Ед. хр. 501, Л. 4, 30 об.

Эй, раскидывай скатерть, хозяин!
Слышишь песни, походку и свист?..
Над весной разоренного края
Трубят ветер – веселый горнист.

Это была великая весна творческого народного порыва, весна, предвещавшая уже совсем близкий праздник Победы. Это был и мой собственный праздник – праздник моей поэтической молодости»¹. Кем только ни работал начинающий поэт в эти суровые годы: сторожил колхозные поля, помогал отцу отстраивать избы: «По краю по отцовскому, / Разбитому снарядами, / Легла моя профессия Тесовыми посадками»² («А сколько было дерева», 1949). На втором этапе войны, когда уже был намечен перелом и враг во многих сражениях разгромлен, в стихотворениях Н.И. Тряпкина возникают радостные настроения от предстоящей победы: «Эти помыслы – в сердце родного народа, / И не мне свою думушку скрыть: / Чтоб нам в первые месяцы нового года / Всем фашистам по савану сшить» («Пожелание», 1942).

Н.И. Тряпкин был воспитан на советской романтической поэзии, на героических идеалах революции, которая стала для него историей. Он сожалел о том, что не стал участником событий 1941–1945 гг. «Не сумел я в грозу постоять / У священных заветов»³, – признавался он в одном из своих стихотворений («Песенка моего друга», 1982).

В стихах, написанных в годы войны, пафос героического времени, господствовавший в советской поэзии со времён революции и Гражданской войны, отходит на второй план: поэты, в том числе и Н.И. Тряпкин, стали обращаться не только к сознанию читателя («И я пойму: то сказ кровавый / Тревожно ропщут провода...»)⁴, но и к его чувствам: «Сколько трав под чужими подковами! / Сколько слез в погоревших

¹Тряпкин Н.И. О себе // Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1989. С.4.

²Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ. лит., 1984. С. 74.

³Тряпкин Н.И. Уж, видно тот нам выпал жребий: Стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С.266.

⁴Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940-1982). М.: Современник, 1983. С. 13.

полях!»¹, «Я люблю, когда снег, под луной излучась, / Отливается вдруг в синеватую ясь...»² («Лунный час», 1943).

Музу в военные годы Н.И. Тряпкин ощущает настоящей, живой:

И славлю я геройские декады,
И молоток, стучащий по гвоздю³.

«Душистым дымом утренних селений» (1949).

Автор часто относительно своего поколения использует местоимение «мы», сближая себя с ним, подчеркивая, что перед читателем не только сверстники, люди, родившиеся приблизительно в одно время, но и связанные одной судьбой, а потому родные, родственные души.

И, восходя на плотничьи леса,
Мы поднимаем кровель паруса
Над войнами, над пеплом и золой,
Во имя человечности простой⁴, –

пишет он, к примеру, в стихотворении «Горизонт» (1946). К этой же группе можно отнести стихотворения «Может быть, из-за балки смолистой» (1946), «Не забуду темную землянку» (1950), «Друзьям» (1956), «Коряжема» (1960), «За пылью ханского набега» (1965), «Знакомое поле» (1970), «Где-то звонко стучали зенитки» (1971), «За каким там холмом и заставою» (1973), «Из дальней и долгой разлуки» (1973) и др.

В.А. Редькин в своей статье «Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина» (2011) пишет, что в 1940-е гг. поэт развивал традиционный мотив природного и социального миров, единство труженицы-природы и труженика-человека, солнца, несущего человечеству свет и тепло, и советского солдата, в ратном подвиге победившего фашизм. Приближение

¹Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ. лит., 1984. С. 22.

²Там же. С. 20.

³Тряпкин Н.И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962.С.7.

⁴Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С.37.

весны он видит «...в ремонтной колхозной неделе, / В пряном запахе новых телег», в том, что «трактора заключат с грачами / Договор на рабочий сезон», а «солнце, как шлем Сталинграда, / Над великой рекою встаёт» («Пусть метель засыпает ложбины...», 1945). Природа, как это было в фольклоре и древнерусской литературе, сочувствует и сопереживает русскому воинству: «То по ночам в седые травы / Сочится раною звезда»¹.

Общественный подъем послевоенного «восстановительного» периода поэт переживал как «праздник своей поэтической молодости»². В 1945 произошла встреча с поэтом П.Г. Антокольским, который одобрил первые опыты Н.И. Тряпкина и содействовал их публикации в журнале «Октябрь» (1946, № 11).

В послевоенной лирике Н.И. Тряпкина «Жизнь» (1945), «Выход» (1945), «Уже сданы клинки и ружья...» (1945), «Хаты в житных щитах, как извозчики в рыжих тулупах...» (1945), «Воскресенье» (1946), «Август зашумел» (1946), «Годовой отчет колхоза» (1946), «Горизонт» (1946), «За поемный терновник, пустивший в рост» (1946), «Может быть, из-за балки смолистой» (1946), «Начало» (1946), «Пред этим днем» (1946), «Песенка подростка» (1946), «Гост» (1946), «Утро» (1946), «Хозяин» (1946), «Когда вопрос о новой смете...» (1948), «Песнь о хлебе» (1948) тема войны переплетается с темой мира, весны, темы красоты родной земли (родины), послевоенного строительства, восстановления родного края (ключевые темы лирики поэта). Темы взаимосвязаны между собой и нередко соединены в пределах одного текста («Выход», 1945).

В послевоенные годы в стране продолжал господствовать культ личности Сталина («И где он – тот, чей край шинели / Мы целовали,

¹Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник ТвГУ. 2011. № 18. Вып 3. С. 55.

²Котельников В.А. Тряпкин Н.И. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь. В 3 т./под ред. Н.Н. Скотова. М.: ОЛМА-ПРЕСС ИНВКСТ, 2005. – Т. 3. П-Я. С. 519.

преклонясь? / Пошла в назем кремлевским елям / Его развенчанная власть»¹, – вспоминал об этом в своих стихах Н.И.Тряпкин), проводились кампании по борьбе с инакомыслием, подавлялась свобода слова. Жесткий контроль был установлен над всеми сферами жизни, в т. ч. над литературой. Произведения искусства рассматривались с идеологической позиции, иначе они относились к пустым, аполитичным и безыдейным. Об этом времени Тряпкин сказал так:

Не сумела злая тля меня сожрать,
 Не погиб я в этой гнусной яме.
 А теперь бы – только строчку дописать...
 Боже мой! Не расставайся с нами.
 И в жизни скудной сей
 Случаются просветы.
 Средь горелых пней
 Рождаются поэты².

«Автограф» (1981).

В 1953 году выходит сборник Н.И. Тряпкина «Первая борозда», редактором которого стал С.С. Наровчатов, поэт-фронтовик, который написал следующее: «...наше поколение лежало под пулями, оно лежит и под жестяными звездами, а теперь ему не находят места в издательских планах!» Волна дошла: после Совещания молодых в 1948 году поколение фронтовиков "легализовалось" в литературе, и именно Наровчатому было предложено (в ЦК комсомола) оздоровить издательскую программу»³.

По мнению Л. А. Аннинского, «Первая борозда» – исповедь сельского счетовода – фигура, довольно несерьезная рядом с комбайнерами, механизаторами и «пахарями послевоенной советской лирики» – фигура

¹ Тряпкин Н.И. Уж, видно тот нам выпал жребий: Стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С.65.

² Там же. С.208.

³ Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы» (2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url : http : // www. zavtra. День литературы»114/71.html. (дата обращения: 09.01.2013).

легкая, воздушная, вызывающая улыбку. Критик отмечает, что у Тряпкина в стихотворениях 1946 года, «"лежит со всех сторон... громкий мир". Три с лишним десятилетия спустя этот мир воспринимается уже как "греза", несущаяся "по звездной какой-то спирали". Можно почувствовать, что предложенный эпохой земшарный охват изначально не совпадает у Тряпкина с официально принятым. Не совпадает по содержанию. Но совпадает по объему. Лирическому герою надо, чтобы что-то "охватило" его». ...¹.

В 1960 гг. появляются такие стихотворения Тряпкина о войне как «В долинах пестрели» (1962), «Пускай же пестреют зацветшие злаки» (1962), «О том, как старели покосные травы» (1962), «Лето 1945-го» (1966), «Степан» (1966), «Не хватает грома для раската (1969) и др. Война представлена как трудный период, принесший огромный жизненный опыт, что подтверждается следующими строками: «О том, как старели покосные травы / И дом зарастал лебедой. / О том, как везли нас ночные составы / Под небом, зажженным войной. / Как прямо с путей грохотали зенитки / И пахла горелым земля. / И матери наши считали пожитки, / Делили пуки щавеля»² («О том, как старели покосные травы», 1962).

В 1965 году Н.И. Тряпкин пишет стихотворение «Как людей убивают?». Поэт отмечает, что явления войны как бы повторяются в мирной жизни («Только травы мне шепчут да колосья кивают, / Точно сами собой все друзья умирают»³). И, как следствие этого, замечает поэт

...как-то страшно снова, снова
Писать военные стихи⁴.

¹ Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы» (2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url : [http : // www. zavtra. День литературы>114/71.html](http://www.zavtra.День литературы>114/71.html). (Дата обращения: 09.01.2013).

² Тряпкин Н.И. Краснополье. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 44.

³ Тряпкин Н.И. Уж, видно тот нам выпал жребий: Стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С.87.

⁴ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит-ра, 1984. С.395.

Критик В.Г. Бондаренко видит в этом стихотворении готовый манифест русского народного пацифизма¹. Г.В. Шувалов считает, что это не совсем так, «не будь у Тряпкина проблем со здоровьем, он, несомненно, пошёл бы на войну». «Можно быть пацифистом, когда идёт братоубийственная или несправедливая захватническая война, но когда уничтожают твоих близких, твой народ, твою страну, быть пацифистом – значит быть или трусом, или предателем. Ни тем, ни другим Тряпкин не был. Главное здесь то, что поэт смотрит на землю глазами ребёнка. Он не может воевать, не может убивать, не потому, что он способен на убийство физически, а по детской своей сущности. С детским недоумением вопрошает Тряпкин: «Это что же? За что же мне милость такая?». Такой взгляд на мир роднит Н.И. Тряпкина с представителями «тихой лирики», разница только в том, что большинство из них в годы войны действительно были детьми, а Н.И. Тряпкину удалось сохранить детскую душу². По мнению Г.В. Шувалова, переосмысление Н.И. Тряпкиным военной темы было настоящим вызовом, ведь совсем ещё недавно убийство на войне считалось проявлением героизма, а жестокость по отношению к врагу считалось нормой³.

Ощущая себя поэтом от Бога и ясно понимая свое предназначение, Н.И. Тряпкин признавался себе и читателям, что лучшие строки его – строки о родине, это его главная тема. Поэта волновала судьба страны с ее крутыми поворотами и испытаниями, выпавшими на долю народа – Гражданской войной, коллективизацией, Великой Отечественной войной, послевоенными трудностями, разрухой, восстановлением хозяйства. Это спокойные мирные годы, последовавшие за Великой Победой, когда русские люди почувствовали себя счастливыми и показали всему миру, на

¹Бондаренко В. Г. Отверженный поэт // Бондаренко В.Г. Последние поэты империи / В.Г. Бондаренко. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 32.

²Шувалов Г. В. Родник, какому нет цены. // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино, 2010. С. 171.

³Там же.

что они способны¹. В ряде стихотворений тема красоты родной земли, Отечества раскрывается посредством осознания героем истинной ценности родины для человека:

За леса, поля и реки,
Горы злата и зерна –
Будь прославлена навеки,
Русь, родная сторона!
За красу твоих походов,
За добро твоих знамен –
Пусть поют тебя народы
За столами всех времен!
За дымок в родном становье,
За весенний гуд шмеля –
Для тебя мой стих сыновний,
Русь, отцовская земля! ².

«За леса, поля и реки» (1944).

Ряд стихотворений послевоенного времени («Хлопцы! Чин ли нам пешком ходить по девкам...», 1946; «Ай лю...», 1949; «Не забуду темную землянку», 1950; «Такие клеились дела», 1953; «Лето 1945-го», 1966; «Не хватает грома для раската, 1969) интересны тем, что в них звучит тема любви, иногда образ любимой, ее красота и очарование сравниваются с природными стихиями, явлениями:

Подняла ты к теплему восходу
Ясные да синие глаза –
И спустились лебеди на воды,
И набухли почками леса³.

«Не забуду темную землянку», 1950).

Однако и в этих стихотворениях ощущается отпечаток войны. Поэт, описывая чувства героя, обращается к военной лексике, создает образы, в основе которых лежат фронтовые реалии:

¹Рыжкова-Гришина Л.В. Свеча земли. Творческий путь Н.И. Тряпкина (1918–1999). – Рязань: Скрижали, 2012. С. 11.

²Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худ. лит., 1984. С. 25.

³Тряпкин Н.И. Первая борозда. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 5.

высь...»¹. Многие темы 70-80-х гг. получают новое звучание. Это – период «поздних постижений». Очевиден и другой взгляд на войну. Например, ощущение связи между войной и миром (стихотворения «Знакомое поле», 1970; «Пока и старые раненья», 1970, «Пролетарии всех стран!», 1971; «Хорошо всегда быть первым...», 1971; «За каким там холмом и заставою...», 1973).

В 1974 году в издательстве «Советский писатель» выходит поэтический сборник Н.И. Тряпкина «Жнива». Как пишет Р.М. Наппельбаум в своей рецензии «Ласкаю детские поверья земли моей» на этот сборник поэта, за строками стихотворений – тень Великой Отечественной войны. «Защищая социалистическую родину от фашистских расистов, советский народ с новой силой ощутил красоту родной земли, мудрость веками выработанных традиций, неповторимость национальных черт, наконец, ценность множащейся и развивающейся из поколения в поколение жизни. Поэтому и вплелись в стихотворение "Пролетарии всех стран" строки о крепости корней, о святости родного языка, о том, что «всякий будет ниц без отцовских пепелищ». Поэт взывает в своей книге о том, чтобы не повторилось пережитое им:

"Да будет так, чтобы за вихрем лет
Мой сын пришел к родительскому крову
И там старинный встретил бы привет.
А не бугор с кусточком вересковым /с. 37/
Хватит с нас горячих и холодных
Войн и вьюг! Доколе их терпеть?" /с. 76/

– восклицает он с той энергией протеста, которая столь свойственна его поэтическому облику.

Это стихи в защиту жизни тех сил, которые хотят ее остановить. Поэт защищает жизнь в своих жанровых стихах. Как об одном из лучших своих

¹ Бойников А. М. «...Родился я в сердце России». О творчестве нашего земляка, выдающегося русского поэта Николая Тряпкина // Литературная Тверь. № 104 (146) 26 – 31 декабря, 2003. С. 14.

дней он вспоминает о том, как военной весной, когда в деревне не было лошадей, он сам впрягся в плуг, чтобы все-таки, вопреки войне, вспахать землю, выполнить свой долг служения жизни. Эта тема, которая могла бы в стихотворении другого поэта звучать трагически, мрачно, здесь полна света и жизнерадостности. Поэт воспевает жизнь и в своих философических стихах о вечной смене поколений, о чередовании рождений и смертей, о "земной круговерти":

"И я, как сорванная льдина,
За глубиью глубь, за высью – высь.
И снова голосом Навина
Кричу всему: – Остановись!"» /с. 27/ ¹.

В другой рецензии на этот же сборник (автор – В.И. Мильков) говорится, что слово и чувство поэта проистекают из страны отцов и дедов. «И песенная повадка из того же далекого источника. Он ласкает своим воображением "детские поверья". В его стихах проходят образы былого. Но все это – в движении времени, в реальном ощущении перемен. Удивительно зримо и выразительно поэт схватил мгновение "земного предосеннего покоя". "Земная великая дрема!" Однако воображение автора не сковывает дремный покой. За покоем видится острее и пристальнее, как проносятся года – "Со скоростью глобальной". Глубже прослушивается стук зениток военной поры. И обостреннее ощущается ход времени:

А в небе – дикие раскаты
На сверхвозможных скоростях!
А мы с тобой еще солдаты
И только – в отпуске, в гостях.

Земная древняя замеска!
И ты держись все так же, брат,
За колья, острые до блеска,
И за винтовочный приклад»¹.

¹Напсельбаум Р.М. «Ласкаю детские поверья земли моей...». Н. Тряпкин. «Жнива». М.: Совет писатель, 1974. Рецензия. Машинопись. 1974.// РГАЛИ. ф. 3113 оп. 1 ед. хр. 18.

В лирике Н.И. Тряпкина в 80-е гг. изображаются отдельные эпизоды военной жизни («1945-й», 1984) или тема войны встречается в виде минимальных тем (отдельные лексемы, в том числе слово «война»: «Бабка», 1981; «Не с того, так с этого...», 1982; «А птички пели, птички пели...», 1984; «Стихи о кастальском источнике», 1987; «Я родился при Советской власти», 1987, «Ты прости меня, дед...», 1993).

В произведениях «Ты все мнишь себя, братец, каким-то солдатом» (1981), «Угасло время той молвы...» (1987) наблюдается попытка лирического героя понять смысл прошедшей войны: наступил мир, повзрослевшие ровесники Тряпкина иначе взглянули на произошедшее. В стихотворении «Из дальней и долгой разлуки» (1987) тема войны развивается как воспоминания героя. В целом стихам Н.И. Тряпкина о войне не свойственна сюжетность. При изображении войны отсутствует дневниковость, документальность.

В конце 1980-1990-х годов Н.И. Тряпкин отдаляется от военной тематики, однако из поздней лирики тема войны не исчезла. Война глубоко вошла в естество поэта, в его чувства и мысли, стала неизгладимой приметой возраста, характера судьбы, мировосприятия. В сборники «Уж, видно, тот нам выпал жребий» (2000), «Горящий Водолей» (2003) включены стихи о войне, но они другие. Публикуемые стихотворения Тряпкина отражают тему войны посредством темы памяти: памяти военных событий («Мой любимый, мой друг, мой хороший!», 1986; «Этот северный снег! Этот северный лес!», 1993), исторических событий («Песнь о великом походе», 1993), темы репрессий («Целый век мы прожили с ГУЛагом» (1993), судьбы военного поколения: («На все цветы и зарожденья», 1986), «Ты прости меня, дед...» (1993). Поэт стремился не только передать подробности памятных лет, но и отыскать их последствия

¹Тряпкин Н.И. «Жнива». Стихи. 1973-1974. Рецензенты: Мильков В.И, Цыбин В.Д. Редзаклучение: Семакина В.К. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 21 ед. хр. 1344.

в масштабе судеб самых близких ему людей, а также своей собственной. «С годами выявляется определяющий мотив творчества Николая Тряпкина – мотив Памяти. Памяти, несущей в себе тяжёлое, трагическое, надрывное... Память надвое рассечена рубежом, по одну сторону которого слышится “звон боевых копыт”»¹.

В позднем творчестве Н.И. Тряпкина усиливается стремление разобраться в ходе истории, наступает период прозрения. Тема войны показана несколько иначе: сюжетная тема в позднем творчестве автора вбирает в себя ряд ключевых тем: эпохи, судьбы страны, разочарования в идеологии, переосмысления прежних ценностей. Нет сталинизма, процветания идей фашизма, вины перед потомками, своим народом, того, что есть, к примеру, в творчестве А.П. Межирова или Д.С. Самойлова.

В 1993 году Н.И. Тряпкин написал стихотворение, в котором сделана попытка переосмысления всего того, что произошло с его поколением и с его страной. Возникают темы эпохи, исторического итога:

Послевоенные года
 Для многих были роковые.
 И все же снятся, как живые,
 Те небывалые года.
 Сиянье радостных антенн,
 И свежих срубов излученье,
 И ежегодное снижение
 Торговых цен,
 И тяжесть роковых потерь
 Мы так легко переносили!..
 Мы всё простили, всё забыли!..
 И это – главное теперь².

«Послевоенные года» (1993).

В ряде стихотворений поэта тревожит то, что к моменту окончания войны люди забудут свои корни. Авторское начало у Н.И. Тряпкина существует в противоречивом единстве со своеобразной «коллективностью» поэтического мироощущения. При ярко выраженном

¹Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград» // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино, 2010. С. 75.

²Тряпкин Н.И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 137.

«я» – личностном, авторском начале стихов, свойственном современной русской поэзии со времен допушкинского периода, – в стихах Н.И. Тряпкина зримо и незримо присутствует «мы». Тряпкинское «мы» – особенное. Поэт пишет не от лица поколения (как у поэтов-фронтовиков), а от лица вымирающей общности, состоящей из носителей патриархально-коллективного сознания¹.

5.2 Лирика Н.И. Тряпкина в контексте произведений о Великой Отечественной войне

В декабре 1946 года Н.И. Тряпкина вызвали на Первое Всесоюзное совещание молодых писателей, где он оказался среди таких прославленных поэтов, как А.П. Межиров и С.П. Гудзенко². Опираясь на ряд исследовательских работ, рассматривающих творчество А.П. Межирова и С.П. Гудзенко³, можно выделить общую черту в лирике этих поэтов и Н.И. Тряпкина – романтическая направленность творчества.

Эта черта была присуща поэтам фронтовой плеяды. Такая особенность была связана с тем, что поколение было воспитано на романтической поэзии 1920-х – начала 1930-х годов. Так о художественных пристрастиях своего поколения писал Гудзенко: «Все мы безоговорочно любили Маяковского, Хлебникова, Пастернака, Багрицкого, Тихонова, Блока»⁴.

¹ Псурцев Д.В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина). / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013).

² Тряпкин Н.И. О себе // Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ лит., 1989. С. 7.

³ Брыкина С.П. Творчество поэтов военного поколения (С. Орлов, Ю. Друнина, С. Гудзенко): автореф. дисс.канд. филол. наук. – М., 1971; Пьяных М. Ф. «Покой нам только снится...» (Заметки о романтических тенденциях в современной русской поэзии) // Звезда. 1979. № 2; Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в творчестве А. Межирова и С. Гудзенко // Филологическому семинару – 40 лет. – Смоленск, 2008. С. 266–276; Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова: дисс...канд. филол. наук. Смоленск, 2008.

⁴ Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова: дисс...канд. филол. наук. Смоленск. 2008. С. 268.

В творчестве поэтов-фронтовиков (А.П. Межирова, С.П. Гудзенко) романтическая традиция получила дальнейшее развитие и новое осмысление, что не раз отмечалось в работах критического и научного характера. В диссертационном исследовании В.В. Заманской сопоставлялось творчество поэтов-фронтовиков с поэзией Э.Г. Багрицкого, Вл. Луговского, Н.С. Тихонова, в том числе делался акцент на тяготении лирики А.П. Межирова и С.П. Гудзенко к данной традиции¹. В диссертации Е.В. Романовой «Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова» указывает на романтическую направленность лирики А.П. Межирова². На романтико-драматический характер поэзии Межирова указывал М.Ф. Пьяных³. Романтические тенденции у поэтов проявились в изображении лирического героя, в обращении к определенным поэтическим жанрам (в частности, к балладе), к блоковским ритмам⁴. Такая романтическая направленность характерна и для лирики Н.И. Тряпкина, поэта военного поколения: стихотворение «Песня о безногом солдате» (1953) содержит эпитаф из русской баллады («От павших твердынь / Порт-Артура»), ряд стихотворений поэта содержат эпитафы из произведений А.А. Блока («Русь», 1973 – "С одной думой непостижимой / Смотрю на твой спокойный лик"; в поэтическом сборнике Н.И. Тряпкина «Краснополье» один из его разделов открывается эпитафом из стихотворения Блока «На поле Куликовом»: " За Неправдой лебеди кричали, / И опять, опять они кричат"; стихотворение Н.И. Тряпкина «Эволюция» (1982), в котором поэт пишет о земной жизни и «людской истории» отсылает к творчеству Вс. Луговского («Я счастливый сын своей эпохи, / Мне дана стихов живая власть. Песня что? Лишь выдохи и вдохи, /

¹ Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова: дис... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. С. 268.

² Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в творчестве А. Межирова и С. Гудзенко // Филологическому семинару – 40 лет. Смоленск, 2008. С. 116–170, 266–276.

³ Пьяных М. Ф. «Покой нам только снится...» (Заметки о романтических тенденциях в современной русской поэзии) // Звезда. 1979. № 2.

⁴ Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова: дисс...канд. филол. наук. Смоленск, 2008. С. 268.

Но счастливой песне не пропасть».) Стихотворения «Две романтические оды» (1961) и «Романтическая ода» (1981) посвящены поэтам старой «Кузницы» – Всероссийскому обществу пролетарских писателей (поэзия В. Д. Александровского, С. А. Обрадовича, В. В. Казина, Н. Г. Полетаева, С. А. Родова, Мих. Волкова, Гр. Санникова, Мих. Герасимова). Эпиграф к стихотворению «Песнь о красных чайках» указывает на то, что поэзия Мих. Герасимова была для Н.И. Тряпкина ориентиром в осмыслении революционного прошлого страны: «Тракторами разума взроем/Рабских душ целину, / Звезды в ряды построим, / В вожжи впряжем Луну». Однако стихотворение Герасимова, из которого Тряпкин взял эпиграф к своему стихотворению, не было найдено. В то же время обнаружено стихотворение «Привет III Интернационалу», написанное в 20-е годы XX века Владимиром Кирилловым (1889–1937), в котором есть строки («Трактором разума взроем / Рабских душ целину, / Звезды в ряды построим, / В вожжи впряжем луну»¹), совпадающие с эпиграфом в стихотворении Тряпкина «Песнь о красных чайках». Очевидно, что допущена фактическая ошибка, но кем она допущена – поэтом, литературным редактором или издателем – сказать трудно.

Если Гудзенко в силу своего короткого творческого пути не выходит за рамки романтического отображения действительности², то Межиров и Тряпкин сохраняют романтическое мироощущение на протяжении всего творчества (часть стихотворений, в которых Тряпкин обращается к поэзии 1920–1930-х гг., написаны поэтом в 1960–1980-е гг.).

¹Кириллов В. Т. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. литер., 1970. С. 65–66.

² Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межилова.: дисс...канд. филол. наук. Смоленск, 2008. С. 269.

5.3. Поэтика и стилистическое своеобразие военной лирики

С целью получения объективных данных из стихотворных текстов были выбраны лексемы, входящие в семантическое поле (далее – СП) «война». Предметом исследования явились семантические (значимые) элементы произведений. Затем были рассмотрены контекстуальные значения лексемы война и некоторые наиболее яркие случаи употребления лексем, относящихся к СП «война» (см. приложение 2).

Был составлен список лексем, входящих в данное семантическое поле. При выборе частей речи использовался следующий принцип: сначала выписывались имена существительные, затем имена прилагательные и причастия, далее глаголы, деепричастия и наречия. Слова, относящиеся к заглавиям произведений, включены не были. Имена существительные, прилагательные и причастия даны в форме И.П. ед.ч. В скобках указывается частотность употребления данных лексем в анализируемых текстах (причем однократное употребление лексемы цифрой не обозначается).

Для получения объективных данных представляется целесообразным опираться на количественные показатели. При этом наиболее частотными лексемами являются лексемы «война», «солдат» (лексемы встречаются в каждом втором из 112 проанализированных стихотворений поэта), «огонь». Приведенные количественные показатели указывают на преобладание минимальной темы «война» в анализируемых текстах.

В стихотворениях Н.И. Тряпкина война имеет прямое значение во всех случаях: «Война прошла, война сняла / Три добрых четверти села»¹(«Воскресенье», 1946), «Может быть, тогда уж на свете – / Ни штыков нигде, ни войны, / И на пушечном на лафете / Станет мама сушить

¹Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит. , 1984.С. 35.

новины»¹ («Унесут меня в бесконечность, 1957), «И открывалась на ходу / Любая глубина, / Поскольку в мире в том году / Закончилась война»² («Я припадал к началам рек», 1965), «И вновь приходят извещения / О дальних грохотах войны»³ («Пока и старые раненья», 1970), «Это было ведь, ребята, на втором году войны / Это было в нашем поле, после зимки фронтовой... / Ни боев, ни фрицев боле, и скворцы над головой. / Солнце жарит. Время сева. Значит, радость и подъем. / А война уже – за Ржевом, а в полях уже – назем»⁵ («Рассказ про одну посеvную», 1971).

В поздней лирике лексема война также встречается в прямом значении. Например, в стихотворении «Угасло время той молвы» (1987) («И не спалила та война / Ни гор земных, ни плоскогорий...»⁴). Следует отметить, что контекстуальные значения, отличные от словарных, у лексем, входящих в СП «война», редки.

В качестве ведущей военной тема представлена в небольшом количестве стихотворений: «Сколько трав под чужими подковами!» (1944), «Зимний вечер» (1945), «Старый погост» (1945), «Распутица» (1945), «Песня о безногом солдате» (1957), «Ты все мнишь себя, братец, каким-то солдатом» (1981), «Алексею-воину» (1981), «Ах, если бы...» (1981), «1945» (1984), «Угасло время той молвы» (1986).

Также развитие комплекса всех тем, связанных с военной проблематикой, можно проследить на уровне ИС, антропонимов и топонимов.

ИС: Адольф Гитлер («Годовой отчет колхоза», 1946), генерал Паулюс («Подъезжают казаки», 1944), в стихотворении «История» (1965)

упоминается один из концентрационных лагерей на территории Германии – Бухенвальд.

¹Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 152.

²Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940 – 1982). М.: Современник, 1983. С.120.

³Тряпкин Н.И. Уж, видно тот нам выпал жребий: Стихотворения. М.: Русская книга, 2000.

⁴Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Тряпкин Н.И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 8.

Антропонимы. Количественный состав антропонимов – 4 единицы и 7 словоупотреблений. Цель использования именованных – назвать конкретных героев, запечатлеть их подвиги, сохранить память о них для потомков.

Н.И. Тряпкиным используются типичные имена для того времени: Алексей, Степан, солдатка Клава. Все герои, проименованные автором, близки и дороги ему. «Уходил ты, Стенька, на войну, / А с тобою – вся твоя эпоха», – пишет Н.И. Тряпкин в стихотворении «Степан» (1966). Имя Степан, древнегреческое по происхождению со значением «венок»¹, было типично для крестьянского мира. В контексте стихотворения Н.И. Тряпкин использует прием многократного повтора имени главного героя стихотворения, что помогает закреплять образ героя в сознании читателя.

Реальность действующих лиц в военных стихах может подчеркиваться эпиграфами, в которых представлены выдержки из газет, различные документальные цитаты. Например, у А.Т.Твардовского стихотворение «Трое» (1941) имеет в качестве эпиграфа следующие строки: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 года присвоено звание Героя Советского Союза командиру звена младшему лейтенанту Жукову М.И., летчику младшему лейтенанту Харитонову П.Т.». В творчестве Н.И. Тряпкина подобных эпиграфов нет.

Контекстуальная значимость антропонимов может подчеркиваться их вынесением в сильную позицию текста – заглавие. Имея определенную заданность, заглавия несут в себе первичную информацию: они призваны ориентировать читателя в пространственно-временном плане художественного текста, указывать на главное действующее лицо, отражать основную идею произведения². Данное текстообразующее средство играет существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в

¹Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 205.

² Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Смоленск: Смядынь, 2010. С. 60.

произведении образов и идей¹.

В военной лирике Н.И. Тряпкина названия, представляющие собой полную форму имени героя, его фамилию, профессию, воинское звание (как, например, у А.Т. Твардовского – «Григорий Пулькин» (1940), «Сержант Василий Мысенков» (1941), «Иван Громак» (1943)² используются нечасто («Возвращение Разина», 1945; «Степан», 1966; «Алексею-воину», 1981). Все имена имеют много разговорных форм, но автор использует только полные, тем самым подчеркивается значимость героя-солдата, уважительное отношение к нему.

В произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, модель фамилия называет известных исторических деятелей Великой Отечественной войны: маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский. Это любимые народные герои, люди, которые «писали» историю. В стихотворениях Н.И. Тряпкина фамилии советских военачальников не называются. В то же время упоминаются фамилии немецких командующих: А. Гитлера («Гитлер читает стихи Гейне», 1946; «Годовой отчет колхоза», 1946) и Ф. Паулюса («Песня казачьей дивизии», 1943), использование которых носит обличительный, сатирический характер: «Пистолеты на боку, / С Паулюса снятые. / Пистолеты на боку – / С разрывной приправою...»³.

Так, через имена собственные, в частности антропонимы, подчеркивается роль отдельной личности в историческом процессе. Победа – заслуга простых солдат. Обращая внимание на отдельные лица, поэт с помощью антропонимов подчеркивает их самобытность, добивается обобщения, типизации персонажа.

По сравнению с антропонимами в количественном выражении

¹Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Наука, 1973. С. 23.

²Королева И.А. Дороги войны в лирике А. Твардовского через призму имен собственных // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2. С. 39.

³Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 23.

топонимы военной лирики Н.И. Тряпкина – это многочисленный разряд ИС: 18 единиц, 27 словоупотреблений.

Среди топонимов преобладают макротопонимы, названия крупных географических объектов как на территории Советского Союза, так и в Европе: Брест, Кострома, Ржев, Псков, Хатынь, Дон; Варшава, Прага, Париж. Микротопонимы немногочисленны: Ельня, Зубцов. Наиболее частотны топонимы Москва (4 употребления), Сталинград (3), Берлин (3).

Топонимы называют:

- города, где проходили военные действия: Ржев, Сталинград, Ельня;
- страны-противники: оппозиция Россия – Германия, Москва – Берлин;
- направления: Запад, Восток;
- части света: Европа;
- края: Карпаты, Печерский край, Уральские горы, Сибирские степи;
- реки и их части: Волга, Дон, Дунай, Вислаи др.

Со многими географическими названиями связаны военные события: «Развела нас, бурная моряна, / Черная бомбежка и война. / Может, там, за Вислой, под курганом, / Никакая весть уж не слышна» («Иль не мы с врагами воевали...», 1962); «И совсем удивляться не надо, / Что на Волге распалился лед. / Ибо солнце, как шлем Сталинграда, / Над великой рекою встает» («Пусть метель засыпает ложбины», 1943).

Ключевые топонимы оппозиции – Москва/Берлин, столицы воюющих государств.

Москва – мать городов русских – центр Родины, город, на защиту которого был готов встать каждый русский человек, т. к. «И гремели под нами камни, Грохотал и рычал грузовик. / И горели пути отступленья, / Устремляясь к Москве напрямик»¹ («Где-то звонко стучали зенитки», 1971). В стихотворении «Эй, славяне, славяне!» (1960) возникает

¹Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 436.

обобщенный образ Москвы – столицы великой державы: «Слушай, Дон и Морава, / Слушай, Курск и Варшава, / Голос красной Москвы!..»¹.

В военной лирике Тряпкина как одна из центральных тем проходит тема дороги: «И день и ночь сновали здесь воронки / Горючей пыли, резавшей глаза, / И прыгали солдатские трехтонки, / И топала солдатская кирза. / Гремел большак, не ведая забвенья, / Во всю кадрилиль булыжин и торцов. / Тогда он шел в одном лишь направлении: / Туда – на Брест, на Ржев и на Зубцов»² («Дорога», 1979).

Тема дороги проходит в стихотворениях: «Распутица» (1945) («Ты с героем – благодарный гражданин – / Будешь чокаться: «Как служба? Где бывал? / Не вместях ли брали Прагу и Берлин?»), «Песня о безногом солдате» (1953) («И тут же герой Сталинграда»), «Унесут меня в бесконечность» (1957) («Ой, далёко, очень далёко / Наше поле и город Зубцов!»), «Песня» (1958) («Мы ходили в бой огромный / И под Ельней и Москвой»), «Не хватает грома для раската» (1969) («И не все ли Шипки и Карпаты / Уходили травами в народ? / И прошли, протопали солдаты / Через душу всю – из рода в род»), «Рассказ про одну посеvную» (1971) («Солнце жарит. Время сева. Значит, радость и подъем. / А война уже – за Ржевом, а в полях уже – назем»), «Узкие русла, крутые обрывы» (1981) («Эй, далеко ли отсюда до Пскова? / Где там пути на Хатынь?»). Дороги войны показываются через упоминание названий реальных географических объектов, позволяющих воспроизвести карту военных событий, карту горьких поражений и великих побед.

Интересно то, что в военной лирике Тряпкин, равно как и Твардовский³, никогда не использует в стихах название Советский Союз – только Родина, Россия, Отчизна, Русь. В то время как в других стихотворениях Тряпкина именование Советский Союз встречается («За

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 191.

² Там же. С. 498.

³ Королева И.А. Дороги войны в лирике А. Твардовского через призму имен собственных // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2. С. 40.

великий Советский Союз!»¹, «И герб Советского Союза / Мы с новой страстью утвердим»². Так поэты хотят подчеркнуть историчность, древность государства: у Твардовского – «У каждого свой дом, свой сад, свой брат / любимый, / А родина у всех у нас одна» («Земляку», 1942), «И ты была в огне жива, / В войне права Россия» («Огонь», 1943), «И места нет пощаде, / И не у нас ее проси <... > Проси у тех, чьи на Руси / Сгубил невинно души» («Возмездие», 1944); У Тряпкина – «Еду в край, где немцы-гады, / Целясь в Родину мою, / Шлют торпедные снаряды / Чрез балтийскую струю» («Новобранец», 1942), «Будь прославлена навеки, / Русь, родная сторона!» («За леса, поля и реки, 1944»), «Немцу ль щупать наших о'куней в затоне? / Аль нам, хлопцы, тесаки не по ладони? / Али слабы д-наши кони вороные? / Тесно ль в полюшке на волюшке в России?» («Песня казачьей дивизии 1943 года», 1944), «Только жарок твой щит, моя Родина, / Под высокими стягами Дня» («Сколько трав под чужими подковами!», 1944), «Страна родная! Русская страна! / Поплачь на эти свежие курганы» («Старый погост», 1945).

Итак, анализ произведений Н.И. Тряпкина, отражающих период Великой Отечественной войны, способствует формированию патриотического чувства, а также собственной ответственности поэта за настоящее и будущее страны.

Выводы по третьей главе

В третьей главе предпринята попытка проанализировать функции исторического материала в поэтике писателя. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие выводы:

1. В художественной системе Н.И. Тряпкина используются различные принципы реалистической типизации через глубокое понимание и

¹ Тряпкин Н.И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 348.

² Там же. С. 342.

новаторское осмысление исторических ситуаций. Поэт подходит к изображению конкретной исторической эпохи через уровень сознания и особенности мировоззрения человека. Поэтическая мысль Тряпкина приобретает дополнительную весомость и глубину в силу того, что обобщает широкий круг исторических фактов жизни.

2. Текстовое ассоциативно-семантическое поле «Семья» в творчестве Тряпкина связано с общеязыковым воплощением одноименного поля, однако не только образные, но и общеязыковые единицы этого поля трансформируются в авторском тексте за счет расширения ассоциативных связей и изменения семантических составляющих лексем, определяющих характер формирования смыслов в художественном тексте.

Как прозаизация, эпический способ отображения действительности проявляется в текстах Тряпкина образ отца. В развитии темы отца особое значение приобретает наследие народного творчества. Образ одного из родителей в целом остается в сфере традиционных поэтических форм.

Предки женского пола – мать и бабушка, – ставшие предметом поэтических размышлений Тряпкина, являются наиболее частотными поэтическими образами.

3. Н.И. Тряпкин превосходно знал величайшие памятники древней отечественной словесности, воспринимал наследие русской литературной старины как единое целое, имеющее несомненную ценность. В ряде его стихотворных произведений были художественно переосмыслены традиции древнерусских текстов. Отдельные их канонические черты поэт сохранял, но в целом использовал старую жанровую форму, вкладывая в нее новое содержание, соединял лирические стихотворения с отдельными наиболее характерными, узнаваемыми элементами древнерусских текстов. Воспроизводя устоявшиеся образы древнерусской литературы, в своих стихотворениях поэт наполняет их особым смыслом, нередко связанным с личными, интимными переживаниями.

4. **Обращение к библейским образам и мотивам дает возможность Тряпкину поэтически**

5. Тема войны представлена в большей степени различным лексическим выражением семантического поля «война». В большинстве стихотворений военная лексика встречается в прямом значении: война – тяжелое испытание, которое выпало на долю всего народа. Анализ антропонимов военной лирики Н.И. Тряпкина позволяет говорить о том, что

а) имена героев называют простых людей и являются социально маркированными;

б) не встречаются отчества героев войны, так как изображаются военные события, основными действующими лицами которых являются солдаты, которых называть по имени-отчеству было не принято;

в) антропонимы, выносимые автором в заглавие произведения, в рамках одного стихотворения являются контекстуально значимыми;

г) военные стихотворения Тряпкина стали своеобразными поэтическими монументами, увековечившими память о защитниках Родины.

Глава 4. Поэзия Н.И. Тряпкина в контексте его литературных связей: типологические схождения и генетическая общность

§ 1. Инокультурный код в художественном мире Н.И. Тряпкина

Язык любого литературного произведения – это код, знание которого требуется для глубинного понимания замысла автора. Под кодом понимается система образов, относящаяся к какой-либо культурной области, а также артефакты культуры, выступающие в знаковой функции¹. В параграфе анализируются особенности художественного поиска Тряпкина, такие малоизвестные или скупом рассмотренные в литературоведении вопросы, как «Тряпкин и Гете», «Тряпкин и Уэллс».

Анализ поэтических текстов Н.И. Тряпкина показал, что «чужая» смысловая позиция, демонстрирующая другой тип сознания, проявляется в лирике через интертекст, отсылает к той или иной культурной парадигме, присутствует в сознании и тексте автора в качестве культурных кодов. В связи с этим анализ диалогических отношений в поэтических текстах Тряпкина предполагает выявление и систематизацию поэтических кодов, использованных автором; определение типа диалогических отношений (интертекстуальность); рассмотрение кодов как выражение определенных смысловых позиций, демонстрирующих те или иные культурные парадигмы, в диалоге с которыми рождается новый смысл (поэтический текст).

Многочисленным культурным влияниям Н.И. Тряпкин подвержен на протяжении всего литературного пути: «Из страны варяг да прямо в греки / Снова путь прокладывая нам» («Ивняковый, травяной, долинный», 1961),

¹Дукальская И. В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурологического кода «артефакты»: дисс....канд. филол. наук. Самара, 2009. С. 24.

«И гремит петух, как новый Верди» («За моей деревней – изгородка», 1966), «Пускай на полке у тебя – Гомеры и Вольтеры» («А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры...», 1970), «О северный Мардук / На крутизне отвесной! / Не твой ли это вдруг / Зажжется круг небесный?» («Идол», 1980). В связи с этим тексты Тряпкина интересны как своеобразная мастерская, выдающая принципы обработки поэтом нового литературного материала, демонстрирующая в итоге те поэтические ориентиры, которые оказались необходимы поэту.

Важным моментом поэтического самоопределения Тряпкина стало знакомство с трагедией Гете «Фауст», которое привело поэта к осознанию себя в контексте немецкой поэтической традиции и позволило в своем творчестве соединить немецкое с русским. Так, в 1957 году Тряпкин создает стихотворение «Фауст», которому предпосылает эпиграф из трагедии Гете: «Кто ж из гробницы / Тело унес?»¹ У Гете:

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облачён Христос, –
Кто ж из гробницы
Тело унёс?².

«Фауст» (1957).

Н.И. Тряпкин, цитируя строки Гете, ощущает себя продолжателем не только традиции, но и миссии поэта – «пилигрима», в своих стихах способного постичь истину («Фауст» – драма познания).

Одна из центральных фигур – Мефистофель, названный в стихотворении «другом людей».

¹Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурологического кода «артефакты»: дисс...канд. филол. наук. Самара, 2009. С. 146.

²Гете И. В. Фауст / перев. Н. Холодковского. Петрозаводск: Карелия, 1975. С. 28.

В трагедии И. Гете, по мысли Ф. П. Федорова, Мефистофель – лицо не совсем самостоятельное, это своеобразное изображение одной из сторон творческого начала души, ее сомневающейся и отрицающей силы¹, в то время как Фауст – воплощение созидательных сил человечества (в исследовательских работах эти образы рассматриваются в неразрывном единстве).

Неотделимы друг от друга лирический герой Н.И. Тряпкина и Мефистофель:

За мной, Мефистофель!
За мной, мой соенок!
Мне радостен звон
Твоего бубенца².

«Фауст» (1957).

Однако композиция стихотворения раскрывает борьбу противоположностей в плане живого, постоянно меняющегося ассиметричного противоречия. У Гете, с точки зрения Мефистофеля, изначальной стихией мира была тьма, свет есть лишь порождение тьмы: «Когда придет конец мира и все подвергнется разрушению, снова воцарится тьма»³. Лирический герой Н.И. Тряпкина утверждает, что в основе мироздания лежит свет (глагол «светает» в начале стихотворения повторяется три раза), который способен проникнуть в глубинную сущность вещей:

Эй, Космос!
Ты вечен и темен,
А я к темноте не привык.
Даю тебе свет моих домен
И лучших поэтов язык⁴.

«Фауст» (1957).

¹Федоров Ф. П. «Фауст» Гете. Рига: Эвайгне, 1976. С. 29.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 148.

³Аникст А. А. «Фауст» Гете: лит коммент. М.: Просвещение, 1979. С. 114.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 148.

Известно, что образ Космоса в лирике Н.И. Тряпкина является одним из наиболее частотных. Значительность «космических стихотворений» первым отметил В. В. Кожин, о «всемирности» мышления писал С.С. Куняев. «Художественный мир Н.И. Тряпкина – это отнюдь не мир крестьянской избы, не мир России или Евразии, хотя, безусловно, в нём есть вышеназванное. Это космос, Вселенная, явленная неотделимо от человека и его бытия...»¹. В данном тексте Вселенная неотделима от человеческой любви:

Любви человеческой! Вселенная ждет!
Зари человеческой Вселенная ждет! <...>
Гудка молодого Вселенная ждет!²

«Фауст» (1957).

Усвоение Н.И. Тряпкиным английской литературной традиции XX века связано с именем Г. Уэллса, которому поэт посвятил «Стихи о марсианах» (1977–1981). Речь идет о романе Уэллса «Война миров», в котором говорится о вторжении марсиан на Землю. Писатель ведет свое повествование в форме научного отчета, окрашенного эмоциями рассказчика, который сообщает не только о своих выводах, но и о ходе наблюдений, и об обстоятельствах, при которых они сделаны. Уэллс предвидит самые различные последствия вторжения марсиан на Землю, включая изменения людской психологии, земной флоры и т. д. Автор считает, что человечество оказалось на краю гибели потому, что оно было разобщено, закоснело в своих предрассудках, отстало в развитии технических и научных знаний. Более глубоко та же мысль раскрывается

¹ Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 109.

² Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 148.

писателем через обобщенный образ марсиан. В этих фантастических существах воплотились тенденции современного собственнического общества¹.

Каковы пределы человеческой власти над природой и власти природы над человеком, к какой конечной цели стремится человек – вот проблемы, поставленные Тряпкиным в «Стихах о марсианах»:

Через город везут ракету, через город везут ракету.
И не стало в городе свету, и ступила нога в мазут.
Через город везут ракету, и не стало в городе свету,
И земля провалилась в пропасть, а ракету везут, везут².

Поэт – не безразличный наблюдатель, а повествующий о происходящем в современной действительности, размышляющий о последствиях научно-технического прогресса. Увеличение объема знаний и развитие технологии значительно расширили возможности человека. Но этот прогресс отнюдь не гарантирует успешную адаптацию человека к быстро изменившимся условиям жизни: «А в глазах прозяла Вечность, неподвластная мне, поэту, / И не стало в городе свету. И ступила нога в мазут» – это не результат вмешательства какой-то посторонней силы (марсиан) («И земля и вода в океане / Уходили в золу и хламье. / Точно с неба пришли марсиане / И проделали дело свое»)³, а следствие внутренней противоречивости и слабости современного общества:

Грохочет ракета, уходит ракета
Средь дыма и света, средь грома и света –
И сердцу невмочь!..⁴

«Стихи о марсианах» (1977–1981).

¹Любимова А. Ф. Проблематика и поэтика романов Г. Уэллса 1990–1940-х годов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.

²Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М: Русская книга, 2004. С. 194.

³Там же.

⁴ Там же.

Тряпкин, почти ровесник Советской власти, является свидетелем почти столетней деятельности человека. Созданию стихотворения способствовало возникшее было в сознании поэта психологическое напряжение, которое вызвано, с одной стороны, воскрешением ситуации изменения жизненных перспектив и среды обитания человека, с другой – практической невозможностью чем-либо помешать этому изменению:

И в каком еще вскрикнут тумане
Эти песни, что нынче пою?..
Уходили к себе марсиане
И жевали резинку свою¹.

«Стихи о марсианах» (1977–1981).

При рассмотрении поэтического текста большое значение имеет его связь с фольклорной традицией. И.Н. Кошелева, анализируя лирику Н.И. Тряпкина с точки зрения способов реализации фольклорной цитаты в тексте, считает, что в текстах, трансформирующих фольклорную традицию, авторская воля проявляется в столкновении фольклорной и литературной художественных систем, внося в текст динамический элемент. Динамика формы может выражаться на уровне взаимодействия прецедентных знаков в пределах одного произведения. Тряпкин зачастую сталкивает прецедентные знаки разных культурных традиций: русского фольклора и мировой мифологии, славянской мифологии, мировой литературы и русской литературы в самых разных модификациях². Например, в стихотворении «Ах, речка моя! Ах, лодка моя!» (1984):

Над строчкой моей горит Водолей,
Восходы плывут и закаты.

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2004. С. 194.

² Кошелева И.Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс... канд...филол. наук. Бийск. 2005. С. 30.

Ах, муза, вперед! Вон тучка встает.
А тучка – перо Гайаваты¹.

В стихотворениях Н.И. Тряпкина образ Гайавата встречается трижды. Известно, что Гайавата – «в мифологии ирокезов легендарный вождь и пророк <...> Согласно мифам, Гайавата выступал против родовых усобиц племени Онондава, из-за чего ему приходилось преодолевать сопротивление злого божества людоеда Атотархо»². Гайавата обладает сверхчеловеческими качествами, совершает благородные поступки, отважно вступает в битвы, которые обязательно выигрывает³. Мифы о Гайавате легли в основу поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате», которую на русский язык перевел И.А. Бунин в 1896–1903 гг.

Стихотворение Тряпкина «Белая тучка» (1966) посвящено Станиславе Суплатович, польской революционерке.

В 1907 году Первая русская революция закончилась поражением. Десятки мятежников, на японские и английские деньги потрясавших основы тысячелетней русской монархии, оказались в сибирской ссылке. Среди них – польская аристократка Станислава Суплатович, мечтавшая о независимости родной Польши. Вопреки ожиданиям, молодой женщине удалось бежать из ссылки, перебравшись через Берингов пролив – сначала в Аляску, а потом – в Канаду, где её подобрали индейцы-кочевники. У индейцев Станислава быстро освоилась. Жизнь на лоне природы способствовала переоценке ценностей. Она влюбилась в молодого вождя племени по имени Высокий Орёл и вскоре уже была матерью троих детей - двух сыновей и дочери⁴. В образе Высокого Орла у Тряпкина выступает Гайавата, вождь коренных жителей Северной Америки.

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1989. С. 415.

² Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2- тт. / глав. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия. 2000. Т. 1. С. 261.

³ Никонов А.А. Песнь о Гайавате в оркестровке сейсмолога // Природа. 2013. №11. С. 53.

⁴ Внуков Н. А. Слушайте песню перьев. Л.: Дет. лит., 1974. 1

В стихотворении соединяются три времени: мифологическое, историческое и «предстоящее», в котором у свободолюбивой польки Белой Тучки и непреклонного вождя Высокого Орла родится сын. Как и полагается героическому персонажу, Гайавата обладает положительными качествами вождя, это романтический герой, романтизированы и отношения между Гайаватой и его женой:

Пусть кругом ни души,
 А в пустынях колдует туман.
 Путь тебя он забьет,
 Заморочит –
 и бросит куда-то.
 Но с тобою - весна.
 А вверху –
 лебедей караван,
 А в пустыне – скала.
 А на ней тебя ждет
 Гайавата.
 Он увидит тебя –
 Молодой пробудившийся вождь.
 И, поднявши тебя,
 Зашагает тропами лесными...¹.

«Белая тучка» (1966).

Образ Клааса в стихотворении «Не проглядим лихого часа...» (1972) отсылает к «Легенде об Уленшпигеле» (1867) Шарля Де Костера (1827–1879). В романе бельгийского писателя рассказывается о борьбе гёзов, нидерландских патриотов, с испанскими захватчиками. Юный Тиль становится гёзом после того, как испанская инквизиция сожгла его отца – Клааса. На следующий день после гибели Клааса его вдова и сын поднимаются на выгоревший костер и берут немного пепла с места казни. Дома мать Тиля из черного и красного кусочков ткани шьет мешочек, наполняет его прахом казненного и вешает на шею сыну со словами: «Пусть этот пепел, который был сердцем моего мужа, в красном, подобном его крови, и в черном, подобном нашей скорби, будет вечно на твоей груди, как пламя мести его палачам». Частица праха отца дает Тиллю силу

¹ Тряпкин Н.И. Избранное. Стихотворения. М.: Худ. лит.-ра. 1984. С. 340.

бороться с врагами за свободу родной Фландрии. Всякий раз перед ответственным шагом он повторяет: «Пепел Клааса стучит в мое сердце»¹. В стихотворении Тряпкина образ Клааса служит напоминанием о погибших и призывом к их отмщению:

Да призовем все силы света!
Да расточим все силы сна!
Ужели ты, моя планета,

Убийцам будешь отдана? <...>
Довольно дьявольского пляса
И свиста горестных раки...
Пусть пепел вечного Клааса
Повсюду в сердце нам стучит².

«Белая тучка» (1966).

Таким образом, в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина нашли воплощение многие идеи культуры XX века. Представляя историю человечества, истоки и эталон мировой культуры, составляющей космос поэта наряду с образами времен года, северной природы, Тверской земли, инокультурный код способствует расширению конкретной поэтической темы, будь то изображение деревенского уклада, природы, судьбы, мыслей и чувств современного человека. Стилистические функции европейских реминисценций многообразны. В соединении с современным поэтическим языком, разговорной лексикой они образуют всевозможные столкновения смыслов, богатство эмоциональных оттенков.

§ 2. Античная культура в поэтической интерпретации Н.И. Тряпкина

В поэзии Н.И. Тряпкина образы и мотивы, связанные с греко-римской античностью, встречаются наряду с единичными образами из других

¹ Андреев Л. Г. Сто лет бельгийской литературе. М.: Изда-во Московского университета. 1967. С. 90.

² Тряпкин Н.И. Избранное. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 448.

культур (вавилонской, кельтской, тибетской, английской, испанской, итальянской, древнееврейской, среднеазиатской и др.), но распространены гораздо более широко. Обращение Н.И. Тряпкина к античным образам уже отмечалось в литературе. Так, при рассмотрении сказочных аллюзий в лирике поэта А. А. Михайлов указывает на близость сказочной фольклорной традиции и античной мифологии¹, Е. Лебедев, анализируя стихотворение «Не весна ль тому виновница» (1957), трактует образ пчелы («Ой, летала пчелка ярая / За далекие моря. / Отмыкала лето красное / (Что за ключик золотой!), / Выпускала солнце ясное / Над родимой стороной»), прибегая к сопоставлению древнерусской и античной традиций². В связи с этим представляет интерес изучение античных образов, встречающихся в лирике Тряпкина: рассмотрение их содержания и стилистических функций, а также исследование античных реминисценций. Под реминисценциями понимается осознанное художественное обращение поэта к существующему тексту, который узнается и выражается на лексическом уровне следующим образом: цитаты или их пересказ, названия произведений, имена персонажей, нередко превращенные в символ, «мифемы», события, которые могут выступать как изобразительное средство, черты и характеры героев³.

Одним из самых «древнегреческих» стихотворений Н.И. Тряпкина можно назвать стихотворение «Где-то есть космодромы» (1966). Подразумеваемая конкретика поэтической музыки, к которой стремился поэт, позволила ему представить великую древнегреческую богиню Гею, которая покровительствует «детишкам», чья жизнь будет связана с научными изысканиями:

¹ Михайлов А. А. Быль и сказка // Молодая гвардия. 1971. № 8. С. 308.

² Лебедев Е. «И никогда земле не лги». Штрихи к портрету Николая Тряпкина // Литературная газета. 1987. 26 августа. № 35. С. 5.

³ Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.

И старушки в очках, те, что учат по книжкам,
 Говорят из-за парты вскочившим детишкам:
 А все это Земля, мол, великая Гея,
 Посылает на небо огонь Прометея –
 Эти грозные стрелы из грома и света...
 Успокойтесь, родные.
 И помните это¹.

Как отмечает В.А. Котельников в статье «Перуново древо поэта», в разные периоды творчества у Н.И. Тряпкина обостряется интерес к тому разряду тем, которые ранее назывались «глобальными» и сделались эмблемами современности. Автор подчеркивает, что общий взгляд Н.И. Тряпкина на XX век, мир, чреватый катастрофами, ясен – это взгляд поэта, отстаивающего гуманистические идеалы, с тревогой задумывающегося над судьбой человечества, над последствиями развития «технократической» цивилизации. Но способы выражения этого взгляда в стихах поэта иногда противоречат его художественной системе. Дело в том, отмечает исследователь, что представления Н.И. Тряпкина обо всех «глобальных» явлениях и «знамениях» века иногда носят – особенно в сравнении с его «домашним» кругозором, где все освоено, обдуманно и пережито, – отвлеченный, умозрительный характер. Некие силуэты узнаваемых, но далеких, за привычным для поэта горизонтом находящихся предметов. Возникающие из таких представлений образы получаются какими-то контурными и в лучшем случае «общелитературными», как ни изобретателен и богат фантазией был их создатель². Исследователь особо выделил в стихотворении «Где-то есть космодромы» описание ракет:

Улетают с земли эти странные храмы.
 Эти грозные стрелы из дыма и звука,
 Что спускаются кем-то с какого-то лука
 И вонзаются прямо в колпак мирозданья...³

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 146.

²Котельников В. А. Перуново древо поэта // Литературная учеба. 1985. № 5. С. 146.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 146.

В то же время указанные имена соединяются в тривиальную аллегорию: мечет в небо жителей огонь разума человек-Прометей. Эта аллегория принадлежит не только «старушкам», но и самому поэту, увидевшему в ракетах «странные храмы», которым сопутствует представление о божестве; «всесветные громы» и «грозные стрелы» неизбежно приводят к следующему звену ассоциативного ряда – к громовержцу Зевсу, от которого недалеко до богоборца Прометея:

Хорошо воспевать старика Прометея
 И развенчивать Зевсов престиж:
 За плитою воркует жена Пелагея,
 За печуркою бегают мышь.
 Тот старик Прометей над любым уже бесом
 Торжествует во веки веков.
 И не страшно поспорить со старым Зевесом:
 Он давно уж не мечет громов¹.

«Стихи о собаьем наследии» (1961-1973).

Об увлеченности Н. И. Тряпкина античностью и начитанности в области древнегреческой мифологии и литературы свидетельствует его стихотворения «Ода к морю» (1981). Это одно из лучших, энергичных, ритмически глубоких стихотворений поэта, свободное по речевой организации произведение² начинается с эпиграфа «"Талатта! Талатта!"» (из древних греков)», что означает возглас при надежде на близкий успех, удачу (намек на возглас 10 000 греков, после знаменитого отступления увидевших Эвксинский понт, т. е. Черное море).

Известно, что после смерти Дария II его сыновья Артаксеркс и Кир (младший) начали междоусобную борьбу. Спарта выступила на стороне Кира и способствовала вербовке греческих наемников для этой борьбы. Было завербовано 13 000 греков, которых Кир двинул против старшего брата, усилив их отрядом персов. В 401 году до н. э. произошел бой

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 170.

²Архангельский А. А. На песенном истоке // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 53.

недалеко от Вавилона. Кир был убит, а его малоазийское войско перешло на сторону Артаксеркса. Однако, не сломив сопротивления греков в открытом бою, персы заманили для переговоров в свой лагерь пять лучших командиров и убили их, думая этим дезорганизовать греческое войско. Но греки выбрали новых командиров, в числе которых был будущий историк Ксенофонт, и решили отступить на север через Колхиду по Черноморскому побережью. Достигнув Колхиды, греки, при виде моря, подняли крик: «Таласса, Таласса!» (что обозначает море)¹. Н.И. Тряпкин чутко уловил хоровой, фольклорный греческий мотив и отразил его в своем произведении, жанр которого определил в заглавии стихотворения. Ода, по мысли многих исследователей, самый «книжный» жанр европейской поэзии, он как бы возвращает поэта к древнегреческому хоровому канону, преодолевает рационализм, риторическую скованность, сохраняя космичность образов, величественно-восторженную интонацию:

Извечное море! Извечный лазоревый дым!
 Вселенская мова!
 Извечно стою перед грозным величием твоим
 У края земного².

«Ода к морю» (1981).

Сила звучания достигается лексическими и синтаксическими повторами, так возникает ощущение напора, стихии:

Извечное море! Гигантские ритмы зыбей!
 Земная раскачка!
 Старик Посейдон! У твоих просоленных коней
 Захватиста скачка³.
 И из стихии, из «музыкального духа» рождается гармония, свет:
 И заново зреют для новых святилищ и вер
 И солнце, и луны.
 И вот я опять пред тобою, как старый Гомер,
 И вот мои струны...¹

¹ История Всемирной литературы. В 9 т. / гл. ред. Г. П. Бердников. М.: Наука. 1983. Т. 1. С. 391.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 348.

³Там же.

Имена в какой-либо культуре, с точки зрения национального самосознания, могут считаться свернутыми диахроническими национально-культурными текстами. Совокупность ассоциаций, связанных с тем или иным именем, образует ассоциативное поле, «которое воплощает взаимодействие языковых и экстралингвистических факторов и преломляет их через призму выработанной в обществе системы оценок во взаимодействии с индивидуальным опытом»². Такими именами в лирике Н.И. Тряпкина являются Гомер, Сафо, Фидий.

К личности Гомера Н.И. Тряпкин обращается неоднократно (стихотворения «Душа моя бьется в каких-то силках непонятных», 1962; «А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры», 1970; «Ода к морю», 1981, «Вспомним заповедь поэта», 1982). Известно, что у поэта существовало свое понимание художественной философии этого легендарного грека. По его мнению, Гомер – вершинный ориентир духовных и поэтических исканий, первооткрыватель высокохудожественной образности: «И снова с мольбой припадаю к подножью Гомеров / И даже не верю, что были такие на свете...»³ («Душа моя бьется в каких-то силках непонятных», 1962).

Н.И. Тряпкин хорошо знал не только творчество Гомера, но и поэзию древнегреческих классиков. В стихотворении «Лира священная! Звук Филомелы!» (1982) эпиграфом стали строки Сафо «Лира, лира священная, / Ты подай мне свой голос».

Сафо – древнегреческая поэтесса, представительница мелической лирики – основательница одной из музыкально-поэтических школ на Лесбосе, чья поэзия была посвящена любви и красоте. Она обладала

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 348.

²Зубкова Л. И. Имя Иван в языковом сознании русских людей второй половины XX века // Русская словесность. 2009. № 1. С. 60.

³Тряпкин Н. И. Заповедь: стихи. М.: Современник, 1976. С. 118.

редким чувством слова и ритма. В произведениях Сафо личные переживания переплетаются с изображением чувств и положений, созданных творческой фантазией; «действительность мешается с вымыслом». В основе лирики Сафо лежат фольклорные элементы. Традиционные формы культового фольклора наполняются у Сафо личными переживаниями. Главным достоинством ее стихотворений считается напряженность, обнаженное чувство, выраженное с чрезвычайной простотой и яркостью¹.

На протяжении трех веков новой русской литературы, включая советский и постсоветский период, ее личности, ее поэзии посвящено около 150 стихотворных произведений. Считается, что ни одному античному и западноевропейскому автору не посвящалось в России такого числа стихотворений, как Сафо. Возможно, культ Сафо в значительной степени был связан с интересом определенной части общества к темам, ранее запретным, на которые в подцензурные годы было наложено строжайшее табу².

Стихотворение Тряпкина «Лира священная! Звук Филомелы!» – это размышление поэта о себе и о своем времени, о своем творческом пути.

Имена Сафо, Филомела принципиально важны в стихотворении – обращении к древнегреческой лире как традиционно-поэтическому обозначению творчества, поэзии. Античные имена выполняют функцию мифологем – это знак целого свернутого сюжета.

Лира священная! Звук Филомелы!
 Пальцы мои!
 Звонкие жилы от козочки белой –
 Струны твои³.

¹Сафо. Лира, лира священная / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. М.: Издательский Дом «Летопись-М», 2000; Ярхо Н. Н., Полонская К. П. Античная лирика. М.: Высшая школа, 1967.

²Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 5–19.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 360.

«Ли́ра священная! Звук Филомелы!» (1982).

Филомела – в греческой мифологии дочь афинского царя Пандиона, сестра Прокны. Муж Прокны Терей совершил насилие над Филомелой и, чтобы никто не узнал об этом преступлении, приказал вырвать у нее язык. Но Филомела сумела посредством вышивки раскрыть сестре это преступление. Прокна решила отомстить своему мужу и вместе с сестрой убила сына Терей Итиса.

Спасая сестер от мести Терей, Зевс превратил Филомелу в ласточку, Прокну – в соловья, а Терей – в удода. Мифологическое сознание сравнивает пение соловья с плачем матери по убитому сыну, а писк ласточки – со звуками, издаваемыми немой Филомелой¹.

Цитата из стихотворения Сафо организует сюжет всего стихотворения Тряпкина, в котором своеобразно переосмысливается древний миф, создаются на его основе новые пространственно-временные построения. Мифоним Филомела используется как сравнение, сближая два плана повествования; древнее, античное присутствует в современном, прозаическом:

Звук Филомелы из местной подсадки!
Крылья стрижа!
Ли́ра моя! Ты из хвойной рогатки,
В срезах ножа².

«Ли́ра священная! Звук Филомелы!» (1982).

В определенном смысле образ лиры – это инструмент для создания поэтического контекста, и Тряпкин видит и использует эту возможность образа. Для поэта образ лиры выступает как универсальное поэтическое начало. Как всякий мифологический образ, лира имеет и своеобразный

¹Мифологический словарь / И.Н.Лосева [и др.] Ростов н/Дону, 2000. С. 491.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 360.

жизненный смысл. Через образ лиры прочитывается текст, причем на многих уровнях, в том числе на уровне смысловом. Лира – это знак присутствия божественной поэтической субстанции.

Имя Фидия – древнегреческого скульптора и архитектора, одного из величайших художников периода высокой классики, – встречается в стихотворении «Он жил один в своей тени» (1987). Известно, что Фидий родился в Афинах и создавал здесь свои главные произведения: в эпоху Перикла Фидий руководил строительством Афинского акрополя – одного из наиболее выдающихся архитектурных комплексов античной эпохи, Фидий был создателем бронзовой статуи Афродиты и скульптуры Зевса Олимпийского¹. Однако афиняне, оценив по достоинству произведения Фидия, «слишком грубо обходились с самим художником как гражданином. Его дерзко обвиняли в утайке золота, из которого был сделан плащ парфенонской статуи Афины. Но художник оправдался очень просто. Особенного затруднения не оказалось в том, чтобы снять плащ и взвесить. Обвинение оказалось ложным. Затем его обвинили в оскорблении божества. Он осмелился на щите Афины в числе прочих изваяний поставить свой и Периклов профиль. Несчастный артист был брошен в тюрьму, где и закончил жизнь от яда или от лишений и горя»².

Обращение к этому образу поэта символично, имя Фидий, ставшее в стихотворении Н.И. Тряпкина именем нарицательным, символизирует трагическую жизнь современного художника:

И вот он где-то за двором
Повис образчиком наглядным,
Как иногда в селе родном
Живется фидиям нескладно³.

«Он жил один в своей тени» (1987)

¹Сокольникова Н. М., Крейн, В. Н. История стилей в искусстве: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2009. С. 48.

²Гнедич П. П. История искусств с древнейших времен. М.: Издательский Дом «Летопись-М», 2000. С. 105.

³Тряпкин Н. И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 104.

Н.И. Тряпкин использует как образы греческой мифологии, являющиеся наиболее частотными в русской классической поэзии (Аполлон, Гейя, Гомер, Зевс, Пегас, Посейдон, Прометей, Титаны, Фурия, Эол, Эллада), так и образы, встречающиеся в поэтических текстах нечасто (Иппокрена, Леда, Ойкумена).

Например, образ Посейдона («Курильская песня», 1978; «Ода к морю», 1981). Посейдон – в греческой мифологии один из основных олимпийских богов. Архаичные черты у Посейдона находят выражение в его буйном нраве, стремлении сохранить свою независимость. «Яростен гнев этого бога, так же как и его стихия; с неумолимым гневом преследует он тех, кто его оскорбляет»¹. Основная черта в стихотворениях Тряпкина, присущая Посейдону, — это несокрушимая сила, которая проявляется нераздельно с его царственным величием: «Буду чують до смертного срока / Этот холод вселенского Рока, / Этот хрипнувший рев Посейдона, / Эти хищные когти Дракона»² (Курильская песня», 1978), «Извечное море! Гигантские ритмы зыбей! / Земная раскачка! / Старик Посейдон! У твоих просоленных коней / Захватиста скачка»³ («Ода к морю», 1981).

Как символ свободы и отваги появляется в его стихах Прометей («Где-то есть космодромы», 1962; «Стихи о собачьем наследии», 1961–1973), как воплощение древнейшего божественного начала – Титаны («Среди лихой всемирной склоки», 1982), как олицетворение возмездия – Немезида:

Не боюсь я ни смерти, ни жадных когтей Немезиды,
Не боюсь, что и в смерти не встречу удачу свою,
А боюсь я того, что подножные черви и гниды
Источат не меня, а бессмертную душу мою⁴.

¹ Лосева И.Н., Капустина Н.С. Мифологический словарь. Ростов н / Д: Феникс, 2000. С. 316.

² Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 316.

³ Там же. С. 348.

⁴ Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 371.

Нередко античные образы в стихотворениях Н.И. Тряпкина используются для снижения, обытовления высокого (стихотворения «Стихи о собачьем наследии», 1961–1973; «Романс», 1980; «И вы, и вы, трагические хоры», 1981). И в то же время – для возвышения бытового (стихотворения «За поемный терновник, пустивший в рост», 1946; «Целовал я деревянный крест», 1959; «Барда», 1961; «Песня», 1973; «За дворами царства однолишного», 1975; «Не алтари и не пророчества», 1981). Имена античных персонажей в сочетании с просторечной, разговорной лексикой являются особенностью идиостиля писателя («Духмяная наша поет Иппокрена», «Эй ты – тю! – распрекрасная Леда!..», «Фебова стрела пронзила все помойки», «свадебный гимн заводского Эола», «Звук Филомелы из местной подсадки»). Как словесные образы разных культур, они создают в какой-то степени оксюморонное сочетание, столкновение смыслов, придавая общей поэтической картине некоторую фантасмагоричность. Метаморфозы обращают сельского скакуна в пегашку («Что за прыткие пегашки? / Что за громкая свирель?»¹; «И суть моя такого качества – / За звездный короб не дрожу. / И к пряслу сельского землячества / Пегаса крепче привяжу»²), а воскрешение новой Эллады, символизирующее культурное возрождение человечества, соединяется с миром водной стихии (моря, океана):

Гудит Океан, и горящие копыта богов
 Пронесутся в долины –
 И рушатся снова в кромешную пропасть веков
 Земные престолы.
 И снова ты, море, звенишь и сияешь, как Феб,
 У каждой ограды,
 И снова ты в трюмах проносишь мастику и хлеб

¹Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 466.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 341.

Для новой Эллады¹.

«Ода к морю» (1981).

Для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе древнегреческими географами был введен термин *οκουμένη*, «заселённая» (земля)². В литературе это слово понималось как «Вселенная», «обитаемая Вселенная» (например, в сборнике научно-фантастических рассказов о прошлом и будущем И. А. Ефремова «За пределами Ойкумены», 1993). По мысли Л. А. Аннинского Ойкумена – «слово греческое, но насквозь русскую лирику Н.И. Тряпкина оно не минуло, потому что из эпохи Мировой Революции Н.И. Тряпкин, как и его поколение, вынес планетарный угол зрения, космическую ширь, земшарную оглядку»³:

Сколько веков я к порогу земли прорубался!
Застили свет мне лесные дремучие стены.
Двери открылись. И путь прямо к звездам начался.
Дайте ж побыть на последней черте Ойкумены!⁴

«Море» (1961).

Герой, которому предписано было стать покорителем космоса, отступает к последней черте, потому что в этом космосе он прозябает от одиночества.

Нередко для Н.И. Тряпкина античность – отправная точка всякого сравнения или оценки:

Все становится горстью простого дерьма или пыли,
Если ты – только ты – и живешь как отдельное чудо,
Мы кого-то вчера на геройский Олимп возводили,
А сегодня в смущенье уводим оттуда⁵.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 292.

² Большая советская энциклопедия / глав. ред. А.М. Прохоров. М.: Совет. Энциклопедия, 1974. С. 325.

³ Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...» (2006) Из цикла «Мальчики Державы» [Электронный ресурс].–Режим доступа: // zavtra.ru День Литературы 114/71.html (дата обращения: 15.03.2013).

⁴Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 99.

⁵ Тряпкин Н.И. Вечерний звон. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 55.

«Все становится горстью простого дерьма или пыли» (1955).

В то же время античное культурное наследие иногда воспринимается Н.И. Тряпкиным как книжная труха, которую нужно стряхнуть.

А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры,
А ты стряхни с себя всю пыль, осевшую вчера.
Пусть на полке у тебя – Гомеры и Вольтеры,
А ты впервые видишь дым пастушьего костра¹.

«А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры» (1970).

Значимость Древней Греции и Рима, менявшаяся в течение культурного и исторического времени, имеет свое особое предназначение. Важной в этом соотношении становится категория другого. Так, Аполлон выступает у Н.И. Тряпкина как олицетворение поэтического будущего лирического героя:

Меня взлелеял бог Днепра и Дона
И на волнах вскачал.
И я забыл, что струны Аполлона –
Исток моих начал <...>
И вновь хочу забыть про все на свете,
И все простить, любя,
И вновь уйти сквозь дым тысячелетий –
И позабыть себя!²

«И вы, и вы, трагические хоры» (1981).

Феб – другое имя Аполлона – встречается в стихотворениях «И я кладу мой черный хлеб» (1958), «Рождение» (1958), «Романс» (1980), «Ода к морю» (1981), «Допою свои песни земные» (1982). О смешении его функций рассуждал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике»: «Древнее представление Аполлона было разностороннее, смешанное по содержанию и разнообразию атрибутов; со временем из этого синкретизма

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 235.

²Там же. С. 350.

выступают яснее типы бога света и солнца (Аполлон-Феб) и Аполлона, вооруженного кифарой или лирой...»¹.

Тряпкин, как всякий талантливый поэт, любил многосложные образы. С одной стороны, Аполлон – бог поэзии, музыки и всех искусств, с другой – Феб, уравнивший небесный свет с простым репьем на огороде («Рождение», 1958). По мысли О. Панченко, постижение высокого через будничные реалии, сниженные лексические пласты не является изобретением поэта. Постсимволистская поэзия, независимо от конкретных ее направлений, отталкивалась от живой детали, одухотворяя тот «сор», что считался раньше непригодным для высокого высказывания².

На протяжении всего творческого пути Тряпкин обращается к изображению природы. Природная тематика у поэта широка. Перед его поэтическим взором проходят не только «златороги олени», «цветистая гречка», «хитрец мороз», «красотка Весна», но и Вечность, Время, Рок, Млечные мосты, горящий Водолей. Предметом изображения оказываются не только отдельные картины природы (стихотворения «Август зашумел» (1946), «Белая ночь» (1954), «Журавли» (1955), «Дожди» (1957), «Горы стоят» (1968) и др.), но и единый одушевленный многообразный развивающийся Космос в его прошлом, настоящем и будущем, включающий в себя как часть и высшую ступень эволюции природы, и историю человечества. По мнению С.Ю. Николаевой, художественный мир Н.И. Тряпкина – это Космос, Вселенная, «явленная не отдельно от человека и его бытия, а в каждом человеческом вздохе и слове, в каждом живом существе, в каждой пылинке и в каждом “скрипе колыбели”»³.

Сколько веков я к порогу земли прорубался!
Застили свет мне лесные дремучие стены.
Двери открылись. И путь прямо к звездам начался.

¹Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 261.

²Панченко О. Не изменяя, изменяться // Октябрь. 1990. № 7. С. 202.

³Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 5. С. 75.

Дайте ж побыть на последней черте Ойкумены! – восклицает поэт в стихотворении «Море» (1961);

Буду чують до смертного срока
Этот холод вселенского Рока,
Этот хрипнувший рев Посейдона,
Эти хищные когти Дракона – напишет Н.И. Тряпкин в стихотворении

«Курильская песня» (1978). Как отмечает С.С. Куняев, «Вселенское Время в творческом сознании поэта сжимается, проносится в течение мгновений целые тысячелетия. В единую секунду бытия начинают существовать Рождение и Закат человеческой цивилизации, зачатие Вселенной и распад узловых корней земного существования. В нерасторжимом единстве сплетены общенародные государственно-национальные взгляды и общечеловеческая, космическая мысль»¹.

Если природа представляется поэту в образах античного мира, то сами образы должны быть близки синкретическим формам античной литературы. Новая поэзия, по Тряпкину, должна возродить учительский пафос, восстановить утраченную в каком-то смысле полноту и разносторонность древней литературы:

Друзья мои! Да что со мной?
Гремят моря, сверкают дымы,
Гуляет космос над избой,
В душе поют легенды Рима <...>
Весь мир кругом – поющий дол,
Изба моя – богов жилище,
И флюгер взмыл, как тот орел
Над олимпийским пепелищем².

«Рождение» (1958).

Привлекаемые в связи с изображением темы труда, творчества человека и его души античные мифологические образы обретают свой

¹Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...» // Литература в школе. 2008. № 11. С. 5.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 70.

изначальный героический характер и усиливают возвышенный стиль и патетическое звучание, особенно в поздней лирике Тряпкина.

В творчестве Н.И. Тряпкина античность представлена и древними топонимами: Рим («Рождение», 1958), Афины («И вы, и вы, трагические хоры, 1981), Помпея («Песнь о российском храме», 1982). Также из географических объектов древнегреческой мифологии присутствует Олимп, послуживший символическому иносказанию образа дома – «олимпийское пепелище».

Друзья! Друзья! Воскрес поэт,
И отвалилась тьмы колода.
И вот он слышит гул планет
Сквозь камертон громоотвода.
Весь мир кругом – поющий дол,
Изба моя – богов жилище,
И флюгер взмыл, как тот орел
Над олимпийским пепелищем¹.

«Рождение» (1958).

Освоение античной культуры происходит и путем создания выражений, связанных с ней. Так, в стихотворении «Послание старому приятелю», опубликованном в 1976 году, есть такие строки: «Парнасские высоты / Забросил ты, мой друг, / И стал не санюлотом, / А доктором наук»². В данном случае сочетание «парнасские высоты» тесно перекликается с выражением «парнасские музы, Парнас как совокупность поэтов»³: поэт обращается к «старому приятелю», который выбрал вместо поэтической нивы педагогическую деятельность.

Так взятые из древнегреческой и римской мифологии реалии, ставшие в поэтическом языке Н.И. Тряпкина фигуральностью, выразительно характеризуют современную эпоху.

¹Тряпкин Н.И. Избранное. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1989. С. 70.

²Тряпкин Н. И. Заповедь: стихи. М.: Современник, 1976. С. 242.

³Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М.: Современник, 1996. С. 302.

§ 3. Традиции литературной сказки А.С. Пушкина

Культурные пласты сказочно-мифологической образности А.С. Пушкина оказали бесспорное воздействие на поэтику Тряпкина, что не раз отмечалось исследователями лирики поэта. «Свои стихи Николай Иванович нередко называл песенками. Это одно из его особенных слов. В этом не самоуничтожение, не прибеднение какое-то, а близкое пушкинскому «“сказка ложь, да с ней намёк...”», – пишет Г.В. Иванов¹. Д. В. Псурцев, говоря о Н.И. Тряпкине как о национальном поэте, считает, что в истории наций нет ничего более устойчивого, чем миф. Русский миф предстаёт в русском искусстве, в частности, в произведениях и Пушкина, и Тряпкина². Представляется необходимым рассмотреть творчество Н.И. Тряпкина как продолжателя сказочной поэтической традиции А.С. Пушкина: выявления сказочных (ключевых, повторяющихся) мотивов и образов («приёма, который в своё время декларировала А.А. Ахматова, прошедшая «суровую школу пушкинистики»)³.

Одним из предметов своих «пушкинских штудий» Н.И. Тряпкин избрал «Сказку о золотом петушке. В «Притче об Ваньке-однолишнике» (1968) поэт обращается к образу золотого петушка.

В западном и русском фольклоре петух – это и привычный страж, и боец. «Образ волшебной птицы вообще многоролевой: от мифологических сирен античности, через ритуального павлина крестовых походов – к синей

¹Иванов Г. В. «А я песенки пою...» // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 5.

²Псурцев Д. В. Время Тряпкина – будущее в прошедшем // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. С. 132.

³Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 108.

птице счастья нового времени – таков масштаб этого образа»¹. У А.С. Пушкина эта птица еще и осуществляет возмездие – убивает коварного царя Дадона:

Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, – и умер он².

Стихотворение Тряпкина – сюжетное. В нем автор рисует эпизод из истории становления колхозной деревни, создает сатирический образ «строителя» социалистических «первоначал»:

«Все сумею. Все смогу. Все найду»...
А тележка – на железном ходу <...>
Что ни слово – то рублей на пятьсот,
А сынишка – погоди! – подрастет!..
Ходит Ванька да посвистывает,
Да делишки всем подыскивает,
Да всё колышки постругивает,
Да жену свою поругивает...³

Одним из средств стилистического своеобразия как конкретного литературного произведения, так и творчества писателя в целом является использование цвета. Золотому цвету придается значение символа царственности. Также золотой цвет выступает в значении фантастического, нечеловеческого могущества, волшебства. Эпитет золотой и у А.С. Пушкина, и у Н.И. Тряпкина относится к птице, способной либо помогать людям подобно тому, как у Пушкина золотой

¹Сванидзе А. «Сказка – ложь, да в ней намек...» // Знание – сила. 2000. № 11. С. 97.

²Пушкин А. С. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. С. 670.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 357.

петушок готов выполнить роль сторожа («будет верный сторож мой»), либо вершить суд над Дадонем, наказывая за пороки. У Н.И. Тряпкина:

То ли год, то ли век, то ли два...
 Где ты, Ванька, удала голова?
 Запропал ты где-то там... Ой-е-ей!
 Душу грешную господь упокой.
 А домишко да под весь корешок
 Подклевал золотой петушок.
 Зашумела, зацвела трын-трава...
 Ой ты, Ванька, удала голова!
 А сынишка – вот с такой бородой! –
 Целый день сидит за кружкой пивной...¹

«Притча об Ваньке-однолишнике» (1968).

Так цветовая характеристика предмета, сложившаяся в глубокой древности, создает народно-цветовой колорит в поэтическом творчестве писателя.

Образ петуха является одним из основных почти во всех религиях и мифологиях мира, что включает стихотворения Н.И. Тряпкина в очень широкий культурный контекст. Петух, один из наиболее частотных образов в лирике поэта (см. приложение 3), существует одновременно в разных смысловых реальностях: конкретной, мифологической, символической, литературной. Существительное «петух» – выражение сложного концепта. В других поэтических текстах Н.И. Тряпкина наблюдается трансформация слова, расширение его семантики.

Прежде всего, петух – это часть образа природы, воссоздаваемого в большинстве стихотворений Тряпкина: «А теперь у нас уже светает / До зари: / Петухи кричат, собаки лают...»², «Голосят петухи-куранты, / полуночный заспав нашест»³, « Где-то крикнет петух. / Где-то скок табуна. / А в заснувшем пруду серебрится луна»⁴.

Следует отметить, что во многих стихотворениях приход весны,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 357.

² Там же. С. 346.

³Там же. С. 279.

⁴Там же. С. 296.

пробуждение живой природы Тряпкин передаёт не только через петушиный крик («А вокруг, доносясь, как дымок, из-за риг, / Замирал петушиный глухой переклик...<...> А в машинах – подарки, цветы, семена... / Золотой караван! Золотая Весна!..»¹, «На дворе раскричался петух, / Раскудахтались куры. / А на улице снег поразбух / И проталинки буры»², но и при помощи пения жаворонка, журавлиных и грачиных кликов: «и грачи не про то ль загалдели»³, «извенит бессмертный жаворонок»⁴. Включение птиц в весеннюю пейзажную зарисовку приводит к созданию глубоко конкретной, узнаваемой поэтической картины.

Интересно, что петух в трех стихотворениях Н.И. Тряпкина поет (гремит, голосит), а в семи стихотворениях кричит. «В христианской традиции петух – символ света и возрождения, символ борьбы с духовным невежеством. Согласно народным поверьям, нечистая сила бежит от петушиного крика»⁵, а петушиная песня – знак гармонии.

О чем же кукарекает петух? В стихотворении «Нанесли обиду петуху» (1948) петушиный крик превращается в поэтическую картину, раздумье философского характера. Петух исполняет свою песню, которую слышит лирический герой, слова петушиной песни созвучны его собственным мыслям. Поэтому не случайно в стихотворении используется косвенная речь: слышится не сама песня петуха («Нанесли обиду петуху, / Сочинили басню, / Будто он, / Голоса свое «ку-ка-реку», / Для искусства жалок и смешон»), а ее интерпретация лирическим героем:

Кто, скажи, придумал это вслух
О великом петькином добре?
Кабне пел в апреле мой петух,
Я б весны не чуял на дворе.

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 73.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Шиленко О.В. Поэтика стихотворения И.А. Бунина «Петух на церковном кресте» // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 62.

Ты его насмешкою не рань,
 Ты сначала смеряйся, поэт:
 У него –
 В любую ночь и рань
 И зиме и лету
 Есть ответ¹.

«Нанесли обиду петуху» (1948).

Из текста стихотворения «Дело было летом...» (1957) следует, что художественная система произведения преимущественно ориентирована на фольклорную традицию, хотя образ с христианской символикой («косоглазый каин») в нем присутствует.

Название стихотворения точно отображает реалию окружающего мира. И следующее далее описание петуха вполне реалистично: «А петух в корзинке/ Возится, кокочет», «Ах ты, краснокрылый! / Выскочил к простору». / Сорвалась бечевка / С петушиной шпоры, / И пошел Петруша / Пьяной каруселью, / Точно старый плотник / После новоселья; / И давай ногами / Вытворять курбеты, / И давай прохожих / Цапать за щиблеты, / Запеваает песни, / Пыжится спесиво...»².

Главная героиня стихотворения бабушка Марина на базаре купила петуха. Этому событию посвящена первая часть стихотворения. Муж бабушки Кузьма Петрович со своим другом решили отпраздновать это событие. Во второй части стихотворения говорится о причинах избавления от петуха, оказавшегося «зеленым пьяницей, дурнем окаянным». Так петух, являясь частью бытового пространства и окружения персонажей, предстает в поэзии Н.И. Тряпкина в качестве средства художественно-философского осмысления окружающего мира, позволяет раскрыть содержание духовной жизни человека. Деревня, в которой даже петухи оказываются пьющими, приходит в упадок.

В большинстве стихотворений Н.И. Тряпкина петух является символом света, добра. Отрицательные значения образа (похоть,

¹Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ лит., 1984. С. 72.

²Там же. С. 134.

тщеславие, гордыня) у Н.И. Тряпкина не встречаются. Однако в лирике поэта двойственное толкование образа петуха встречается: петух как часть природы и как символ тщетности всего земного и человеческого привносит тревожные, противоречивые интонации:

Ах, соседи мои!.. До чего ж вы недобрые люди.
Хоть и все вы – шабры, а глядите сычами в мой сад.
Все-то кажется вам, что в разбитом своем «Ундервуде»
Я укрыл петуха, что вот-вот раздолбает вам зад...¹

«Ах, соседи мои» (1981).

Или:

И все-то звери – курицы,
И все-то петухи
Кричали: «Уворованы!»
Про все мои стихи².

«Расчет» (1984).

Стихотворения превращаются в некий текст, повествующий о всеобщих законах бытия.

В стихотворениях «Сказ» (1947), «Хорошо, когда забродит холод» (1960), «Да с того ли с моря-окияна» (1966) Н.И. Тряпкин пишет об острове Буяне, ассоциативно связанном со «Сказкой о царе Салтане» А.С. Пушкина. Корабельщики из «Сказки о царе Салтане» не раз держали путь из западных стран на восток «мимо острова Буяна / В царство славного Салтана». Слово Буян происходит от «буяти, буять» – «буйно расти», «разрастаться», «набухать», «буйно проявляться» (буянить, бушевать, носиться по воздуху); ср. также буйнеть – «расти, подрастать, увеличиваться в росте». Рост, развитие, жжение, горение в славянской мифологии соотносятся с понятиями гора, холм, возвышенность³.

¹Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худ лит., 1989. С. 313.

²Тряпкин Н.И. Излуки: Стихотворения. 1987. С. 135.

³Рогалев А. Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина // Литература в школе. 2009. № 2. С. 16.

Необходимо обратить внимание на то, что Пушкин называет остров Буян крутым, Тряпкин качественной характеристики острова не дает.

Остров Буян был поэтическим названием весеннего неба. Светлоголубое, блестящее небо лежало за облаками («за дождевым небом»). Чтобы достигнуть этого небесного царства, нужно было переплыть воздушные воды. На острове Буяне были сосредоточены могучие силы весенних гроз, мифические олицетворения ветров. Именно к этому острову обращался древний славянин со своими мольбами, упрасывая богов, победителей зимы и создателей летнего плодородия, вылечить его раны, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту.

Не исключено, что в представлениях об острове Буяне слились воедино сугубо мифологические понятия, такие как «центр Вселенной», «Мировая ось», «благословенная земля» и исторические отзвуки, модифицирующиеся под воздействием времени, материализовавшиеся в сказочном сюжете. Давние исторические события, не зафиксированные в документах и летописях, оседают в исторической памяти, воплощаясь в былинах и сказаниях. Ученые неоднократно пытались сопоставить остров Буян с конкретным островом Рюген в Балтийском море, через который проходили торговые пути, связывающие Балтийское море с Северным. Связи поморских славян с восточными были довольно прочными. Их изучение имеет давнюю традицию, восходящую еще к трудам М.В. Ломоносова. Реальная история могла обусловить локализацию мифологических понятий.

Остров – это модификация Мировой горы, символизирующей в мифах Вселенную. Семантика горы многозначна. Слова со значением гора в ряде европейских языков соотносятся со значением смерть, поэтому остров Буян (высокое место, гора) может пониматься также как образ другого мира, в частности, потустороннего. По поверьям, потусторонний мир

отличается невиданным изобилием¹. Вот почему в городе князя Гвидона двор усеян золотой скорлупой². В стихотворении Н.И. Тряпкина «другой мир» олицетворяет северная земля:

Север, север!
С моря шла моряна,
А к морям – хвоя, хвоя, хвоя.
Может, вплоть до острова Буяна
Плавала посудина моя³.

«Хорошо, когда забродит холод» (1969).

Значение слова «гора» соотносится также со значением «огонь, гореть». В сказке Пушкина царь Салтан «сияет в злате», корабельщиков в царстве Гвидона встречают залпы пушек, тридцать три богатыря выходят из морской пучины «в чешуе, как жар горя»; у Тряпкина в стихотворении «Хорошо, когда забродит холод» (1969) лирический герой скучает у печки при огне, в стихотворении «Да с того ли с моря-окияна» (1966) образ «пламенного» сокола связан с миром природы, народной песней, историей и современностью:

И увидел сокол травы, травы,
Да ивняк, пожалуй, да кипрей.
И совсем насущные для славы
Поезда высоких скоростей.

И совсем культурные долины –
Тот пейзаж квадратно-гнездовой...
А земля – в таких духах малины,
Что сойдет любое, только пой.⁴

«Да с того ли с моря-окияна» (1966)

В 1982 году Н.И. Тряпкин пишет стихотворение «Допую свои песни земные», в котором появляется образ лебедей, «восподнявшихся с моря», также указывающий на близость к «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина.

¹Рогалев А. Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина // Литература в школе. 2009. № 2. С. 16–18.

²Пушкин А. С. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. С. 648.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 196.

⁴ Там же. С. 320.

В народных сказаниях лебединые девы считаются существами особой красоты. По первоначальному своему значению они олицетворяют весенние дождевые облака; «вместе с низведением преданий о небесных источниках на землю лебединые девы становятся дочерьми Океан-моря и обитательницами земных вод (морей, рек, озер, криниц).

Лебединым девам придается вещий характер и мудрость; они исполняют трудные, сверхъестественные задачи и заставляют подчиняться себе самую природу. Имя «лебедь», употребляемое в народной речи большею частью в женском роде, означает белая (светлая, блестящая); такое коренное его значение впоследствии подновлено постоянным эпитетом: белая лебедь»¹ (в стихотворении Н.И. Тряпкина у лебедей выгнутые белые шеи).

Лебединая символика проходит через всю историю народов Евразии. Например, в «Ведах» Лебедь является мистической птицей, творящей мир и повелевающей циклами времени. Именно из ее золотого яйца рождаются боги и Вселенная². Космически творящий характер образа Лебеди указывает на то, что в ведении этой птицы находятся все чудеса.

В сказке А.С. Пушкина образ царевны Лебедь носит космический характер: звезда во лбу – это солнце, месяц под косой – ночная луна. Сама голова, словно Вселенная, увенчана венцом из звезд, от него спускаются нити жемчужного дождя³.

Рядом с царевной Лебедь почетное место занимают морские богатыри, которые смиренно маршируют по ее приказу, – это символ усмиренной морской стихии⁴.

¹Грушко Е., Медведев Ю. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1995. С. 176.

²Будаева Л. Мифологическое сознание и пушкинская «Сказка о царе Салтане» // Литература. 1999. № 22. С. 15.

³Там же. С.16.

⁴Там же.

В произведении Н.И. Тряпкина, которое носит философский характер, соединяются две стихии – земная и водная. Концепт «вода» присутствует в стихотворении повсеместно, в том числе в многочисленных лексических репрезентациях. Вначале в плавание отправляются струги резные, затем жемчужные реки качают на своих волнах корабли греков и варяг, в четвертом катрене действие переносится на морские просторы, на которых «Восподнимутся лебеди с моря – / И по этим струнам поплывут»¹.

И у А.С. Пушкина, и у Н.И. Тряпкина лебедь – существо волшебное, в обоих произведениях оно появляется из моря, обладает чудесной силой (у А.С. Пушкина, обрызгав Гвидона с ног до головы водой, царевна Лебедь превращает его в комара, муху и шмеля, наделяя способностью летать; у Н.И. Тряпкина образ символизирует тайну творения и подсознания). В мифологии из океана возникают космос и земля. Океан представлялся величайшей мировой рекой, окружающей землю и море, дающей приют солнцу, луне, звёздам. В сказке А.С. Пушкина вода олицетворяет не только тайну творения или тайну подсознания, но также мощную стихию женского начала. Вода – это еще и символ глубокой мудрости². Что касается Н.И. Тряпкина, то органическая связь земного и небесного, бренного и вечного, телесного и духовного становится законом художественного мира поэта³:

Ах, плывите же, струги резные,
С моего золотого крыльца!
Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца⁴.

«Допою свои песни земные» (1982).

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 375.

²Будаева Л. Мифологическое сознание и пушкинская «Сказка о царе Салтане» // Литература. 1999. № 22. С. 16.

³Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 8. С. 75.

⁴Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 376.

Возможно, финал стихотворения – попытка разрешения противоречий между Тряпкиным-поэтом и Тряпкиным-человеком.

Гвидон – сын царя Салтана, чье царство – человеческий, реальный мир, в котором появляются купцы, гости-корабельщики, рассказывающие царю о новом государстве (мире духовном и божественном). В стихотворении Н.И. Тряпкина лирический герой под покровительством Аполлона, покровителя поэзии, принимает у себя дорогих гостей. Так конфликт между поэтическим, духовным и человеческим, материальным миром поэты попытались разрешить через мифотворчество.

На острове Буяне в произведениях русского фольклора помещается загадочный «бел-горюч камень Алатырь»¹. У Н.И. Тряпкина образ камня-алатыря упоминается в нескольких стихотворениях. Например, в стихотворении «Ходит ветер в чистом поле» (1965):

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля –
Белый камень под бугром!

Ой ты, камень под горою!
Ты совсем не алатырь.
Только – буйной головою
Кто здесь падал на пустырь?²

Камень – тоже образ горы. Белый цвет камня ассоциируется с тем, что блестит, излучает свет (остров Буян в некоторых местностях известен как «белый остров», «золотой остров»). В свою очередь, блеск, излучение света в конечном итоге соотносимо с огнем, пламенем. Не случайно белый камень Алатырь горюч. Так замыкается семантический круг: гора, камень (белый, блестящий, излучающий свет, горящий), душа, вечный покой:

¹Трубе Л. Л. Остров Буян // География в школе. 1999. № 4. С. 26–28.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 305.

И галопом скачет вихорь,
Закрывая белый свет...
Только холмик с облепихой,
Только пыльный горчицвет <...>.

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля –
Белый камень под бугром¹.

«Ходит ветер в чистом поле» (1965).

В стихотворении Н.И. Тряпкина «Сказ» (1947) в одном четверостишии соединяются два сказочных образа, являющиеся приметами «великой северной Руси»: остров Буян и Лукоморье.

Ты же дуй и колдуй, ветер северный,
По Руси по великой, по северной.
Поплывем Лукоморьями пьяными
Да гульнем островами Буянами².

«Сказ» (1947).

Лукоморье – буквально «изгиб (лука) морского берега». Изгиб, лука связаны с понятиями «бить, гнуть», которые являются наиболее ранними в индоевропейских и других языках. В то же время «гнуть», «резать» – это одновременно и создавать, творить, делать. Таким образом, лука моря является символом творческого, деятельного начала, а само море (вода) выступает в качестве первоэлемента вселенной³. Как известно, в 1828 году во втором издании поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» появляется стихотворное введение, названное в научной литературе вступлением или прологом, – «У лукоморья дуб зеленый...».

Начинается описание пушкинского лукоморья таинственно. Его центральным образом является лес, наполненный страшными силами: лешим, русалкой, «неведомыми дорожками», таинственными зверями,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 305.

²Там же. С. 59.

³Рогалев А. Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина // Литература в школе. 2009. № 2. С. 17.

Бабой-Ягой и ее избушкой и т. д. – негативными персонажами, относящимися к потустороннему «нижнему» миру, миру темных сил, миру ночи. Этот мир довольно статичен (в нем движется («бродит») леший и ученый кот).

Следующая часть описания лукоморья у А.С. Пушкина наполнена солнцем, динамизмом. Действие в нем разворачивается «у ясных волн моря», в небесах над морями и лесами. Появляется образ зари, наступает день, начинается движение, символизирующее победу над темными силами: пленение грозного царя, сражение богатыря и колдуна, появление витязей, готовых к сраженью.

Третья часть пушкинского лукоморья снова погружена во тьму (страдания царевны в темнице, появление «бурого» волка, окрас которого, по определению В.И. Даля, считается «искрасна черноватым», Бабы-Яги и Кащея Бессмертного; это снова «низ», тьма и ночь), зеркально соотносима с первой частью (Леший – Кащей, звери – волк, избушка – Баба-Яга, русалка – царевна). Таким образом, А.С. Пушкин воссоздает круговое движение времени (ночь – день – ночь; мрак – свет – мрак)¹.

В стихотворении «Стихи о моем Лукоморье» (1972) Н.И. Тряпкин повторяет пушкинскую структуру пространства. Также мрачно начинается описание Лукоморья: «начальные» грезы героя стихотворения «затерялись во мгле», «сморкли соловьи», жизнь угасла в «нахлынувшем снеге», сгорела «за Млечным кольцом»:

И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги,
И склоняется память над первым своим каганцом.
Ничего не видать...²

«Стихи о моем Лукоморье» (1972).

¹Пчелов Е. «У Лукоморья дуб зеленый...» // Народное образование. 2009. № 5. С. 140.

²Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 64.

Вторая часть стихотворения Н.И. Тряпкина так же, как и вторая часть пролога поэмы «Руслан и Людмила», наполнена светом, светлыми воспоминаниями «золотого» детства лирического героя: «раздвигается мрак», «светится сказочный брег Лукоморья» («Золотое блаженство! И все так навеки знакомо: // Завозились кутята, стрижи перекликнутся вдруг!»).

Третья часть стихотворения Н.И. Тряпкина – это размышление лирического героя о прожитой жизни, осмысление ее итогов.

Пронеслась моя жизнь, угасая в нахлынувшем снеге.
 (Да и все пронесется, сгорая за Млечным кольцом!)
 И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги,
 И склоняется память над первым своим каганцом.
 Возвращаюсь туда – и брожу возле дедова дома,
 Что давно уже – прах, да и прах-то развеян вокруг¹.

«Стихи о моем Лукоморье» (1972)

По сути своей финал стихотворения отображает движение от молодости к старости, кольцевая композиция стихотворения отражает мысли автора о круговороте человеческой жизни во Времени.

«Стихи о моем Лукоморье» служат ярким примером возможного присутствия в пределах одного текста признаков, характерных для разных жанров. Степень интеграции и взаимопроникновения может быть настолько сильной, что изменение одного из компонентов текста повлечет за собой разрушение изначально вкладываемого смысла и связанного с ним чувственного переживания. Композиционная структура стихотворения определена переплетением элементов, присущих сказочной прозе и лирической песне. В структуре текста присутствует элемент, чуждый народной сказочной традиции, – эмоционально-чувственное, мысленное возвращение героя в родные сердцу места. Этот элемент близок тексту лирическому и чужд повествовательному фольклору. Также структура текста позволяет выделить его ключевое слово – Лукоморье.

¹Тряпкин Н. И. Излучки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 64.

«Сказочный берег Лукоморья» является тем «центром», обладающим максимальной структурной интенсивностью, в котором «объективизируется» глубинная предпосылка анализируемого текста в частности и творчества Н.И. Тряпкина в целом. Также следует отметить, что важное значение при моделировании художественного мира, связанного с традицией русской народной сказки, имеют инициальные и финальные формулы. Интересна инициальная формула в стихотворении «Стихи о моем Лукоморье». Как отмечает И.Н. Кошелева в работе «Фольклорный мир в поэзии Н.И. Тряпкина, Ю.П. Кузнецова, В. С. Высоцкого: способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте», об апелляции к сказочной прозе позволяет судить заглавие текста (трансформированная инициальная формула, характерная для жанра русской народной сказки).¹

Небезынтересным представляется узнать, почему в пушкинском прологе вокруг дуба, в мировой культуре являющегося символом Мирового Дерева, ходит именно кот, кот-баюн, заводящий песни, говорящий сказки.

Кот ходит кругом по цепи так. Сначала он идет «направо» и поет песнь. Это движение – по кругу слева направо, по часовой стрелке, движение вместе с солнцем. Иными словами, кот идет как бы с течением времени, его движение соответствует естественной смене дня и ночи. Такому движению соответствует песня, рядом исследователей относимая к реалистическим жанрам². Потом кот идет «налево» и «говорит сказку». Движение справа налево по кругу, т. е. против часовой стрелки, есть противоположно течению времени – кот идет в прошлое. Это движение не движение «против солнца». Кот, таким образом, движется в обратном

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс...канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 146.

²Пчелов Е. «У Лукоморья дуб зеленый...» // Народное образование. 2009. № 5. С. 139.

направлении, т. е. соответствует естественной смене дня и ночи, и с ним соотносится сказка – произведение «нереальное», фантастическое.

Образ кота, «мурлыкающего ночные сказки», встречается в стихотворениях Тряпкина «Зимний вечер» (1945) («продолжает кот свои ночные сказки»), «Бабка» (1982) («Да к тому ж еще кот, / Без единой крупиночки прозы, / Между нами урчит / Про кошачьи свои старины»). В первом стихотворном тексте жизнь героев показана в двух хронотопах: прошлое и настоящее, день и ночь. Настоящее показано при помощи глаголов настоящего времени (героиня «разглядывает вновь конверт с военным штампом», сыну «поет письма заветные слова», «дремлет над колыбкой»). Символами ночи являются спящие бабушка и ребенок, дремота его матери (полусон-полуреальность), кот, рассказывающий сказки по ночам. Сказки оказываются частью «счастливого» прошлого, семейной жизни довоенного времени. Во втором тексте «кошачьи старины» являются символом детства, – образ, подернутый «снежной мглой», «блаженными снами метели». Даже «глаза Судьбы, не скрывая лица» не разрушат «сказочный» образ деревни-детства, ставший таким потому, что давно превратился в воспоминание:

И уж если теперь
 Мои песни хоть что-нибудь значат,
 И уж если теперь я и сам
 Хоть на что-то гожусь, –
 Ах, всему тому корень
 Тогда еще, бабушка, начат –
 Там, у нас на печи,
 По которой и нынче томлюсь¹.

«Бабка» (1982).

В 1961 году Н.И. Тряпкин пишет стихотворение-монолог «Пробуждение», один из образов которого (Черномор) также отсылает к творчеству А.С. Пушкина, у которого имя «Черномор» встречается

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 367.

Образ возлюбленной, как и все женские образы Н.И. Тряпкина, глубоко поэтичен, и это в немалой степени достигается путем его сказочного обрамления:

Да, я знавал тебя такою,
 Что даже в горе ликовал,
 И называл тебя княжною,
 И королевой называл.

Краса в цветочном сарафане!
 Жар-птица в злаках полевых!..¹

«Да, я знавал тебя такою» (1966)

По мнению Л.В. Рыжковой-Гришиной, образ женщины несет в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный выполнять (буквально с первых дней творения) натурфилософскую сверхзадачу. В глубине веков ее образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом. Именно таково было место женщины в русской народной традиции, ее функция заключалась не только в материнстве, воспитании детей и заботе о сохранении очага – она становилась неким идеалом человека, вобравшего в себя все лучшие черты и качества. Не случайно устное народное творчество донесло этот идеал в образе прекрасной и мудрой Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной и т.д. Она – символ душевной чистоты и целомудрия, целеустремленности и трудолюбия, стойкости и верности, поэтично называемой лебединой, то есть тех морально-этических норм, которые во все века были почитаемы и ложились в основу базовых нравственных идеалов народа. Именно так понимает Н.И. Тряпкин назначение женщины².

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 294.

²Рыжкова-Гришина Л. В. Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов поэзии Н. И. Тряпкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 178–180.

Поэт находит для женщины оригинальные, всякий раз удивляющие своей изобретательностью эпитеты: она дивная, раздольная, у нее пресветлое лицо и речной голос, нераздельная душа и журавлиные крылья бровей, лебяжья пречистая стать и звездные ресницы. Для него женщина – в ореоле возвышенной чистоты и красоты, она носительница гармонии и созидательного начала, своим присутствием на земле она преобразует мир, делает его прекрасным и приглашает мужчину следовать этим высоким принципам. Она – водительница народа, идейная вдохновительница и источник внутренней силы мужчины.

И вот опять – в твоём селенье
И за твоим сижу столом...

«Да, я знавал тебя такою» (1966)

Встреча, произошедшая в жизни двух людей, была для них счастливой, но судьба развела их в разные стороны. И вот через какое-то время они встретились вновь, но встреча радости не приносит.

Та, которая была для героя «птицей, полной чуда», превратилась в хлопчущую «квочку у ворот», и не потому, что прошли годы, ушла не внешняя красота – исчезла красота души. Былая одухотворенность, романтичность растворились в быте, мелочах, суетной жизни, лишенной высокого смысла, наполненности, устремленности к идеалам. И дело не в том, что в жизни возлюбленной лирического героя появились заботы («И все-то эдак про посуду / И про капустный огород»), а в том, что ее душа не расцвела, не обогатилась, а увяла, заглохла, и кажется, что даже «в глазах белесых – давно заглохшая вода». Женщину больше не интересуют ни деревенские «плёсы», ни «в громах города», и ничто не зовет ее душу

ввысь, не окрыляет мечтою – все остановилось и замерло в ней: ни одухотворенности, ни красоты в героине больше нет, всё в прошлом¹.

И вот в финале стихотворения появляется образ «мертвой царевны»:

А вот сижу и рюмку – с кряком!
 И говорю: «Куда с добром!»
 И уйду – совсем не гневный,
 А только так – душой скрипя,
 И стих про мертвую царевну
 Жую губами про себя.

«Да, я знавал тебя такою» (1966)

Образ мертвой царевны из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина значим как смысловая константа, включенная в определенную знаковую систему.

Считается, что в сознании А.С. Пушкина так же, как и в сознании народа, идеалом, воплощенным в царевне, является гармоническое соединение красоты внешней и духовной. С самого начала сказки царевна наделена естественной внутренней и внешней красотой, являющейся как бы олицетворением красоты, разлитой в природе. Время рождения царевны (ночь в Сочельник – канун Рождества) предопределяет ее судьбу, дата ее рождения определяет и сюжет сказки: раннее сиротство, далее – испытания, странствия, добрые дела (забота о богатырях, помощь чернице), искушение (брачное предложение богатырей), верность жениху, смерть (временное торжество зла) и чудесное воскрешение: Елисей воскрешает свою невесту, мертвая царевна оживает.

Если в сказке А.С. Пушкина чудо творят любовь и верность, соединяя двух любящих людей, а пушкинской героине было суждено умереть и воскреснуть, то герои стихотворения Н.И. Тряпкина оказываются в

¹Рыжкова-Гришина Л. В. Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов поэзии Н. И. Тряпкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5.

состоянии духовного кризиса, для разрешения которого, возможно, требуется чудо. Лирический герой Н.И. Тряпкина желает видеть женщину всегда парящей и возвышенной, а не «мертвой царевной», не скучной и опустившейся домохозяйкой, хлопочущей лишь о земном быте. Поэт не прощает женщине сниженности образа, ибо понимает, что слишком высока и значима ее роль на земле. Таким образом, и А.С. Пушкин, и Н.И. Тряпкин внутреннюю красоту человека ценят выше внешней. Более того, в своих произведениях поэты показывают, что внешняя красота без внутренней не просто бесплодна, но чревата «отрицанием» и «разрушением».

Итак, Н.И. Тряпкин усваивал литературный опыт русских поэтов XIX века, в частности, традицию литературной сказки А.С. Пушкина.

§ 4. Рецепция образа и наследия М.Ю. Лермонтова

Речь пойдет о двух стихотворениях Н.И. Тряпкина «А на земле мазурики» (1966) и «Стихи в трудную минуту» (1972–1975), в которых встречается имя М.Ю. Лермонтова, а также «лермонтовский текст».

Как и всякий подлинный поэт, Н.И. Тряпкин тонко чувствовал духовное состояние современного ему общества. Поэт никогда не идеализировал русский народ, видел негативные стороны национального русского характера. Поэтическая интуиция подсказывала ему, что те симптомы духовного и нравственного оскудения, которые всё заметнее проглядывают в мировоззрении современников, не могут в ближайшем будущем не привести Россию к огромным катастрофам. Поэт не может спокойно смотреть, как нация погибает в собственной непросвещенности и безразличии к происходящим событиям. Размышляя о духовном состоянии советского общества, в стихотворении «А на земле мазурики» Н.И. Тряпкин выступает как поэт-пророк:

А на земле мазурики
 Живут себе, живут,
 И дочек в щечку чмокают
 И замуж выдают.

И все у них, мазуриков,
 Исправно, как всегда:
 И Лермонтов под пулю,
 И должность хоть куда¹.

«А на земле мазурики» (1966).

По мнению Е. Лебедева, «в стихах Н.И. Тряпкина заметны следы углубленного прочтения Лермонтова, именно следы прочтения, а не влияния»²: стихотворение «А на земле мазурики» (произведение автобиографично) пронизывает подспудный поэтический диалог с «Пророком» М.Ю. Лермонтова³.

Тематическое сходство двух стихотворений, на первый взгляд, очевидно: оба стихотворения относятся к теме «поэт и толпа»; в каждом из них миссия поэта связывается с пророческим служением; стихотворения объединены и общей идеей – библейской (нет пророка в своем отечестве), и мотивом изгнания, скитальчества (Н.И. Тряпкин всю жизнь прожил вне «шумного града»); для обоих авторов эти произведения являются программными. Но при всем том в основе их лежит разное понимание пророческой миссии поэта и его искусства.

«Пророк» – одно из последних и наиболее значительных стихотворений Лермонтова, завершающее в его творчестве тему поэта. В стихотворении звучит протест против непонимания поэта обществом. Лермонтов рассказывает о том, какова оказалась судьба поэта-пророка: его

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1982. С. 169.

²Лебедев Е. Штрихи к портрету Николая Тряпкина // Литературная газета. 1987. № 35. (26 августа). С. 5.

³Полубота А.В. «А на земле мазурики...» // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 118.

обличительные речи и высокие призывы встретили враждебное отношение со стороны людей, погрязших в «злобе и пороке».

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня¹.

«Пророк» (1841).

Лермонтовскому пророку внемлет лишь мирная, не знающая людских пророков природа («И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя»²), «шумный град» встречает его насмешками «самолюбивой» пошлости, не способной понять высокое аскетическое инакомыслие³. Таким образом, духом творчества М.Ю. Лермонтова образ Пророка раскрывается как трагический. Он многогранен: это и образ общества, враждебного «любви и правде», и образ страдающей в таком обществе свободной творческой личности, и мотив трагичной разобщенности интеллигенции и народа, их взаимного непонимания.

«Мне тварь покорна там земная, и звезды слушают меня...» – пишет в «Пророке» М.Ю. Лермонтов. У Н.И. Тряпкина поэт тоже охватывает внутренним взором весь мир, все творение Божие, отсюда космизм поэта, такой же развернутый, как у Лермонтова.

Так же, как и М.Ю. Лермонтов, Н.И. Тряпкин показывает пророка, праведника, столкнувшегося с невежественным самодовольством современника:

¹Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. Т 1. М.: Худож. лит., 1988. С. 224.

²Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. Т 1. М.: Худож. лит., 1988. С. 224.

³Лермонтовская энциклопедия / глав. ред. В. А. Мануйлов. М.: Большая Советская энциклопедия, 1999. С. 449.

Живут они при дьяволах,
 При ангелах живут
 И все кругом при случае,
 Как липку, обдерут¹.

«А на земле мазурики» (1966).

Однако противостояние происходит совсем на ином уровне, чем у М.Ю. Лермонтова. Осознанно или нет, Н.И. Тряпкин снижает его уровень, накал. Если у Лермонтова пророк чувствует себя посланником Бога, «вечного Судии» на земле, то пророк Н.И. Тряпкина сам к себе относится с долей умаления, даже юродства.

А ты, вояка-праведник!
 Ну, кто ты есть такой?
 Гуляешь, новый Лермонтов,
 Голодный и босой.

И каждый усмехается:
 Дурак ты, мол, дурак!
 Пороки все наказаны,
 И все теперь не так².

«А на земле мазурики» (1966).

Маска юродивого, дурачка – одна из традиционных русских «пророческих» масок. Согласно фольклорной традиции, дурачок находится под покровительством Всевышнего. За заботу и попечение Господа дурачок должен платить высоким качеством своей поэтической работы, иначе его постигнет кара свыше, кара совести:

Ты же, Тряпкин Николай,
 Заходи почаще в рай.
 Только песенки плохие
 Ты смотри не издавай.

А не сделаешь такого,

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1982. С. 169.

²Там же.

Я скажу, мол: «Ах ты вошь!»
И к Сергею Михалкову
В домработники пойдешь».¹

«Стихи о Николае Тряпкине» (1973).

«Маску» дурачка Н.И. Тряпкин примерял довольно часто, и вряд ли это можно считать случайностью. Так народное сознание, отображенное в сознании своего певца, реагирует на несправедливость, на жестокость земного устройства, земной власти, подразумевая, что в высшем смысле правда остается за дурачком, ибо он хоть и обижен, но не свыше; его стихи – ему награда; обиженными свыше бывают те, кто приобретает земные блага при жизни своей. Эти стихи, народные по духу, повествуют вместе с тем о конкретной личности, их авторе, перипетиях его судьбы.

Но дурачок не безобиден – он призывает объединиться в борьбе не только с «мазуриками», но и со «злыднями», «критиканами», «серенькими соседями», «кастратами», «долбунами», «прохвостами», «паскудами», «книжниками и уродами, искалеченными враньем». «Само слово "мазурики", употребленное автором, относится к неким своим согражданам, мешающим "дурачковой песне", это некая собирательная враждебная категория, объединяющая все – поступки людей и обстоятельства (речевая характеристика "мазуриков" – вполне земная, близкая к просторечной традиции)»².

«Ближние», среди которых приходится жить М.Ю. Лермонтову, это люди заблудившиеся, но, пожалуй, не мёртвые духовно: кидая камень в пророка, они отстаивают своё видение истины, правильности устройства мира.

Когда же через шумный град

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1982. С. 287.

²Псурцев Д. В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) / Д. В. Псурцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013)

Я пробираюсь торопливо,
 То старцы детям говорят
 С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
 Он горд был, не ужился с нами.
 Глупец, хотел уверить нас,
 Что бог гласит его устами!..»¹

«Пророк» (1841).

Мазурики Н.И. Тряпкина духовно мертвы. Их устраивает мир, где можно «при случае» всё вокруг ободрать как липку. Они самодовольно усмеваются в сторону вояки-праведника, будучи уверенными в том, что только «ловкость рук» и карьерно-материальное благополучие могут иметь ценность в жизни. Тряпкин прозревает истину, которую в полной мере открыл для себя в начале 80-х годов: в обезбоженном обществе, лишённом духовных идеалов, духовность рано или поздно будет заменена идеологией потребления, эгоцентризма, а впоследствии и физического саморазрушения.

В 1987 году в сборнике Н.И. Тряпкина «Излуки» был опубликован цикл «Стихи о мазуриках», последняя часть которого («Пускай они – мазурики...») заканчивается так:

И все-таки мы шумствуем
 Облавой озорной:
 Ату, ату мазуриков!
 Достань их под полой!
 Достань их из-под должности,
 Ползучих раскоряк!..
 Пусть лагерь наш – под выстрелом,
 А те – среди коряг.
 И все-таки мы шумствуем,
 Гарцуем над землей.
 А Лермонтов,
 А Лермонтов –
 С горластою трубой².

«Стихи о мазуриках» (1987).

¹Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. Т 1. М.: Худож. лит., 1988. С. 224

²Тряпкин Н. И. Излуки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 145.

Автор обращается к фигуре М.Ю. Лермонтова для того, чтобы подчеркнуть следующее: пророческое служение бывает разным, и путь у каждого пророка свой. Но главное для любого из пророков – хранить свято «завет предвечного» и, несмотря ни на что, нести его людям.

У лермонтовского пророка есть место, где он спасается от порочного общества современников («И вот в пустыне я живу, / Как птицы, даром Божьей пищи...»¹). Для лирического героя Тряпкина такой душеспасительной пустыней является Русский Север, те места, где он впервые почувствовал в себе могучий поэтический дар:

Коряжема!.. Сестрица!.. Благодать...
 Когда-то я прокладывал здесь гати.
 И в той избе ложился почивать
 На сказочные русские полати².

«Коряжема» (1962).

Тряпкин понимал, что дисгармония современного ему мира не может не сказываться и в столь отдаленных краях. Вот как писал поэт об этом в поэтической диалогии «Стихи в трудную минуту», созданной в середине 70-х годов XX века, переломных для его мировоззрения:

Пожить бы годик или три
 В глухом затворничьем пределе.
 А ну вас к черту, в самом деле,
 Жрецы, поэты, главари!

Уйти бы к пижемским крестам
 Или в заморские пустыни...
 А впрочем – гуси и гусыни
 Орут ведь, сволочи, и там!³

«Стихи в трудную минуту» (1972–1975).

¹Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. Т 1. М.: Худож. лит., 1988. С. 224.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 238.

³Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 177.

Эпиграфом к этой дилогии Н.И. Тряпкин использует строчку из стихотворения Лермонтова «Молитва» (1839) («В минуту жизни трудную...»).

Стихотворение М.Ю. Лермонтова связано с именем М.А. Щербатовой: княгиня велела поэту молиться, когда у него тоска. М.Ю. Лермонтов ей обещал и написал «Молитву»¹. Молитва – сакральный текст, произносимый вслух или про себя, нередко просьба. «Стихотворение раскрывает исток и условие молитвы, жажду просветления, сошествие благодати и ощущение полноты бытия»².

Сближает стихотворения М.Ю. Лермонтова и Н.И. Тряпкина похожесть душевного состояния обоих поэтов. Однако лермонтовская «молитва чудная» «в минуту жизни трудную», когда «теснится в сердце грусть», спасительна и животворяща. Поэт чувствует в ней «силу благодатную», «созвучье слов живых», осознает, что «...дышит непонятная / Святая прелесть в них». «Тоска» Н.И. Тряпкина связана с трагическим мировосприятием окружающей его действительности. Известно, что творчество поэта пронизано религиозными мотивами, часть их отражает его духовную жизнь. Стихотворения Н.И. Тряпкина 60-70-х годов наполнены напряженными поисками смысла человеческой жизни и ее назначения. Это период «временного» разочарования в «молитве». Душевное состояние лирического героя в стихотворении переходит от отчаяния к поиску тихой обители, он говорит об усталости от земной жизни. Его охватывает отчаяние («Хорошо бы сдохнуть! / И того не жду»), к которому добавляется и чувство щемящей, неотвязной тоски, не исключаяющей «квартир законных», «чужих углов», «колес вагонных», «запечных снов», а также полного отсутствия какого-либо действия, выраженного в стихотворении неопределенной глагольной формой («ни

¹Штильман С. Созвездие слов живых. О стихотворении М. Ю. Лермонтова 1839 года «Молитва» // Литература. 2001. № 42. С. 14.

²Косяков Г. В. Проблема смерти и бессмертия в лирике М. Ю. Лермонтова: автореф. дисс....канд. филол. наук. Красноярск, 2000. С. 17.

цвести, ни сохнуть, ни сыграть в дуду»). Разочарование трактуется Н.И. Тряпкиным как отражение трагических жизненных противоречий:

И нету нынче подворотни,
Где б не рычало кобелье...
И все ж, глобальная поскотня,
Забыть бы царствие твое!

И где-то в келье понемножку
Жевать бы черный сухарек
И в камельке лесной сторожки
Раздуть вечерний уголек¹.

«Стихи в трудную минуту» (1972–1975).

Звукопись стихотворения отличает то, что для гласных звуков свойственна некоторая напряженность, несмотря на «звучные», «широкие» гласные [а], [и] («узкие» гласные [о], [у] в стихотворении преобладают). Все то, что угнетает, обременяет, отягчает, представлено сниженной экспрессивно окрашенной лексикой («орут сволочи», «не рычало кобелье», «глобальная поскотня», «главари»). Наблюдение над пунктуацией в «Стихах» приводит к следующему выводу: восемь восклицательных предложений, тире, использованное пять раз, многоточие, поставленное после строк «или в заморские пустыни...», «где б не рычало кобелье», «то ли под дождем...», означающее композиционную, интонационную и смысловую неожиданность, свидетельствуют об эмоциональном накале стихотворения, подчеркивают неисчерпаемость передаваемого содержания.

Последние строки отражают сложность отношений лирического героя с Богом:

То ли быть под градом,
То ли под дождем...
Ничего не надо!

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 177.

Никого не ждем!
 То ли брысь в берлогу –
 И на дверь печать!
 То ли прямо к богу –
 Кулаком стучать¹.

«Стихи в трудную минуту» (1972–1975).

У Н.И. Тряпкина человек восстает против Бога, и в итоге мир рушится, возникает картина апокалипсиса, воссозданная во многих стихотворениях поэта. Страстные, мятущиеся души М.Ю. Лермонтова и Н.И. Тряпкина не знали покоя, их судьба – яркое свидетельство трагического существования поэта в мире.

§ 5. Традиции литературной сказки А.Н. Островского «Снегурочка»

В лирике Н.И. Тряпкина русская сказочная традиция представлена разнообразными сказочными типами и образами. Например, в стихотворении «Кострома» (1958) древнейший русский город предстает перед читателем в сказочном свете:

Там рыжие лоси в большой снегопад
 На дровнях по школам развозят ребят,
 Там царь Берендей на проспекте живет,
 А сказки, что бабки, сидят у ворот².

«Кострома» (1958).

Обращает на себя внимание один из поэтических образов стихотворения – царь Берендей.

Вообще «берендеи» – дикие кочевники, кочевое племя тюркского происхождения³ – упоминаются в русских летописях с 1097 года до конца XII века. «Берендеево царство» воспел А. Н. Островский в своей пьесе

¹Тряпкин Н. И. Уж, видно, тот нам выпал жребий: стихотворения. М.: Русская книга, 2000. С. 177.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит, 1984. С. 164.

³Бурдакова Т. Кто есть кто в Царстве Берендея // Литература. 2000. № 1. С. 5.

«Снегурочка». Осенью 1848 года драматург, проезжая из Москвы в Щелыково через Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому, услышал местную легенду о царстве счастливых берендеев, которыми правил мудрый и добрый царь. Нигде не сказано, каким путем Берендей пришел к власти, но, несомненно, владеет он ею по праву. Царство берендеев находилось, согласно народным преданиям, на месте знаменитого Берендеева болота, в центре которого, на острове, сохранились остатки древнего городища. Таким образом, драматург это название «подсмотрел» в летописи или взял его из топонимов¹.

Представляется интересным сравнить структуру «Берендеева царства» в пьесе Островского «Снегурочка» и в стихотворениях Н.И. Тряпкина.

Берендеево царство Островского имеет свою географию, свои законы, свой собственный отсчет времени. Оно абсолютно и самодостаточно. Это мир не идеальный, но счастливый. Нравы и быт берендеев просты. Берендеи миролюбивы, «Берендея держава» «миром красна», «Веселы грады в стране берендеев / Радостны песни по рощам и долам». У Островского берендеи ведут образ жизни, свойственный большинству племен, населявших среднюю полосу славянских земель². Одна из главных героинь пьесы Островского – Весна как Сила Природы – говорит о берендеях: «они беспечны»; «частые игры и празднества» – обычное явление в их жизни. Берендеи не знают, что такое междоусобные войны, любовь оберегают как святыню.

В лирике Тряпкина «берендеево царство» – эта «угрюмая страна», с ее «могучей природой», похожей на Россию, зима здесь именно такая, как где-нибудь в лесу средней полосы:

За синие своды,

¹Бурдакова Т. Кто есть кто в Царстве Берендея // Литература. 2000. № 1. С. 5–7; Соловьева В. Берендеево царство // Литература. 2000. № 1. С. 8–9.

²Соловьева В. Берендеево царство // Литература. 2000. № 1. С. 8–9.

За вешние воды
 Зовут меня детские сказки природы,
 На белую гору, к метельному бору,
 Отвесить поклон старику Зимогору <...>.
 Сосновые своды, глухие проходы...
 Я слушаю тайную флейту природы,
 Иду через дремы, очнуться не смея,
 К прогалинам детства, в страну Берендея...¹

«За синие своды» (1957).

В европейской литературной традиции лес – символ человеческих заблуждений. В русской – источник помощи, которая вдруг придет, когда ее неоткуда ждать, средоточение таинственных сил. Таинственность русского леса скорее манит, чем пугает: «На красные горы, в певучие боры, / Где тучи с громами ведут разговоры, / Где сосны и ели вздыхают о Леле...»² («За синие своды», 1957).

Считается, что имя Лель принадлежало одному из божеств в языческом пантеоне славян, его отождествляли с Купидоном³. У Н.А. Островского образ Леля несет в себе и реальное (в сказке драматурга юный Лель – пастух), и сказочное начало, хотя не обнаруживающее себя так, как в образе Снегурочки. У обоих писателей Лель – беспечный баловень судьбы, любимец девушек, поэт и музыкант (у Н.И. Тряпкина Лель играет на «ворожейной свирели», «играет на рожке – стихотворение «То градом драит клевера», (1956). В стихотворении «Мелодия высотных пустынь» (1961) поэт пишет:

А в наших долинах курчавится хмель,
 Курчавится хмель.
 И я проходил там – веселый, как Лель,
 Горячий, как Лель⁴.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 58.

²Там же.

³Богданова С. Мифологические мотивы в сюжете пьесы «Снегурочка» // Литература. 2000. № 1. С. 10–11.

⁴Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 103.

Вообще действительность, преломляясь в сознании писателей, нередко приобретает фантастические черты. В берендеевом царстве уживаются и люди, и сказочные существа (у А. Н. Островского: Весна-Красна, Дед-Мороз, Леший, Снегурочка; у Н.И. Тряпкина – «коньки-сорванцы», «Мороз, поднявший усы», Елка, Баян, «бородатый лес»).

У Островского царь Берендей – заботливый и справедливый правитель, который будет старательно отыскивать причины гнева Ярилы в «неправильном» житье-бытье своих подданных. Его владения превратятся в арену мести солнечного бога. У Тряпкина царь Берендей – «лицо необыкновенное», волшебное существо, объединяющее в себе народную культуру с народным бытием, с его широтой и общезначимостью:

А про сельский наш корень скажу вам смелей:
Мы фамильнее прежних бояр и князей!
Не на знатных гербах, а на наших горбах
Эту Русь начинал еще царь Берендей.¹

«Колхозная новогодняя пирушка» (1948–1958).

Конфликт, охватывающий мир берендеев А.Н. Островского («тепло» и «стужа»), пронизывает социальный аспект, у Н.И. Тряпкина «тепло» и «стужа» – это не конфликт, а неотъемлемые составляющие природного мира (зимы и лета как времен года). И гармоничность мира «берендеева царства» Тряпкина заключается в его слитности с природой, а значит – в полной ей подчиненности лирического героя:

Проносятся тучи, проносятся годы,
Меняются земли, меняются воды.
А я эти тропы, и вздохи, и стуки
Держу на примете, беру на поруки.
А я эти песни, рожки и свирели
Хотел бы оставить в родной колыбели,
Где красные горы, где шумные боры,
Где я на дулейке искал переборы.
И слушал земли заповедные Веды,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит, 1984. С. 160.

Сядясь на пенек для высокой беседы...¹

«За синие своды» (1957).

Итак, народно-поэтическая культура специфично преломилась в поэзии Тряпкина, воспринимаясь не только в «чистом виде», но и через литературную традицию, в частности через традицию А.Н. Островского. Для поэта в его попытках приблизиться к народно-сказочной России близкими оказались традиции весенней литературной сказки Островского «Снегурочка».

§ 6. Художественно-философский мир поэзии

Ф.И. Тютчева и Н.И. Тряпкина

Н.И. Тряпкина отличал философский склад мышления. На протяжении большей части своего творческого пути поэт создал философскую поэзию, в которой преломилось его понимание принципов бытия, его сущности и категорий, структуры и закономерностей, воплотилась связь мира семейного, национального мира и мира космического. Этому способствовала русская религиозно-философская мысль, в том числе и творчество Ф.И. Тютчева.

К творчеству Ф.И. Тютчева Н.И. Тряпкин обращается уже в середине 50-х гг. В стихотворении «Осень» (1956) в качестве эпитафии взяты строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (1857).

Осень Н.И. Тряпкина не так красива, как осень Ф.И. Тютчева, она не радуется волшебной красотой человеческий взор. Уже не слышно пения птиц, собран урожай, поля убраны, жнивы заброшены. А журавли, собравшись в клин, с протяжными криками улетают в теплые края:

Чу! Прощальный привет журавли, журавли,
Журавли в облаках прокурлыкали¹.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 58.

«Осень» (1956).

Вместе с тем стихотворение Н.И. Тряпкина пронизано лиризмом. Вслед за Ф.И. Тютчевым, пейзажной лирике которого было свойственно отражение размышлений и жизни и месте в ней человека, поэт изображает не только переходные состояния природы, но и подчеркивает связь человеческого существования с явлениями природы:

Поклонюсь одинокой рябине,
Погрушу среди сжатых полей...²

«Осень» (1956).

В 80-90-е гг. в творчестве Н.И. Тряпкина, набирая силу, зазвучала тема нота сопротивления пошлости, расчеловечиванию. Он, тяжело переживший развал страны, не мог и не хотел мириться с происходящим. В произведениях, рисующих кризисное состояние современного мира, стих Н.И. Тряпкина может становиться более «книжным». Например, в «Курильской песне» (1978) поэт, в качестве эпиграфа использовавший строки из «Последнего катаклизма» Ф.И. Тютчева, описывает современную действительность в библейском, апокалиптическом духе, прибегает к образам-символам. К концу стихотворения, завершающегося риторическим вопросом, тревога за будущее человечества усиливается:

Неужели не сыщется Слово
Над проклятьем виденья такого
И над миром взойдет одиноко
Только божье скорбящее око?³

«Курильская песня» (1978).

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 123.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 123.

³Там же. С. 487.

Следы углубленного прочтения Ф.И. Тютчева угадываются и в стихотворении Тряпкина «Дым» (1984). В качестве эпитафии к стихотворению поэтом взяты строчки из одноименного стихотворения Ф.И. Тютчева: «Здесь дым один, как пятая стихия, / Дым безотрадный, бесконечный дым!».

Известно, что стихотворение Тютчева написано в связи с появлением в 1867 году романа И.С. Тургенева «Дым», отражающего существенные черты эпохи 60-х годов XIX века, романа, в котором со всей полнотой проявились симпатии и антипатии писателя. Реформы, правительственная политика, западничество и славянофильство, судьба наследия Белинского, положение народа после крестьянской реформы – вот далеко не полный перечень вопросов, поставленных в «Дыме», где Тургенев высказал свою программу дальнейшего развития России, основанную на «европейской образованности»¹. Через весь роман И.С. Тургенева проходит образ дыма – беспорядочной, бессмысленной духовной круговерти.

Как свидетельствует дневник дочери Ф.И. Тютчева Марии, в их семье с интересом читали повести и романы И.С. Тургенева, однако не все его произведения находили одобрительную оценку у поэта². Полемически был воспринят роман «Дым», с которым поэт познакомился весной 1867 года. О впечатлении, произведенном на Ф.И. Тютчева романом «Дым», В.П. Боткин сообщал И.С. Тургеневу 23 апреля 1867 года: «Дым» еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф.И. Тютчева, – он только что прочел – и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким написана главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее в повесть, и на всякое отсутствие

¹Алексашина И. В. Современное звучание романа И. С. Тургенева «Дым» // И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры: материалы международной научной конференции. Орел, 2003. С. 58.

²Калашникова И. А. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев: аспекты творческого диалога: дисс.... канд. филол. наук. Сургут, 2010. С. 30.

национального чувства»¹. После чего Тютчев публикует отклик на «Дым» И.С. Тургенева – стихотворение с одноименным названием и эпиграмму «И дым отечества нам сладок и приятен»: так Ф.И. Тютчев представляет патриотический протест против пессимизма тургеневского «Дыма»:

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, –
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять тот лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной².

¹Тютчев Ф. И. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 466.

²Тютчев Ф. И. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 355.

Стихотворение написано в апреле – мае 1867 года. В нем Ф.И. Тютчев противопоставляет отрицательной оценке «Дыма» глубоко положительную оценку творчества писателя 1840-х – начала 1850-х годов (в частности, «Записки охотника» И.С. Тургенева), которое он сравнивает с «могучим и прекрасным», «волшебным и родным» лесом¹.

Стихотворение отличается большим количеством слов, символов, воспроизводящих общепозэтическую практику или подвергающих ее известной трансформации. В стихотворение введен семантический комплекс леса, «исполненного» видений, чудес, призраков, чар. В тексте встречаются образы, связанные со старыми, устойчивыми в поэзии наименованиями ряда явлений (огонь, время, ветер, мир, свет). Так, образ света («свет», «светлый»), используемый Ф.И. Тютчевым в ряде стихотворений при решении темы жизни и смерти, выступает как синоним дня и, в некотором роде, образным воплощением истины, что свидетельствует о «традиционном» подходе поэта при осмыслении тех или иных тем и образов².

В то же время, «резко сокращая в поздний период обращение к традиционной поэтической лексике, Ф.И. Тютчев не отказывается от обращения к веками закрепленным символам. Следуя общей тенденции, определившейся в послепушкинскую эпоху, он, сохраняя символическое наполнение образа, часто уходит от его устойчивого лексического выражения, выходя за пределы семантического комплекса образа-символа в семантический или тематический комплекс слова-реалии»³. Например, в стихотворении представлен огонь («с зловещим треском белые огни...») и «уродливые пни пожарища». Огонь – символ жизни, его угасание означало

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 467.

² Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука. 1980. С. 214–215.

³ Там же. С. 209.

смерть. У Ф.И. Тютчева-романтика огонь может опалить присутствие человека в мире, и лирический герой пытается избежать подобной участи, воспринимая разрушительную огненную стихию как «сон».

Как отмечает А.Д. Григорьева в работе «Слово в поэзии Тютчева» (1980), иногда в текстах поэта слово может выступать потенциальным символом, так и не обретая в поэтической традиции символической прикрепленности и семантической независимости. Таков у Ф.И. Тютчева, по мысли исследовательницы, образ дыма. Этот образ у него особенно активен, связан с семантической преемственностью, с традиционно оценочным употреблением этого слова: дым – нечто ненадежное и эфемерное. Для Ф.И. Тютчева образ дыма – устойчивый, его семантика выходит за границы, закрепившиеся за словом в общем употреблении, дым – результат сгорания без огня, тления («Русской женщине»), нечто предельно нереальное («Как дымный столп светлеет в тишине», 1848)¹.

А.А. Смирнов, рассматривая метафорику огня в поэзии Ф.И. Тютчева, считает, что метафорику стихотворения «Дым» отличает особый аспект «политического пожара» – так в противовес И.С. Тургеневу подчеркивается мотив возможного преодоления дымных пожарниц российской действительности:

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять тот лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной.

Свежий ветер преодолевает звериное начало огня – одна стихия нивелирует другую. Тютчев намекает на западный источник политических пожаров, заявляя об особом историческом пути развития России. За аллегорией скрывается «красный зверь» – огонь и его разрушительное

¹Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука. 1980. С. 212.

начало по отношению к устоям российской государственности, а дым осмысливается поэтом как проявление морального падения нации¹.

Подобные мысли были высказаны и Н.И. Тряпкиным:

Горчайший дым – по всем лесам и водам,
 Горчайший дым – по всем концам Земли.
 Куда лететь? Пробрезжите, восходы!
 Зачем лететь? Прокличьте, журавли?<...>
 Туда, туда – сквозь вывихи сознания!
 Туда, туда – в густой крошечный дым!
 Горит Земля. Хоть тигель возгорания
 Покуда скрыт в узилищах земных...²

«Дым» (1984)

Стихотворения Ф.И. Тютчева и Н.И. Тряпкина строятся на базе тематического комплекса «дым», о чем свидетельствуют заглавия стихотворений. Этот образный центр определяет структуру текстов (у Ф.И. Тютчева лес как часть земли; у Н.И. Тряпкина – Земля как часть Космоса, и центр, «подтверждающий» это состояние, – человек). Отношения указанных семантических комплексов тождественны, взаимозависимы. Стихотворения строятся на столкновении контрастных по своей природе явлений: жизни и смерти, символом которой является дым как результат горения.

Слова «дым», «огонь» вводятся поэтами в текст как носители определенных значений, как элементы соответствующих комплексов в понятии «человек», но они же и рожают новый символ – дым как перифраза современной поэтам действительности, бездуховности и всеобщего упадка.

У Ф.И. Тютчева:

Что это? призрак, чары ли какие?
 Где мы? и верить ли глазам своим?

¹Смирнов А. А. Метафорика огня в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 3. С. 78.

²Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 418.

Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым¹.

У Н.И. Тряпкина:

Исходит век вселенской дымной гарью.
Дымятся рвы. Грядущее в дыму.
И вся планета, вздыбив полушарья,
Летит туда – в дымящуюся тьму².

Вместе с тем обращает на себя внимание и ряд отличий. В стихотворении Ф.И. Тютчева присутствует указание на соборность, которая выражается при помощи 1 лица множественного числа («навстречу нам», «где мы?»), присутствие лирического героя в стихотворении Н.И. Тряпкина выражено местоимением «я» («я в мир пришел», «я жить хочу»), что определяет иную проблематику стихотворения – судьбу отдельного человека.

В стихотворении Ф.И. Тютчева встречается 24 прилагательных, разных по значению: безотрадный, белый, бесконечный, близкий, быстрый, волшебный (2 раза), дивный, дымный, знакомый, могучий, нездешний, прежний, прекрасный, птичий, разнообразный, родной, роскошный, светлый, таинственный, уродливый, чудный, целый (2 раза). Отдельные эпитеты-прилагательные употребляются поэтом в прямом значении: они или обозначают признак, входящий в семантику реалий (птичий гам; лесная полутьма; целый рой), или выполняют эмоционально-оценочные функции (таинственный лес; чудный свет; роскошный, светлый пир; ловчий рог; быстрые олени). Следует подчеркнуть значение двух приставочных прилагательных «безотрадный», «бесконечный», объединенных темой постоянного уныния, серости, безликости, бесцветности, тусклости. Такое количество прилагательных, сконцентрированных в одном тексте, направлено на воплощение смысла,

¹Тютчев Ф. И. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 355.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 418.

вытекающего из логики развития всего стихотворного сюжета, – указание на некоторую описательность, т. к. текст строится как воспроизведение конкретного образа.

В стихотворении Н.И. Тряпкина такого количества прилагательных нет, однако обращает на себя внимание повторяемость двух прилагательных: «земной» (поднебесья, племена, узилища) и «горчайший» (дым) (второе прилагательное стоит в форме превосходной степени). В первом случае группировка однородных определений, выступающих в качестве функциональных синонимов, влечет за собой усиление собственного значения прилагательного, возникновение единого, объединяющего значения словосочетаний в целом; во втором – превосходная степень сравнения указывает на доминирующий признак глобальности происходящего.

Интересно заметить, что звуки [р] и [р'], входящие в глаголы «кричу», «развейся», «рассмейся», одни из наиболее частотных в стихотворении. Так, в четвертом четверостишии подбор слов идет по пути нагнетания фонемы [р], представленной в доминирующих существительных фрагмента «гарь», «рвы», «грядущие», «полушарья», в шестом четверостишии звуки [р], [р'], [з], [с] создают имитацию потока движения:

А где-то там проходят эскадрильи
Весенних птиц, взволнованных навек.
И я, сквозь дым, распахиваю крылья –
И, задохнувшись, делаю разбег¹.

«Дым» (1984).

Завершается стихотворение криком, выражающим эмоциональность лирического героя:

И вот кричу – сквозь тьму огня и моха:
Развейся, дым! Рассмейся, небосвод!¹

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 418.

«Дым» (1984).

Любопытным представляется сопоставление образа дыма в стихотворении Тряпкина с образом дыма из стихотворения Тютчева.

Реальная жизненная ситуация – осмысление себя в этом мире – с первых строк наполняет стихотворение Тряпкина особым содержанием. Это определяется созданным набором сменяющих друг друга отвлеченных образов. Своеобразно использование традиционного поэтического образа жизни-пути:

Я в мир пришел – не свянуть, не смириться,
Не утонуть во тьме людских болот.
Я жить хочу, но только вольной птицей –
И совершать свой радостный полет...²

«Дым» (1984).

Слово «жизнь» в стихотворении не синоним слова «существование». Духовная деятельность не сводится только к мыслительному процессу, она охватывает и сферу его чувств. Словом «жить» Тряпкин обозначает всю духовную и душевную деятельность лирического героя.

Я жить хочу, но только – полным вздохом,
И уходить – в ликующий полет!³

«Дым» (1984)

Именно такое наполнение слова «жить» стимулировало обращение к образу птицы («вольная птица», «весенние птицы», «журавли») и включение в стихотворение слов семантического поля указанного образа («лететь» «прокличьте», «распахиваю крылья», «полет»).

Сравнение жизни человека с жизнью вольной птицы – обращение поэта к традиционному фольклорному символу, образное воплощение духовного полета лирического героя (следует заметить, что подобный

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 418

²Там же.

³Там же.

способ включения слов семантического поля «птицы» в семантический комплекс «жизнь» можно обнаружить и в ряде стихотворений Ф.И. Тютчева)¹.

Итак, в стихотворениях Н.И. Тряпкина развертываются свои собственные философско-поэтические суждения на основе художественно-философской поэзии Ф.И. Тютчева.

§ 7. Н.И. Тряпкин и традиция «новокрестьянских» поэтов (Н.А. Клюев, П.В. Орешин, С.А. Есенин)

В большинстве исследований, посвященных анализу творчества Н.И. Тряпкина, отмечается, что свой путь как поэт Тряпкин начал с освоения литературных традиций, в частности, с подражания крестьянским поэтам первой половины XX века. Н.И. Тряпкину «стали близки "крестьянские" (деревенские) поэты, причём как старые (прежде всего Николай Клюев, Сергей Клычков, Пётр Орешин), так и "новые" (Михаил Исаковский, Александр Прокофьев <...>»².

В.А. Котельников считает, что «всюду у Тряпкина ощутима та "крестьянская почва", с которой связан он и своими тверскими корнями, и годами жизни на Севере, и в Подмосковье. Его поэзия крепко срослась с бытовым укладом и с психологией крестьянина <...> Здесь истоки его мироощущения, речи, образов»³. Крестьянским поэтом называет Н.И. Тряпкина Ал. Михайлов⁴. «Поэту доступно воплощение всемирности, единовременности всего происходящего на Земле и в Бесконечности. Словно по спирали он расширяет свой духовный мир, что даёт ему

¹ Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука, 1980. С. 213–214.

² Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин // /Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино, 2010. С. 66.

³ Котельников В. А. Перуново древо поэта. Литературная учеба. 1985. № 5. С. 136.

⁴ Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» Сельская тема в современной русской поэзии // Дружба народов. 1969. № 2. С. 255.

возможность раздвигать границы прекрасной эстетической традиции, унаследованной от Н. Клюева» – считает С. С. Куняев¹.

Близость лирики Н.И. Тряпкина к новокрестьянской поэзии неоднократно отмечал и поэт Ю.П. Кузнецов: «Со времен Кольцова в русской поэзии тянется одна золотая нить, связанная с народным ладом. Она прошла через Некрасова и Никитина, через Есенина и А. Прокофьева, дошла до наших дней. Николай Тряпкин продолжает эту линию и в ряду этих имён совершенно самостоятелен, ни на кого не похож»². Поэт уверен, что «в линии Кольцов – Есенин, поэтов народного лада, Тряпкин – последний русский поэт. Трудно и даже невозможно в будущем ожидать появления поэта подобной народной стихии. Слишком замутнён и исковеркан русский язык и сильно подорваны генетические корни народа. Но если такое случится – произойдет поистине чудо. Будем на это надеяться, а я уверен в одном: в XXI веке значение самобытного слова Николая Тряпкина будет только возрастать»³.

Вместе с тем бытует мнение, что освоение Н.И. Тряпкиным литературных традиций новокрестьянских поэтов носит лишь подражательный характер. Так А. К. Тарасенков, одним из первых обративший внимание на молодого поэта Николая Тряпкина во время проведения Первого Всесоюзного совещания молодых писателей в 1948 году, неодобрительно отметил его сходство с Николаем Клюевым, с поэзией «новокрестьян»⁴. Сам Тряпкин иронизировал по этому поводу в стихах 1949 года: «Только вывел я нашу вечерку / На концерт своих первых стихов, / Моё имя пошло на подкормку / Боевых долбунов петухов.

¹Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918-1999) // Литература в школе. 2008. № 11. С. 5.

²Богачков Е. В. Два Водолея (Юрий Кузнецов о Николае Тряпкине) // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика», 2010. С. 14.

³Там же. С. 20.

⁴Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...». // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика», 2010. С. 74.

/ Не горлань ты узорно, гармошка! / Ты, колхозная тройка, стоп! Нам припишут клычковскую кошку, / Что мурлычет про Ноев потоп..."» – «Только вывел я нашу вечерку» (1949).

В 1953 году А.А. Жаров в рецензии на сборник Н.И. Тряпкина «Белый сад» отмечает, что в ряде стихотворений поэт «кидается в пучину эстетических красотостей, лавируя между косноязычием Клюева и шикарным выговором И.Северянина:

И зазывать побаски на ночлег
Мы слепим звонкотрубный камелек¹.

В. Приходько в своей работе, посвященной творчеству Н.И. Тряпкина (1977) пишет о том, что в ряде стихотворений, например, «Элегии старому пепелищу» (1957) и поэме «Гнездо моих отцов» (1965), поэт попытался объяснить, почему стерты с лица земли жилища предков и исчезла одна из тверских деревенок. Однако, по мысли критика, в указанных произведениях нет характерных черт, присущих произведениям на крестьянскую тему. Применительно к лирике Н.И. Тряпкина критик возражает против эпитета «деревенский», объясняя его употребление лишь с позиции противопоставления литературных школ. А в стихотворении «Снится мне утро и домик у речки» (1965) В. Приходько видит сходство с поэтической системой не столько Н.А. Клюева, сколько с творчеством Н.А. Некрасова². Б.Волков в своей статье «"Свет ты мой, робкий, таинственный свет". Поэтическая судьба Николая Тряпкина» (1994) указывает на то, что «было время, когда связь с фольклором, традиции Кольцова, Клюева, Есенина рассматривались в творчестве Тряпкина негативно, прежде всего, как оторванность от современности»³.

¹ Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975.

² Приходько В. Лебеди и вертолет // Литературное обозрение. 1977. № 1. С. 62.

³ Волков Б. «Свет ты мой, робкий, таинственный свет». Поэтическая судьба Николая Тряпкина. // Литературная газета. 1994. 6 сентября. № 33. С. 24.

Мысль о близости поэтических систем Н.И. Тряпкина и новокрестьянских поэтов развивает в своих научных изысканиях, посвященных творчеству поэта, Л. А. Аннинский: «Даже без прямого упоминания Клюева знатоки засекают, какому Николаю наследует этот Николай. “Как с мурлыкой по-свойски огнем балагурит лежанка и, работая дратвой, воркует на керженке дед. В 1948 году это вам не дед с котом, это апология старорежимной деревни” (а кот явно клюевского помёта), то есть как бы “выдает” его, отступается, но ситуацию реализует в такой ловкой скоморошине, что сверхзадача все равно высвечивается – несоизмеримая с актуальными литературными склоками»¹.

В своем диссертационном исследовании, посвященном почвенному направлению в русской поэзии второй половины XX века (1998), В.Н. Бараков утверждает, что Н.И. Тряпкин не овладел идейно-эстетическим богатством народного поэтического творчества, в частности образной символикой (в этом отношении он не выдерживает никакого сравнения не только с Н.А. Клюевым, но и с Н.М. Рубцовым и даже с Ю.П. Кузнецовым), в его лирике нет клюевского идейно-тематического богатства, отсутствует религиозно-философская глубина, нет многоцветного клюевского языка, свехобилия бытовых деталей, кроме разве что староверческой экзотики². К теме «Клюев – Тряпкин» исследователь возвращается в 2005 году в своей книге «Слову предела нет: Литературоведение. Критика. Публицистика» (2005), в которой исследователь приводит высказывания известных критиков и литературоведов (П. С. Выходцева, А. К. Тарасенкова, В. В. Дементьева,

¹Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы» (2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: url: <http://www.zavtra.День литературы/114/71.html>. (дата обращения: 25.09.2016).

²Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: Типология и эволюция: дисс. ...д-ра филол. наук. М. 1998. С. 162– 165.

Ст. Ю. Куняева и др.), отмечающих положительное, но по большей части бездоказательное сходство поэзии Н.И. Тряпкина с поэзией Н.А. Клюева¹.

Подобные высказывания предопределяют, но окончательно не определяют подлинных творческих связей, которые могут выявиться только при строго объективном сопоставлении и анализе литературного наследия Н.И. Тряпкина и поэзии новокрестьянских поэтов в широком плане. Здесь интересно соотнести позиции поэтов, понять и социальный, и мировоззренческий смысл.

7.1. Н.А. Клюев и Н.И. Тряпкин

Творчество Н.А. Клюева сыграло большое значение в формировании философских, эстетических и социально-нравственных ориентиров Н.И. Тряпкина. Сближает поэтов общая «генеральная тема» – тема русской деревни, ее судеб. Сельская проблематика, условия деревенской жизни с их спецификой, семья с ее атмосферой предопределили тему их творчества. В сущности, это обстоятельство обусловило не только тематику их произведений, но и всю образную систему их поэтического творчества: сельскую природу, предметы крестьянского быта, орудия труда земледельцев. «Тишиной безвестья живы, / Во хмелю и под крестом, / Мы – жнецы вселенской нивы, / Вечеров уборки ждем» – строки взяты из стихотворения Н.А. Клюева «Наша радость, счастье наше...» (1910). С описания начала весенне-полевых работ, предвещающих «колосистое лето», начинается свой творческий путь и Н.И. Тряпкин (стихотворение «Дрогнули красные вспышки востока...», 1949).

Немалая часть поэтических образов и Н.А. Клюева, и Н.И. Тряпкина восходит к древнему мифологическому мышлению. Память детства,

¹Бараков В.Н. Слово предела нет: Литературоведение. Критика. Публицистика. – Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005. С. 12– 16.

русские корни поэтов, предания о староверах-старцах во главе с протопопом Аввакумом, духовные искания сформировали основу появления у каждого поэта стихотворений, составляющих диалектическую триаду «миф-фольклор-литература».

Как Н.И. Тряпкин относился к Н.А. Клюеву, можно догадаться из стихотворения 1973 года, которое в одних сборниках называется «Предание», а в других «Стихи о Николае Клюеве». В своем стихотворении Н.И. Тряпкин называет Клюева Аввакумом двадцатого столетия.

Образ Аввакума, пропагандиста старообрядчества и литературного деятеля занимает важное место в поэтическом мире Клюева и олицетворяет собой древнюю красоту и духовность русского народа. «Выговское общежительство», «мужицкая» школа писателей-старообрядцев проецировалась Клюевым на программу «осознания себя человеком», на определение своего поэтического пути, что он не раз подчеркивал в своих стихах. Не случайно в духе «Жития протопопа Аввакума» написаны многие стихи Клюева. Являясь не только памятником староверской мысли, но и образцом мастерского владения древнерусским языком, «Житие протопопа Аввакума» оказало огромное влияние на формирование мировоззрения и поэтического дара Клюева¹.

В стихотворении Н.И. Тряпкина поэт Клюев – «тот скрытник из Олонца», в которого «летят еще каменья». Но Н.И. Тряпкин подчеркивает другое: в русской поэзии прямое и закономерное лучших сторон поэзии Н.А. Клюева продолжается: «Давно с землей смешалась та кутья, / Давно истлел тот скрытник из Олонца. / Но этот крин, та звонкая струя <...> Пускай придут – и вспомнить, и почтить, / И зачерпнуть из древлего

¹ Мануковская Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов в поэзии Н.Клюева: автореферат дис...канд.. филол. наук. Воронеж, 2007. С. 8.

колодца... / Мы так его стараемся забыть – / И все-таки забыть не удастся»¹.

В качестве эпиграфа к «Стихам о Николае Клюеве»² Н.И. Тряпкин взял строчки из стихотворения С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (1917), сказавшего о Н.А. Клюеве так: «От Вытегры до Шуи / Он избраздил весь край, / И выбрал кличку – Клюев / Смиранный Миколай». Тряпкин стремится к тому, чтобы его связи с внешним миром и с людьми, населяющими этот мир в настоящем и прошлом, не утрачивались. Поэтому эпиграфы к стихам свидетельствуют о том, что автор хочет объединить разные человеческие микромиры, творческие системы.

В творчестве Н.А. Клюева реализовывалась попытка воссоздания авторизированной народной картины мира, несущей в себе коллективное мифологическое сознание (народную космогонию и эсхатологию). Среди разнообразия языческих представлений народа на первый план выходят образы крестьянского бытия: Изба, Печь, Очаг, печной Огонь, Божница, Вода, Ковш, Коврига³. Н.А.Клюев называл себя "певцом олонеккой избы". В образной семантике поэтической парадигмы слова изба отразились и реалии сурового северного края, и культурно-исторические, и этнокультурные, и фольклорные традиции. «Изба-богатырица, / Кокошник вырезной» («Изба-богатырица», 1914), «Под древними избами, в красном углу, / Находят распяты, алтын и иглу...» («Под древними избами, в красном углу...», 1918), «Из избы вытекают межи, / Ломоносовы, Ермаки...» («Из избы вытекают межи...», 1919), «Где изба – пеклеванный шолом, / Толоконная городьба!» («Родина, я умираю...», 1919).

Крестьянской избе, ее эстетике, образам крестьянского бытия, связанным с Избою (печь, печная труба, дым, очаг, печной огонь, камелек, коврига, вода, окно, горенка, лежанка, дверь, порог, колыбель / зыбка,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит. 1984. С. 471.

² В стихотворении Тряпкина «Предание» эпиграфа нет.

³Мануковская Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов в поэзии Н.Клюева: автореферат дисс...канд... филол. наук. Воронеж, 2007. С. 6.

полати, прялка, божница) посвящен ряд стихотворений и Н.И. Тряпкина. «Н. Тряпкин широко обращается к национальному быту. Предметы русского обихода, интерьер крестьянской избы, национальные обычаи представлены в его стихах на протяжении всей творческой жизни. При этом образ современного быта накладывается на существующий издревле»¹. В стихотворении «Где ты, мой друг незабываемый?» (1942) вместо добротной избы («в пепле – родное жилье») и крепкого крестьянского хозяйства, спокойного и сытого детства – «юность с котомкой дорожной». В стихотворении «Виноградие да зеленое...» (1966) показана избыная сказочная красота. В стихотворении «Изба» (1958) поэт признается в любви к своему жилищу, названному «старым домом», в котором он родился, вырос, был счастлив в детстве. Судьба страны отражена в стихотворении «Изба» (1982). Приобретенная скособоченная избенка, гордо названная поэтом с большой буквы – Изба – переменяла жизнь семьи Н.И. Тряпкиных. Л.В. Рыжкова-Гришина отмечает, что в этом стихотворении перед читателями предстает грандиозное эпическое полотно, на котором «разворачивается не менее грандиозная драма огромной страны, где судьба семьи – ее составляющая и крохотный осколок, маленький срез, показывающий <...> глубину и тяжесть этой драмы, остроту, напряженность и монументальность ее исторического сюжета»².

Исследователи творчества Н.А. Клюева едины в оценке центрального поэтического пространства в его лирике – избы, расширенного до предела «рая избыного», «избыного космоса»³. В творчестве Н.И. Тряпкина изба, соотносимая с мирокосмосом и макрокосмосом, «развернута в мир» и «свернута в человека», соединяет

¹ Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник ТвГУ. 2011 № 18. Вып 3. С. 56.

² Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань, 2012. С. 96.

³ Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 33.

бытовое и бытийное: «Звездопад или росчерки пуль?! / Проплывает над самой избой» («Ночная песня», 1949), «И мерещится за каждую ракитую / Теплый запах от невидимой избы <...> / Вот ступлю на ту хребтину поднебесную – / И пойду уже по Млечному Пути» («Дорога», 1952), «Гуляет космос над избой, / В душе поют легенды Рима» («Рождение», 1958), «Будто мимо плывет кораблей караван, / И проходят все флаги Земли, – / На таком берегу перед судьбами стран / Мы построили избы свои...» («Деду», 1962), «Распахнуты, братцы, вселенские двери <...> / Желаю вам, братцы, в те славные двери / Пораньше войти и украсить свой дом...» («Землякам», 1962), «И вселенная пахла порохом, / Обжигая мой отчий дом» («Девка мылася, да белилася», 1968). Так Изба и Вселенная находятся в отношениях взаимной обусловленности и связанности.

Анализируя стихотворение Н.А. Клюева «Рождество избы» (1915), исследователи считают, что уже в названии актуализирован сакральный смысл существования избы и в библейском контексте (по ассоциации с Рождеством Христовым), и в народном духе. О рождении избы – жилища человека в соответствии с крестьянскими традиционными представлениями Н.И. Тряпкин пишет в своей послевоенной лирике («Горячие вспышки, фугасные громы...», 1962).

Изба и Н.А. Клюева, и Н.И. Тряпкина рукотворна. Во главе ее созидания у Н.А. Клюева стоит «крепкогрудый плотник», «строитель-тайновидец». «Определение, обращенное к плотнику («тайновидец») не случайно: строителей считали причастными к тайне «рождества» избы, так как в результате их деятельности устанавливался «космический порядок», осуществлялась связь дома с природой¹. В произведениях Тряпкина избы строят дед Никита, отец поэта – плотник и сам лирический герой (стихотворения «Вяжут свежие метелки, 1941; «А сколько было дерева»,

¹ Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 33.

1949; «Я не убрал веселого оружия», 1950; «Я построю дом сосновый», 1953; «Я не зря топором по стропилам стучал», 1957; «Мой отец был столяр...», 1982). В стихотворении «Первая зима в новом доме» (1993) соединяются человеческое как строительство избы и божественное как воплощенная бытийность: «Отцовская трубка, отцовский столярный набор, / А снег повалил – расчищай-ка свой будущий двор. / Вставай на рассвете – и с богом стихире твори, / И к божьему сердцу тропинку сыновью тори. / А бог – за рубанком, по суткам старается бог: / И ходит пила, и дубовый стучит молоток¹ (9, с.134). У обоих поэтов изба является сакральным образом. У Клюева она способна «насупиться», «вздохнуть», «заснуть». У Тряпкина изба хранит секреты («Годовой отчет колхоза», 1949), стонет («Черная баллада», 1957), сутулится («Мне говорят, что я в опасности, 1957), растет («Я не зря топором по стропилам стучал, 1957), может быть веселой («Два письма», 1960) и глухой («Песня», 1965).

Избы поэтов населяют очеловеченные существа и предметы: печь Н.А. Клюева может «всхрапнуть», «ослепнуть», «лежанка, горшок ждут», «горшок с таганом шепчутся», «повойник и бусы свадьбою грезят», «спит лохань», «притихла метла», «вихрастая» мочалка «тоскует», лежанка «ждет», заслон «шушукает», бадья «изжаждалась», «дедовский ставень», «провидящее грустит», «заслон шушукает», «запоет веретенце», «притихла метла». У Н.И. Тряпкина «притихла горенка, улыбочиво-тепла» («Зимний вечер», 1945), «с мурлыкой по-свойски огнем балагурит лежанка» («Пижма», 1946), «не звонкая печь-балагурка! («Первый снег, первый снег у ворот!», 1951), «окна усмеваются» («Мартовские ходики», 1953), «пели рюмашки на каждом столе» («Бубенцы», 1958), «вздохи печные, глубокие» («Истопил камелек. Хорошо!», 1961), «пирог засопел в печи» («У меня к тебе...», 1967), «что-то в печах не ликует огонь» («Раннее утро...», 1994).

¹Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 134.

Так в мире Клюева и Тряпкина любая вещь крестьянского обихода включена в сферу душевного.

Предуготовленность, упорядоченность предметов и отношений определяют гармонию в поэтическом мире Н.А. Клюева. Внутреннее пространство избы четко структурировано. Печь, очаг, «матери мерная прялка» как знаки домашнего пространства противостоят холоду и тьме – символами бездомности, потерянности в мире. У Н.А. Клюева:

«Вновь молюсь я, как ране, / Тишине избыной, / И к шестку и к лохани / Припадаю щекой: / О, простите, примите / В рай запечный меня!»¹. У Н.И. Тряпкина: «Затопляется печь. Приближается ночь. /И смешаются – печь, ночь. / А в душе моей свет. А врази мои – прочь. / И тоска моя – прочь, прочь»².

Печь – не просто часть дома, а «живая» участница всех происходящих в доме событий. С ней в народном сознании традиционно связаны образы огня, хлеба, деревенской утвари, мотивы благополучия и достатка, поэтому счастье героев Н.А. Клюева – «за печуркой, под рябым горшком». Понимание сакральной сущности печи как центра дома отражается и в творчестве Н.И. Тряпкина³.

При рассмотрении образа избы нельзя исключать в лирике Н.А. Клюева и возможные библейские аллюзии. «Строитель-тайновидец», подобно Творцу, создает избу по человеческому образу и подобию, поэтому клюевская изба наделяется узнаваемыми характеристиками: «тесовой шеломок», «крутолоб», «изба-молодка», «паз», «дымок»⁴. В поэтический мир избыного пространства Н.И. Тряпкина проникают и библейские («домишко – золотой шеломок», «Притча в Ваньке-

¹ Клюев Н.А. Избранное. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ. 2008. С. 276.

² Тряпкин Н. И. Избранное: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 359.

³ Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань, 2012. С. 206.

⁴ Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 33.

однолишнике», 1968), и языческие («Стукну к боженке в окошко, / Попрошусь на уголек», «Песенка», 1971; «И вот уже в печке божок / В залиvistый дует рожок», «И снова – предзимняя мгла», 1980; «Мы ставим новых истуканов / Уже пред собственной избой», «Среди излюбленной дубравы», 1982), и христианские элементы («а печка – что алтарь», «Пижма», 1946; «И нам бы хату освятить / Своим уставом и заветом», «Забылись песни старины», 1955; «Весь мир кругом – поющий дол, / Изба моя – богов жилище», «Рождение», 1958; «Вспоминаются ночи / В затихнувшем доме на святках, – <...> А у нас с тобой праздник: / Моргает на кухне лампадка...», «Бабка», 1982; «Хороша была печка у дедовых строгихпенатов, / У святейших пенатов, где грелась вся наша родня!», «Этот милый скворечник...», 1982).

В творчестве обоих поэтов «домашние» образы доминируют над образами внешнего мира. Следовательно, применительно к их поэтической картине можно говорить об организующем концепте «мир/дом».

Рядом с христианскими образами (Богородицей, иконой, заутреней, лампадкой), а также с символами «живого», очеловеченного пространства: огнем в печи, ковригой хлеба, прялкой в клюевской избе естественным образом сосуществуют хтонические и демонологические существа: «за печкой домовой», «бесенок в трубе». У Тряпкина основой мифологизации избяного жилища является обитание в нем образов «низшей» демонологии: «Изба веков пошла в расход / С ее резьбою и оклейкой. / И старый чертик не рискнет / Скакать с полатей на скамейку» («Забылись песни старины», 1955), «Была война. Гремел за Волгой бой. / А мы тут лес грузили на подмогу. / И уходил к медведям домовой, / Чтоб не слышать воздушную тревогу» («Коряжема», 1960), «Ах, сколько всяких бесенят / И всех чертей и вражек! / И вот они уже – не в ночи / И не в подпольной щели, / А прямо – с дедом на печи / И у меня в портфеле» («Ах, сколько всяких бесенят», 1971). Это объясняется характером бытования народной культуры в творчестве обоих поэтов: мифологические персонажи являются

не главными героями стихов поэтов, а фрагментами воспоминаний детства, сновидений и одновременно составляющими их картины мира, в котором каждый предмет, каждое явление могло быть отнесено как к старообрядчеству, так и к язычеству.

В художественном мире поэтов связь бытового и бытийного начал передается и через сказочную, таинственную атмосферу, царящую в избе. У Клюева: «В окне забрезжит луч – волхвующая сказка, / И вербой расцветет ласкающий уют; / Запечных бесенят хихиканье и пляска, / Как в заморозки ключ, испуганно замрут»¹. У Тряпкина: «И я без выдумки скажу: / Домой, что в сказку, прихожу. / Тут на оконные крестцы / Сядятся черные скворцы»².

В «избяном рае» каждого из поэтов заложена материнская/женская функция. Женские образы у Н.А. Клюева связаны с праматеринским началом, имеющим глубокие фольклорные корни. Специфической чертой является сочетание культа Богоматери и древнего языческого культа Матери-земли, и этот образ разрастается до космических высот, вбирая в себя три духовных начала («Матери-Троицы»), «земной матери» («Прасковьи Дмитриевны»), христианской святой Марии и Мать-Сырой земли, крестьянской заступницы³. Ключевые образы крестьянского быта – избу и печь – Н.И. Тряпкин соотносит с порождающим женским началом: «печь брюхата» («Деду», 1962), «печка в ночи все волчихой старалась завывать» («Стихи о земных переменах, 1982), а порой «нелюбимая» изба («Деду», 1962) является «живой» участницей всех происходящих в доме событий: «Принимай же, Изба! Распахни свои древние прясла! / Приголубь же меня – сорванца из тверских деревень! / И я сделаю все, чтобы печка

¹Клюев Н.А. Избранное. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ. 2008. С. 173.

²Тряпкин Н. И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит. 1984. С. 35.

³Мануковская Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов в поэзии Н.Клюева: автореферат дисс...канд...филол. наук. Воронеж, 2007. С. 19.

твоя не погасла, / Подновлю твои стены, украшу сиренью плетень»¹. В поэме Тряпкина «Гнездо моих отцов» (1965) изба «пищала, словно мышка! / И в лапах тех что было сил / Барахталась»².

При рассмотрении образа избы в творчестве Н.А. Клюева возникает и образ Млечного Пути, на что обратил внимание В. В. Дементьев, который указывает на взаимосвязанность образов и объясняет это так: «Своими "Избьяными песнями" Клюев возвестил целую эпоху в развитии русской поэзии новейшего времени – эпоху любовно-пристального, возвышенного отношения ко всему родному – родному крову, дому, избе. Примечательно, что все это стало для него "училищем красоты", т. е. главным признаком эстетического совершенства и эстетического освоения деревенской жизни. Клюев исходил из тысячелетней традиции русского народа, из глубокой языческой древности <...> Вот почему самоеё избу – сруб, крышу, деревянные украшения, равно как и весь интерьер – цветные половики, лавки, полати, русскую печь с точеными печурками и теплым запечьем – Клюев не просто реалистически изобразил, но и возвел в высшую степень красоты и гармонии: "Беседная изба – подобие вселенной: / В ней шолом – небеса, полати – Млечный Путь"»³.

Образ Млечного Пути – наиболее частотный образ в лирике Н.И. Тряпкина, он широко и разнообразно варьируется, порождает любопытный мотивный комплекс:

А всех больше я верю в твою, о народ, бесконечность.
Эй, великий Силач, наступивший на голову Змея!
За тобою – Земля, пред тобою горящая Млечность...
Это, кажется, все, что сегодня сказать я имею⁴.

«Все становится горстью простого дерьма или пыли» (1961).

¹Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия. 2003. С. 462.

²Тряпкин Н. И. Песни великих дождей. М.: Московский рабочий, 1965. С. 82.

³Дементьев В. А. Олонецкий ведун // Избранные произведения в 2-х тт. Т 2. М.: Современник, 1982. С. 54.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1980. С.55.

Н.А. Клюев как поэт был ориентирован на традиционную троичную структуру мира. В христианстве модель мира такова: небо – земля – ад. В язычестве троичная структура реализуется в образе мирового древа, корни которого являются символами «нижнего мира», ствол – «среднего», крона – «верхнего». Изба Н.А. Клюева повторяет устройство мира: «в ней шолом – небеса» – настоящее избы, жители дома – дед и мать – «спят в земле»¹. Троичная структура мира угадывается и в стихотворении Н.И. Тряпкина «Песня» (1970), вошедшая в поэтический сборник «Золотой перстень». Лирический герой, построив золотой скит в густом лесу, прорубает в доме три окна и смотрит из каждого окна «на белый свет», «на маков цвет» и «на терем» возлюбленной. «Три окна» заставляют вспомнить о сакральности числа три (о почитании христианского понятия Троицы, которая представляет собой триединство, делает тройку обозначением совершенства и духовности, сам человек имеет троичную организацию, включающую тело, душу и дух). А символы «окна» и «глаза» отсылают к поэзии символистов, в которой соединение этих двух символов указывает на особое место духовного пространства, в котором внутреннее состояние человеческой души встречается и сливается с внешним бытием, и в итоге возникает образ уже общего бытия². В финале стихотворения Н.И. Тряпкина лирический герой словно видит всю свою жизнь в будущем, в котором не будет скуки, которое будет наполнено любовью и красотой:

Стало б мне тогда да не скучно жить,
 Стал бы я тогда целый мир любить,
 Да с тобой ходить на мирской покос,
 Да шмелей сдувать с твоих русых кос³.

¹ Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С.44.

² Моторин А.В. Теория художественного образа у И. Ф. Анненского // Иннокентий Федорович Анненский. 1855–1909. Материалы и исследования: По итогам международных научно-литературных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения И. Ф. Анненского. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2009. С. 522.

³ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 402.

Процитированное стихотворение Н.И. Тряпкина называется «Песня». Следует заметить, что и Н.А.Клюев, и Н.И. Тряпкин многие свои стихи называли песнями (У Клюева помимо его «Избяных песен» и «Песен утешения» насчитывается порядка 10 стихотворений с одноименным названием, у Тряпкина таких стихотворений около 40). Поэтов объединяла фольклорная песенная стихия, оказавшая огромное влияние на формирование их поэтики. «Сначала оба овладевают приемами стилизации "под фольклор", а затем осваивают формы фольклорного поэтического мышления, создавая оригинальные произведения не только по форме, но и по существу мысли»¹.

Отдельные поэтические находки – считает А. Н. Архангельский – в соединении "читаемого" текста с песенным звучанием фольклорного слова были у С. Д. Дрожжина, Н.А. Клюева, в творчестве которых подлинное преобразование народной культуры иногда подменялось стилизацией². Стихотворения Н.И. Тряпкина, который так же, как и Н.А. Клюев, в некоторых текстах не смог избежать стилизации под фольклор, в большинстве своем сохранили свою песенную основу, русский народный языковой колорит, стали более драматичными; поэт в своем творчестве идет по линии философической углубленности и нравственной исповедальности³.

В. В. Дементьев, анализируя лирику Н.А. Клюева, пишет, что центральной фигурой «избяного космоса» поэта является фигура Пряхи – воплощение матери-земли, матери-хозяйки, судьбы⁴. Среди

¹ Журавлев В. «Словесным опален огнем...» (о творчестве поэта Н.А.Клюева) // Литература в школе. 1991. № 5. С. 23.

² Архангельский А. Н. На песенном истоке // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 51.

³ Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Н. Тряпкин. Гуси-лебеди. Стихи. М.: Московский рабочий, 1977. С. 5.

⁴ Дементьев В. В. Олонецкий ведун // Избранные произведения в 2-х тт. Т 2. М., 1982. С. 66–67.

стихотворений Н.И. Тряпкина есть стихотворение «Веретена» (1969), которое по поэтическому замыслу поэта близко художественно-эстетической концепции Н.А. Клюева. В начале стихотворения речь идет о движении времени, о вращении гигантского веретена Вселенной, которое ощущается поэтом даже сквозь гул «подземных уранов», «моторов», «умнейших рычагов»¹. В. Журавлев, анализируя стихотворение, считает, что «поэт изображает величественную картину огромного прядильного цеха во всей его современной оснастке. Через картину явно проглядываются космические перспективы. Четырехстопный ямба в строфическом построении таков, что все стихотворение представляет собою непрерывную музыку жужжащих веретен. От строфы к строфе поэт незаметно подготавливает нас к другому плану – к той великой трагедии, которая совершается теперь в нашем тревожном мире»². Образ пряжи появляется во второй части текста:

А вы, незримые, как птахи,
 Мои застенчивые пряжи!..
 Пускай на ваши веретена
 Пойдет и ворс моих стихов.
 Прядите, милые, прядите!
 Звените, солнечные нити!
 Запенься, пряжа, как вода! <...>
 И я творю свои заклатья:
 Да будут светлы наши платья!
 И ваши гимны, веретена,
 Да будут праведны всегда!³

«Веретена» (1969).

Идее «вселенской трагедии», нависшей над коркой бытия, противопоставлен образ пряжи, с одной стороны, крутящей мировое веретено, с другой – рукодельницы, мастерицы, обычной деревенской

¹ Павлова Т.А. Сборник Н.И. Тряпкина «Разговор по душам» как поэтическая книга. // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. №3. С. 448.

² Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Н. Тряпкин. Гуси-лебеди. Стихи. М., 1977. С. 5.

³ Тряпкин Н. И. Избранное: Стихотворения. М.: Худ. лит., 1984. С. 381.

женщины, вращающей веретENCE, способной свить светлую, праведную нить жизни человека. Так выражается любовь Н.И. Тряпкина к жизни и к людям.

В 1966 году Н.И. Тряпкиным было написано стихотворение «Жалоба», ключевым образом которого является образ Матушки Субботы, образ, появившийся в русской поэзии в 1922 году в поэме Н.А. Клюева «Мать-Суббота».

Время действия в поэме Н.А. Клюева ограничено одним днем, но этот день – предпасхальная суббота: «Это – суббота у смертной черты, / Это – Суббота опосле Креста...»¹. За ним должно наступить Светлое Воскресение, поэтому все действия, совершающиеся в избе, объединены общей целью – подготовить пространство избы к светлому празднику: «свечку зажечь», «сусло взбурлить», «урожаем вскипеть» и т. п.»².

Время действия в стихотворении Тряпкина также ограничено одним днем, но этот день – не предпасхальная суббота, а суббота – шестой день в неделе перед седьмым днем – воскресеньем. В субботу народ мылся, очищался:

Здравствуй,
Матушка-Суббота!
Что там надо – прикупи.
И какая ни работа –
Баньку жарче истопи.
Заготовь простынь холщовых
И с наваром свежих щей...
И дровец –
Сухих, сосновых –
Ты уж, мать, не пожалей³.

«Жалоба» (1966).

Поэма Н.А. Клюева начинается с того, что в избу влетает небесный хранитель многовекового уклада крестьянской жизни – ангел «простых

¹Клюев. Н.А. Стихотворения и поэмы. Архангельск: Северо-западное книжное издательство. 1986. С. 217.

²Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 59.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 298.

человеческих дел». В стихотворении Н.И. Тряпкина лирический герой, обращаясь к Матушке-Субботе, просит ее истопить баню, заготовить дрова, чистые простыни – совершить простые человеческие дела, подобные тем, о каких говорится в поэме Клюева. Так в обоих произведениях дана картина привычного крестьянского мироустройства. Следует отметить и то, что Мать-Суббота у Н.А. Клюева и Матушка Суббота в поэзии Н.И. Тряпкина один из женских образов, в котором, равно как и в других образах поэтов (России, избы, печи) было трансформировано материнское начало.

Особое место в поэтической системе Н.А. Клюева занимает образ Белой Индии – утопической страны, где народ свободен и счастлив. Вслед за В. С. Соловьевым, который именно на Востоке и именно в Индии находил основу своей концепции всеединства, согласно которой возможно сосуществование западного и восточного миров¹, Н.А.Клюев пришел к пониманию того, что именно Индия – духовный исток всех народов².

Подобные мысли в литературоведении были высказаны и о поэзии Н.И. Тряпкина, которого «литературная критика однажды зачислила и очень долго числила в разряде поэтов <...> явно исповедующих философию "Избяной Индии", философию, созданную известным когда-то апологетом "сермяжной" правды, автором знаменитого "Лесмослова", затейливым олонецким стихотворцем Николаем Клюевым» – пишет В. Журавлев³. Исследователь, сопоставляя стихотворения Н.А. Клюева и Н.И. Тряпкина, приходит к следующему выводу: «Для Николая Клюева поиски своей "Избяной Индии" являлись делом почти безысходным. Без такого поиска ему было бы непосильно, с его пристрастием к смакованию вещей,

¹ Гаджиева Д.А. Восток в творчестве поэтов и писателей серебряного века как отражение евразийской мысли // Известия ДГПУ, № 4, 2015. С. 62.

² Микешин А.М. Николай Клюев как поэтическая индивидуальность // Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда.: ВГПИ, 1987. С. 55.

³ Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Н. Тряпкин. Гуси-лебеди. Стихи. М.: Московский рабочий, 1977. С. 5

изобразить тот замкнутый мирок крестьянина-единоличника, заимевшего наконец при Советской власти не только свое поле, но и свой крепко сколоченный домик с подворьем <...> Николай же Тряпкин, со всем порывом молодой опрометчивости заскочив на кюевскую поэтическую кочку, с самого начала где-то в подспудии понимал, что кругозор с этой кочки не столь уж и велик и что жизненные пути тщеславного "ладожского дьячка" и колхозного счетовода из Московской области мало в чем совпадают. Однако с облюбованного шестка слетать па грешную землю зело не хотелось, и наш поэт, видимо не столько по разуму, сколько из-за наследственного мужичьего упрямства, еще некоторое время продолжал стоять на своем»¹.

То, что тема Востока присутствует и в лирике Н.А. Клюева, и в лирике Н.И. Тряпкина, очевидно. Русь для Клюева – это избяная Индия, белая Индия (стихотворения «Земля и железо» (1916), «Белая Индия» (между 1916 и 1918), «Бумажный ад поглотит нас...» (между 1916 и 1918), «Вылез тулуп из чулана...» (между 1916 и 1918), «О ели, родимые ели...» (между 1916 и 1918), «Осенние сумерки – шуба» (1916 или 1918). «Пушистые горностаевые зимы» (между 1917 и 1918) и др.). В стихотворениях Н.И. Тряпкина образа Белой Индии нет, нет прямых отсылок или каких-либо прямых заимствований из лирики Н.А. Клюева, связанных с этой страной. Доказательством того, что Н.И. Тряпкин лишь отчасти следует философской традиции В. С. Соловьева и поэтической традиции Н.А. Клюева в поисках фантастической страны, в которой русские люди станут свободным и счастливыми, являются несколько стихотворений поэта. Так в стихотворении «Песнь о зеленых ростках» (1949) поэт пишет о сопричастности разных миров: западного, восточного и славянского, для которых звучит призыв к «проведению зеленого прогресса», и как следствие этого – возможность спасения от смерти:

¹Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Н. Тряпкин. Гуси-лебеди. Стихи. – М.: Московский рабочий, 1977. С. 5.

Пусть атомный Тор и железный Зевес!
 (И Запад у них и Восток!)
 Мы будем подсчитывать атомный вес,
 Живой добывая белок¹.

«Песнь о зеленых ростках» (1949).

Необходимо отметить, что подобные мысли были высказаны Н.А. Клюевым в стихотворениях 1915–1919 гг.: у поэта «железо» изначально противостоит «земле». «В 1917–1919 годы он не столько отвергает "железную", индустриальную цивилизацию, сколько стремится к ее переустройству на органических законах»².

В стихотворении Н.И. Тряпкина «Пусть где-то есть там город Занзибар» (1966) человеческое сердце «вдруг проделает пробег в загадочные местности...»³, а в стихотворении «Допою свои песни земные» (1982) нет ничего невозможного под «шемаханским навесом». И лишь в одном стихотворении Н.И. Тряпкина появляется образ, схожий с образом Белой Индии Н.А. Клюева – это образ белой Сирии в стихотворении «Заструги»(1962), в котором изображаются два мира, равноправных в своей подлинности, сопричастности. Сопричастность разных миров является единой художественной реальностью, которую создает поэт. Так достигаются непрерывность перехода от одного образа к другому, их подлинная взаимопричастность, перетекание, неотрывность:

Зимний край! Моя снежная Сирия!
 Калевала, Печора, Двина!..
 А по снегу – всё заструги синие –
 Первозданной зимы письма.
 И приснятся мне зори песцовые,
 И опять как пустынный-монах,

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1977. С. 52.

²Шубинский В. Тридцать лет словостроения // Клюев Н.А. Избранное. М. 2008. С. 39.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 293.

Я уйду в сновиденья кедровые
 И в загадки на древних снегах.
 Я прочту эти заструги синие,
 Распознаю снегов забытье...
 Зимний край! Моя белая Сирия!
 Родовое наследье мое!¹

«Допою свои песни земные» (1982).

Заметим, что увлечение Востоком у Н.И. Тряпкина имеет вполне определенную границу, которая соблюдается поэтом. Как только возникает подозрение о предпочтительности Востока по отношению к России, в лирике Тряпкина звучит протест:

И никакого там пророчества,
 И никаких других святынь...
 А если жить уж так расхочется –
 Да примет отчая польнь!²

«Не алтари и не пророчества» (1981).

Исследователи творчества Н.А. Клюева усматривали не только близость его философско-эстетической системы к философскому учению В. С. Соловьева, но и к философским идеям Н.Ф. Федорова, с его учением о всеобщем воскрешении. С.Н. Субботин считает, что творчество Н.А. Клюева – это сочетание мистики русского древнего благочестия и «Философии Общего Дела» Н.Ф. Федорова³. Т.В. Мануковская, исследуя эволюцию фольклорно-мифологических образов в поэзии Н.А. Клюева, пишет о том, «что мечта о жизни в мире художественно вылилась у олонецкого поэта в дальнейшее развитие федоровской идеи победы добра над злом, всепрощения врагов своих и превращения их в друзей, утопического описания будущего "золотого" века. В целом же "яровчатые"

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 240.

²Там же. С. 509.

³Субботин С.Н. «Уму – республика, а сердцу – мать-Русь» // Дом и душа. Образ России в русской поэзии XX века. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 52.

стихи Н.А. Клюева, проникнутые гармонией христианского идеала и картинами крестьянского "избяного Рая", выражают особую авторскую позицию в понимании Жизни и Смерти, несут веру в Возрождение»¹.

Некоторые исследователи лирики Н.И. Тряпкина убеждены в том, что эстетическая система поэта, равно как и система Н.А. Клюева, строилась на осмыслении философских концепций В.С.Соловьева и Н.Ф. Федорова. «Тряпкин – воплощение коллективного <...> именно этнически коллективного сознания <...> Это перекликается со многими вещами в философии Вл. Соловьева и в православии»². В.А. Редькин, говоря об аксиологии творчества Н.И. Тряпкина, пишет, что для восприятия творчества поэта важно понимание его поэтической системы ценностей, особенностей мировоззрения, базирующихся у Н.И. Тряпкина на основе русской религиозной мысли, в частности, на трудах Н.Ф. Фёдорова, в трудах которого утверждается нравственная истина, понимание человека не как средства, а как цели истории³. С.Ю. Николаева, сопоставляя два поэтических мира Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова, указывает на то, что «катастрофический характер русской, да и мировой истории, стал вызовом для философского осмысления человека и цивилизации, и один из глобальных ответов на него дал русский космизм. <...> Высшая цель эволюции – полное преобразование человека, у религиозных космистов это достижение Царствия Божьего. Н.Ф. Фёдоров считал, что человечество «призвано выйти в космос для его активного освоения и преобразования», «в бесконечных просторах Вселенной должны разместиться и мириады воскрешенных поколений, так что «отыскание новых земель» становится подготовлением "небесных обителей" отцам. Многие образы, идеи,

¹Мануковская Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов в поэзии Н.Клюева: автореферат дисс...канд...филол. наук. Воронеж, 2007. С. 7.

²Псурцев Д.В. Время Тряпкина – будущее в прошедшем // Незбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 134.

³ Редькин В.А. Аксиология творчества Николая Тряпкина // Незбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 137.

понятия и концепты, использованные в философском дискурсе Н.Ф. Фёдорова и его последователей, встречаются в поэзии Н.И. Тряпкина»¹.

Еще одна поэтическая параллель возникает при сопоставлении лирики Н.А. Клюева и Н.И. Тряпкина: художественным системам обоих поэтов были близки черты прозы А.П. Платонова, которая так же, как и творчество Н.А. Клюева и Н.И. Тряпкина, основана на философско-религиозной философии В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова². Если «по манере письма, по чувству слова Николай Клюев сходен с Андреем Платоновым: то же знание славянских корневых смыслов, та же языческая непосредственность и бездонная глубина мысли, подтверждающая русский характер его поэзии»³, то Н.И. Тряпкин «не запирается в свой подземный рай <...> скорее наоборот, вытягивает прошлое на свет, на волю, на будущее, озвучивает мистику, удивительным образом соединяя далёкий от советских новин стародавний мир предков с прорывом в будущее, в русский безбрежный космос, становясь близким <...> Андрею Платонову <...>»⁴, а стихотворения поэта, повествующие о выселении раскулаченных крестьян в начале 30-х годов, связаны со страницами повести Платонова «Котлован»⁵. С. С. Куняев также считает, что стихотворения Н.И. Тряпкина «...» близки платоновскому «Котловану»: «Это его апокалипсическое видение крушения жизней, конца надежд, превращения в прах не устоявших еще верить людей, костями своими вымостивших днище котлована»⁶. К высказываниям критиков

¹ Николаева С.Ю. Художественная философия Н.И. Тряпкина и Ю.П.Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Вып.8. 2010. С. 71–72.

² Пенкина Н.В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. С.5.

³ Судаков Г.В. Звук и слово в поэзии Клюева // Русская речь. 2000. №5. С. 19.

⁴ Бондаренко В. Г. Отверженный поэт // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. Москва–Лотошино, 2010. С. 30.

⁵ Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин. // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып 1. С. 65.

⁶ Куняев С. С. Неизбывный Вертоград // Москва. 1989. № 4. С. 195.

необходимо добавить, что если сравнить понимание человеческой жизни, смерти, понимание сущности человека, а также идеи об устройстве мира, развиваемые в прозе А.П. Платонова и поэзии Н.И. Тряпкина, то обнаруживается общность, которая заключается в том, что в центре своих произведений писатели ставят человека не столько как природное существо, сколько как духовный опыт его личности, видя в этой личности синтез индивидуального и коллективного бытия. Размышления над проблемами человека понимаются ими на основе всего бытия, нежели отдельных его сфер.

Итак, Н.А. Клюев и Н.И. Тряпкин – это поэты разных судеб, разных эпох. Поэты разошлись в своих верованиях на крестьянство, на Россию. Но обоим были близки нравственные и эстетические ценности, которые поэты связывали с исторически различными формами народного сознания и быта.

7.2. П.В. Орешин и Н.И. Тряпкин

Необходимо проанализировать степень влияния жизни и творчества П.В. Орешина на лирику Н.И. Тряпкина.

Сопоставительный анализ «крестьянских» стихотворений поэтов показал, что преемственная связь на идейно-тематическом уровне между ними проявилась слабо, поэтому поэзия Орешина для Тряпкина стала скорее «точкой опоры».

С. С. Куняев в статье «Мой неизбывный Вертоград» (2008), посвященной творчеству Н.И. Тряпкина, пишет о том, что П.В. Орешин в наиболее радужных тонах писал о колхозной деревне¹. Это не совсем так. Скорее, П.В. Орешин изображал убогость, чахлость, нищету русских деревень, был поэтом бедноты. Поэт воспевал красоту родного края, в

¹ Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) // Литература в школе. 2008. № 11. С.2.

котором не было места ни технике, ни коллективному хозяйству¹. Все эти мотивы были чужды Н.И. Тряпкину, особенно его ранней лирике, лирический герой которой пишет про «веселый деревенский мир» («Бубенцы», 1958) и влюбляется в родную житейскую прозу («Барда», 1961). Поэт воспринимает реформы, проводимые в деревне, только с позитивной стороны, в своих стихотворениях старается рассказать обо всех положительных изменениях, происходящих в ней. Как результат новой государственной политики, направленной на модернизацию села, оснащение его новой современной техникой (грузовиками, тракторами – «Дрогнули красные вспышки востока», 1948; «Душистым дымом утренних селений», 1949; «Рейд», 1954; «Два письма», 1960; «Весенняя прибаaska», 1962; «Люблю я слушать голоса земли», 1962; «Рожок», 1962; «Чайная, чайная», 1962; комбайнами – «Изба», 1958; За снегами – весенняя таль...», 1959; «Забросав деревню шишками», 1961) – появление деревенских МТС («Размочило, развело...», 1955; «В гостях» 1961; «Чайная, чайная», 1962; «Девка мылася, да белилася...» 1968), РТС («Я буду вспоминать», 1960), ГЭС («Забросав деревню шишками», 1961), водокачки («У реки, у леска...», 1962), новых профессий (счетовод – «Разговор по душам», 1962; селькор – «Рейд», 1954; «Я вновь селькор. И путь мой скромн», 1965; шофер – «У меня сосед – шофер бывалый», 1967; учетчик – «Я вновь селькор. И путь мой скромн», 1965; ремонтер – «За снегами – весенняя таль...», 1959; механик – «Вяжут свежие метелки», 1941; ревизор – «Годовой отчет колхоза», 1946; скотовод – «До конца бы светлыми и милыми», 1958; комбайнёр – «Другу», 1952), радио («В эту ночь моя гармошка не смолкала до рассвета», 1949; «Жгут ботву на огородах», 1958; «Масленица», 1964; «После жатвы», 1967), организация кооперационного движения («флажки окрестных капераций» – «Какие ветры прошумели!», 1963) и селекционной деятельности («Ища у зерен в микроскоп секреты

¹ Ефросинина О. В. Поэзия Петра Орешина в литературоведении и критике 1910–1920-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». 2011. № 2. С. 126.

урожайности»—«Апрель»,1954).

Поэту отрадно, что в его родной деревне хлебами засеяна значительная площадь колхозных полей («И хлеба колосились буквально у самой избы» – «Деревенька была небольшая», 1982), что заасфальтировали болото и на этом месте построили дома («Как сошлись да взялись за работу», 1966), что вместо старых «курьих» избенок «разместились высокие избы со звоном проструганных слег» с резными палисадами («История», 1982). Теперь в современной действительности изба – это крепкое здание, в котором живет счастливая семья:

Такие клеились дела,
Дела, скажу я, славные!
Жена мне сына родила,
А в доме это главное¹.

«Такие клеились дела» (1953).

Поэт славит героев земледельческого труда («Душистым дымом утренних селений», 1949) и с радостью встречает семилетний план развития народного хозяйства («Весенняя прибаска», 1962; «Встреча», 1962).

Образы русских людей-тружеников написаны поэтом с большой любовью. Описывая односельчан, Тряпкин рассказывает о характере русского человека, подчеркивает его профессиональные качества:

Здесь вижу тебя я, Тамара Петровна,
Да-с, фермская наша Тамара Петровна,
Держащая ковшик спокойно и ровно².

«Барда» (1961).

¹Тряпкин Н. И. Первая борозда. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 53.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 216.

Вместе с человеком и природа радуется происходящему в жизни деревни («озорной прорывается лист» («Выход»,1945), «звонкие ливни да теплые росы» («Гимн»,1957), «поет малиновый день» («Все-то хочется, не расхочется», 1958), которое постепенно принимает вселенский масштаб:

Ой, пора, ох, пора
 Так запеть, мастера,
 Чтобы грянула вся техника
 У нашего двора!
 Чтобы в поле, поле чистом
 Закружился бригадир!
 Чтобы взяли трактористы
 Всю планету на буксир!¹

«Весенняя прибабка» (1962).

Лирическому герою, активно участвующему в строительстве новой жизни, радостно от происходящего, и своей радостью, любовью он старается поделиться с другими. Герой, «окрепший» в деревенской семье («Радость, 1959) искренне приглашает в новую жизнь, полную радости от сельского труда, крестьянских будней.

Даже на лексическом уровне подчеркивается позитивное настроение лирического героя. Например, глагол «любить» – один из наиболее частотных глаголов в стихотворениях, описывающих отношение героя лирики Н.И. Тряпкина к жизни в послевоенной деревне: «люблю тебя, мой старый сельский дом» («Изба»,1958), «я люблю ваш колхоз именитый», «я люблю ваши избы веселые» («Два письма»,1960), «Люблю я слушать голоса земли (1962), «люблю районную газету и деревенскую весну» («Люблю районную газету», 1981). А в стихотворении «Все-то хочется, не расхочется...» (1958) поэт пишет:

Ах ты, жизнь моя! Годы вольные!
 Исполать же вам, исполать

¹Тряпкин Н. И. Перекрестки. М.: Московский рабочий, 1962. С. 67.

За березыньки белоствольные
И за эту вот благодать...¹

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание слово «благодать», заимствованное из старославянского языка, образованное сложением слов блага «благая» и дать «даяние, доля, часть»², означающее «в религиозных представлениях: сила, ниспосланная человеку свыше»³. Мотив благодати в стихотворении указывает на то, что лирический герой – верующий человек – ощущает во всех новых начинаниях помощь Бога и благодарит его за нее. Жить в родной деревне, быть участником всех начинаний и изменений в жизни односельчан – это великая благодать для лирического героя.

Жизнь крестьян стала меняться к лучшему, и для поэта это очевидный факт. Однако русской деревне не удалось избежать оттока сельских жителей в город в поисках лучшей доли. И как следствие этого – забитые досками окна («Рейд», 1954), вымирание целых хуторов («Речки, стога, молодые ракитники», 1993), исчезновение мельницы («У старой плотины не ропщет вода. / Давно уж от мельницы нет и следа» – «У старой плотины не ропщет вода», 1971). Но поэт верит, что подобные примеры – лишь единичные случаи, в будущем же –

Новые тропы
 протопчут селькоры –
В новые села,
 за новую песней...
Будет о жизни
 писать интересней⁴.

«Рейд» (1954).

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 162.

²Этимологический словарь русского языка (сост. А.Преображенский). Т. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д.Софко. 1910–1914. С. 27–28.

³Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992. С. 47.

⁴Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 101.

Лишь при описании событий, произошедших в 20-е гг. на малой родине поэта, Н.И. Тряпкин обращается к орешинской традиции изображения деревни. В стихотворениях поэт пишет о том, в каком бедственном положении находилось крестьянство в начале века: бедный совхоз («Не искал ты, Никита, муравскую землю», 1982), «Ни косилок, ни жаток. / Они только снились отцам» («Жили мы вчетвером...», 1982), «смертный холод» («Где же ты, сердце мое?», 1979), «глухая изба» («Песня», 1965), худая избяная крыша – «Дожди насквозь пробили крышу, / Корыта, ведра на полу» («Дожди», 1957), скудность деревенского быта («Не сердись на меня, молодница», 1971). Дом крестьянина зачастую был похож на барак, о чем пишет поэт в стихотворении «Забылись песни старины» (1955).

В ряде произведений поэт рассказывает о жизни своей семьи. В стихотворении «Жили мы вчетвером...» (1982) повествует, как жили его близкие: в доме был достаток («семейная хлебница не скудела», «не любили заплат», «лаптей никогда не носили»), много трудились (косили, пахали, ходили за скотиной, «держали порядок в доме»), понимая, что любая нерадивость и праздность «сулит суму».

Незначительная обеспеченность семьи Тряпкиных послужила основанием для того, чтобы ее причислили к зажиточным семьям. Семья будущего поэта на себе испытала последствия политики массового преследования крестьян по признаку имущественного положения, проводившаяся большевиками: голод, отсутствие своего дома – «Детство» (1960), «Дворня» (1982), «Лепта» (1982), «Лихолетье. 1921 год» (1982), «Родитель мой не зря старался» (1982).

В стихотворении «Когда я роюсь в памяти своей» (1961) поэт пишет, что каждый крестьянин верил только в собственные силы. Именно так и поступили Тряпкины: отыскивали «хужую», «на курьих соплях» избенку, перекосившуюся на левый бок (стихотворения «Изба», 1982; «Не забыть

мне хужую избенку», 1993) и построили новый дом («Первая зима в новом доме», 1993).

За нищими, печальными избами и натруженными руками «обойденных счастьем людей» в ранней поэзии П.В. Орешина встает образ России, на фоне которой тема бедности наполняется более глубоким смыслом. В самом существовании России поэт видел залог грядущего освобождения угнетенного люда от бед и страданий. Особенность орешинской идеализации Родины состояла в том, что он поэтизировал прежде всего материальную мощь страны, способной когда-нибудь накормить «голодные села»¹.

Россия для Н.И. Тряпкина – «деревенская» («Я смеюсь и грущу не впервые...», 1965) – это не идеализация ее достижений материального характера даже ради блага народа, а поэтизация ее технического роста, корней, истоков («великих народных глубин»), ее природы, ее крестьянской души. В прославлении славных дел своей родины видит свое предназначение Н.И. Тряпкин-поэт:

Всё – «как» или «будто», за что ни возьмусь,
Пою поминутно колхозную Русь.
Чтоб все было вместе – и радость, и грусть...
Да здравствует песня! Да славится Русь!²

«Жизнь поэта» (1945–1972).

В то же время поэт должен не молчать о тех трудностях, с которыми столкнулись люди села. В стихотворении «Мне говорят, что я в опасности...» (1957) Тряпкин утверждает, что поэт не просто должен рассказать о проблеме (о «невзгодах наших деревень»), а изучить ее,

¹ Михайлов А.И. Петр Орешин и крестьянские поэты начала XX века. // Русская литература. 1973. № 1. С. 134.

²Тряпкин Н. И. Жнива. М.: Советский писатель, 1974. С. 121.

объективно оценить возникшую ситуацию и обо всем увиденном правдиво рассказать:

Пройдем поречьями, поёмами,
По селам громким и глухим.
И если где мосты поломаны –
Не отвернемся, не смолчим¹.

«Мне говорят, что я в опасности...» (1957).

«Жалкий» образ русской деревни у Орешина проявляется и в названиях стихотворений («Кровавые следы», «Под тяжким крестом», «Гулянка», «Голод», «Без отца», «Раненый»): в заглавие произведения поэт переносит конкретное социально-историческое содержание, тем самым подчеркивается стремление поэта прочувствовать определенные состояния современной действительности, откликнуться на их многообразие.

В подборе лексики для заглавий в стихотворениях Тряпкина, посвященных деревне, заметна иная тенденция. Здесь нет орешинской социально-предметной контрастности. В качестве заглавий к стихотворениям используются конкретно-предметные названия, характеризующие мир природы, жизнь крестьянина, его земледельческий труд и деревенские заботы («Годовой отчет колхоза», 1946; «Рожь», 1957; «Как у нас на грядках...», 1958; «Жгут ботву на огородах», 1958; «За двором», 1958; «Чу! Колосья ржаные...», 1964; «За поля яровые», 1965; «Разговор у сибирского закрома», 1965; «Докосили всю рожь. И свезли яровое...», 1966; «Посиделки», 1966; «После жатвы», 1967, а также указывается жанровая направленность поэтического текста («Письмо», 1953; «Два письма», 1960; «Две элегии», 1960; «Весенняя прибаска», 1962; «Песня о деревне Белавенки», 1966).

¹ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 142.

В качестве заглавий у Н.И. Тряпкина не используются лексические определения, отражающие условно-символический или эстетизированный мир.

В цикле деревенских стихов П.В. Орешина отсутствует прием эстетизации деталей крестьянского мира, близкого природе, в то время, как этот прием был излюбленным приемом у других новокрестьянских поэтов (Н.А. Клюева, С.А. Клычкова, С.А. Есенина)¹. Н.И. Тряпкин к приему эстетизации деталей крестьянского быта в своих стихотворениях обращается неоднократно («лучом апреля и щепы сверкает быт моей избы – «Воскресенье», 1946; «и так весело краска-эмаль подсинила наличники снизу» – «Первый снег, первый снег у ворот!», 1951; «у меня в кадучке бродит пиво», «ты стоишь с крюками, вьешь веревки, а супруга села за обновки», «А сверчок давно уж – тю – в подклети. / Мне б вот так хотелось жить на свете» – «Зимняя притча», 1962; «а на крыше такая мельница – серебро на каждом крыле – «Виноградие да зеленое», 1966; «и всё там, над печкой, в старинном порядке», «Скорей же пристройся на дымном пороге!.. / Да что же там шепчут овинные боги» – «У смеркшего дня...», 1969; «запоет веретено из-под скворечного радара – «И закопает изба...» (1970).

Любимый эпитет П.В. Орешина – «ржаной»². «Эпитет “ржаной”, повторяющийся в его стихах, и в том числе в метафорическом значении, становится символом материальной мощи и духовного здоровья народа»³ («ржаная степь», «ржаной народ», «ржаное солнце» – «Квасок», 1913–1922; «Ржаная Русь» – «Алый Храм», 1917; «ржаной колос» – «В полях», 1917; «ржаной край», «ржаная сила» – «Урожай», 1918; «ржаное солнце» –

¹ Михайлов А.И. Петр Орешин и крестьянские поэты начала XX века. // Русская литература. 1973. № 1. С. 133.

² Ефросинина О. В. Поэзия Петра Орешина в литературоведении и критике 1910–1920-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». 2011. № 2. С. 125.

³ Михайлов А.И. Петр Орешин и крестьянские поэты начала XX века. // Русская литература. 1973. № 1. С. 134.

название стихотворения 1922 года; «ржаные поля» – «Стальной соловей», 1922).

У Н.И. Тряпкина этот эпитет не является устойчивым, отмечается лишь в 11 текстах, не имеет ярко выраженного символического значения, как в лирике Орешина, в пяти стихотворениях выполняет экспрессивно-образную функцию («волны ржаные» – «Ясные лица, родные улыбки...», 1952; «ржаной» бригадир – «Докосили всю рожь. И свезли яровое», 1966; «земля моя ржаная» – «Что будет завтра – я не знаю», 1966; «ржаная околица» – «Луговая, лесная, полынная», 1973; «перезвоны ржаные» – «Деревенька была небольшая», 1982), в других текстах используется в качестве относительного прилагательного при описании предметов («ржаной пирог», «колосья ржаные», «ржаные гумна», «ржаной колос», «ржаной колосок», «ржаная солома»).

Нередко голос П.В. Орешина-лирика в стихотворениях перевоплощается в голос народа. В его поэзии, следовавшей традиции Н.А. Некрасова, выражается и общее настроение крестьянской бедноты («Золотая соха, 1913; «Ждут», 1914; «Два труда», 1921; «Деревня», 1921; «Не пугай», 1921; «Воз», 1925) и звучат отдельные голоса крестьян во всем многообразии их социально-психологических характеристик («Думка», 1913; «Рассвет», 1913; «Письмо с позиций», 1916; «Ожидание», 1914; «Покаяние», 1915; «Исчадь», 1917; «На гумне», 1917; «Клич», 1918; «Плотник», 1921). «<...> много лет спустя советская поэзия пойдет именно по этому "некрасовскому" пути социальной объективизации лирического героя и самовыявления народного "мы"»¹. У Н.И. Тряпкина, в самовыявлении народного «мы» следовавшего традиции Н.А. Некрасова и П.В. Орешина, к таким примерам можно отнести стихотворения: «Когда вопрос о новой смете» (1948) – «Когда вопрос о новой смете / Мы на

¹Михайлов А.И. Петр Орешин и крестьянские поэты начала XX века. // Русская литература. 1973. № 1. С. 134.

собрание утрясем»; « В эту ночь моя гармошка не смолкала до рассвета (1949)– «В эту ночь по всей России мы такое солнце ждали, / Чтобы дважды в год веселый колосить свои поля»; «Душистым дымом утренних селений» (1949) – «А мы идем на плотничьи подряды / И радуемся теплому дождю»; «Такие клеились дела» (1953) – «И вот мы снова говорим, / Что нынче зелень славная»; «Заявление в партию» (1959) – «Мы радуемся вешнему лучу»; «Эй, славяне, славяне! (1960) – «Мы ковригу целуем, / Преклонясь на комли. / Мы сегодня стартуем / К новой славе Земли<...> / Мы доподлинно знаем, / Что наш голос окреп, / Что мы в землю бросаем / Самый радостный хлеб»; «Детство» (1960) – «Как мы сновали у всех комитетов / С первой заботой о власти Советов»; «Ночные голоса паровозов» (1960) – «Мы – к шахтам. Мы – к зерну»; «Встреча» (1962) – «Мы встречаем свою семилетку – / Может, лучшую радость свою»; «О том, как старели покосные травы» (1962) – «матери наши считали пожитки»; «Заходили пламенные грозы» (1963) – «Разнесли мы дюжими баграми / Старых дров гнилые штабеля»; «Не скажу, что мир – поблекший снимок (1966) – «Да и мы денечков не теряем / И живем с ремеслами пока»; «Жизнь поэта» (1945–1972) – «Мы не обижены, конечно, / И не обласканы судьбой»; «И не молчать, и не кричать» (1981) – «Мы все несем в себе печать / Скудеющих озер».

Как сходство в поэтических системах П.В. Орешина и Н.И. Тряпкина можно отметить следующие черты:

1. Большинство стихотворений поэтов, посвященных русской деревне, носит автобиографический характер (оба родились в крестьянской семье, с детства знали о проблемах деревни).

2. Многие стихотворения П.В. Орешина и Н.И. Тряпкина являются поэтическим рассказом (у Орешина–«Квасок» (1913–1922), «Думка» (1913), «Рассвет» (1913), «Страда» (1914), «Дулейка» (1917), «На гумне» (1917); у Тряпкина тяготение к художественной повествовательности текста нередко обозначено в заглавии стихотворения – «Начало» (1946),

«Ожидание» (1946), «История одной женитьбы» (1948), «Дело было летом...» (1957), «Бубенцы» (1958), «Ледоход» (1962), «Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную» (1963), «Снится мне утро» (1966), «Рассказ про одну игру» (1969), «Рассказ про одну посеvную» (1971), «Рассказ про одно странствие» (1982), «История» (1973), «История» (1982), «Семейные забавы» (1982), «Он сегодня пораньше стадо...» (1994).

3. В годы революции и Гражданской войны П.В. Орешин обращается к легендарным народным героям – Степану Разину и Емельяну Пугачеву («Волга», 1914; «Зори», 1914). К образу бунтаря Степана Разина, как борца за свободу народа России, обращается и Н.И. Тряпкин («Возвращение Разина», 1945; «Не поляки, не свеи, не фрязи», 1973).

4. И П.В. Орешина, и Н.И. Тряпкина нередко упрекали в несовершенстве поэтического языка и стихотворной техники. В частности, рифма П.В. Орешина не всегда достаточно глубока, неуместны архаизмы, диалектизмы, встречающиеся в стихотворениях поэтов, «наблюдается некоторая торопливость в отделке поэтической формы, технической слабостью, поисками собственного стиля»¹. Подобные недостатки можно найти и в стихотворениях Н.И. Тряпкина: «собрать стихов гремучий рынок» («Жизнь поэта», 1945–1972), «веселым матерком», «трезвонист день» («Горизонт», 1946), «за хрущатыми грибами!..» («За морошкой, за черникой», 1957), «зимой не поблекнуть в деревенском тепле» («Радость», 1959), «волны ржей колхозных» («Какие ветры прошумели!», 1963), «и снова бью в тамтам поэта» («За грохот скал...», 1965), «гривастая рожь...» («За поля яровые», 1965), «где-то там, за просекой невнятной...» («Завивалась пыль из-под крыла», 1968), «Снова солнышко со мною на качели / Да у нашего косятчата окна». («Зазвенят ли, запоют ли те свирели?», 1971).

¹Лаврова К. Поэтическая речь Петра Орешина / К. Лаврова // Горн. Кн. 5. М.: Издание московского пролеткульта, 1920. С. 38.

К глубокому и всестороннему осмыслению творчества П.В. Орешина Н.И. Тряпкин пришел в 80-90-е гг., о чем свидетельствует стихотворение «Рассказ про одно странствие» (1982) и стихотворение «Феникс» (1993), посвященное памяти поэта.

Первое стихотворение Н.И. Тряпкин посвятил отцу, в качестве эпиграфа поэт взял строки из стихотворения Орешина «Тятыка» (1916): «Тятыка приедет на зорьке, / Весело будет в избе. / Будет с усмешкою горькой / Он говорить о себе». Каждый поэт в своем стихотворении продолжает реалистическую линию своей поэзии.

Сближает стихотворения ключевой образ – образ отца – точнее, мотив возвращения каждого из них в родной дом.

«Тятыка» Орешина – крестьянин, участник Первой мировой войны – рано утром возвращается домой к жене и детям. Все рады приходу солдата, слушают его рассказ, в основе которого – искалеченная судьба человека:

Выставит ногу, обрубок,
Жаркому дню напоказ.
В хате березовой любо
Слушать диковинный сказ¹.

«Тятыка» (1916).

В стихах, внешне спокойных по интонации, П.В. Орешин сумел передать всю глубину пережитого солдатом на фронте: «будет с усмешкою горькой он говорить о себе», «будет охотно дивиться жутким рассказам народ».

Веселья, воцарившегося в избе, не разделяет жена солдата («Только жены белолицей / Грусти никто не поймет»). Причина ее горя – непосильный крестьянский быт и беспомощность перед жестокой жизнью.

Стихотворение Н.И. Тряпкина, в котором поэт рассказывает об отцовских деревенских заботах и его «странствиях» в поисках лучшей доли, более драматическое. Поэт с болью и тревогой пишет о том, что

¹Избранное/ Н.Клюев, С. Клычков, П. Орешин; Сост, авт. ст. и прим. В.П.Журавлев. М.: Просвещение, 1990. С. 242.

произошло с русской деревней. У него появилось желание разобраться в случившемся, рассказать о событиях, свидетелем которых он стал.

Условно стихотворение можно разделить на две части. В первой части лирический герой ведет разговор со своим отцом, размышляя о характере отца, его привычках, рассказывая о его трудолюбии, стойкости, о событиях, послуживших причиной переезда Тряпкиных из деревни Саблино Тверской губернии в подмосковное Лотошино.

Автор правдиво отображает хронику событий на Тверской земле:

А потом тебя снова куда-нибудь звали на сходку –
И всю ночь было слышно: ругались и дрались кругом!
Приползал ты избитый и снова долдонил про город...¹

«Рассказ про одно странствие» (1982).

Возможно, атмосфера насилия также послужила причиной того, что Иван Никанорыч Тряпкин принимает решение уехать из родной деревни.

Сначала он в поисках лучшей доли проехал по всей Тверской области, но пришел к выводу, что тверские деревни и села «существуют с грехом пополам». И тогда столяр отправляется в Московскую область, куда впоследствии и переедет вся семья Тряпкиных.

Вторая часть стихотворения – это рассказ отца будущего поэта об условиях проживания в Лотошине:

Это, кстати, – село. А поспорит с любой столицей:
И столбы с рупорами, и церква, и клуб, и трактир.
А за речкою – цех, окруженный свеклой и пшеницей,
И у главного склада военный стоит командир...
Условья – богатейшие –²

«Рассказ про одно странствие» (1982).

Ему, как столяру, в селе всегда найдется работа: «Гудят ряды базарные / В неделе по три дня, / И все дела столярные / Там будут для меня».

¹ Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 352.

² Там же. С. 352.

В стихотворении подчеркивается, что решение о предстоящем переезде в Лотошино отец принимает самостоятельно, ни с кем не посоветовавшись («Скорей, скорей отсюда! / Прошу не возражать!»). Такое поведение указывает на то, что отец поэта – несколько авторитарен – принимает решение как глава семьи, чувствуя свою ответственность за своих родных, ведь он уверен, что жизнь на новом месте сложится по-доброму:

Давай лишь только свычное –
Работать не впервой!
А главное – столичная
Землица под ногой...¹

«Рассказ про одно странствие» (1982).

Второе произведение, тесно соприкасаемое с жизнью и творчеством Орешина, – «Феникс». В поэтической форме Тряпкин рассказывает о юношеских годах Петра Орешина, о его увлечении литературой, о том периоде, когда его отец Орешин Василий Егорович, вывезенный из деревни в тридцать лет, работавший в мануфактурной лавке приказчиком, пытался и сына приучить к торговому делу. Впоследствии об этом периоде своей жизни П.В. Орешин напишет следующее: «Отец изо всех сил старался сделать из меня коллегу, для этой цели поместил меня в лавку, в которой он служил сам, но на этом коммерческом поприще у меня ровным счетом ничего не вышло»². Дело в том, что уже в юности будущий поэт полюбил не бухгалтерские книги, а творчество Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Толстого и Достоевского.

Вот начало стихотворения «Феникс»:

Ехал я с товаром в Краснополье,
Ехал я в торговое село³.

¹ Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 352.

² Избранное/ Н.Клюев, С. Клычков, П. Орешин; Сост, авт. ст. и прим. В.П.Журавлев. М.: Просвещение, 1990. С. 341.

³ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 130.

Село Краснополье – ныне не существующее село в Ровенском районе Саратовской области. Известно, что П.В. Орешин родился в городе Саратове, часто бывал у родственников в селе Галахове Екатерининского района Саратовской области. В автобиографии Орешин не рассказывает подробно о том, в каких именно деревнях и селах он бывал по торговым делам. Возможно, одна из таких поездок и связана с его пребыванием в Краснополье, о чем и рассказывает в своем стихотворении Н.И. Тряпкин. В стихотворении повествование ведется от первого лица. Большая часть произведения носит описательный характер. Лирический герой, отправившийся по торговым делам в село Краснополье («Промышлял я паклю и рожью, / Развозил я мед и пастилу»), рассказывает о своем путешествии, описание которого наполнено богатыми деталями и многокрасочным колоритом: «По лесам тянуло вешней смолю / И густой черемухой мело», «А теперь – звенели хороводы / Да по всем окрестным деревням».

Очевидно, что в первую очередь бакалейщика интересует не столько процесс ведения торговли, сколько окружающий мир, мир песенной деревенской России («А теперь – все три мои подводы / Подпевали радостным вестям»), созвучный душе лирического героя и нашедший отклик в ней:

Не скудейте, пажити и воды,
Развернись ты, песельная грудь!¹

«Феникс» (1993).

Песня «раскалила» душу героя, он с легкостью забывает прошлое («И пускай тот годик двадцать пятый / Так легко остался позади»). Ему видится, как в будущем песенная стихия охватывает всю Вселенную: «Превратим великую заплачку / В золотой и гордый Песнослов».

¹ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 130.

Песнослов – это название книги прижизненного собрания стихотворений Н.А. Клюева, вышедшего в 1919 году.

В.А. Брыкалин, рассматривая эту книгу стихов Н.А. Клюева как художественное целое, обращает внимание на черты двоемирия в поэтической образности «Песнослава»¹. Для того, чтобы более полно описать характер своего героя, в строке «испивал вина на славу Божью» Н.И. Тряпкин, следуя традиции Н.А. Клюева, совмещает библейский образ и мотив, связанный с образами народной традиции. Н.И. Тряпкин, соединяя имена Н.А. Клюева и П.В. Орешина, подчеркивает, что поэт постоянно был причастен не только к народной поэзии, народной вере, любви к родном краю, но и к творчеству поэтов-современников – Клюева и Орешина.

Ряд исследователей творчества П.В. Орешина отмечают, что один из его любимых образов – образ крика², образ динамический («Как будто бы вчера меня под крик и свист / Пороли на скамье по барскому приказу» – «Кровавые следы», 1917; «Этот крик по родному селу / Золотых, как мечта, журавлей» – «Журавли», 1917; «Ты крикнула: мне мокрых листьев / Сирени в косы дай!» – «Дождь», 1920; «Я над толпой осенних пашен – / Веселый журавлиный крик», 1924), в большинстве своем связанный с образами живой природы. В стихотворении Н.И. Тряпкина кричат подводы, перевозившие товар. В данном случае крик актуализирует тему жизни, «одушевляя» данный образ в образе подвод.

Несколько слов о названии стихотворения. Известно, что Феникс – «наиболее известный из всех символов воскрешения, древний символ бессмертия, Солнца. <> Считавшийся первоначально символом цикличности восхода и захода Солнца, Феникс вскоре стал эмблемой возрождения человеческого духа в вечной борьбе с трудностями

¹ Брыкалин В.А. Книга стихов Николая Клюева «Песнослов» как художественное единство: автоферат дисс...канд...филол. наук. Волгоград. 2005. С. 13–14.

² Ефросинина О. В. Поэзия Петра Орешина в литературоведении и критике 1910–1920-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». 2011. № 2. с. 123.

материального мира»¹. В анализируемом стихотворении Феникс становится символом возрождения интереса к поэту Петру Орешину, чье творчество «перевернуло» мир поэзии Н.И. Тряпкина, ставший художественным объяснением современной действительности, ее литературным инвариантом, выражающим свою поэтическую концепцию исторической судьбы России в XX веке.

7.3. С.А. Есенин и Н.И. Тряпкин

Н.И. Тряпкин обращается к традиции С.А. Есенина, равно как и другие поэты: «почвенники», «славянофиллы», «тихие» лирики: Н.М. Рубцов, В. Н. Соколов, Ст. Ю. Куняев, Ю.П. Кузнецов и др.

Вопрос о влиянии лирики С.А. Есенина на лирику Н.И. Тряпкина в работах, посвященных творчеству поэта, частично рассматривался. А. М. Турков, рецензируя сборник Н.И. Тряпкина «Первая борозда», отмечает, что в сборнике довольно часто появляются есенинские мотивы (стихотворения «Первый снег, первый снег у ворот», «Я все тревожнее с годами», «Лозняком, да выгоном, да лугом»)². Ю. Иванов, указывая на близость Н.И. Тряпкина к есенинской песенной традиции, пишет: «Как и многих поэтов, вышедших из деревни, немалое соединяет Н.Тряпкина с Есениным. Многие "переболели" Есениным на пути к самостоятельности, но, видимо, трудно даже в зрелые годы до конца избавиться от есенинских "следов" в своих стихах. Встречаются они и у Тряпкина (от густого голоса хорошо в полях). Особенно часто любят современные поэты обыгрывать есенинский сюжет "возвращения на родину"». Для подтверждения своих наблюдений исследователь обращается к стихотворению Тряпкина «В моем селе устроили музей» (1971), отсылает к есенинской строке: «И

¹ Энциклопедия символов. /сост. В.М. Рошаль. М.: АСТ: СПб.: Сова, 2007. С. 361–363.

²Тряпкин Н.И. Турков А.М. Отзыв о сборнике стихов Н. Тряпкина «Первая борозда» Машинопись с правкой. 1953. // РГАЛИ. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 285.

грустно мне, и смех меня берет»¹. Ал. Михайлов считает, что «обаяние есенинской "сельщины" никому еще из крестьянских поэтов не удавалось преодолеть так, чтобы она не оставила никаких следов в их творчестве. То же произошло и с Тряпкиным. Вот на этом стыке доесенинской и есенинской традиций формировалось и развивалось творчество Тряпкина»². Д. В. Псурцев, анализируя стихотворение поэта «О страсти мира! Извечный крик» (1969) отмечает, что в произведении поэт не столько говорит о себе лично, сколько о русском человеке вообще. «Сразу два Апокалипсиса в душе его: советско-исторический (струпья славы, брат на брата, сын на отца) и глобально-исторический (рушится под ударами цивилизации, новой безжалостной торговли, жестокой цивилизации, технологии – древний патриархальный мир) – здесь неизбежны параллели с "Сорокоутом" Сергея Есенина, с "Ионией"»³.

В данном параграфе анализируются три стихотворения Н.И. Тряпкина, эпиграфами к которым стали строки из стихотворений С.А. Есенина. Эпиграф как некий текст, находящийся перед произведением, содержит довольно значительный объем информации: поясняет и конкретизирует особенности эстетических и философских взглядов писателя. С помощью эпиграфа автор получает возможность соединить свое произведение с другими, он словно открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста⁴. Под влиянием есенинской поэзии оказались уже ранние стихи Н.И. Тряпкина. В 1947 году поэтом было написано стихотворение «Засмеялась калина, краснея счастливо» и вошло в его

¹ Иванов Ю. Песенная доля // Наш современник. 1975. № 11. С. 191.

² Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» Сельская тема в современной русской поэзии // Дружба народов. 1969. № 2. С. 258.

³ Псурцев Д.В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения 05.09.2018).

⁴ Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. С. 141.

поэтическую книгу «Краснополье» (1962). Эпиграфом к стихотворению были взяты строки «Что под вечер путнику / Нашептал ковыль?» из стихотворения Есенина «Край ты мой заброшенный...» (1914). Следует отметить, что указанное стихотворение с эпиграфом из произведения С.А. Есенина было опубликовано только в «Краснополье», в других сборниках оно напечатано без этого эпиграфа.

Н.В. Чубукова, анализируя раннюю лирику С.А. Есенина 1911–1915 гг., отмечает, что принцип освоения народной жизни у поэта не остается неизменным. Стихотворения, написанные в этот период, можно разделить на четыре группы по степени освоения народной жизни. Стихотворение «Край ты мой заброшенный...» входит в третью группу стихотворений, в которых увеличивается количество этнографических деталей и почти исчезают романтические черты¹: в стихотворении поэта создается образ деревни, лишенный всякой умиротворенности и покоя. В 1914 году крестьяне ушли на фронт, деревня опустела, поэтому основной мотив произведения С.А. Есенина – мотив уныния, вызванный печалью и пустотой в душе лирического героя.

Стихотворение С.А. Есенина – это синекдохический ряд, в котором у слов, обозначающих отдельные черты образа родины, значения конкретны². Поэт предметно рисует картину заброшенного пустынного края: лес, некошенный сенокос, монастырь, избы, вросшие в землю. Кругом безлюдье и безмолвье. Тревожное движение происходит лишь в природе (вороны бьют крылами в окно, предвещая беду, «машет рукавом черемуха»). Нищета задавила деревеньку из пяти изб. Нарисованные в стихотворении поэтические картины дополняются народными поэтическими эпитетами («плесень сизая»), метафорическими рядами («ветер плесень солнцем окропил», «нашептал ковыль»), сравнениями

¹ Чубукова Н.В. Лирика С. Есенина 1911–1915 гг. // Русская литература. 1987 № 2. С. 27.

² Шитькова М.М. «Мне приснилось рязанское небо...» // Русский язык в школе. 1997. № 2. С. 68.

(«солома-риза»), простотой народной разговорной лексики («заревая гать», «избы забоченились», «жисть твоя и былль»). Образ монастыря, появившийся в стихотворении, не случаен: именно в это время Есенин начинает увлекаться христианскими идеями, что находит отражение в общей поэтической концепции его творчества.

Стихотворение Н.И.Тряпкина – это антитеза к есенинскому стихотворению. Поэта словно не интересует общая тональность произведения С.А. Есенина, его внимание привлекает последнее четверостишие, в котором появляется образ ковыля, что-то нашептывающего путнику.

Стихотворение С.А. Есенина описательно, стихотворение Н.И.Тряпкина построено как монолог лирического героя, который настолько слит с природой, что «калина заплетает его в зелень косы». Природа рождает у поэта ассоциации, подобные тем, какие возникают у творцов народного искусства. Тут важно то, как соотносятся картины из мира природы с миром человека, какие возникают на основе ассоциаций образы и символы, как все это соизмеряется с мирозерцательностью поэта, с его избирательным отношением к искусству народного слова и образа. Следует отметить, что влияние устной поэзии на поэта не лежит на поверхности, что характер приобщения Н.И.Тряпкина к фольклору не однозначен. Например, образ калины, к которому обращается поэт, в русском фольклоре считается амбивалентным образом. В народных представлениях, с одной стороны, калина является символом любви и счастья, с другой, образ калины символизирует грусть, горе, одиночество¹. Тряпкин связывает с нею духовную сторону человеческого бытия:

И шептала калина: «Возьми без остатка
Все созревшие гроздьи мои!»
И смеялись мы с нею, и верили сладко

¹ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1989. С. 109, 111.

В нераздельную душу земли¹.

«Засмеялась калина, краснея счастливо» (1947).

Стихотворения С.А. Есенина и Н.И.Тряпкина объединяют растительные образы природного мира – ковыль и калина, разговаривающие с лирическими героями шепотом. У обоих поэтов мотив шепота возникает тогда, когда появляется тема разговора лирического героя с миром природы (общение шепотом указывает на особые, доверительные отношения между ними). Если же стихотворение Есенина заканчивается риторическим вопросом («Что под вечер путнику / Нашептал ковыль?»), на который поэт не дает ответа (предмет разговора между участниками диалога неизвестен), то диалог между калиной и лирическим героем у Тряпкина вполне конкретен. В стихотворении поэта на событийном уровне ничего не происходит, зато раскрываются чувства и переживания лирического героя: чувства в душе лирического героя меняются на фоне ночной природы родного края. Лирический герой Н.И.Тряпкина влюблен не в конкретного человека, а в родной край как в некий абстрактный женский образ, наделенный народно-поэтическими чертами. Так автор добивается эффекта максимальной персонификации.

Второй этап обращения Н.И. Тряпкина к творчеству С.А. Есенина – 80-е годы. В это десятилетие к есенинской лирике поэт обращается дважды: в 1981 году он пишет стихотворение «Не бывал я в заморских пределах», эпиграфом к которому стали строки из стихотворения С.А. Есенина «Никогда я не был на Босфоре» (1924), а в 1982 году Н.И. Тряпкин сосредотачивается на стихотворении С.А. Есенина «Голубень» (1916) и пишет стихотворение с одноименным названием.

Стихотворение С.А. Есенина «Никогда я не был на Босфоре» входит в есенинский цикл «Персидские мотивы», по мнению многих исследователей названный самым светлым и жизнерадостным циклом

¹Тряпкин Н. И. Златоуст: избранные стихи. М.: Худож. лит., 1971. С. 15.

сочинений поэта¹. Современники С.А. Есенина не раз отмечали большой интерес поэта к Востоку, который привлекал своей загадочностью, красотой южной природы, особенным строем духовной жизни. Также известно, что на Востоке Есенин не был² («Не ходил в Багдад я с караваном, / Не возил туда я шелк и хну», – напишет С.А. Есенин в одном из своих стихотворений. Именно эти строки и стали эпиграфом к стихотворению Н.И. Тряпкина). Погрузиться в мир восточной природы дает возможность воображение поэта. Здесь важно подчеркнуть то, что поэт, соприкоснувшись с экзотической природой Востока, не отошел от описания родных лесов и полей, а попытался увидеть их в контрастном сочетании, в игре цветов, подчеркнутой тонким поэтическим чувством³.

Особенность Н.И. Тряпкина как художника состояла в том, что, обращаясь к восточным образам, взятым из лирики Есенина, поэт не только глубже постигал красоту родного края, просторов Родины, а познавал проблемы творчества, которые тесно связанные со сложностью человеческого бытия:

Не бывал в заморских я пределах,
Не видал ни Пинда, ни Карпат.
И всего лишь раз один успел я
Снарядиться в город Ленинград <...>

И смотрю на взгорки полевые
Да на те ль речные берега,
И слагаю строчки немудрые
Про свои озера и луга <...>

Не бывал в заморских я пределах,
А собратья очень был бы рад.
Да пока что виза не приспела,
И к тому ж карманчик дырват⁴.

«Не бывал в заморских я пределах» (1981).

¹Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. С. 374.

²Юшин П.Ф. Сергей Есенин. М.: Издат. Москов ун-та, 1969. С. 315.

³Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. С. 374.

⁴Тряпкин Н. И. Огненные ясли. М.: Сов. писатель, 1985. С. 164.

В качестве примера, в котором используются образы, взятые Н.И.Тряпкиным из «Персидских мотивов» С.А. Есенина, следует также назвать и стихотворение «Райские яблоки» (1982). При описании яблоневого сада поэт пишет:

Погулять бы денек, полежать бы в таком вот Ширазе,
Что раскинул покров на четыре, пожалуй, версты! ¹

«Райские яблоки» (1982).

Образ Ширази у С.А. Есенина появляется в стихотворениях «Свет вечерний шафранного края» (1925) и «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (1925). Если в первом тексте Шираз представлен в вечерних сумерках, в котором освещенный лунным светом «кружит звезд мотыльковый рой»², то во втором тексте взгляд поэта из волшебного Ширази подчеркивает неброскую, но неповторимую красоту рязанских полей:

Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий³.

«Свет вечерний шафранного края» (1925).

В стихотворении Н.И.Тряпкина Ширазом назван яблоневый совхозный сад, в котором созрели яблоки «неземной красоты». Деревенский мальчишка пытается туда попасть и попробовать яблок. Спустя много лет эту историю из детства поэт и рассказал в своем стихотворении:

Эти давние стежки! Была в них такая отрада!
Эти старые ветлы! От них я досель не отвык.
Вспоминаются снова – решетка совхозного сада
И фруктовое царство, перед коим терялся язык¹.

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худож лит., 1989. С. 360.

² Юшин П.Ф. Сергей Есенин. М.: Издат. Москов ун-та, 1969. С. 312.

³ Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 1. М.: Худ. лит. , 1977. С. 277.

Так на определенном этапе простые вещи и составляют понятие родины, что наполняет жизнь человека.

Проведем сравнительно-сопоставительный анализ стихотворений «Голубень» С.А. Есенина и Н.И. Тряпкина.

Лирический герой С.А. Есенина – одинокий странник, путешествующий по осенним полям, дорогам, холмам. Лирический герой Н.И.Тряпкина не одинок, вместе со своим «папашей» он отправляется в путешествие в «голубеющий город Тверь».

Образы, составляющие картину осеннего вечера у Есенина, зачастую олицетворены: туман ползет, свиваясь кольцами в мох, гаснет день, мелькнув златою пятой, в галочьей тревоге пляшет сумрак.

Картины природы в стихотворении Н.И.Тряпкина – это скорее сумма разных стилистических элементов, составляющих единое целое, нежели преобладание одного какого-либо одного изобразительно-выразительного средства.

Н.И.Тряпкин, как и С.А. Есенин («вечер, свесившись над речкою, полощет водою белой пальцы синих ног»), предпочитает яркому полуденному свету восходы и закаты за их мягкую перламутровую «палитру» («Это было на самой чистой / Да на той ли моей заре»). Поэты избегают слишком близких, интимных контактов с предметами быта и обихода.

Конь в стихотворении С.А. Есенина, который бредет по дороге, «откинув удила», вместе со своим седоком словно «тихая судьба» одинокого странника, не имеющая видимой цели (героем движут неясные надежды и «незримые» следы). Конь в стихотворении Н.И.Тряпкина резвый, «рысистый», нарядный («колокольчики в серебре»), запряженный

¹ Тряпкин Н.И. Стихотворения. М.: Худож лит., 1989. С. 360.

в новую коляску – это символ новой судьбы, новой жизни лирического героя и его семьи в стране Советов.

Известно, что одним из важных открытий ранних стихотворений С.А. Есенина стало обретение «звука»¹. Почти в каждом стихотворении поэта в поэзии 1914–1916 гг. будет встречаться мотив звона. «Но ветра нет, есть только легкий звон», изображая природу, напишет С.А. Есенин в стихотворении «Голубень». В стихотворении Н.И.Тряпкина звон раздается не только во время путешествия («Восседаем на той рессорке, / А дорога бежит в лесок, / И бубенчики в скороговорке – / Словно пеночки голосок...»), звон раздается по всей стране. Так и у двух поэтов звон передает ощущение жизни: у Есенина – тихой и размеренной, со своими бытовыми заботами изо дня в день, так же, как жили его предки, у Тряпкина – целой страны.

М.М. Шитькова, анализируя стихотворение С.А. Есенина «Голубень», отмечает, что в тексте цвет появляется в названии стихотворения, в котором изображается родина, и подкрепляется в тексте повторением однокоренных слов². «Как существительное слово приобретает значение предметности (в тексте встречается и обозначение процесса – заголубели, и признак – голубой). Понятное, емкое слово, вынесенное в название, обозначает и идею стихотворения в целом. Происходит то, что А.Ф. Лосев определил как "полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью": родина – голубень»³.

В своем стихотворении Н.И.Тряпкин, следуя поэтической традиции Есенина, воссоздает «идеальный» образ «малой родины», основанный на эмоциях, запомнившихся с детства.

До чего же легка дорога!

¹Чубукова Н.В. Лирика С. Есенина 1911–1915 гг. // Русская литература. 1987. № 2. С. 21.

²Шитькова М.М. «Мне приснилось рязанское небо...» // Русский язык в школе. 1997. № 2. С. 66.

³Там же.

До чего же хорош денек!
Проезжаем обкошенным логом,
Выезжаем на изволок.

Из-под новой коляски нашей
Сыпанет водой иногда.
И на ней мы – вдвоем с папашей,
Как заправские господа ¹.

«Голубень» (1982).

У Н.И.Тряпкина не только образы родных полей и лесов, земли и неба окрашены в голубой цвет, но и вся Россия, в которой прошло становление Тряпкина как поэта и гражданина, становится голубой:

Ибо с нами – все голубое,
Вся земля в голубом была:
На заре голубела зорька,
А в пути голубел костеръ.
И катилась наша рессорка
В голубеющий город Тверь.
За деревней плыла другая,
По мосточком – река Улюсь,
И звенела кругом молодая,
Голубая Советская Русь².

«Голубень» (1982)

Со временем рамки «Русь – голубая» для Есенина становятся тесны. В будущем в лирике поэта прилагательное голубой «обрастает» целым рядом новых значений, что позволяет ему стать символом³ не только в творчестве Есенина, но и в творчестве других поэтов, один из которых – Н.И. Тряпкин.

Итак, с помощью эпитафий, взятых из произведений С.А. Есенина, Н.И.Тряпкин создает индивидуальные поэтические ряды в контексте эпохи. Эпитафия встречается в произведениях, в которых автор пишет о России. Каждый эпитафия выполняет по отношению к стихотворению

¹ Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. С. 533.

² Там же.

³ Шитькова М.М. «Мне приснилось рязанское небо...» // Русский язык в школе. 1997. № 2. С. 66.

Н.И.Тряпкина определенную роль: выполняет функцию «подготовительного» этапа для собственного творчества.

§ 8. Н.И. Тряпкин и «тихая лирика»

Творчество Н.И. Тряпкина нередко причисляют к так называемой «тихой лирике»¹. Главой этого направления стал Н.М. Рубцов, оказавший заметное влияние на поэтов 1970-х годов, в том числе, и на Н.И. Тряпкина, чье творчество, равно как и творчество других поэтов – «тихих лириков», было прочно связано с темой природы, народного творчества, сельской жизни. Следы такого поэтического влияния отмечает ряд исследователей творчества Н.И. Тряпкина. Так В.А. Редькин считает, что в творчестве поэта появилась тенденция усиления национальных акцентов в поэзии, характерная для мощного крыла русской поэзии 1960–1990-х гг. от А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова до Н.М. Рубцова². На близость поэтических систем Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина указывают А. В. Василевский³, Д. Балан⁴, В.Н. Бараков⁵, Е. В. Богачков⁶, В.Г. Бондаренко⁷, В. С. Камышан⁸. Ал. Михайлов, анализируя творчество Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина, имена А.В. Кольцова, Н.А.

¹Шувалов Г. В. Родник, какому нет цены // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 163.

²Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник ТвГУ.2011. № 18. Вып 3. С. 56.

³Василевский А. В. Чувство в своем естестве. // Новый мир. 1988. № 3.С. 261.

⁴Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия // Литературная учеба. 2003. №2. С. 129.

⁵Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: Типология и эволюция: дисс. ...д-ра филол. н. М. 1998.

⁶Богачков Е. В. Два Водолея (Юрий Кузнецов о Николае Тряпкине) // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. С. 13.

⁷Бондаренко В. Г. Отверженный поэт // Бондаренко В.Г. Последние поэты империи / В.Г. Бондаренко. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 33.

⁸Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 58.

Клюева, С.А. Есенина называет в качестве учителей обоих поэтов¹. Поэт Ю.П.Кузнецов в своем стихотворении «Не дом – машина для жилья» (1988) имена Н. Рубцова и Н. Тряпкина ставит в один поэтический ряд.

В то же время не все исследователи единодушны в том, что творчество Н.И. Тряпкина следует относить к «тихой лирике». С. Ю. Николаева считает, что понятие «тихая лирика» может быть использовано для характеристики творчества Н.И. Тряпкина, но вместе с тем является лишь первой точкой отсчёта в его литературоведческом анализе². Т. А. Павлова в своей статье «Сборник Н.И. Тряпкина "Разговор по душам" как поэтическая книга» (2014) пишет, что «тихая лирика» Н.И. Тряпкина при внимательном знакомстве оказывается не такой уж «тихой», она исторична, остро социальна, а на позднем этапе творчества и открыто злободневна³. Д. В. Псурцев, размышляя над поэзией второй половины XX века, пишет, что «в 60-е гг., времена расцвета и торжества так называемой "эстрадной поэзии" (Б.А. Ахмадулина, Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенский), поэзия Н.И. Тряпкина существовала сама по себе, в собственном стихийном русле, в многообразии своих ярких песенных интонаций и особенного содержания, не укладываясь ни в какие течения. Назвать ее "тихой" тоже никак нельзя»⁴.

В «Автобиографии» Н.И. Тряпкин не называет имени Н.М. Рубцова как своего учителя. Лишь в стихотворении «Первый снег, первый снег у ворот!» (1951) поэт, описывая зимнюю природу, сравнивает снег с вологодской шалью, укутывающей часть дома.

¹ Михайлов Ал. «Посреди очарованных трав...» Сельская тема в современной русской поэзии // Дружба народов. 1969. № 2. С. 258.

² Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 108.

³ Павлова Т.А. Сборник Н.И. Тряпкина «Разговор по душам» как поэтическая книга // Вестник ТвГУ. 2014. № 3. С. 446.

⁴ Псурцев Д.В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения 25.05.2018).

Подобные высказывания предопределяют, но окончательно не определяют подлинных творческих связей, которые могут выявиться только при строго объективном сопоставлении и анализе литературного наследия Н. Рубцова и Н. Тряпкина. Рассмотрим некоторые из констант, сближающих или, наоборот, являющихся самобытными в лирике Рубцова и Тряпкина.

Известно, что «тихой лирике» как поэтическому направлению, появившемуся в русской литературе в 60-е гг. XX века, свойственны такие черты, как глубокая медитативность, элегичность, постоянная обращенность к миру природы, обращение к национальному прошлому Руси-России, выражение романтической потребности в идеальном, духовном, доверительность и сдержанность в интимной жизни. Названные черты были присущи как лирике Н.М. Рубцова, так и лирике Н.И. Тряпкина. Оба поэта своими произведениями были ориентированы на традиции русской классической поэзии, тесно связаны с национальной почвой, с судьбой России, с поэтическим восприятием крестьянского быта, природы.

Привет, Россия – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле <...>

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!¹— восклицает Н.М. Рубцов в стихотворении «Привет, Россия» (1969).

Узнаю тебя, Русь. И не буду в обиде
И свой подвиг свершу, как смогу.
И пускай той ракушкой в осенней хламиде
Загрущу я в пустынном лугу.
И склонюсь под железом высокою рожью.
И сорокой скакну у ручья.
Ты – единый мой свет на моем раздорожье.

¹Рубцов Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма. М.: Сов Р-я, 1990. С. 56.

И единая пристань моя,¹– пишет Н.И.Тряпкин в стихотворении «Русь» (1973).

«Тихая лирика» Н.М. Рубцова, основанная на мироощущении сироты, мотивах бесприютности и гонимости человека, показывает, как насущные проблемы века – социальные, политические, исторические, нравственные, – поэт, обладающий своеобразным историческим взглядом, панорамностью зрения, пытается разрешить сквозь призму поиска истины на основе традиционного для русского народа православия².

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
 Во мгле над обрывами безвестные ивы мои!
 Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
 И лодка моя на речной догнывает мели <...>
 И храм старины, удивительный, белоколонный,
 Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –

Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
 Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!... <...>
 И только, страдая, израненный бывший десантник
 Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
 Что ночью промчался какой-то таинственный всадник
 Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...³

«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» (1964).

В лирике Н.И. Тряпкина мотивы сиротства и бескровности являются скорее эпизодическими: «Образы родных и близких, созданные в стихотворениях поэта, создают ощущение полноты бытия, целостности мира и чувства причастности к общенародному бытию. В этом и заключается особенность тряпкинского мироощущения, отличающего его от

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 473.

²Редькин В.А. Русская поэзия второй половины XX века: учебное пособие. Тверь.: ТвГУ, 2006. С. 217.

³Рубцов Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма. М.: Сов Р-я, 1990. С. 12.

мироощущения других поэтов родственного направления – Ю.П. Кузнецова, Н.М. Рубцова, А. А. Ганина»¹.

Размышляя над каждым периодом русской истории, над проблемами современности, лирический герой Н.И. Тряпкина, пытающийся защитить русскую национальную идентичность во время застоя 1970-х гг., в период бюрократического разложения 1980-х гг. и во времена глобализма, либерализма, псевдосвобод и "беспредела" 1990-х гг., исповедующий философию космизма, наделен «национальным самосознанием», «христианским миропредставлением» (стихотворение «Потому что я русский, возлюбивший отчаянно землю...», 1995).

Одним из ключевых образов лирики Рубцова на всем протяжении его творчества стали мотивы «тишины» и «покоя» (стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», 1964; «Душа хранит», 1966; «Над вечным покоем», 1966; «Ночь на родине», 1967; «Песня», 1969). В лирике Тряпкина указанные мотивы ключевыми назвать нельзя. Мотив «тишины» является сквозным только в сборнике «Вечерний звон» (1975): «Сборник Тряпкина "Вечерний звон" уже своим названием ориентирует читательское восприятие на то, чтобы искать в этой книге мотивы "тихой лирики". Мотив "тишины", таинственно окружающего поэта мира, стремление лирического героя прислушаться к этой тишине является сквозным, звучит от начала до последних страниц»².

Очень тихо,
Очень пусто
За двором и на пруду.
Головастая капуста
Грудой свалена в саду³.

«После жатвы» (1962).

¹ Николаева С.Ю. Художественный мир Н.И. Тряпкина // Тверь. Литературный альманах. Тверь: ООО «Изд-во Волга», 2010. С. 337.

² Павлова Т.А. Особенности проблематики Кинги Н.И. Тряпкина «Вечерний звон» // Вестник ТвГУ. 2015. № 3. С. 329.

³ Тряпкин Н. И. Перекрестки. М.: Московский рабочий, 1962. С. 24.

Среди стихотворений, написанных поэтом в 60-70-е гг., особо выделяются те, в которых приметы «тихой лирики» проявляются более отчетливо, чем в других стихотворениях (образы света, тишины, покоя, статики, умиротворения, сна, сопряженных с миром природы). Это стихотворения «Скрип моей колыбели» (1966), «А на улице снег...» (1968), «Свет ты мой робкий, таинственный свет...» (1969), «У смеркшего дня...» (1969), «Земная великая дрёма» (1970), «Земная тишина! Старуха богомолка!» (1970). Именно в этот период – время политического и духовного застоя в стране поэт почувствовал потребность возвратиться к своим истокам, поэтизировать мир, не тронутый цивилизацией.

Земная тишина! Старуха богомолка!
 Ты – мой ребячий сон, и все же вновь приснись.
 Грохочут рупора у каждого проселка,
 И реактивный рев распарывает высь.
 Земная тишина! Колыбка трав горячих!
 Раздумчивая глушь окрестных деревень!
 Хочу быть неглухим, хочу быть вечно зрячим.
 Пребудьте же во мне! И распахните сень...¹

«Земная тишина! Старуха богомолка!» (1970).

В поэзии Н.М. Рубцова ярко проявляет себя стихия света, свет нередко как бы заменяет цвет². В лирике Н.И. Тряпкина свет не является стихийным образом, он, будучи тесно связанной со Вселенной, Космосом, является частью земной и небесной жизни человека. Свет у Н.И. Тряпкина звездный («Две элегии», 1960), неведомый («Эй, славяне, славяне!», 1960), вселенский («Душа моя бьется в каких-то силках непонятных...», 1962), белый («Ходит ветер в чистом поле, 1965), робкий, таинственный («Свет ты мой робкий, таинственный свет...», 1969), ласковый, раскаленный («Желтый тайфун», 1979), колючий («Это было в ночи, под венцом из колючего света...», 1980), жаркий («Жарким светом полоснуло...», 1993).

¹ Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 266.

² Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия // Литературная учеба. 2003. №2. С. 131.

В свою очередь лирика Н.И. Тряпкина более богата цветовой палитрой, нежели лирика Рубцова, который очень редко обращается к цвету: цветовые детали почти отсутствуют в его поэзии.

Если представители «тихой лирики» предпочитают ограничиваться родной природой и историей родной страны, русскими почвой, воздухом и небом, то Тряпкин охотно откликается на зарубежные события и подробно изображает их в стихотворениях «Песенка про Африку», (1961); «Увы, брат, Черчилль Уинстон» (1970); «Письмо в Японию» (1972); «Уходил самолет на Чикаго» (1977); «Говорят, что в Нью-Йорке...» (1984); «Дела моей России» (1993).

В поэзии Н.М. Рубцова не найти развернутых метафор, необычных, причудливых словосочетаний. В лирике Н.И. Тряпкина самобытных изобразительно-выразительных средств можно найти с избытком: «рябое новоледье» («Хаты в житных щитах, как извозчики в рыжих тулупах, 1945), «Самобранка-река всех поила внаклад» («Возвращение Разина», 1945), «Мы обручим с тобой бессонный труд высот, широт и стран» («Гимн», 1946), «выбелит упрямая мечта» («Хозяин», 1946), «роль вокалическая» («Будем петь», 1949), «маревое песни» («Ясные лица, родные улыбки», 1952), «грачи салютуют крылом вороным» («Я не зря топором по стропилам стучал», 1957), «скачут свежие блины» («В стороне лесного гула...», 1958), «любая дребедень заварится в дому» («Я припадал к началам рек», 1965), «табунятся грачи» («Докосили всю рожь. И свезли яровое», 1966), «рука на коромысле зацветет» («А теперь у нас уже светает», 1967), «снежок ликбезовый» («Девка мылася, да белилася...», 1968), «родовые гвозди» («Встреча», 1982), «червонится зыбь» («Ах, речка моя! Ах, лодка моя!», 1984), «музы, как тихие сестры, молча дружили, сшивая нам стих» («Друг ты мой милый, Володя Семакин!», 1995).

Большим событием, повлиявшим на становление «тихой лирики», стало разоблачение сталинских репрессий. «Одни поэты, пытаясь забыть о старой лжи, усердно начали культивировать новую, устроив очередную

возню слов. Другие попытались осознать, что произошло, но для этого и пришлось вернуться к дедовским просёлкам, которые открыла война», – пишет Г. В. Шувалов¹ и в качестве доказательства приводит стихотворение Н.И. Тряпкина «Я припадал к началам рек» (1965). В.Г. Бондаренко считает, что «В стихах Николая Рубцова <...> Николая Тряпкина нельзя встретить имён Ленина и Сталина, гимна революции, проклятий американскому империализму <...> Это всё абсолютно из другого мира, из мира придворной поэзии, воспевающей ленинское Лонжюмо и Братскую ГЭС, Кубинскую революцию или строительство БАМа»². Утверждение критика не совсем верно. Действительно, в стихотворениях Рубцова не упоминаются ни Ленин, ни Сталин, не описывается американская действительность, а вот в лирике Тряпкина такие примеры есть. В частности, Д.В. Псурцев, анализируя стихотворение Тряпкина «Забылись песни старины...» (1955), отмечает, что, на первый взгляд, две начальные строки звучат так, что, «на их фоне вторые две: о том, что «радость вечную весны никто не выразит в бидоне», поначалу воспринимаются как довольно слабое утверждение <...> Однако если вдуматься, разуму верны – звучат почти как пресловутое «делу Ленина верны» <...>³.

Н.И. Тряпкин был поэтом, чей образ В.И. Ленина в стихотворениях был лишен величия и монументальности. Ленин пришел в жизнь России именно тогда, когда требовала история. Поэт отобразил деятельность Ильича, в большинстве своем связанную с образованием народа, просветительством (стихотворения «Кормя по дюжине ребят» (1958); «Заявление в партию», 1959; «Это было в 1927-м», 1987; «Я родился при Советской власти», 1987).

¹Шувалов Г.В. Родник, какому нет цены // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика». 2010. Вып. 1. С. 163–174.

²Бондаренко В. Отверженный поэт // Бондаренко В.Г. Последние поэты империи / В.Г. Бондаренко. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 40.

³Псурцев Д.В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/ poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения 25.05.2018).

По мнению Л. А. Аннинского, «Первая борозда» – исповедь сельского счетовода – фигура, довольно несерьезная рядом с комбайнерами, механизаторами и «пахарями послевоенной советской лирики» – фигура легкая, воздушная, вызывающая улыбку.

По деревне, по деревне теплый ветер шел с проталин.
Под гармонь дробили парни, складно чубом шевеля.
В эту ночь про наше утро размышлял товарищ Сталин,
И в предчувствии хорошем в полночь таяли поля¹.

«Появление товарища Сталина среди тающих полей может показаться элементарной конъюнктурщиной – если не почувствовать дыхание «летающего стиха», в ауре которого подобные фигуры появляются и исчезают как пух на ветру. Например, товарищ Вышинский, идущий на трибуну, чтобы в Нью-Йорке вправить мозги американским поджигателям войны»:

Идет на трибуну товарищ
Вышинский.
Он знает, что прибыл я с тракторной
смены
Для светлой мечты о зерне и невесте...²

«Ночной ветер» (1953).

Американская действительность описывается всего в четырех стихотворениях Тряпкина: «Старт» (1962), «Уходил самолет на Чикаго (1977), «Не рифмованная капуста» (1986), «Говорят, что в Нью-Йорке...» (1987).

Особое место в поэтическом творчестве Н.И. Тряпкина занимают песни. Количество стихотворений у него, названных песнями, – 47. Д. В. Псурцев, исследуя эту особенность в лирике Н.И. Тряпкина, считает, что

¹Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...» Из цикла «Мальчики Державы», 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: zavtra.ruДень Литературы»114/71.html. (дата обращения 25.03.2018).

²Тряпкин Н.И. Первая борозда. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 24.

творчество поэта, равно как и творчество Н.М. Рубцова, как представителей «тихой лирики», проникнуто «песенностью». Однако истоки этой песенности различны.

Изучив эту жанровую особенность лирики Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина, можно сказать, что песенные мотивы в лирике Н.И. Тряпкина включены в более сложную поэтическую систему, нежели мотивы Н.М. Рубцова: у Н.М. Рубцова в стихотворениях-песнях присутствует только авторское начало, окрашенное задушевностью и лиричностью («Пой, товарищ», 1957; «В горнице», 1963; «Осенняя песня», 1963; «Зимняя песня», 1965; «Прощальная песня», 1966; «Полночное пенье», 1966; «Песня», 1969). У Тряпкина помимо авторского начала присутствует многоликость лирических героев из мира народных переживаний и чаяний, исполняющих эту песню («Песня о безногом солдате», 1957; «Песня о красных звездоходах», 1957; «Песня о веселом заморозке», 1962; «Песня о деревенском кляузнике», 1962; «Песня о деревне Бела'венки», 1966, «Песня сборщиков посуды», 1969; «Песня про Ваньку-водовоза», 1970; «Песня о пустых небоскребах», 1972). В связи с этим произведения-песни Тряпкина разнообразнее тематически.

Сплошное прочтение текстов произведений Рубцова и их системный анализ показывают, что наиболее частотным в его поэзии является образ звезды, на что указывает большинство исследователей лирики поэта: «Звезда как многосторонний, многоплановый символ света, надежды, верной дороги воплощает точно и пластично во многих стихах Рубцова – в том числе и в программном стихотворении "Звезда полей" – исторически обусловленную связь России с планетой: "Звезда полей во мгле заледенелой, / Остановившись, смотрит в полыню. / Уж на часах двенадцать прозвенело, / И сон окутал родину мою..."»¹.

¹Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия // Литературная учеба. 2003. №2. С. 130.

Образ звезды существенен и для Н.И. Тряпкина, встречается в 70 стихотворениях поэта, согласно фольклорной традиции освещает путь человека («Ты только выйди спозаранок / К заре, звезде, / А твой топор и твой рубанок / С тобой везде». Стихотворение «От всех скорбей и дум печальных, 1960). Звезда у поэта утренняя («На груди твоей желтые руки», 1954), высокая («Песня о красных звездоходах», 1957), вечерняя («Бабочка белая!», 1960), прекрасная («В долинах пестрели...», 1960), поздняя («Вторая песня о районном кляузнике», 1962), знакомая («Пускай по судьбе я не пахарь», 1962), рассветная («Серебрятся пруды», 1966), ночная («Сеял рожь на счастье кто-то...», 1968; «Скоро снова затоскую», 1970), великая («Песнь о хождении в край палестинский», 1959-1973), безверная («Не ведут пути окольные», 1971), знакомая («Стихи о кастальском источнике», 1987).

Образ звезды широко и разнообразно варьируется, порождает многогранный мотивный комплекс: охалка звезд («Я построю дом сосновый», 1953), звездные туманы («Фауст», 1957), звездный Олень («Желание», 1957), красotka звезда («Бубенцы», 1958), рождение звезд («Дорогой мой охотник, седой Еркимен!», 1958), звезды слушали без смеха («С какой-то детской утехой, 1958), звездная пыль («Речная нота», 1960), колючий звездный свет («Две элегии», 1960, «Жизнь летит», 1962), шахты – в звездной кепке («Ночные голоса паровозов», 1960), звездный свод («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961), цветок звезды («Речная нота», 1960), звездные хоры («Две романтические оды», 1961), звездное паренье («Жду ответа», 1966), каменеющие звезды («Все-то ближе да ближе», 1970), звездные набаты («Да. Никому я не доверю», 1970, «Стансы», 1970), звездное гумно («Радуга», 1971), звездные раскаты («И снова дни, и снова годы», 1971), звездный пух («Песнь песней», 1970–1973), звездная застава («За каким там холмом и заставою», 1973), звездный шум («Русь», 1973), звездный дуб («Сказка», 1979), звездный час («Романс», 1980), звездная сыпь («И снова – предзимняя мгла», 1980),

звездный Ковш («Не алтари и не пророчества», 1981), звездные струны («Славное море Байкал», 1981), прах звезд («Ода к России», 1982), звездная перекладина («Гласом царя Давида», 1982), звезда моя Вероника («Года идут, года идут», 1982), звездный лед («Подражание Экклезиасту», 1982, («Из древней книги», 1987), звездная спираль («Первые воспоминания», 1982; «Стихи о моем Лукоморье», 1987), звездное небо («Мать», 1993).

В то же время в лирике Н.И. Тряпкина образ звезды служит не только символом надежного пути и надежды, он является для поэта еще одним из образов, наполняющих его Вселенную.

До чего же огромен
Ты, вселенский дворец!
Сколько солнечных домен!
Сколько звездных колец!¹

«Закрывая Библию» (1972).

Сходные мотивы звучат в стихотворениях «За годом год, за родом род» (1961), «Веретена» (1969) «Будильник» (1981), «В самое сердце оконного ромба» (1981), «Года идут, года идут» (1982).

Для поэтов – представителей «тихой лирики», было характерно обращение к жанру элегии, к русской классической элегической традиции XVIII–XIX вв. С элегической тональностью связана и одна из ведущих черт в лирике Н.М. Рубцова. Это обосновано тем, что сам жанр элегии ориентирован на поиск ответов на вечные вопросы. Лирика поэта связана с традиционными для элегии мотивами обращения к родным могилам, темой памяти, размышлениями о текущем времени, с грустью, тоской, светлой печалью. К элегическим стихотворениям Н.М. Рубцова по настроению и мысли можно отнести немало стихотворений, например «Элегия» (1961), «Прощальное», (1963), «Элегия» (1964), «В глуши» (1968); «Дорожная элегия» (1970) и многие другие.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1977. С. 356.

В стихотворениях Н.И. Тряпкина наряду с элегиями как жанровой разновидностью («Две элегии», 1960; «Элегии старому пепелищу», 1976) также существует немало стихотворений, которые соответствуют сложившемуся в теории и практике представлению об элегии.

Если элегические стихотворения Н.М. Рубцова, в которых идеал, раскрываясь в совершенно конкретных житейских реалиях, чаще всего отыскивается в прошлом, в том, что ушло безвозвратно («Пусть еще всевозможное благо / Обещают на той стороне. / Не купить мне избу над оврагом / И цветы не выращивать мне»¹) пронизаны тоской по близким и родственным душам, мучительным ощущением одиночества и утрат, прощанием с молодостью, мотивами одиночества и обреченности, то в лирике Тряпкина, несмотря на грустные элегические ноты, которые ярко проявились в ряде стихотворений («И вновь кладбище. Сосны и трава. / Ограды. Плиты. И цветы кипрея. / И жалкие надгробные слова, / Что не прочтешь без страха, не краснея. / И только слышишь – скрипнул коростель. / Да чуешь гул со сводов мироздания... / И вот – стучит бессменная капля: / Ни имени. Ни отчества. Ни званья», 1962), финалы большинства произведений содержат в себе оптимистическую перспективу. Поэт основное внимание уделяет не тому, что минуло, прошло, а тому, что происходит в настоящий момент и относится к будущему, что сближает стихотворения Тряпкина с элегической традицией С.А. Есенина², нежели Н.М. Рубцова.

Вот пишу о себе. А себя ведь почти не касаюсь.
 Все-то избы, деревни да жатвы приход и уход.
 И пишу, и грущу. А в душе на себя ухмыляюсь:
 Будто я – уж не я, а какой-то сплошной Гесиод.
 Знаю только одно: что без этого скудного мира

¹ Рубцов Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма. М.: Сов Р-я, 1990. С. 127.

² Петрова М.А. Элегический модус в жанровой системе С.А. Есенина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2012. №3. С.24–31.

Просто нету меня – пропаду, испарюсь, не ищи.

Отними это все – и умрет моя бедная лира.

Замолчат мои песни, и душу покроют хвощи¹.

«Вот пишу о себе. А себя ведь почти не касаюсь» (1982)

Сходные мотивы звучат в стихотворениях «Август зашумел» (1946), «Прозрачная осень...» (1958), «Когда я роюсь в памяти своей» (1961), «А жизнь прошла. Закончены ристанья» (1966), «Все-то ближе да ближе» (1970), «А хотел бы я стать для себя летописцем смиренным» (1981), «А теперь возвращаюсь назад – и всю книгу обратно листаю» (1982).

Годы написания Н.И. Тряпкиным элегических стихотворений указывает на то, что в наибольшей степени насыщено элегической тематикой творчество Н.И. Тряпкина зрелого периода (60-е и 80-е гг.).

Часть произведений элегического характера Тряпкина имеют эпиграфы из стихотворений В.А. Жуковского (в стихотворении Тряпкина «Бабочка белая!» использованы строки «К востоку, все к востоку / Стремление земли» из «Песни» Жуковского), Н.А. Некрасова (в стихотворении Тряпкина «Элегии старому пепелищу» – строки из поэмы Н.А. Некрасова «Уныние»: «Сгорело ты, гнездо моих отцов»), Ф.И. Тютчева (в стихотворении Тряпкина «Осень» – строки из одноименного стихотворения Ф.И. Тютчева: «Есть в осени первоначальной / Короткая, но дивная пора»). Очевидно, что при создании стихотворений элегического характера поэт обращается к текстам русской лирики XIX века, которые по своей жанровой составляющей к жанру элегии отнести довольно сложно. Такой прием в поэтической системе Н.И. Тряпкина свидетельствует о том, что жанровые каноны элегии в творчестве поэта предстали обновленными: с одной стороны, поэт следовал классическим канонам, с другой – опираясь на элегическую традицию, по-своему воплощал живую и конкретную образную мысль, чувство, переживание, которые были связаны с социальными, бытовыми и бытийными проблемами.

¹ Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 550.

Традиционные черты элегического жанра и стиля, идущие во многом от поэзии XIX века, после поэтических опытов В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Я.П. Полонского, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, преломляясь в поэзии XX вв. (творчество А.А. Блока, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой и др.), обновляются в лирике Н.И. Тряпкина и проявляются в следующем:

1. Лирический герой поэта схож в душевных переживаниях с самим поэтом;

2. Возвышенный строй поэтической мысли и чувства («закончены ристанья», «летописец смиренный», «невидимый град», «паду с челобитьем», «осень – пора мудрецов», «замолкла речь», «незванный чужеземец»);

3. Соединение элементов литературного и разговорного языка («зазывать побаски», «весна широко половодьем ходила», «свищет сухое былье», «умственная докука», «нет другого уголка святей», «немец харкнул яростным плевком»);

4. Особенности синтаксической организации элегических текстов (использование вопросительных предложений, в том числе – в начальной строке стихотворения («Где ты, мой друг незабываемый?, 1942; «Ты слышишь, батя?» «Август» (1946); «Где вы, стены, одетые в тес», 1953; «Иль вы давно забыли обо мне / За долгою, за жизненной метелью?, «Был ты или нет?» («Две элегии», 1960), «Что в детстве я все чаще нахожу? («Когда я роюсь в памяти своей», 1961), «Где же ты, сердце мое?, Где же ты, юность моя? 1979), эллипсиса – «а на улице – снег», «пускай на полке у тебя – Гомеры и Вольтеры», «и мы в снопах – драчливые галчата...», «Лирика моя! Ты – из хвойной рогатки»).

Следует заметить, что в своих стихотворениях элегической направленности Н.М. Рубцов не использует тексты русских классиков XIX века в качестве эпиграфов.

Еще одно сопоставление, определяющее доминанту творчества Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина – образ птицы.

М.В. Кутьева в статье «"Жизнь, как подстреленная птица...". К образу птицы в русской поэзии» (2008), анализируя образ птицы в русской поэзии XX века, пишет о том, что в лирике поэтов одним из излюбленных образов является аллегория птица-душа¹. В стихотворениях Рубцов сравнивает себя с птицей, крылья которой – это его способность мечтать, предчувствовать тайну, стремиться к высокому, ощущать себя ведомым высшими силами: «О, сельские виды! О, дивное счастье родиться / В лугах, словно ангел, под куполом синих небес! / Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица, / Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!» Вокруг этих образов вращаются и мысли Рубцова: «Память возвращается, как птица, / В то гнездо, в котором родилась» («Ось»)². Н.И. Тряпкину оказалась близкой поэтическая концепция Н.М. Рубцова.

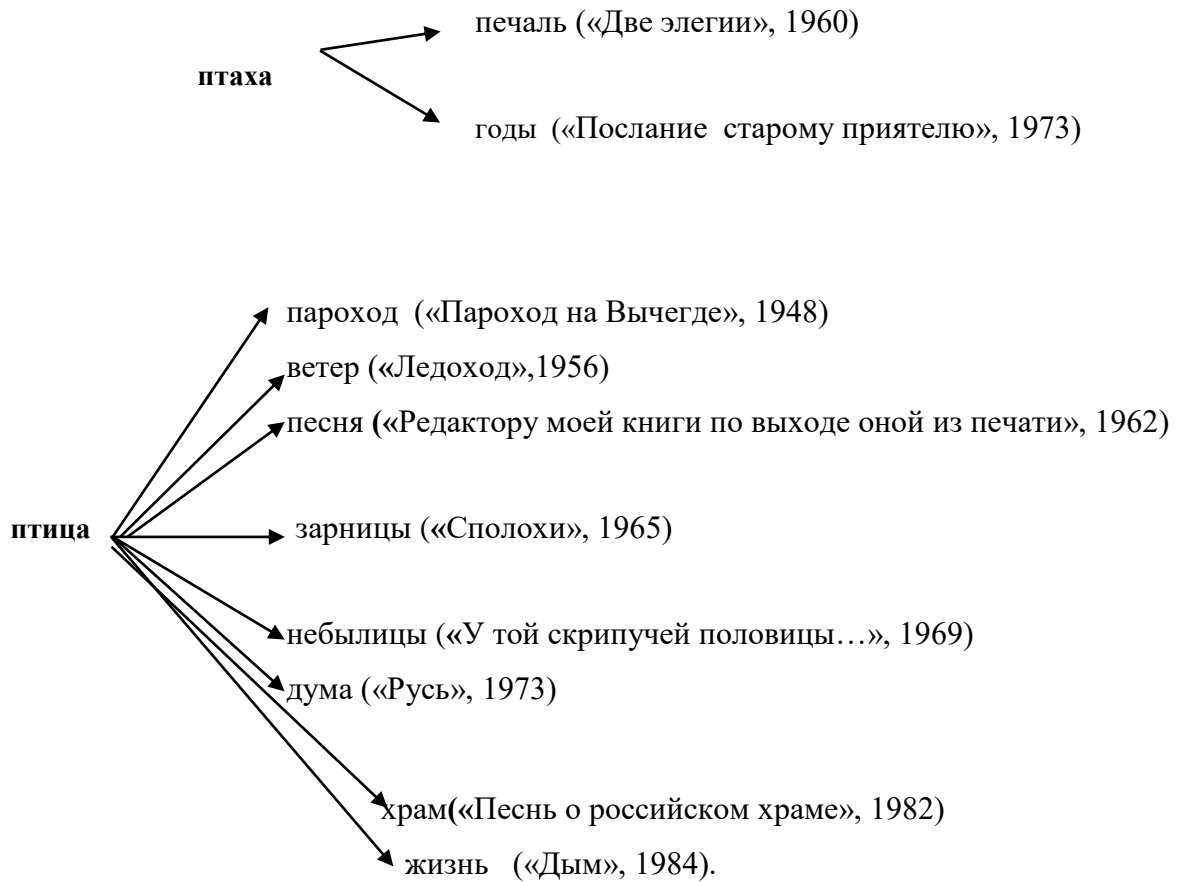
Лирический герой Н.И. Тряпкина, равно как и лирический герой Н.М. Рубцова, нередко сравнивает себя с птицей: «И я, как лебедь, бью крылом / У заповедного истока» («Темнеет кровь. Идут года», 1959), «И мы в снопах – драчливые галчата...» («Две элегии, 1960), «Я филином ухну, стрижом прокричу» («Горячая полночь! Зацветшая рожь!», 1971), тревогу лирического героя уносит журавлиный клин («Что будет завтра – я не знаю...», 1967), а человеческие мысли – «точно куры в пыли у дороги» («Душа моя бьется в каких-то силках непонятных», 1962).

Диапазон семантики слов птица, птаха в творчестве Тряпкина весьма широк – от сохранения архетипических значений и символов до их модификации и создания новых смыслов.

Изучение поэтического материала позволило выявить следующие образные парадигмы, связанные с образом птицы:

¹Кутьева М.В. «Жизнь, как подстреленная птица...». К образу птицы в русской поэзии. // Русская речь. 2008. № 5. С. 33–38.

² Там же.

Сравнение жизни человека с жизнью вольной птицы – обращение поэта к традиционному фольклорному символу, образное воплощение духовного полета лирического героя.

Итак, в поэтическом творчестве Н. Тряпкина рубцовская традиция проявилась и в стихотворениях о русской деревне и природе, в образах, идущих от фольклора. Стихи поэтов воплощают то философское единство человека и природы, когда природа определяет нравственную меру вещей и явлений.

§ 9. А.Т. Твардовский и его художественное наследие
в поэтическом мире Н.И. Тряпкина

Мысль о том, что лирика Н.И. Тряпкина испытала влияние поэзии А.Т. Твардовского, стала общим местом в литературоведении. Но вот что удивительно: в подавляющем большинстве исследований, вскользь затрагивающих эту проблему, нет никаких фактических или аналитических доказательств, подтверждающих мысль о влиянии.

Каковы же конкретные основания подобной точки зрения? Их несколько.

Немалый вклад в развитие данной темы внес П. С. Выходцев («Земля и люди», 1984). По мысли исследователя, молодые поэты, входившие в литературу в середине 50-х годов, к которым относится и Н.И. Тряпкин, «страстно» утверждали «деревенские» темы и воспевали сыновнее чувство Родины. Н.И. Тряпкин, заявивший себя к этому времени как серьезный поэт, ощущал твердое плечо старших, ставших уже классиками советской поэзии, в частности – и А.Т. Твардовского¹. Анализируя стихи поэтов «военного призыва», в том числе и Н.И. Тряпкина, П. С. Выходцев отмечает, что военная лирика наполнена патриотическим пафосом, присущим поэтам старшего поколения – «тем, кто прошел со своим народом путь <...> великих испытаний в годы Отечественной войны – А. Твардовскому, А. Прокофьеву, М. Исаковскому»². В своем творчестве Н.И. Тряпкин обращается к поэзии Н.А. Клюева, о чем неоднократно писали исследователи, в том числе и Выходцев). Однако, как утверждает исследователь, Н.А. Клюев – крупный мастер стиха, и достойно похвалы умение молодого Тряпкина, не принимая жизненной философии певца старорусской северной деревни 1910-х – 1920-х годов, опереться на

¹Выходцев П. С. Земля и люди: очерки о русской советской поэзии 40–70 гг. М.: Современник, 1984. С. 91.

²Там же. С. 92.

лучшие стороны его поэзии. Одновременно и, пожалуй, ещё более интенсивно Н.И. Тряпкин учился у других советских поэтов – С.А. Есенина, А.А. Прокофьева, А.Т. Твардовского. Таким образом, П.С. Выходцев подчеркнул литературную традицию, связывавшую А.Т. Твардовского и Н.И. Тряпкина¹.

В.А. Котельников в книге «Русские писатели. XX век. Библиографический словарь» (1998), в разделе, посвященном краткому анализу творчества Н.И. Тряпкина, пишет, что со временем поэт начинает тяготеть к сближению своего лирического повествования с литературной традицией поэтического рассказа, в том его варианте, который широко представлен у А.Т. Твардовского². Об этом свидетельствует большой двухчастный цикл «Из семейной хроники» (1982).

В.Г. Бондаренко в книге «Последние поэты империи» (2005), анализируя личность Н.И. Тряпкина и его творчество, отмечает, что «Николай Тряпкин всегда был отверженным поэтом. Это его стезя, его крестная ноша, которую и нес он безропотно до конца своих дней. В каком-то смысле он культивировал свою отверженность от литературной элиты и не тянулся особо к избранным, ибо понимал: там, в их миру, он будет лишен и поэтической, и мистической свободы»³. Говоря о том, что номенклатурная Россия отторгала Н.И. Тряпкина от своего официоза, т. к. его глубинный русизм пугал чиновных комиссаров больше, чем «диссидентские потуги» шестидесятников, В.Г. Бондаренко указывает на то, что такое отношение касалось не только одного Н.И. Тряпкина, в первую очередь, А.Т. Твардовского: «В Александре Твардовском и официальная, и неофициальная элиты видели лишь влиятельного

¹Выходцев П. С. Земля и люди: очерки о русской советской поэзии 40–70 гг. М.: Современник, 1984. С. 107.

²Котельников В. А. Тряпкин Н. И. // Русские писатели, XX век: библиографический словарь. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1998. С. 462.

³Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 18.

редактора “Нового мира” и никак не хотели видеть крупнейшего национального поэта»¹.

С. С. Куняев в статье «Мой неизбывный Вертоград» (2008) пишет: «Мощная ветвь русской литературы, названная еще в начале века по недоразумению “крестьянской поэзией”, была обрублена к началу 30-х гг. Она завершила свое существование, казалось, не успев дать новых побегов. Коллективизированная деревня рождала новых певцов. Их появлению предшествовало издание Михаила Исаковского “Провода в соломе”, которого уже тогда противопоставили “старикам”, ушедшим и ещё живым, и объявили “подлинно народным поэтом”. Явление Александра Твардовского, <...> подвело окончательный, как казалось, итог: старая “крестьянская поэзия”, основанная на “реакционном развитии фольклора”, обречена на слом и может существовать лишь в качестве не слишком желательной “музейной ценности”². Поэтому появление «крестьянской» лирики, продолжавшей лучшие традиции русской поэзии XIX–XX веков, дало новый виток в осмыслении и раскрытии темы. В поэзии Тряпкина ощущается та «крестьянская почва», с которой он связан и своими тверскими корнями, и с русским Севером, и Подмосковьем. Его поэзия срослась с бытовым укладом и с психологией крестьянина.

Действительно, в восприятии многих критиков, литературоведов оба поэта являются продолжателями традиции деревенской поэзии.

В лирике Тряпкина можно найти немало примеров прямого и закономерного продолжения лучших сторон поэзии Твардовского. По лирическому сюжету, по эмоциональной окраске в разработке деревенской темы Тряпкин близок Твардовскому.

У Твардовского:

Дело в праздник было,
Подгулял Данила.

¹Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 24–25.

²Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) // Литература в школе. 2008. № 11. С. 2.

Праздник – день свободный,
 В общем, любо-мило,
 Чинно, благородно
 Шел домой Данила.
 Хоть в нетрезвом виде
 Совершал он путь,
 Никого обидеть
 Не хотел отнюдь¹.

«Про Данилу» (1937).

У Тряпкина:

Дело было летом,
 На базаре было,
 Бабушка Марина
 Петуха купила.
 И ввиду такого
 Случая большого
 Дед Кузьмич Петрович
 Захотел спиртного...²

«Дело было летом» (1957).

Не чужды были Н.И. Тряпкину те поэтические опыты А.Т. Твардовского, которые восходят к 1920-1930 годам, например, «Урожай» (1926), «Родное» (1926). «Смоленщина» (1935), «Кружились белые березки» (1936) и др. Тут также заметны определенные художественные традиции, которым следовал Н.И. Тряпкин, и те поэтические влияния, которые он переработал.

Близость деревенских тем, образов и мотивов А.Т. Твардовского и Н.И. Тряпкина можно объяснить особенностями сельского быта, который накладывает соответствующий отпечаток на психологию деревенских тружеников, на их внутренний мир. Вместе с тем в «крестьянской поэзии» наиболее устойчивой считается традиция: незыблемость, постоянство в изначальности крестьянского быта, связанные с природой, землей, с трудом земледельца.

¹Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1976. С. 140.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 55.

³Следует отметить, ни в письмах Твардовского, ни в его в «Рабочих тетрадах» имя Тряпкина не упоминается (Тряпкин – поэт другого поколения). Упоминается лишь Тверская земля (у И. С. Соколова-Микитова в Тверской области был дом, Твардовский неоднократно там гостил).

Оба поэта, родившиеся в деревне, связанные с нею годами детства и юности, сохранили в своем сердце близость к природе, почтительное отношение к ней, деревенскую изначальность. В течение всей жизни поэты не потеряли детского, непосредственного восприятия окружающего.

А.Т. Твардовский:

Тревожно-грустное ржанье коня,
Неясная близость спящего дома...
Здесь и собаки не помнят меня
И петухи поют незнакомо.

Но пахнет, как в детстве, – вишневой корой,
Хлевами, задворками и погребам,
Болотцем, лягушечьей икрой,
Пеньковой кострой
И простывшей баней¹.

«Тревожно-грустное ржанье коня» (1934).

Н.И. Тряпкин:

А ты впервые услышал – звенят под влагой косы,
А ты впервые уловил – остер на вкус щавель.
Земля извечно молода, и зори вечно босы,
И вечно пляшут мотыльки под детскую свирель².

«А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры» (1979).

А.Т. Твардовский, крестьянский сын, формировался на подлинно народной художественной культуре. Поэт всегда будет с благодарностью вспоминать Смоленщину, богатую песнями, сказками, легендами, образным и метким народным словом. В одном из юношеских стихотворений – «Кружились белые березки» (1936) – была сформулирована, хотя и в далеко не совершенной форме, творческая программа будущего поэта: «Веселый и разнообразный, / По всей реке, по всей стране / Один большой справлялся праздник, / И петь о нем хотелось мне. / Петь, что от края и до края, / Во все концы, во все края, / Ты вся моя и вся родная, / Большая родина моя».³ Схожие строки находим в

¹Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1976. С. 86.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 410.

³Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1976. С. 102.

творчестве Тряпкина: «За дымок в родном становье, / За весенний гуд шмеля – / Для тебя мой стих сыновний, / Русь, отцовская земля!»¹

Еще находясь на школьной скамье, А.Т. Твардовский активно включается в бурную жизнь обновляющейся деревни. Он становится селькором, пишет и печатает многочисленные заметки, очерки, стихи о том, что волновало односельчан, с чем боролась новая деревня, о чем мечтали крестьяне. Эти стихи и заметки, как правило, имели конкретный адрес, были рассчитаны на реальную помощь: «О недокрытых крышах», «Самогонщику», «Потрава», «О затихшей церкви», «Заметки о колхозе», «Память Ленина»². «Все то, – вспоминал позже А.Т. Твардовский, – что происходило тогда в деревне, касалось меня самым ближайшим образом в житейском, общественном, морально-этическом смысле... Отрываясь от книг и учебы, я ездил в колхозы в качестве корреспондента областных газет, вникал со страстью во все, что составляло собою новый, впервые складывающийся строй сельской жизни, писал статьи, корреспонденции и вел всякие записи, за каждой поездкой отмечая для себя то новое, что открылось мне в сложном процессе становления колхозной жизни»³.

Творческая биография Н.И. Тряпкина началась в годы Великой Отечественной войны. В 1941 году будущий поэт оказался в городе Котласе Архангельской области. «После многочисленных скитаний я определился в одной из деревенок Сольвычегодского района, в километрах семи от Котласа. Поскольку для солдатского дела я не годился, то пришлось заниматься сельским хозяйством, работать колхозным счетоводом»⁴.

Все, что приходит в жизнь А.Т. Твардовского и Н.И. Тряпкина в дальнейшем: новые условия крестьянского труда, строительство, культура,

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 25.

²Выходцев П. С. Земля и люди. Очерки о русской советской поэзии 40–70 годов. М.: Современник, 1984. С. 259.

³Твардовский А. Т. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1966. С. 11–13.

⁴Тряпкин Н. И. О себе // Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 5.

быт (Твардовский пишет о «стальной деревне», Тряпкин – об индустриальной мощи современной России), воспринимается как должное, но не вытесняет детские впечатления. «Расстоянья сделались короче, / Стали ближе дальние места. / Грузовик из Рибшева грохочет / По настилу нового моста. / Еду незабытыми местами, / Новые поселки вижу я. / Знаешь ли сама, какой ты стала, / Родина смоленская моя? / Глубоко вдыхаю запах дыма я. / Сколько лет прошло? Немало лет... / Здравствуй, сторона моя родимая!.. / Дядя Тихон, жив ты или нет?!» – пишет Твардовский в стихотворении «Смоленщина» (1935); «Пахнет привольем, землей, красноталом... / С новой жизнью! С веселым началом!» – восклицает Тряпкин в стихотворении «Детство» (1960).

В стихотворениях просматривается потребность внутреннего обогащения иным опытом: опытом современности, опытом промышленного города, технического прогресса. Поэты раздвигают горизонты российских просторов и видят в стране в них большие перемены: Твардовский – «Новая земля» (1951); «У новоселов в Казахстане» (1955); «Еще о Сибири» (1958); «В тайге Приморья» (1959); «На новостройках в эти годы» (1965); Тряпкин – «Я живу у холодного моря» (1955), «Черная печорская тайга...» (1961); «Курильская песня» (1978); «А у нас на Мезени» (1978). Твардовский неоднозначно относится к тем изменениям, которые происходят в городе и деревне (стихотворение «В поселке», 1937), Тряпкин полюбил гул аэропортов («Что это за праздник, за веселье?», 1960), слушает грохот комбайнов («Стихи о первом совхозе», 1973), музыку «сверхвозможных скоростей»:

Мы ковригу целуем,
Преклоняясь на комли.
Мы сегодня стартуем
К новой славе Земли.

И к неведомым светам,
На космический брег.
За ракетой ракета

Разгоняет свой бег¹.

«Эй, славяне, славяне» (1960).

Оба поэта покидают свои «малую родину» (Твардовский переезжает в Москву, Тряпкин – в Подмосковье). Уходящим из деревни отчетливее видно то, чего не знают горожане. Двигаясь навстречу городу, поэты осторожны в признаниях и опираются на испытанный принцип верности природе: у А.Т. Твардовского – «...с ветром нежно-зеленая / Ольховая пыльца, / Из детских лет донесенная, / Как тень, коснется лица. / И сердце почует за'ново, / Что свежесть поры любой / Не только была да канула, / А есть и будет с тобой»²; у Н.И. Тряпкина –

Мне было с детством расставаться жаль,
И с юностью прощался я – и плакал.
И снова ты звенишь, моя печаль, –
Осенняя тоскующая птаха.
Сентябрь, сентябрь! Предвестье холодов!
Глубокий шум пустеющего сада!
А мне бы вновь хотелось тех цветов,
Что я топтал мальчишкой по левадам³.

«Две элегии» (1960)

Центральное место в стихотворениях А.Т. Твардовского 30-х годов и Н.И. Тряпкина 40–50-х годов занимают характеры людей самых незаметных, самых распространенных профессий (печники, столяры, сторожа, телятницы, льнотрепальщицы, шоферы, кузнецы у Твардовского; шоферы, бригадиры, механики, плугари, плотники, пастухи, телятники, охотники, сельские учителя, счетоводы у Тряпкина). Поэтому большинство лирических стихотворений поэтов сосредоточено на исследованиях объективного мира, реальных жизненных ситуаций. В частности, через народное восприятие (причем как бы глазами самых

¹Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 192.

²Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. М.: Худож. лит., 1978. С. 80.

³Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 184.

разных его представителей), аккумулировавшее исторический опыт народа, его вековые идеалы и устремления, переданы отдельные картины, эпизоды периода коллективизации и у А.Т.Твардовского, и у Н.И.Тряпкина. Отсюда в ряде стихотворений тяготение к сюжетности, к повествовательному началу, с одной стороны, с другой – отсутствие усложненных философских раздумий: заботы простых трудовых людей, их психология обусловили особенности лирического мироощущения поэтов. Но именно эта верность темам общезначимым, это желание писать только о том, что представляет интерес для трудовых масс, способствовали выработке тех нравственно-эстетических критериев, которые помогали ориентироваться в широком круге проблем и явлений. Пристальное внимание к духовному миру труженика, горячая заинтересованность в его жизни и делах имели значение для дальнейшего развития поэтов и их поэзии в целом. Это же обусловило напряженность внутреннего лиризма стихотворений А.Т. Твардовского и Н.И. Тряпкина.

Как Н.И. Тряпкин относился к А.Т. Твардовскому, можно судить по стихотворению «Послание старому приятелю» (1973), в котором упоминается А.Т. Твардовский³:

Когда-то мы дружили,
Хотя и так давно!
И где-то вместе пили
Веселое вино,

Ругались из-за песни
И брали города,
Поскольку были вместе
Поэтами тогда.

Поэты и студенты...
Да где их только нет?
И все ж с того момента
Промчалось столько лет!

Парнасские высоты
Забросил ты, мой друг,
И стал не санюлотом,
А доктором наук.

Ни друга и ни брата!
И прочему – хана!
Подай тебе цитату
Из писем Куприна,

И что сказал Твардовский,
И что бубнил Светлов,
И где подстриг Чуковский
Концы своих усов.

А годики – что птахи,
Промчались – не видать.
И смертные рубахи
Пора уж собирать.

За клином журавлиным –
Предзимняя мура.
И к собственным седидам

Притронуться пора.

А что у вас в кошелке?
Досужий винегрет:
Светловские иголки,
Твардовского кисет...

А ты во все лопатки
Все бегаешь, браток,
И все считаешь пятки
Прославленных сапог.

И ловишь на хранение

Платки и рукава...
А где ж – твои сужденья?
А где ж – твои слова?

Давно свою бы печку
Пора нам истопить
И собственную гречкой
Цыпляток покормить.

И где-нибудь за тыном
Присесть бы у дымка,
И к собственным сединам
Притронуться слегка¹.

В стихах последних лет Н.И. Тряпкин в раскрытии своих поэтических замыслов предстает уже зрелым поэтом, который придерживается дальнейшей философской углубленности и нравственной исповедальности. В этом смысле «Послание старому приятелю» – не исключение.

Стихотворение, в котором речь идёт о литературных репутациях разных писателей и об отношении к ним Н.И. Тряпкина, программное, метафорическое, характеризующееся напевно-говорящей организацией поэтической речи. Если выстроить в один ряд имена из далекого и недавнего прошлого, получится большая сага, охватывающая целые литературные эпохи: А. И. Куприн, М.А. Светлов, К.И. Чуковский, А.Т. Твардовский, который показан с иронией, как один из «идолов» современной поэзии, которому не нужно слепо поклоняться, а искать свой творческий путь. «Твардовского кисет» – намек на образ В. Теркина (поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин», глава «О потере»).

Итак, А.Т. Твардовский и Н.И. Тряпкин – это поэты разных судеб, разных эпох. Однако нельзя и отрицать того, что оба они преклонялись в поэзии перед красотой и той правдой, которые превыше всего чтит русский крестьянин, чтит всегда вопреки всем обстоятельствам, которые отдалили его от этих идеалов.

§ 10. Два поэтических мира: Ю.П. Кузнецов и Н.И. Тряпкин

10. 1. Волшебные мотивы русских народных сказок в стихотворениях
«Атомная сказка» Ю.П. Кузнецова и «Сказка» Н.И. Тряпкина

В работах критиков и литературоведов произведения Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова рассматриваются как целостные развивающиеся художественные системы в контексте русской поэзии второй половины XX века, выявляющие художественное своеобразие и творческую индивидуальность каждого из поэтов в связи с фольклором, с традициями отечественной культуры и литературы. О сходстве их поэтических систем писал А. В. Василевский¹. С.Ю. Николаевой в статье «Художественная философия Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова» предпринята попытка вписать творчество поэтов в контекст философской мысли XX столетия². В восприятии С. С. Куняева лирика Н.И. Тряпкина переключается с лирикой Ю.П. Кузнецова: «Думая о нем, читая его стихи, я не раз воскрешал в своей памяти строчку одного из стихотворений Юрия Кузнецова: "Чем старше, тем сильнее..."»³. В. Г. Бондаренко в своей книге «Последние поэты империи» отмечает, что Тряпкин и Кузнецов близки своим мистическим погружением в народную культуру⁴. Е.В. Ермилова пишет, что Н.М. Рубцова и Н.И. Тряпкина Ю.П. Кузнецов считал лучшими поэтами современности⁵. Сам Ю.П. Кузнецов, говоря о современных ему поэтах, выделял среди них тех, кто был близок его мировоззрению⁶. В

¹Василевский А. Чувство в своем естестве // Новый мир. 1988. № 3. С. 262.

²Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып 5. С. 71–81.

³Куняев С. С.«...Неизбывный Вертоград» // Москва. 1989. № 4. С. 194.

⁴Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 20.

⁵Ермилова Е. В. «Я смотрю в упор». Лирика Н. Рубцова // Литература в школе. 2006. № 1. С. 5.

⁶Голубицкий Ю. И. Стилевой опыт Юрия Кузнецова как фактор современного литературного процесса // Филологические науки. 2012. № 5. С. 48.

частности, о Н.И. Тряпкине поэт написал так: «Толпа безлика, у народа есть лик. Этот народный лик проступает в творчестве Николая Тряпкина <...> А сам поэт обладает магической силой, одним росчерком пера он способен удерживать все времена. Николай Тряпкин близок к фольклору и этнографической среде, но близок как летящая птица. Он не вязнет, а парит. Оттого в его стихах всегда возникает ощущение ликующего полета <...> Поэт владеет своим материалом таинственно, не прилагая видимых усилий, как Емеля из сказки, у которого и печь сама ходит, и топор сам рубит. Но это уже не быт, а национальная стихия...»¹.

Я вышел оттуда, где знают простейшие вещи,
Где любят стамеску, топор, и лопату, и клещи,
Где плесы не плещут без весел, мостков и причалов,
Я вышел оттуда, где все можно делать сначала² – напишет Тряпкин в 1961 году.

Поэзия и Н.И. Тряпкина, и Ю.П. Кузнецова отличается широким использованием различных фольклорных интертекстов, имеющих философско-художественную значимость в создании национальной картины мира, о чем свидетельствуют многочисленные примеры стихотворений. Так, в стихотворениях «Сказка» Тряпкина и «Атомная сказка» Кузнецова обнаруживаются элементы русской волшебной сказки: особенности сюжетостроения, образы-символы и словесные формулы, закрепленные за данным жанром.

Семантическая наполненность стихотворения «Сказка» (1979) Н.И. Тряпкина отсылает читателя к сюжету русской народной сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Однажды Федот-стрелец, королевский стрелок, снабжавших царский стол дичью, отправился в лес, увидел горлицу и стрелой перебил ей крыло. Горлица, разговаривая с Федотом человеческим голосом, попросила не убивать ее, а принести домой, посадить на окошко и ударить после того, как она впадет в

¹Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 20.

²Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения. М.: Худож. лит., 1984. С. 236.

дремоту. Возвратившись домой и дождавшись указанного часа, стрелец исполнил наказ горлицы; птица упала наземь и сделалась «душой-девицей», на которой Федот-стрелец женился¹.

Н.И. Тряпкин сохраняет сказочную завязку фольклорного текста: царский стрелок, получив распоряжение от царя-батюшки, отправляется в лес за провиантом для царского стола. Ничего не добыв в лесу («Исходился, избегался царский стрелок / Да по дебрям лесным. / Ничего не добыл он на царский пирог / Самострелом своим»²), он увидел голубицу, сидящую на суку, и услышал ее пение:

Закручинился парень, уселся на пне.
(А уж ночка-то – вот!)
И послышалось вдруг: где-то там, в вышине,
Голубица поет³.

«Сказка» (1979).

Далее поэт постепенно отходит от сказочного текста и вступает в полемику с формульностью сказки. Он не просто отступает от сказочной структуры (что естественно в произведении реалистическом), а нарушает законы развертывания сказочного времени, организуя свое художественное время. Известно, что сказка фиксирует внимание на событийных узлах, не сосредоточиваясь на промежуточных явлениях. Движение по нарастающей в сказке обеспечивает интенсивность формирования конфликта и яркость кульминационного события. Н.И. Тряпкин, напротив, «перепрыгивает» через самые острые ситуации, давая их ретроспективно в кратком изложении («И ударила стрелка под то ли крыло, / И промчалась насквозь...»).

Фольклорная сказочная традиция в значительной степени повлияла на поэтический язык и образность стихотворения Н.И. Тряпкина, которое включает в себя два стилистических пласта: сказочный и просторечный.

¹Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева /вступ. статья В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1977. С. 161.

²Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 258.

³Там же. С. 258

Сказочный пласт представлен образами звездного дуба, Млечной реки, сказочными формулами («ни видать, ни слышать», «закручинился»), просторечный пласт реализован на лексическом уровне: узрел, исходился, избегался, самострел, издымились (необходимо заметить, что просторечия, встречающиеся в русских народных сказках, воспринимаются скорее как архаизмы). Таким образом, народно-поэтическая лексика и разговорный синтаксис, просторечие и народные присловья выступают здесь органическим элементом языкового строя поэта.

Следует отметить, что стихотворение, названное Тряпкиным «Сказка», также имеет притчевый характер, о чем свидетельствует последнее четверостишие стихотворения («Только эту вот притчу про сказочный лук / Мы решили сказать»). Авторский текст, апеллируя к фольклорному миру текста, приобретает под его влиянием характерологические свойства фольклорного текста. Такой текст может соединять в себе разные фольклорные тексты, образы, разные уже известные художественные системы (песня-сказка, притча-сказка), что позволяет создать интертекстуальное пространство¹.

Одной из существенных черт народного творчества является идеальность главного героя. Однако Н.И. Тряпкин наделяет своего «стрелка» иными качествами, нехарактерными для фольклорного персонажа.

В фольклорных сказочных текстах насчитывается пять вариантов сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»: четыре – в обработке А. Н. Афанасьева и пятый – в обработке А.Н. Толстого². В четырех вариантах есть имя – Федот-стрелец (Толстой переименовывает Федота в Андрея). Н.И. Тряпкин делает своего героя безымянным. Поэт,

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс....канд. филол. наук. Бийск, 2005. С. 29.

²Даниленко В. Новаторство Леонида Филатова в сказке «Про Федота–стрельца, удалого молодца» // Литературная учеба. 2011. № 2. С. 75.

изменяя именную заданность фольклорного персонажа, реорганизует исходный сказочный материал, создавая качественно иные миры, имеющие опосредованную связь с миром фольклора. Образ безымянного царского стрелка в «Сказке» универсализируется до образа человечества, идущего на поводу у собственных страстей.

В русской волшебной сказке Федот-стрелец стреляет в горлицу, в стихотворении Н.И. Тряпкина царский стрелок убивает голубицу:

И ударила стрелка под то ли крыло,
 И промчалась насквозь...
 И великое пламя над миром прошло,
 А верней, – пронеслось¹.

«Сказка» (1979).

Убийство приводит к нарушению сказочной стратегии. Момент испытания приобретает трагичность, что совсем не характерно для волшебной сказки. Уничтожение волшебного помощника (она же заколдованная невеста, обладающая волшебной силой) приводит к неизбежному свертыванию сюжета, поскольку не создается ситуации продолжения с позитивным концом.

В славянской мифологии горлица – символ верности и бескорыстной привязанности, голубь – олицетворение любви, мира, птица пророчеств². Распространены представления о голубе как посреднике между Землей и Небом и божественном вестнике. В стихотворении голубица является символом стихии реалистической, которая проявляется в финале стихотворения – мировая ось подвергается испытаниям разрушительной деятельности человека.

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 258.

²Энциклопедия символов, знаков, эмблем / автор–составитель К. Королев. М.: Мидгард, 2007. С. 461.

Издымились деревья, пропала трава,
 И не стало воды.
 Только месяц вверху зарыдал, как сова,
 От великой беды...¹

«Сказка» (1979).

Так поэт превращает персонажей стихотворения в современников (стихотворение посвящено В. В. Кожинуву), сохраняя черты фольклорных прообразов.

В стихотворении действие разворачивается у дуба («звездного дуба» у «Млечной реки»). Зеленый дуб («Мировое дерево») – центр, Мировая ось, соединяющая небо, землю, потусторонний мир, соотносимая с центром пространства, понятием времени, символом его бесконечности и вечности Божества. По мнению С.Ю. Николаевой, Тряпкин считает недопустимым раскачивание мировой оси, и в этом он созвучен с Ю.П. Кузнецовым, который в стихотворении «Атомная сказка» (1968) воссоздает похожий сюжет²: Иванушка, выйдя в чисто поле, пускает стрелу в лягушкино болото, ранит царевну-лягушку, а потом «вскрывает ей белое царское тело и пускает электрический ток»³.

Ю.П. Кузнецов также изменяет исторически заложенному сказочному значению и функции, проявляя на новом историческом этапе характеристики персонажа эпохи образ Иванушки. Это свидетельствует о том, что оба произведения строятся по одной семантической модели, а изменение сказочной стратегии (последовательности функций) связано с наделением персонажей, взятых из фольклорного пространственно-временного континуума, качествами, противоречащими фольклорной исторически сложившейся заданности: трансформируются исходные

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 258.

²Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина //Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 114.

³Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. С. 82.

функции сказочного персонажа, сложившиеся на протяжении веков свойства¹.

Если у Ю.П. Кузнецова сказочный мотив выполняет дидактическую функцию (неограниченное нравственными законами познание мира человеком оборачивается не только против самого человека, но и против целого мира – «В долгих муках она умирала, / В каждой жилке стучали века»), то у Н.И. Тряпкина человек идёт ещё дальше в своем стремлении достичь мирового господства (посвягает на «голубицу на звездном дубу у Млечной реки», то есть восстает против Бога, Святого Духа, он колеблет мировую ось)².

10.2. Индивидуально-авторские особенности использования общеязыковой фразеологии в лирике поэтов

Выявлению степени близости творчества поэтов способствует восстановление историко-литературных контекстов, сопоставление языковых систем. В данном случае делается попытка проанализировать структурно-семантические особенности использования фразеологизмов.

Выбор в качестве объекта изучения фразеологизмов, идиом, паремий, народно-разговорных элементов не случаен. Произведения поэтов относятся ко второй половине XX века: начало литературной деятельности Н.И. Тряпкина приходится на 40-е, Ю.П. Кузнецова – на 60-е годы. Оба писателя явились представителями реалистического направления в русской литературе, продолжателями ее классических реалистических традиций. Н.И. Тряпкин и Ю.П. Кузнецов были носителями не только

¹Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дисс....канд. филол. наук. Бийск, 2005.С. 127.

²Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Москва–Лотошино: НИЦ «Академика», 2010. Вып. 1. С. 114.

литературного языка, но и его разговорной формы во всех ее проявлениях, поскольку выросли в такой языковой среде, которая позволила им узнать язык в непосредственном и теснейшем общении с его носителями. Обращение к творчеству названных писателей объясняется и сравнительной его неизученностью. Произведениям Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова посвящено немалое количество исследований как литературоведческого, так и лингвистического характера, однако зачастую их произведения становились материалом для решения общих вопросов лексики, грамматики, фразеологии. В частности, народно-разговорная фразеология изучалась эпизодически.

Следует подчеркнуть, что традиционная поэтическая фразеология – один из образующих элементов «поэтического» стиля речи художественной литературы второй половины XX в. – результат многовекового развития литературного языка в его специфических для поэзии формах, определенных и закреплённых узаконенной традицией системой воспроизведения. «Теория доминирующей традиционности, распространяемая на литературу в целом <...>, является преувеличенной и спорной. Но она, без сомнения, важна для многовековой истории стихотворного языка, особенно языка лирики»¹.

В русской литературе использование фразеологизмов в поэтических текстах имеет сложившуюся традицию: фразеологизмы привлекаются для усиления выразительности, заостренности мысли, отражения культурно-национального мировидения поэта, его миропонимания, осознаваемого в контексте культурных традиций. И в этом смысле творчество Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова не стало исключением. Было проанализировано порядка 700 стихотворений, написанных поэтами в 40–90 годах XX века – время их активного обращения к фразеологии.

¹Гинзбург Л. Я. О лирике. М.–Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1964. С. 9.

Необходимо отметить, что выбор образной основы в творчестве Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова нередко регламентировался двумя источниками. Во-первых, это мировая литература. Прототипами фразеосхем, литературных заимствований в поэтических текстах обоих поэтов являются: библейский текст (Тряпкин – «не создай себе кумира» («И снова лед очистил воды», 1957), «блудный сын» («Мелодия высоких пустынь», 1961), «отеческие пенаты» («Река в сугробах утонула», 1964), Кузнецов – «ничто не вечно под луной!» («Ложные святыни», 1988); греческий текст (Тряпкин – «парнасские высоты» («Послание старому другу», 1973), Кузнецов – «чаша полная» («Счастье», 1983), «познай самого себя» («Изречение Гермеса», 1985), «ты маску снял с меня» («Здравица памяти», 1987); восточный текст (Кузнецов – «Всяк пузырь на волю выпускает Джинна, заключенного внутри» («Пузыри», 1988); шекспировский текст – Кузнецов: «теперь иль никогда» («Фантазия», 1967), «быть иль не быть – вот в чем вопрос» («Дом», 1972-73); булгаковский текст («Книги не горят» («Дым», 1987)¹. Во-вторых, устным народным творчеством (количество примеров использования народной фразеологии доминирует над литературным заимствованным текстом). Пути заимствования определяли сферу применения: народная традиция обычно связывала образ с обозначением этических и моральных проблем, литературная – с явлениями светской жизни.

Анализ фразеологизмов первой группы показал, что поэты, обновляя семантику фразеологизмов, обращаются к первоначальному значению входящих в них слов. Авторы прибегают к свободному употреблению

¹В русистике для обозначения различных по структуре образных слов и устойчивых синтаксических конструкций, которые по происхождению связаны с каким-либо литературным источником, с середины XIX века употребляется термин «крылатые слова», которые не все исследователи относят к фразеологизмам (Максимов В. И. Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции // Русская речь. 2003. № 4. С. 36–37). В статье все указанные примеры, извлеченные поэтами из широкого круга литературных источников, рассматриваются как конструкции, сопредельные фразеологизмам, как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

слов, образовавших устойчивое сочетание, и обыгрывают их обычное лексическое значение. В результате происходит двуплановое осмысление фразеологизма. В стихотворении «И снова лед очистил воды...» (1957) Тряпкин рассуждает о земле, о любви, о человеке:

Пребуди в дарах весны и мира,
Живи и славься, человек,
И не создай себе кумира
И ни теперь и ни вовек!¹

Обращение к одной из заповедей Моисея (Исход, 20: 4) подчеркивает глубокий философский смысл стихотворения.

Первая строка стихотворения Н.И. Тряпкина «Лукавый змий! И ты вкушаешь сдобники...» отсылает к выражению «змий-искуситель», библейскому мифу об Адаме и Еве (Бытие, 3)². Поэтические строки «Заблудшего сына верните опять» (стихотворение «Мелодия высотных пустынь», 1961) и «Родитель блудный возвращается» (стихотворение «Завивалась пыль из-под крыла...», 1968) восходят к евангельской притче о блудном сыне (Лука, 15: 11–32), выражение «блудный сын» обозначает человека нравственно нестойкого, но раскаивавшегося в своих заблуждениях³. В стихотворении «Завивалась пыль из-под крыла...» (1968) Н.И. Тряпкин, используя прием разрушения образного значения фразеологизма (возвращение не блудного сына, а родителя), затрагивает лексико-грамматическую структуру исходного текста, его внешняя форма сохраняется, но смысл трактуется по-новому:

Ах, давно все было... Так давно!
Даже сердцу трудно вспоминается...
И не к сыну ль прямо на гумно

¹Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди: стихи. М.: Московский рабочий, 1971. С. 143.

²Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М.: Современник, 1996. С.151.

³Там же. С. 34.

Днесь родитель блудный возвращается?¹

«Завивалась пыль из-под крыла...» (1968).

Ярким отражением быта русского народа, его системы ценностей являются пословицы и поговорки, изучение которых «представляет замечательную возможность для исследования системы ценностей этноса, поскольку в них нашли свое языковое выражение ценности, антиценности, оценочные стереотипы, эмоции и понятие нормы, на основе комплексного рассмотрения которых можно делать определенные выводы о сущности языковой личности данной лингвокультурной общности»².

Образность и экспрессивность, лаконизм и «нагая простота», богатейший, глубинный смысл пословиц и поговорок привлекали и Н.И. Тряпкина, и Ю.П. Кузнецова. Они превосходно знали и любили этот жанр народного творчества. Так, в 1977 году Н.И. Тряпкин написал стихотворение, которое посвятил крупнейшему знатоку русского фольклора, собирателю и исследователю русских пословиц и поговорок В.И. Далю.

Где-то там, в полуночном свеченье,
Над Землей, промерцавшей на миг,
Поднимается древним виденьем
Необъятный, как небо, старик.

И над грохотом рек многоводных
Исполинская держит рука
Хатулище понятий народных
И державный кошель языка³.

«Где-то там, в полуночном свеченье» (1977).

Вопрос о принадлежности пословиц и поговорок к фразеологизмам представляется спорным. В лингвистической литературе определился

¹Тряпкин Н. И. Златоуст: избранные стихи. М.: Худож. лит. М., 1971. С. 213.

²Кузьмина Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка): автореферат дисс....канд. филол. наук. Тамбов, 2002. С. 13.

³Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 309.

дифференцированный подход к этим единицам. Поговорки включаются в круг фразеологических исследований, пословицы, как единицы не номинативного, а предикативного характера, выносятся за пределы границ фразеологии. Данное разграничение имеет свои основания в семантико-структурной природе фразеологизмов (детерминизме, номинации, соотнесенности с членами предложений). Но в языке художественной литературы пословицы и поговорки выступают в функционально-стилистическом аспекте как однопорядковые единицы народной фразеологии наравне с поговорками, идиомами, народнопоэтическими фразеологическими словосочетаниями¹. Таким образом, пословицы и поговорки, которые «являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением»², относятся к разряду фразеологических выражений – устойчивых в своем составе и употреблении фразеологических оборотов.

Степень фразеологизации народного поэтического фразеологизма у каждого из поэтов не была стабильной: она определялась конкретными условиями текстового окружения. «Одно и то же сочетание могло восприниматься как поэтический заменитель слова, как спаянное целое привычно употребляемое для наименования определенной реалии и как сочетание полнозначных лексем, устойчивое сцепление слов»³.

Анализ использования фразеологии у Ю.П. Кузнецова и Н.И. Тряпкина позволяет установить ряды наиболее употребительных образных основ описательно-метафорических сочетаний в их конкретном лексическом выражении, т. к. «семантические свойства языковых единиц, помещенных в достаточно длинный и динамично развивающийся контекст, оказываются существенно иными, нежели семантические

¹Медянский С. М. Трансформация пословиц и поговорок в поэзии А. В. Кольцова // Материалы по русско-славянскому языкознанию II. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1966. С. 114.

²Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Просвещение, 1985. С. 62.

³Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина / (отв. ред. В. Д. Левин). М.: Наука, 1969. С. 6.

признаки тех же единиц, рассматриваемых в изолированном виде или в коротком контексте»¹.

Для характеристики фразеологического богатства, на котором воспитывались вкусы Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова, необходимо системное описание наиболее традиционных моделей подобных сочетаний и тех их индивидуальных выражений, которые отразили новое отношение к языковой традиции.

Говоря о поэтической фразеологии, следует иметь в виду три взаимосвязанных явления: 1) ее образную основу, 2) ее лексическое выражение и 3) круг обозначаемых при посредстве данного образа реалий.

Образ как основа фразеологизма, идиомы, паремии не является принадлежностью той или иной эпохи, но фактически наличие избираемых предметов уподобления отражает характер восприятия мира во всей его исторической обусловленности. Поэты и писатели одного времени могут привлекать один и тот же образ, по-разному ориентируясь на различные свойства реалии, лежащей в основе образа. Поэтому анализ образной системы как основы поэтического фразеологизма важен для характеристики любой эпохи².

Образ как структурная единица поэтических сочетаний усваивался со всей совокупностью традиционно закрепленных за ним представлений, отражающих классическую поэтику (стандартная номинация). И в поэтическом языке Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова в качестве основ фразеологических моделей были представлены фразеологизмы с традиционно закрепленной сферой их применения, к ним поэты обращались при уподоблении строго определенных явлений. Тряпкин: «уши развесил» («По городу Ржеву», 1953), «дыма нету без огня»

¹Бизюков Н. В. Эволюция структуры коннотации фразеологических единиц в контексте Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 90.

²Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина / (отв. ред. В.Д. Левин) М.: Наука, 1969. С. 8.

(«Песня», 1966), «как липку обдерут» («А на земле мазурики...», 1966), «лясы точить» («Бабка», 1982), «ни слухом, ни духом» («Не искал ты, Никита, муравскую землю...», 1982), «не ударить в грязь лицом» («Пусть не лезет в кровь лихая спячка», 1961), «переплюнуть других» («Радость», 1959), «сколько зим прошло, сколько лет!» («Романово», 1965), «зло взяло» («Не метель, а помело», 1955), «лежать на печи» («Не поляки, не swei, не фрязи...», 1973); Кузнецов: «ты наломал немало дров» («Не поминай про Стеньку Разина», 1986), «ученье – свет, а неученье – тьма» («Студенту», 1985), «семь бед – один ответ» («Седьмой», 1985), «и сидит он в чем мать родила», («Сидень», 1986), «это море тебе по колено» («Мелкие воды», 1978), «пешком под стол ходил» («Пилотка», 1962), «думу думать» («Дом», 1972-73), «за кудыкины горы» («Фонарь», 1979).

Однако поэтическая практика поэтов сталкивалась с новым кругом явлений и с необходимостью по-новому оценить явления старые. Стремление поэтов выйти из границ принятого стандартного выражения фразеологической модели шло по пути модифицированной номинации. «В качестве важнейшего фактора индивидуально-авторских преобразований исследователи называют коммуникативно-прагматическую компетенцию носителей языка, проявляющуюся, в частности, в выборе знака в процессе организации речи, когда оценивается пригодность/непригодность данного знака удовлетворять всем условиям успешного речевого акта. Причинами авторских преобразований фразеологических единств являются неадекватность передачи авторского замысла, необходимость в дополнительной экспрессии и в придании большей образности своему высказыванию»¹. Например, поэты обращаются к подбору новых синонимов для обозначения опорного слова/сочетания. Тряпкин: «кудряшки вам повыдерут» («Разговор игрушечьего мастера со своими

¹Попкова М. В. Фразеология мемуарных текстов Георгия Иванова: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореферат. дисс....канд. филол. наук. Омск, 2008. С. 14.

изделиями», 1971) – ср: «волосы выдирать», «сложла лапки не сидят» («Вяжут свежие метелки...», 1941) – ср: «сидеть сложла руки», «беру на поруки» («За синие своды», 1957) – ср: «взять на поруки», «держи повыше нос» («Рассказ про одно странствие», 1982) – ср: «держатъ выше нос», «мужей в могилу загнала...» («У тебя глаза – как в небе сокол...», 1966) – ср: «в гроб вогнать»; Кузнецов: «Если сына рожу я в рубашке, / Он рубашку одолжит мне» («Возвращение на место», 1972) – ср: «родиться в рубашке», «Я спал под терпким сталактитом, / Задрав свой нос», «И самого не раз водили / За мой же нос» («Нос», 1979) – ср. «водить за нос, задирать нос», «Но ведь горб – это род колеса, / Семь горбов – это все небеса, / Так катись без руля и ветрила / Осязательно-зримым горбом / До могилы за первым столбом, / Все глотает живая могила / И любые горы сокрушает, / Как пословица нас утешает», «порази нас типун» («Выпрямитель горбов», 1983) – ср: «типун тебе на язык», «на тонком дрожит волоске» («Европа», 1980) – ср: «держаться на волоске», «ветром принесло» («Дым», 1987) – ср: ветром занесло.

Так слова-образы, введенные в поэтические фразеологизмы, вследствие присущих им в языке семантических, стилистических, экспрессивных свойств несли в себе зародыш новых образов и эмоций. Новые контекстные условия акцентировали частные, специфические признаки обозначаемых этими словами-образами реалий, что вело к изменению фразеологизма, к разрыву со старой образно-фразеологической схемой.

Оживление стершегося опорного образа фразеологической модели могло идти и по пути ввода в состав сочетания нового определяющего члена, новизна которого разрушала привычную спаянность членов сочетания, вела к концентрации смысла сочетания в слове-образе, перемещая его как метафору, как правило, в один синонимический ряд с традиционной народнопоэтической фразеологической моделью. Тряпкин: «В пояс бью челом» («Все лужки, да ямки родничковые...», 1966),

«Десять пятниц на неделе» («Стихи о наших детках», 1987), «Из мухи выдуть слона» («Результаты», 1987), «Где Макар гулял – / Да телят растерял» («Речитатив», 1982), «Припомнится Федот – Да не тот» («Процветает человек...», 1987); Кузнецов: «А чужая душа – не потемки» («Для того, кто по-прежнему молод...», 1980), «Вот бог, а вот Россия – уходи!» («Закрой себя руками: ненавижу!», 1968), «Бог не выдаст, свинья не доест», «Не по мне заварилась каша» («Откровение обывателя», 1988), «Пусть развяжет родимую речь» («Триптих», 1987).

Таким образом, фразеологическая схема представляет собой воспроизводимую синтаксическую модель предложения, которая включает в свой состав обязательные неизменяемый (опорный) и изменяемый компоненты. Наличие этих двух компонентов в структуре фразеосхемы позволяет классифицировать ее значение как «синтаксическое», а сами модели – как «лексико-синтаксические»¹. Преобразованные фразеологизмы вносят в текст определенный стилистический колорит, экспрессивное наполнение, дополнительные семантические оттенки, активируя в целом восприятие текста.

В произведениях поэтов нередко встречаются фразеосхемы с названиями животных (зоонимы), отличающиеся высокой степенью распространенности и универсальности, поскольку активно используются в художественной литературе в качестве образной характеристики человека, ситуации, события, обладают высоким оценочным потенциалом. Тряпкин («волком вззоет!») («Из древней книги», 1987), «в бараний рог уже свело!..» («У тебя глаза – как в небе сокол...», 1966), «глядите сычами», «черные кошки всегда вас, бродяги, скребут» («Ах, соседи мои!..», 1981), «драть бы нас, как сидрову козу!» («За дворами царства однолишного», 1975), «стою как тетеря» («За поля яровые», 1965), «белая ворона» («Он жил один в своей тени», 1987), «у кур на смеху» («Жили мы вчетвером.

¹Меликян В. Ю. Фразеологические схемы с местоименным компонентом в системе русского языка // Русский язык в школе. 2007. № 6. С. 69.

Это прежде – мамаша с папашей...», 1982); Кузнецов («я гол как сокол», «ты глядишь, словно загнанный зверь» («Возвращение на место», 1972), «молодец гол как сокол» («Поступок», 1985), «на болоте заснул как собака» («На болоте», 1979), «он брешет, собака!» («Поединок», 1983), «И вдруг услышал звук. / Скребущий звук неотличим / От кошек на душе» («Седьмой», 1985), «буду до гроба тебе, как собака, верна» («Кость», 1988).

Основа зоонима – оценочная метафора – необходима поэтам не столько для многообразного представления явлений действительности, сколько для прагматической цели выражения ценностного отношения к данному языковому знаку через его исходный образ. «Выбор того или иного образа – мотивы метафоры – связан не просто с интенцией субъекта, но ещё и с его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов. Выражение отношения субъекта речи к обозначаемым явлениям действительности составляет так называемую лексическую модальность, реализуемую коннотативным значением слова и фразеологизма»¹.

Можно заметить, что в анализируемом материале при выборе фразеологизма для характеристики субъекта поэты используют два типа знаний: знания об обозначаемом объекте – человеке (с его детализированным, дискретным представлением) и обозначающем (оценочном предикате) – животном или птице. Для реализации системы этих знаний – биологических, стереотипных, мифологических – каждый из поэтов чаще всего выбирает слова с интенциональным и имплицитным значением, выполняющие в национальной ментальности роль символа.

В лирике Тряпкина и Кузнецова зоонимы, как правило, выражают оценочную отрицательную семантику. Но в каждом тексте, содержащем

¹Маркелова Т. В., Хабарова О. Г. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или финонимом // Филологические науки. 2005. № 5. С. 22.

оценку-неодобрение, не ощущается высокого накала страстей, несмотря на яркую палитру чувств и переживаний. Искусно завуалированные имплицитным смыслом оценки зоонимов и фразеологизмов с этим компонентом, оценочные предикаты, выражая критическую и ироническую характеристику, в целом дают сдержанную оценку.

Н.И. Тряпкин:

Ну а там, с подворья опустелого,
Только пыль проносится в грозу...
Ой да что ж ты, мамка, понаделала?
Драть бы нас, как сидрову козу!¹

«За дворами царства однолишного» (1975).

Ю.П. Кузнецов:

Ни перстом, ни крестом не хранима,
Ты глядишь словно загнанный зверь:
– Как, ты мимо проходишь?
– Да! Мимо.
– Это ложь. Я не верю!
– Не верь².

«Возвращение на место» (1981).

Наиболее частотными в лирике поэтов являются фразеосхемы, в состав которых входят местоимения. Это обусловлено спецификой значения этой части речи (слова местоименного значения позволяют авторам легко приспособлять их в поэтическом тексте к различным условиям и задачам, например, расширять структурную модель текста, интенсифицировать фразеосинтаксическое значение предложения). Тряпкин: «я – уже не я» («Две элегии», 1960), «кто кого перекричит» («Душистым дымом утренних селений», 1949), «сколько зим, сколько лет»

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 307.

²Кузнецов Ю. П. Отпущу свою душу на волю. М.: Советский писатель, 1981. С. 58.

(«Дядя пьет венгерский ром...», 1959), «сукин ты сын» («За поемный терновник, пустившийся в рост», 1946), «забыть про все на свете» («И вы, и вы, трагические хоры», 1981), «всё мы к сердцу принимаем» («Когда вопрос о новой смете», 1948), «зло меня взяло» («Не метель, а помело...», 1955), «любую крестную ношу / Понесем на своем горбе» («Не рифмованная капуста...», 1986), «никакую славою не смоем / Этих пятен с нас!» («Реквием», 1962), «ну вас к черту» («Стихи в трудную минуту», 1972–1975), «и с того, мол, и с сего» («Стихи о Николае Тряпкине», 1973); Кузнецов: «с нами бог», «Иван свое возьмет» («Дом», 1972–1973), «обобрали его догола» («Сидень», 1986), «не поверил он глазам» («Золотая гора», 1974), «куда нас занесло» («Седьмой», 1985), «ни на этом свете, ни на том» («Распутье», 1977), «я буду живой или мертвый» («Гнилушка на ладони»), «я за все расплатился с лихвой» («Фонарь», 1979), «она не знает, что творит», «не лги себе» («Когда песками засыпает...»), «куда меня черт занес» («Баллада о старшем брате»), «порази нас типун», «ты душой не криви» («Выпрямитель горбов», 1983), «занесло их в нашу сторону» («Мне снились ноздри! Тысячи ноздрей», 1977), «это море тебе по колено» («Мелкие воды», 1978), «полегли и свои и чужие» («Вечный снег», 1979), «не от мира сего» («Стихия», 1979), «я гол как сокол» («Возвращение на место», 1972), «волосы он рвал» («Китобой», 1981), «кому какое дело», «тебе какое дело» («Дело», 1985), «ты нас застукал в небе», «надо с тобой кончать», «тут как тут», («Возмездие», 1985), «ничто не вечно под луной» («Ложные святыни», 1988), «только свистни, и я прилечу» («Вздых разлуки ударил с вокзала», 1985), «буду до гроба тебе, как собака, верна» («Кость», 1988), «черт ему не брат» («Оттепель», 1988), «гляди во все глаза» («Наваждение», 1988), «Бог с тобой» («За дорожной случайной беседой», 1974). В целом следует отметить, что описываемые фразеосхемы с местоименным компонентом производны, могут подвергаться распространению, которое, как правило, не имеет каких-либо ограничений, обладают структурными вариантами.

Таким образом, интерес к фольклору привел к вовлечению в образную систему поэтической речи не только ряда новых образов. В 60–80 годы поэты создают стихотворения по типу русских пословиц и поговорок.

Тряпкин:

А сколько их было за нашим столом!
 А сколько добра красовалось на нем!
 А сколько высоких речей раздалось!
 А сколько веселых ковшей испилось!
 И вот они нынче – грозою гроза,
 И нашею солью – да нам же в глаза.
 И мы повторяем старинный урок:
 И жито забыто, и пиво не в прок¹.

«А сколько их было за нашим столом!» (1969).

Или:

Власть и народ – всегда, везде «едины».
 Уж так у всех от века повелось.
 Но «там» – всегда зерно, а «тут» – всегда остины,
 И видишь так, что табачок-то врозь².

«Стихи о единстве» (1981).

Кузнецов:

Огонь – отец,
 А дым есть сын.
 Мысль есть огонь,
 А слово – дым.
 Отец еще не появился,
 А сын уже зашевелился³.

«Огонь – отец» (1972).

Или:

– Вершина духа знает склон! –
 Так говорил мне снежный ком

¹Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982). М.: Современник, 1983. С. 195.

²Тряпкин Н. И. Разговор по душам: стихи. М.: Современник, 1989. С. 117.

³Кузнецов Ю. П. Избранное: стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1990. С. 141.

И, отягченный сединой,
 Поэт, идущий из пивной.
 – Ты на пути не становись,
 Когда душа катится вниз¹.

«Склон» (1973).

Выбор жанра раскрывает желание авторов в решении вечных вопросов человеческого бытия опираться на единство духовной культуры нации с житейской народной мудростью, крестьянской философией.

В поэмах Н.И. Тряпкина («Гнездо моих отцов») и Ю.П. Кузнецова, как и в лирике, часто встречаются пословицы и поговорки, а также речевые формулы-стилизации под народную фразеологию (поэмы «Афродита», «Сталинградская хроника. Оборона», «Похождения Чистякова»). У Н.И. Тряпкина: «не вешать головы», «куда выпали-запропали?», «вот ведь наказанье», «поставил на своем», «и не по шучьему веленью»². У Ю.П. Кузнецова: «грянет гром – и царевна проснется!»³, «а внутри ум за разум заходит»⁴, «божья кара за наши грехи»⁵, «враг уже засучил рукава»⁶, «ноги в рот – и бегом натошак»⁷, «ты таким его, мать, родила»,⁸ «худо-бедно, но мы отступали»,⁹ «оборона висит на соплях»¹⁰, «ветром сдуло»¹¹ и др. В большинстве случаев языковые богатства народных пословиц и поговорок поэт использует для создания по их образцу своих собственных синтаксических фразовых единиц, подобных по форме и образному содержанию, но несколько иного смысла: так он дает возможность героям утверждать свое мнение и жизненную позицию,

¹ Кузнецов Ю. П. Избранное: стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1990. С. 147.

² Тряпкин Н. И. Песни великих дождей. М.: Московский рабочий, 1965. С.75–135.

³ Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. С. 319.

⁴ Там же. С. 320.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Там же. С. 311.

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Там же. С. 312.

¹⁰ Там же. С. 313.

¹¹ Там же. С. 325.

что соответствует их поступкам и характерам. Кроме смыслового содержания, в речи персонажей эти изречения являют собой эмоциональную сторону склада русского человека.

«Использование подобных образов, перенесённых в другую эпоху, позволяло расширить границы времени и пространства»¹.

¹Голубицкий Ю. И. Стилевой опыт Юрия Кузнецова как фактор современного литературного процесса // Филологические науки. 2012. № 5. С. 46.

Выводы по четвертой главе

Проблема формирования поэтики Н.И. Тряпкина заключается во взаимодействии увлечений и влияний литературных школ, современных и классических, очень разных по своему значению и стилистике, а именно:

1. Важным моментом поэтического самоопределения Н.И. Тряпкина стало его обращение к творчеству И. Гете и Г.Уэллса. При исследовании текстов стихотворений поэта имеет место не столько поэтическое («техническое»), сколько «интеллектуальное» влияние творчества писателей на поэзию Н.И. Тряпкина. Н.И. Тряпкин усваивает не только их поэтику, но и специфику их мировоззрения, понимание человеческого бытия.

2. Античная традиция как значимый элемент картины мира – одна из доминирующих ее составляющих в творчестве поэта, античные образы используются как средство придания поэтическому тексту общекультурного колорита, иногда в ироническом аспекте. Античные реминисценции как культурный штамп дополнены личным авторским содержанием. На примере проанализированных стихотворений наглядно выступает соположение родной русской культуры с античной, введение России при помощи античности в единый мир общечеловеческих ценностей. Показательным является то, что с помощью античности Н.И. Тряпкин демонстрировал огромную разницу между новейшей цивилизацией и утраченной культурой красоты человеческого духа.

3. Лирика Н.И. Тряпкина органично связана с традициями русской классической литературы, в том числе, и с поэтической традицией А.С. Пушкина. Для Тряпкина было актуально обращение к сказочным пушкинским образам. Устанавливается общность некоторых фрагментов сказочной картины мира А.С. Пушкина и Н.И. Тряпкина: сказочный мир

народной сказки, ее мотивы, сюжеты и идеи, имена и образы, язык и стиль явились тем фундаментом, на котором основывается творчество поэтов. В творчестве Тряпкина прослеживаются несколько «пушкинских сказочных поэтических сюжетов». Реминисценции из сказок А.С. Пушкина образуют в поэзии Н.И. Тряпкина сложную систему. Поэт органично воспринимает и творчески развивает пушкинскую традицию, поэтому в его поэзии взаимодействие с пушкинской художественной системой реализуется в двух направлениях: с одной стороны, как продолжение ряда тем, усвоение поэтических форм, образов на генетическом уровне, с другой – продолжающееся зачастую в виде переосмысления, отталкивания, проецирующихся в контекст диалога двух поэтических эпох.

4. Сближение лирики Н.И. Тряпкина с лирикой М.Ю. Лермонтова – это типологическое сближение. Восприятие Н.И. Тряпкиным поэзии М.Ю. Лермонтова проявилось в создании стихотворений с лермонтовским текстом, несмотря на то, что несхожесть их поэтических миров очевидна. На определенном этапе развития Тряпкину стал близок романтический характер лирики М.Ю. Лермонтова, психологическое состояние лермонтовского лирического героя. Продолжая традицию лермонтовского пророка, Н.И. Тряпкин локализует проблемы современности, позволяющие выделить их конкретные составные, актуализированные новой культурно-исторической эпохой, внутренними запросами современников.

5. В лирике Н.И. Тряпкина русская сказочная традиция представлена многочисленными сказочными образами, один из которых – царь Берендей и его «берендеево царство» восходит к традиции весенней литературной сказки А.Н. Островского «Снегурочка». В лирике поэта нашли практическое применение литературно-эстетические принципы драматурга (реализм, народность, принцип типизации).

6. Философский взгляд Н.И. Тряпкина на современный мир сочетается с глубоким историзмом его художественного мышления, с пониманием глубокой связи прошлого, настоящего, будущего. И в этом

поэт ориентировался на поэтическую традицию Ф.И. Тютчева. Так, в стихотворении «Дым» Н.И. Тряпкин изображает особое состояние мира: человек потерял ясную цель, освещавшую ему жизнь, смысл жизни заволокло дымом. Лирическому герою кажется, что он оказался во власти каких-то темных сил (безотрадного, бесконечного дыма). В этой суете жизни, потерявшей смысл, гаснут яркие личности, глохнут душевные порывы.

7. Н.А. Клюев, пришедший в литературу XX века со своей эстетической программой возрождения и сохранения народной культуры, оказал огромное влияние на творчество Н.И. Тряпкина. Близость к творчеству Н.А. Клюева будет проявляться в образах, связанных с земным и небесным, христианским и языческим, религиозным и житейским, в тяготении к старообрядчеству, в описании природы Севера. Эти черты будут сохраняться у поэта всю жизнь, прослеживаться даже в самых поздних произведениях.

Эстетическая система обоих поэтов строилась на осмыслении философских концепций В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова. Нравственные и эстетические ценности, равно близкие обоим, поэты связывали с различными формами народного сознания и быта. В крестьянском быте оба видели основы народного мироздания, они оперировали такими универсальными категориями, как Дом, Земля, Бог, человек, обряд, ритуал, традиция. В основе космогонии поэтов – мировосприятие человека XX века, выраставшее на сложном единстве бытия и быта. Несмотря на совпадение ряда тем, несмотря на собственное преклонение перед Н.А. Клюевым, Н.И. Тряпкин не похож на него в главном: Клюев с самого начала ощутил себя носителем и проповедником истины, Н.И. Тряпкин искал ее приметы в окружающей его действительности.

8. При создании своего поэтического мира Н.И. Тряпкин лишь отчасти следовал традиции, заложенной поэтом П.В. Орешиним. Оба поэта тяготели к новокрестьянской поэзии, общими у них были образы

мира природы, внимание к деревенскому укладу. Поэта уделяли внимание социальным темам, темам бедности и богатства. В орешинском видении крестьян и окружающей их природы на первый план выступает их драматическое единство, их трудная судьба. Лирическая искренность и реалистичность в изображении бедного деревенского края были обусловлены и личным опытом Н.И. Орешина, и литературной традицией. В непосредственном столкновении поэта с судьбами народа и последующем лирическом раздумье и обобщении заключалась одна из главных особенностей творчества П.В. Орешина. Впоследствии этой поэтической традиции следовал и Н.И. Тряпкин. Однако если П.В. Орешин отражал мятежные настроения деревни, особенно жизни деревни предоктябрьской, то Тряпкин в изображении крестьянской жизни 20-30 гг. XX века избегал бунтарских мотивов, скорее, с поэтической точки зрения писал о разных сторонах крестьянской жизни.

9. Выбор Н.И. Тряпкиным эпитафий – открытой формы цитации из стихотворений С.А. Есенина – позволяет говорить о создании им в своих текстах поэтического пространства, в котором расширяются границы образов, тем и идей поэзии С.А. Есенина. Функция эпитафий в поэзии Н.И.Тряпкина – обобщение есенинской традиции в осмыслении образа Родины, Руси (образ шепчущего ковыля – как некий символ малой родины, голубень – поэтическая трактовка Тряпкиным цветовой символики С.А. Есенина, создающая определенный семантический фон, образы из «Персидских мотивов» помогают переосмыслить прошлое, понять настоящее и заглянуть в будущее). Функция эпитафии обнаруживается в контексте стихотворения как знак культуры, к которой автор направляет мысль читателя.

10. К «тихой лирике» творчество Н.И. Тряпкина, в художественном мире которого воплотилось мироощущение человека второй половины XX века, можно отнести лишь отчасти. В стихах поэта соединились идея возвращения к истокам народной культуры, нравственно-религиозного

обновления, возрождения русской духовности, что дает возможность рассматривать ряд его стихотворений в русле этого литературного направления русской поэзии 50-х – 70-х годов, а также сопоставить поэтику Н.И. Тряпкина с поэтикой Н.М. Рубцова, получившего наибольшую известность среди представителей «тихой лирики». Одними из основополагающих элементов художественных систем поэтов стали такие понятия как понятия: соборность, русская идея, почвенничество. И в лирике Н.М. Рубцова, и в лирике Н.И. Тряпкина образ звезды является частотным образом, в стихотворениях поэтов символизирующей свет, надежду, верную дорогу. И Н.М. Рубцовым, и Н.И. Тряпкиным написано немало стихотворений в жанре элегии или приближающихся к нему. Однако идея элегических стихотворений Тряпкина связана не только с прошлым, но и с настоящим и будущим. В то же время существует ряд признаков в поэзии Н.И. Тряпкина, отличающих его лирику от лирики Н.М. Рубцова и указывающих на то, что в своем творчестве поэт выходит за рамки «тихой лирики». В своих стихотворениях Н.И. Тряпкин поднимает острые вопросы современности, пишет о социально-политическом обновлении, размышляет над перспективами научно-технической революции и над ее результатами, в его лирике противопоставлены темы Запада и Востока. Если архетипичность центральных мотивов и образов лирики Н.М. Рубцова (дома, России, тишины, покоя, света, птицы) позволяет рассматривать его поэтику в рамках национальной духовно-культурной парадигмы, то поэтика Н.И. Тряпкина построена на более широком понимании традиции, опыта прочтения русской и мировой литературы, размышлении над современностью. Поэтические образы и мотивы Н.И. Тряпкина включены в более сложную систему ассоциативных связей (исторических, фольклорных, литературных). По сравнению с творчеством Н.М. Рубцова мотив обращения к родным могилам в лирике Н.И. Тряпкина не является частотным. Если языку Н.М. Рубцова присуща классическая простота, то

Н.И. Тряпкин пытается создать особые изобразительно-выразительные средства, отражающие замысел его произведений.

11. В поэзии А.Т. Твардовского и Н.И. Тряпкина сельская тема была поднята на огромную нравственно-философскую высоту: поэты вскрывали такие глубинные связи человека и природы, которые позволили им решать важнейшие вопросы духовного совершенствования личности и социального прогресса.

12. Анализируя принципы сюжетостроения стихотворений «Сказка» Н.И. Тряпкина и «Атомная сказка» Ю.П. Кузнецова, следует подчеркнуть, что волшебные мотивы русской сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» оказались той органической формой, которая совпала с художественным замыслом поэтов. Фольклорный текст, включенный авторами в стихотворения, реализует самые разнообразные художественные функции: характеризующую, выполняющую роль авторского голоса, проявления авторского сознания, функцию контраста, подчеркивающую антитетичность героев, функцию культурной отсылки, связывающую персонажа с исконно народным национальным видением мира. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц на основе аккумулированной информации культурно-исторического характера позволил выявить сложившиеся ценностно-значимые представления Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова о человеке в совокупности определенных свойств, качеств, деятельности, а также их отношение к миру и его культурному наследию. Проанализированные языковые элементы устной поэзии в функциональном отношении выступают как стилистически организованные средства обобщения и типизации, с одной стороны, и художественной индивидуализации и конкретизации – с другой. В то же время Н.И. Тряпкин и Ю.П. Кузнецов использовали фразеологические клише лишь как основу для появления поэтических фразеологизмов новой структуры. Стремление к сохранению своего авторского лица в области образно-фразеологических средств не

привело поэтов к разрыву с традицией, не затронуло старой образно-экспрессивной основы устойчивых сочетаний. Поиски «необщего выражения» чаще всего шли у поэтов по пути лексического обновления старых фразеологических схем, что определяло усложнение языкового выражения фразеологизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтическое творчество Н.И. Тряпкина (1918–1999) – значительное явление русской поэзии второй половины XX века. Ментальность русского человека, как культурологический феномен, заключает в себе скрытую амбивалентность: к конвергентности и беспредельной широкости и стремление к самобытной изолированной замкнутости одновременно. Именно эта особенность мышления художника – его исключительная по своей интенсивности способность к рецепции и усвоению «разноплеменных» творческих импульсов – чаще всего давала основание для того, чтобы считать его одним из самых ярких поэтов второй половины XX века.

В диссертационном исследовании ставилась задача рассмотреть творчество Н.И. Тряпкина с точки зрения генетических и типологических связей. Мы попытались проследить, какие поэтические темы и образы, а также художественные принципы, появившиеся в фольклорных и литературных текстах на протяжении многовекового развития мировой культурной мысли, развивались в творчестве Тряпкина на генетическом уровне, а какие – на типологическом. С этой целью были определены направления исследования творчества Н.И. Тряпкина: изучен широкий культурно-бытовой и историко-культурный контекст его произведений, творческие и личностные связи, литературно-критические и биографические комментарии, исследованы тематические, семантические, стилистические, структурные, культурологические особенности отдельных произведений Н.И. Тряпкина, был проведен сопоставительный анализ творчества Н.И. Тряпкина и других авторов, были уточнены детали биографии поэта, т. к. круг воздействий, испытываемых писателем, всегда гораздо шире собственно литературных. Все перечисленное готовило

и обещало необычно-целостное, универсальное художественное восприятие мира.

Все поэтическое творчество Н.И. Тряпкина условно можно разделить на два пласта. Одни стихи непосредственно связаны с народным творчеством. В них воплощено глубокое и чуткое понимание словесного искусства, но в то же время они представляют собою следствие усвоения народных традиций на генетическом уровне, а также результат личного творчества поэта. Это не стилизация и не «переложение» известных фольклорных образцов, а самостоятельное творчество, для которого фольклорные мотивы служат только отправной точкой и вдохновляющим началом. Стихотворения, в которых используются фольклорные образы, в большинстве случаев создавались в период расцвета таланта Н.И. Тряпкина. Нравственные и социальные идеи, включенные в произведения, были выношены поэтом. И в этом случае роль фольклорных образов была незаменима. Поэт не только погружался в стихию народной культуры, которая питала его творчество. Фольклорные образы, темы и мотивы давали поэту возможность создать тот образ мира, который занимает центральное место в творчестве Н.И. Тряпкина. Это образ космоса в его соотнесенности с человеком как духовным и нравственным существом.

При изучении отношения Н.И. Тряпкина к фольклору, было необходимо рассмотреть, как фольклорная традиция в лирике поэта взаимодействует со всеми остальными творческими факторами. Известно, что Н.И. Тряпкин как поэт вышел из традиций мировой культуры, усвоил достижения античного мира, западноевропейской литературы, опыт русских писателей XIX–XX веков. Обращение к фольклору ни в коей мере не противоречит этой универсальности поэта. Но даже если ограничиться изучением отношения Н.И. Тряпкина только к народной культуре русского народа, то в этом случае надо принимать во внимание совместное действие разных традиций – фольклорных и литературных.

История как генетическая память народа прочно вошла в творчество поэта. Осмысление действительности как исторического процесса, ощущение исторической перспективы и стремление к ее воссозданию в художественном произведении – основные отличительные качества творчества Н.И. Тряпкина. Это объясняется, с одной стороны, особенностями этапа исторического развития, на котором находилась тогда Россия, с другой – складом личности самого поэта, типом его мышления. Для художника прежде всего важно, как история проявляется в человеке, его психологии, мировоззрении, морали. Н.И. Тряпкин понимал и чувствовал «связь времен», которая органически отразилась в поэтике его произведений. В контекст мировой и русской истории так или иначе заключены все произведения поэта.

В творчестве Н.И. Тряпкина была реализована мифопоэтическая установка. Тема мифа (миф как структурное начало и как содержательная основа мысли) присутствует во многих стихотворениях поэта. В них миф является не только источником мотивов, образов, сюжетов, но и сам процесс мышления поэта имеет ярко выраженный мифологический характер.

Оригинальность всякого писателя не может быть отделима от успешного опыта предшественников, при этом она тесно связана с его особым познанием социальной реальности и его личным переживанием. Типологические связи поэзии Н.И. Тряпкина с поэзией анализируемых в диссертации авторов возникают объективно, независимо от того, возникли самостоятельно в результате родственных или аналогичных условий общественной и идеологической жизни или порождены ли они внутрилитературными контактами.

Типологические связи поэзии Н.И. Тряпкина и поэтов в дотряпкинском пространстве, а также контактные связи дали возможность классифицировать их творчество по сходству идейного звучания произведений (Тряпкин – Лермонтов – Тютчев – Рубцов); по своеобразию

творческого метода, по стилю, способу конструирования художественных образов (Тряпкин – Пушкин – Островский – новокрестьянские поэты – Твардовский – Кузнецов), Понятие «традиция» обосновывалось и в новаторстве писателя, включающего в свою творческую парадигму наиболее важные элементы традиции, креативную деятельность человека в любой области, ценностные ориентации.

Один из характерных признаков поэзии Н.И. Тряпкина – необычайно значительное число переключек и реминисценций из стихотворных произведений других авторов, причем эти реминисценции, как правило, указывают на общность образного и мотивного уровней поэтов прежних эпох и современного стихотворца.

При рассмотрении творчества Н.И. Тряпкина учитывалась культурная атмосфера его эпохи. Такой подход позволил выявить несколько аспектов, без освоения которых целостное осмысление поэтического творчества Н.И. Тряпкина невозможно. Одними из таких аспектов являются имя в системе поэтического текста и символика цвета. Так, в текстах Н.И. Тряпкина имя обладает особой знаковостью, этимологическое значение имени носит конвенциональный характер; употребленное в тексте, оно рождает большое количество внетекстовых историко-культурных ассоциаций и эмоционально-образных коннотаций, формируя семантическую структуру поэтического текста. Анализ ономастического пространства Н.И. Тряпкина позволил выявить круг значимых для него имен и связанных с ними образов и мотивов, а неоднократное употребление имени позволяет говорить о наличии единого кода, «работающего» в различных произведениях и формирующего единое пространство текстов поэта, являющихся, по сути, воплощением его художественной онтологии.

Обращение к генетическим и типологическим сходениям помогло уяснению характера художественной индивидуальности поэта, его места в истории русской литературы, а также открыло возможность

продемонстрировать укорененность творчества Н.И. Тряпкина в пространстве традиционной духовной русской мысли второй половины XX века. Художественное наследие поэта задает важнейшие линии развития философско-эстетических исканий русской поэзии второй половины XX – начала XXI веков, поэтов наших дней.

Список литературы

1. Абрамов А.М. Поэзия лирического максимализма. О теме России у С.Есенина / А. М. Абрамов // Русская литература. – 1975. – № 3. – С. 52–62.
2. Авдонин В. В. Типология образа дурака в прозе В. Н. Войновича / В. В. Авдонин // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 9(124). – С. 144–149.
3. Агранович С. З. Историзм Пушкина и поэтика фольклора / С. З. Агранович, Л. П. Расовская. – Саратов, 1989. – 188 с.
4. Азадовский К. М. Личность и судьба Н. Клюева / К. М. Азадовский // Нева. – 1988. – № 12. – С. 177–188.
5. Азадовский К. М. Н. Клюев в сибирской ссылке. Новые документы / К. М. Азадовский // Звезда. – 2006. – № 9. – С. 158–167.
6. Азадовский К. М. Н.А. Клюев и «Цех поэтов» / К. М. Азадовский // Вопросы литературы. – 1987. – № 4. – С. 269–278.
7. Азадовский К. М. Николай Клюев. Путь поэта / К. М. Азадовский. – Л.: Советский писатель, 1990. – 333 с.
8. Азадовский К. М. «Плач в родительскую субботу» Николая Клюева. Из наблюдений писателя / К. М. Азадовский // Русская речь. – 1989. – № 6. – С. 17–24.
9. Александров В. Родник, какому нет цены: о I Всероссийском фестивале им. Н.Тряпкина / В. Александров, Е. Лебедева // Сельская новь. – 2009. – №39. – С. 3.
10. Алексашина И. В. Современное звучание романа И. С. Тургенева «Дым» / И. В. Алексашина // И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры: (к 185-летию И. С. Тургенева и 200-летию Ф. И.

Тютчева): материалы междунар. науч. конф., 23-26 сент. / [редкол.: М. В. Антонова и др.]. – Орел, 2003. – 136 с. – С. 54–59.

11. Алещенко Е. И. Мифоним Баба-Яга в русских народных сказках / Е. И. Алещенко // Русский язык в школе. – 2008. – № 4. – С. 90–92.

12. Аникст А. А. «Фауст» Гете: литературный комментарий / А. А. Аникст. – М.: Просвещение, 1979. – 240 с.

13. Аннинский Л. А. Николай Тряпкин: «Кровь железная...». Из цикла «Мальчики Державы», 2006 [Электронный ресурс]: / Л. Аннинский // – Режим доступа: URL: <http://www.zavtra.ru> «День Литературы»114/71.html.

14. Аннинский Л. А. Серебро и черень. Русское, советское, славянское, всемирное в поэзии серебряного века: Николай Клюев // Литература. – 1996. – №5–. С. 2–3.

15. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. – Л.: Наука, 1973. – 383с.

16. Архангельский А. Н. На песенном истоке / А. Архангельский // Литературное обозрение. – 1984. – № 6. – С. 50–53.

17. Ашукин Н. С. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996. – 559 с.

18. Базанов В. Г. Друзья и недруги. С. Есенин и Н. Клюев / В. Г. Базанов // Север. – 1981. – № 9. – С. 95-119.

19. Базанов В. Г. О поэтике Николая Клюева / В. Г. Базанов // Литература в школе. – 2004. – № 12. – С. 14–18.

20. Бакина М. А. Индивидуально-авторские особенности использования общеязыковой фразеологии в современной поэзии / М. А. Бакина // Некрасова Е. А. Языковые процессы в современной русской поэзии / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина. – М., 1982. – С. 261–263.

21. Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия / Д. Балан // Литературная учеба. – 2003. – №2. – С. 126–157.

22. Бараков В. Н. Слово предела нет. Литературоведение. Критика. Публицистика / В. Бараков. – Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005. – 80 с.
23. Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция / В. Бараков. – Вологда: Русь, 2004. – 268 с.
24. Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: Типология и эволюция : дисс. ...д-ра филол. наук / В. Бараков. – М., 1998. – 470 с.
25. Баранов А. Н. Принципы семантического описания фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 21–34.
26. Баталова Ф. К. Генезис и эволюция сюжетно-повествовательной поэмы в абазинской литературе: автореферат дис...кандидата филологических наук : 10.01.02 / Адыг.гос. ун-т. – Майкоп, 2003. – 22 с.
27. Барт Р. Избранные работы / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1988. – 616 с.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 434 с.
29. Башкеева В.В. Человек в лирике Николая Тряпкина и Дондока Улзытуева / В. В. Башкеева, Д. Ш. Харанутова // Вестник бурятского государственного университета. – 2004. – № 10. – С. 175–179.
30. Бельская Л.Л. Загадочный образ: о поэтическом мире С.А. Есенина / Л. Л. Бельская // Русская речь. – 1990. – № 6. – С. 19–21.
31. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
32. Бизюков Н. В. Эволюция структуры коннотации фразеологических единиц в контексте / Н. В. Бизюков // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 1. – С. 90–94.

33. Блюмина О. В. Интерпретационное поле поэтоконцепта «Русь» в творчестве Николая Тряпкина / О. В. Блюмина // Поливановские чтения: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (12; Смоленск; 9–10 октября 2018 г.) / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск, 2018. – С. 11-16.

34. Блюмина О. В. Особенности конкретизации классификационных признаков концепта в лирике Николая Тряпкина / О. В. Блюмина // Неизбывный Вертоград: альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып. 2. – С. 47–62.

35. Бобылева Е. В. Прецедентное имя. Вопросы прецедентности религиозного дискурса / Е. В. Бобылева // Ономастическое пространство и национальная культура : материалы международной научно-практической конференции, 14–16 сентября 2006 г. / [отв. ред. Л. В. Шулунова]. – Улан-Удэ, 2006. – С. 244–248.

36. Богачков Е. В. Два Водолея: (Юрий Кузнецов о Николае Тряпкине) / Е. В. Богачков// Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. – М., 2010. – С. 7–25.

37. Богданова С. Мифологические мотивы в сюжете пьесы «Снегурочка» / С. Богданова // Литература. – 2000. – № 1. – С. 10–11.

38. Бойников А. М. «...Родился я в сердце России»: о творчестве нашего земляка, выдающегося русского поэта Николая Тряпкина / А. Бойников // Литературная Тверь. – 2003. – № 104 (146). – С.14.

39. Бойников А. М. Концепт «дом», «природа», «вода» в стихотворении Н. И. Тряпкина «Легенда» / А. М. Бойников// Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2007. – Вып. 8. – С. 65–71.

40. Бойников А.М. Николай Иванович Тряпкин / А. М. Бойников// Литературное краеведение XX века / под ред. Бойникова А. М. – Тверь, 2008. – С. 170–178.

41. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
42. Бондаренко В. Г. Великая клюевщина/ В. Бондаренко // Новый мир. – 2005. – №1. – С.213.
43. Бондаренко В. Г. Отверженный поэт // Последние поэты империи / В.Г. Бондаренко. – М., 2005. – С.18–42.
44. Бондаренко В. Отверженный поэт / В. Бондаренко// Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. – Москва–Лотошино, 2010. – Вып. 1. – С. 26–49.
45. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы / С. Г. Бочаров. – М.: РГГУ, 2012. – 341 с.
46. Брагина А. А. Мир животных в мире слов / А. А. Брагина. – М.: Московский лицей, 1995. – 253 с.
47. Брыкалин В.А. Книга стихов Николая Клюева «Песнослов» как художественное единство: автореф. дисс....канд. филол. наук / В. А. Брыкалин. – Волгоград, 2005. – 18 с.
48. Брыкина С. П. Творчество поэтов военного поколения: (С. Орлов, Ю. Друнина, С. Гудзенко) : автореферат дис...канд. филолог. наук. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. - [Б. м.: б. и.], 1971. –19 с. / С. П. Брыкина. – М., 1971.
49. Бурдакова Т. Взгляд на творчество Николая Тряпкина через призму концепции истории литературы и исторической поэтики Ал. Н. Веселовского / Т. Бурдакова// Неизбывный Вертоград: альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. – М., 2019. –Вып 2.– С. 131–141.
50. Брюсов В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 4: Огненный ангел. – 351 с.
51. Бурдакова Т. Кто есть кто в Царстве Берендея / Т. Бурдакова/ / Литература. 2000. –№ 1. – С. 5–7.

52. Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы / А. С. Бушмин. – Л.: Наука, 1975. – 157 с.
53. Василевский А. В. Чувство в своем естестве / А. Василевский // Новый мир. – 1988. – № 3. – С. 259–262.
54. Васильева Л. Н. Парадоксы Юрия Кузнецова / Л. Васильева // Наш современник. – 2006. – № 2. – С. 148–155.
55. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и комплексы : учеб. пособие / под ред. Л.В.Чернец. – М.: Высшая школа: Академия, 1999. – 680 с.
56. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.
57. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. / В. Г. Власов. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – Т. 3. – 752 с.
58. Власова З.И. Скоморохи и сказка / З. И. Власова // Русская литература. – 1988. – № 2. – С. 58–76.
59. Власова З.И. Скоморохи и фольклор / З. И. Власова. – СПб. : Алетейя, 2001. – 524 с.
60. Волков А. Стиль молодого Есенина / А. Волков // Волга. – 1975. – № 10. – С. 167–174.
61. Волков Б. «Свет ты мой, робкий, таинственный свет». Поэтическая судьба Николая Тряпкина / Б. Волков // Литературная газета. – 1994. – № 33 (6 сентября). – С. 24.
62. Воронов В. «Убереглись от искушений»: о произведениях русской поэзии и прозы, выдвинутых на Государственную премию СССР / В. Воронов. – // Литературная газета. – 1989. – № 36 (6 сентября).
63. Всемирная история : в 24 т. / [А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. ; редкол.: И. А. Алябьева и др.]. – М.: Современный литератор, 1999. – Т. 11: Развитие государств Восточной Европы. – 592 с.

64. Выходцев П. С. Земля и люди: очерки о русской советской поэзии 40–70-х годов / П. С. Выходцев. – М.: Современник, 1984. – 366 с.
65. Выходцев П. С. Русская народная поэзия и народное творчество / П. С. Выходцев. – М–Л.: Наука, 1963. – 549 с.
66. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основные черты философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
67. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. – М., 1991. – 368 с.
68. Галимова Е. "Сам необыкновенный язык наш есть еще и тайна...": о нравственном состоянии нашего общества и процессах, происходящих в русском языке, называемых "третьей варваризацией» / Е. Галимова // Роман. XXI век. – 2007. – № 3. – С.19.
69. Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. / М. Л. Гаспаров. - М.: Языки русской культуры, 1997.
70. Гаспаров М.Л. Послание / М. Л. Гаспаров// Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М., 1968 . – Т. 5. – Стб. 905.
71. Геворгов И. Камень Алатырь: размышления над двумя загадками Юрия Кузнецова / И. Геворгов // Литературное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 103– 105.
72. Герасимова Е.К. Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х - начало 60-х гг): дисс ...канд. наук / Е. К. Герасимова. – Нижний Новгород, 2007. – 196 с.
73. Гете И. В. Фауст / И. В. Гете. – Петрозаводск: Карелия, 1975. – 302 с.
74. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М.;Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1964. – 320 с.
75. Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиршман. - М.: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.

76. Гнедич П. П. История искусств с древнейших времен / П. П. Гнедич. – М.: Летопись–М, 2000. – 479 с.
77. Говорухина Ю.А. Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике / Ю. А. Говорухина //НЛЮ. – 2013 – № 1. – С. 123–134.
78. Голубничий Ю. И. Стилевой опыт Юрия Кузнецова как фактор современного литературного процесса / Ю. И. Голубничий // Филологические науки. – 2012. – № 5. – С. 47–53.
79. Головин Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1983. – 320 с.
80. Гольдфарб С. Истории Старого города: [Электронный ресурс] / С. Гольдфарб // – Режим доступа: URL: <http://www.Baikal.travel/Irkutsk/Polskij-kostel>.
81. Григоров В. А. Некрасов и Тряпкин: [Электронный ресурс] / В. А. Григоров //– Режим доступа: <http://www.obshelit.net/works/575/>
82. Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина / А. Д. Григорьева; отв. ред. В. Д. Левин. – М.: Наука, 1969. – 387 с.
83. Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева / А. Д. Григорьева. – М.: Наука, 1980. – 243 с.
84. Грушко Е. А. Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Нижний Новгород: Русский купец : Братья славяне, 1995. – 368 с.
85. Гудков Б. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации / Б. Д. Гудков. М.: Изд-во МГУ, 2003. –189 с.
86. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. –М.: ТЕРРА, 1995. –Т. 1:А–З. – 800 с.
87. Даниленко В. Новаторство Леонида Филатова в сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца» / В. Даниленко // Литературная учеба. –2011. – № 2. – С. 74–101.

88. Даниленко Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус: дис...канд. наук. / Ю. Ю. Даниленко. – Пермь, 2006. – 215 с.
89. Дементьев В. В. Мир поэта – личность, творчество, эпоха / В. В. Дементьев. – М. : Советская Россия, 1980. – 480 с.
90. Дементьев В. В. Олонецкий ведун. Житие Николая Ключева / В. В. Дементьев // Вытегра : краевед.альм. / Администрация Вытегор. р-на Волог. обл., Вытегор. краевед. музей [и др.]. – Вологда, 2005. – Вып. 3. – С. 336.
91. Дмитриев Н. «Я пришел и уйду один» : (к 80-летию Юрия Кузнецова) / Н. Дмитриев // Москва. – 2001. – № 2. – С. 196–201.
92. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Добровольская. – Новосибирск. 2005. – 203 с.
93. Долгополов Л.К. На рубеже веков: о русской литературе конца XIX в. – начала XX / Л. К. Долгополов. – Л.: Советский писатель, 1977. – 351 с.
94. Дукальская И. В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурологического кода «артефакты» : дисс. ... канд. филол. наук / И. В. Дукальская. – Самара, 2009. – 171 с.
95. Дубровина Э. «Не отгорят рябиновые кисти...»: (о судьбе поэзии С. Есенина в 20-30-е гг.) / Э. Дубровина // Наш современник. – 1987. – № 9. – С. 180–187.
96. Дуров А. А. Трансформация традиционного образа дурака в прозе В. М. Шукшина : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Дуров ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 1996. – 20 с.
97. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979. – 318 с.

98. Евтушенко Е. Николай Тряпкин / Е. Евтушенко // Строфы века: Антология русской поэзии / [сост.] Е. Евтушенко ; науч. ред. Е. Витковский ; [послесл. Л. Алексеевой]. – М., 1995. – С. 451.
99. Емельянов Ю. В. Черчилль и Россия / Ю. В. Емельянов: [Электронный ресурс] // – Режим доступа: URL: http://www.ngebooks.com/book_3402_chapter...i...Posleslovie.html.
100. Епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский). Православный катехизис. – М., 1990. – 130 с.
101. Ермилова Е. В. «Я смотрю в упор»: лирика Н. Рубцова / Е. В. Ермилова // Литература в школе. – 2006. – № 1. – С. 3–12.
102. Есенин С.А. Собрание сочинений : в 6т. / С. А. Есенин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 1. – 429 с.
103. Ефросинина О. В. Поэзия Петра Орешина в литературоведении и критике 1910-1920-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». – 2011. – № 2. – С. 122-130.
104. Епанчинцев Р. В. Художественный мир рассказов и повестей Олега Куваева: дисс ... канд. наук / Р. В. Епанчинцев. – Магадан, 2009. – 161 с.
105. Жабина Е. М. Художественный историзм лирики поэтов пушкинской поры: дисс. ... канд. филол. наук / Е. М. Жабина. – М., 2008. – 193 с.
106. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 408 с.
107. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: Просвещение, 1994. – 431 с.
108. Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории / В. Журавлев // Тряпкин Н. Гуси-лебеди : стихи / Н. Тряпкин. – М., 1977. – С. 5-14.
109. Журавлев В. «Словесным опален огнем...»: (о творчестве поэта Н.Клюева) / В. Журавлев // Литература в школе. – 1991. – № 5. – С.19–28.
110. Зимин С. И. Слова «Русь» и «Россия» в лирике С. Есенина / С. И. Зимин // Русский язык в школе. – 1985. – № 4. – С. 67–69.

111. Зиновьев А. О Н. И. Тряпкине / А. Зиновьев // Российский кто есть кто. – 2003. – № 5. – С. 33–34.
112. Зубкова Л. И. Имя Иван в языковом сознании русских людей второй половины XX века / Л. И. Зубкова // Русская словесность. – 2009. – № 1. – С. 56–60.
113. Зуев Н. Н. Народные истоки поэзии Сергея Есенина / Н. Зуев // Литература в школе. – 1995. – № 5. – С. 15–24.
114. Зуев Н. Н. Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция / Н. Зуев // Литература в школе. – 1996. – № 1. – С. 25–32.
115. Зуев Н. Н. Человек и природа в лирике Есенина / Н. Зуев // Литература в школе. – 1985. – № 5. – С. 12–19.
116. Иванов Г. В. «А я песенки пою...» / Г. В. Иванов // Неизбывный Вертоград: альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Админ. Лотошинского муниципального р-на Московской обл. [и др. ; сост.: А. В. Полубота, А. И. Фомин, Ф. Н. Черепанов]. – М–Лотошино, 2010. – Вып. 1. – С. 50–56.
117. Иванов Г. В. Николай Тряпкин – наш земляк / Г. Иванов // Тверские ведомости. – 2008. – 26–31 декабря (№ 53). – С. 5.
118. Иванов Ю. Песенная доля / Ю. Иванов // Наш современник. – 1975. – № 11. – С. 189–191.
119. Ильин В. В. Конец «смуты» на Смоленщине / В. В. Ильин // Смоленский край в литературе и фольклоре / под ред. В.В. Ильина Смоленск, 1995. – С. 135–139.
120. Илюшин А. О стиле С. А. Есенина : (к 75– летию со дня рождения) / А. Илюшин // Русский язык в школе. – 1970. – № 4. – С. 6–10.
121. Иншакова Ю. Г. Жанровая система поэзии И.А. Бунина: дисс... канд. филол. наук / Ю. Г. Иншакова. – Елец, 2005. – 281 с.

122. Исаковский М. В. Опираясь на могучий авторитет великих классиков // Собрание сочинений : в 5 т. / М. В. Исаковский. - М., 1982. – Т. 4. – 399 с. – С. 15–18.
123. История всемирной литературы : в 9 т. / гл. ред. Г. П. Бердников. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – 584 с.
124. Казакова Л. А. Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII - начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика: дис ... д-ра филол. наук / Л. А. Казакова. – М., 2009. – 460 с.
125. Казначеев С. Возвращение к началам бытия: фольклор в произведениях современных русских поэтов: Н. Тряпкин, Ю. Кузнецов, В. Бояринов, В. Артемов, К. Коледин / С. Казначеев // Литература в школе. – 2006. – № 1. – С. 20–24.
126. Калашникова И. А. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев: аспекты творческого диалога: дисс. ... канд. филол. наук / И. А. Калашникова. – Сургут, 2010. – 247 с.
127. Камышан В.С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин / В. С. Камышан // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 57–71.
128. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
129. Картавенко В. С. Ономастическое пространство в поэзии Н. И. Рыленкова / В. С. Картавенко // Язык и стиль Н. И. Рыленкова : материалы межвуз. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения одного из основоположников Смоленской поэтической школы, 2 февраля 2009 года / Федерал. агентство по образованию, Смоленский гос. ун-т ; [редкол.: И. А. Королева (отв. ред.), М. С. Ефременков, В. С. Ковалева]. – Смоленск, 2009. – С. 55–64.
130. Кедровский А. Е. «Великая Замятня» Н. Рыленкова / А. Е. Кедровский // Проблемы истоков творчества : А. Твардовский, М.

Исаковский, Н. Рыленков : межвуз. сб. науч. тр. / Смол.гос. пед. ин-т им. Карла Маркса ; [редкол.: Я. Р. Кошелев (отв. ред.) и др.]. – Смоленск, 1985. – С. 107–113.

131. Киктенко В. Так лучист этот сказочный свет на лице / В. Киктенко // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 87–93.

132. Кириллов В. Т. Стихотворения и поэмы / В. Кириллов. – М.: Худож. лит., 1970. – 320 с.

133. Кихней Л. Г. Стихотворное послание в русской поэзии начала XX века: (развитие жанра в символистской и пролетарской поэзии): дисс. канд. филол. наук. / Л. Г. Кихней. – М., 1985. – 176 с.

134. Клюев Н.А. Избранное / Н. А. Клюев. – М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. – 591 с.

135. Клюев. Н.А. Стихотворения и поэмы/ Н. А. Клюев. – Архангельск: Северо-западное кн.изд-во, 1986. – 255 с.

136. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. – Ростов н/Д, 1998. – Кн. 2. – 592 с.

137. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 2003. – 340 с.

138. Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа: лекции по курсу «Введение в языкознание». – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1963. – 128 с.

139. Кожин В. В. Два пласта / В. В. Кожин // Молодая гвардия. – 1969. – № 9. – С. 298–302.

140. Кожин В. В. Лирическая дерзость / В. В. Кожин // Тряпкин Н. И. Стихотворения / Н. И. Тряпкин. – М., 1983. – С. 3–8.

141. Кожин В. В. Лирическая дерзость / В. Кожин // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 7–10.

142. Кожин В. В. Николай Рубцов: заметки о жизни и творчестве поэта / В. В. Кожин. – М.: Советская Россия, 1976. – 88 с.
143. Кожин В. В. Статьи о современной литературе / В. В. Кожин. – М.: Советский писатель, 1982. – 364 с.
144. Козлов В. И. Архитектоника художественного мира лирического произведения : на материале цикла И. Бродского «Часть речи»: дисс. канд. филол. наук / В. И. Козлов. – Ростовн/Д, 2006. – 214 с.
145. Кольчугин Г. Библиотека получила имя : о 2-ом Всероссийском фестивале им. Н. И. Тряпкина / Г. Кольчугин // Волоколамская неделя. – 2010. – 20 октября.
146. Коржан В. Народная песня и некоторые особенности ранней лирики С. Есенина / В. Коржан // Русская литература. – 1965. – № 3. – С. 242–250.
147. Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных / И. А. Королева. – Смоленск: Смядынь, 2010. – 156 с.
148. Королева И.А. Дороги войны в лирике А. Твардовского через призму имен собственных / И. А. Королева // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 38–47.
149. Королева И. А. Имена собственные в заглавиях стихов Н. И. Рыленкова / И. А. Королева // Язык и стиль Н. И. Рыленкова : материалы межвуз. научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения одного из основоположников Смол. поэтической школы, 2 февраля 2009 года / Федерал. агентство по образованию, Смоленский гос. ун-т ; [редкол.: И. А. Королева (отв. ред.), М. С. Ефременков, В. С. Ковалева]. – Смоленск, 2009. – С. 38–43.
150. Косарева Л. «Через дом прошла разрыв-дорога» : (о противоречиях творчества Юрия Кузнецова) / Л. Косарева // Вопросы литературы. – 1986. – № 2. – С. 79–97.

151. Косяков Г. В. Проблема смерти и бессмертия в лирике М. Ю. Лермонтова : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Г. В. Косяков ; Ом. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2000. – 21 с.
152. Котельников В. Перуново древо поэта / В. Котельников // Литературная учеба. – 1985. – № 5. – С. 136–146.
153. Котельников В. А. Тряпкин Н. И. / В. А. Котельников // Русские писатели, XX век : библиографический словарь : в 2 ч. – М., 1998. – Ч. 2. – С. 461–463.
154. Котельников В. А. Тряпкин Н. И. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиогр. словарь : в 3 т. / Российская акад. наук, Ин-т рус.лит. (Пушкинский Дом) ; [науч. ред. и сост.: В. Н. Запевалов и др.]. – М., 2005. – Т. 3 : П-Я. – С. 519-520.
155. Котельников В. А. Тряпкин Н. И. / В. А. Котельников // Русские писатели, XX век : библиографический словарь : в 2 ч. – М.: Просвещение, 1998. – 656 с. С. 461–463.
156. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А.Кошарная. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
157. Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: способы реализации фольклорной цитаты в тексте: дисс. ... канд. филол. наук / И. Н. Кошелева. – Бийск, 2005. – 177 с.
158. Кравченкова Е.А. Художественный мир В.С. Маканина: концепции и интерпретации: авторефдис...канд. наук 10.01.01. / Е. А. Кравченкова. – М., 2006. – 239 с.
159. Красников Г. От немоты и молчания / Г. Красников // Москва. – 2009. – №1. – С. 179–192.
160. Кривоносова О. В. Он наш земляк, он наша слава : прошли литературные уроки о жизни и деятельности поэта Николая Тряпкина в районной библиотеке / О. В. Кривоносова // Сельская новь. – 2010. – 30 дек. – С. 14 .

161. Кузнецов Ю. П. Избранное: стихотворения и поэмы / Ю. П. Кузнецов. – М.: Худож. лит., 1990. – 399 с.
162. Кузнецов Ю. П. Отпущу свою душу на волю / Ю. П. Кузнецов. – М.: Совет. писатель, 1981. – 96 с.
163. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы / Ю. П. Кузнецов. – М.: Современник, 1990. – 351 с.
164. Кузьмина Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Е. А. Кузьмина. – Тамбов, 2002. – 24 с.
165. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина ; Факультет иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
166. Кунгурова А.Т. «Звени, звени, залая Русь...» : (о поэзии С. Есенина) / А. Т. Кунгурова // Русская речь. – 1980. – № 2. – С. 26–29.
167. Куняев Ст. Ю. Воззрение. Юрий Кузнецов / Ст. Ю. Куняев // Наш современник. – 2004. – № 1. – С. 96-114.
168. Куняев Ст. Ю. «Если душу вылюбить до дна...» / Ст. Ю. Куняев // Наш современник. – 1970. – № 10. – С. 107–113.
169. Куняев С. С. Мои волшебные сказанья / С. С. Куняев // Москва. – 1982. – № 6. – С. 188–190.
170. Куняев С.С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) / С. Куняев // Литература в школе. – 2008. – № 11. – С. 2–6.
171. Куняев С. С. «Мой неизбывный Вертоград...» / С. С. Куняев // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 72–86.
172. Куняев С. С. Неизбывный Вертоград / С. С. Куняев // Москва. – 1989. – № 4. – С. 193–197.
173. Куняев С. С. Николай Клюев / С. С. Куняев. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 147 с.

174. Куняев Ст. Ю. Петр Орешин / Ст. Ю. Куняев // «О Русь, взмахни крылами...». Поэты есенинского круга / сост.: Ст. Ю. Куняев и С. С. Куняев. – М., 1986. – С. 127–164.
175. Куняев Ст. Ю. Русский дом / Ст. Ю. Куняев ; сост., коммент. С. С. Куняев ; предисл. Ю. М. Павлов ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – 912 с.
176. Куняев С. С. «Ты жгучий отпрыск "Аввакума"» : [Клюев, Есенин] / С. Куняев // Наш современник. – 2011. – № 1. – С.102–116.
177. Курбатов В. На полпути от мысли к сердцу. Поэзия Юрия Кузнецова / В. Курбатов // Москва. – 1980. – № 9. – С. 210–213.
178. Кутьева М.В. «"Жизнь, как подстреленная птица..." : к образу птицы в русской поэзии / М. В. Кутьева // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 33–38.
179. Лаврова К. Поэтическая речь Петра Орешина / К. Лаврова // Горн. –М., 1920. – Кн. 5. – С. 37–39.
180. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин. – М.:Высшая школа, 1989. – 207 с.
181. Лебедев М. «Что стихов за ним хороших – непчатый край, что зовут его в России: Тряпкин Николай» : 16 и 17 октября в Лотошине прошёл 2-ой Всероссийский фестиваль им. Н.И. Тряпкина / М. Лебедев, Е. Рудзенько // Сельская новь. – 2010. – № 42. – С.12–13.
182. Лебедев Е. Н. Штрихи к портрету Николая Тряпкина / С. Лебедев // Литературная газета. – 1987. – 26 августа. – № 35. С. 5.
183. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
184. Леонов А. Поэт Николай Тряпкин и деревня Ивановское / А. Леонов // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 94–101.
185. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1988. – Т 1. – 720 с.

186. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Большая Советская энциклопедия, 1999. – 784 с.
187. Линков В. Я. Введение в литературоведение. История идей от Вико до Бахтина / В. Я. Линков. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 232 с.
188. Лисютина Н. О близком и родном : о литературном вечере, посвящённом Н.И. Тряпкину, который прошёл в Монасеинской сельской библиотеке / Н. Лисютина // Сельская новь. – 2011. – 1 янв. – С. 4.
189. Литвинов Б. Т. Религиозные сооружения неправославных культов [Электронный ресурс]/ Б. Т. Литвинов // – Режим доступа: URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki>.
190. Литература Смоленщины. 9 класс : в 2 т. / сост., метод. материалы Г. С. Меркина. – Смоленск: Универсум, 2002. – Т. 1: Учебник-хрестоматия по литературному краеведению. – 272 с.
191. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: Дет. лит. – 1985. – 207 с.
192. Логинова А. С. Провинциальные «Лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук 07.00.02 / А. С. Логинова. – Тюмень, 2004. – 24 с.
193. Ложба А. Т. «Земля моя! Моё сказанье» / А. Т. Ложба // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 87–95.
194. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
195. Лукьянова И. В. Корней Чуковский / И. В. Лукьянова. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 986 с.
196. Лутовинова Е. И. Сюжетные типы и типы героев волшебной сказки / Е. И. Лутовинова // Искусство и образование. – 2007. – № 2. – С. 91–101.

197. Любимова А. Ф. Проблематика и поэтика романов Г. Уэллса 1990–1940-х годов / А. Ф. Любимова. – Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1990. – 103 с.
198. Любомудрие : мысли и высказывания о русской культуре, истории России, религии // Роман-журнал XXI век. – 2006.– № 2. – С. 33.
199. Макеев В. «Душой, которую не жаль...» / В. Макеев // Наш современник. – 2001. – № 1. – С. 128–131.
200. Максимов В. И. Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции / В. И. Максимов // Русская речь. – 2003. – № 4. – С. 31–38.
201. Малюкова Л. Н. Русская философская лирика: генезис, проблематика, поэтика: 1950-1990 : дисс. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Малюкова. – Таганрог, 2001. – 411 с.
202. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : в 2 ч./ Н. А. Максимчук. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. – 184 с.
203. Мануковская Т. В. Эволюция фольклорно-мифологических образов и мотивов в поэзии Николая Клюева : дисс. ... канд. филол. наук/ Т. В. Мануковская. – Воронеж, 2007. – 185 с.
204. Маркелова Т. В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом/ Т. В. Маркелова, О. Г. Хабарова // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 17–27.
205. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. / А. М. Марченко. – М.: Сов. писатель, 1989. – 304 с.
206. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Наука : Флинта, 2007. – 295 с.
207. Матвеев Б. И. Главная книга Н. А. Клюева, ее жанр и язык / Б. И. Матвеев // Русская речь. – 2002. – № 4. – С. 20–28.
208. Медянский С. М. Трансформация пословиц и поговорок в поэзии А. В. Кольцова / С. М. Медянский // Материалы по русско-славянскому языкознанию / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР,

Воронежский гос. ун-т ; [отв. ред. В. И. Собинникова].– Воронеж, 1966. – Вып 2. – С. 114–119.

209. Мелексетян М. В. Образ матери в русской поэзии XX века: А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский: дисс. ... канд. филол. наук / М. В. Мелексетян. – М., 2009. – 161 с.

210. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа / Е. М. Мелетинский. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 264 с.

211. Мелетинский Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении / Е. М. Мелетинский // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира : сборник статей / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1971. – Т. 1. – С. 68–133.

212. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 408 с.

213. Меликян В. Ю. Фразеологические схемы с местоименным компонентом в системе русского языка / В. Ю. Меликян // Русский язык в школе. – 2007. – № 6. – С. 69–74.

214. Микешин А. М. Николай Клюев как поэтическая индивидуальность / А. М. Микешин // Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ин-т ; [Редкол.: Микешин А. М. (отв. ред.) и др.].– Вологда, 1987. – С. 45–68.

215. Миняев С. В стихах его природы отражение и песнь любви к родной земле : о творчестве Н. И. Тряпкина / С. Миняев, А. Аристова // Сельская новь. – 2011. – 20 янв. – С. 8.

216. Мирошниченко Н. Вечной России : стихотворение памяти Николая Тряпкина / Н. Мирошниченко // Роман-журнал XXI век. – 2002. – № 10. – С.76.

217. Михайлов А. А. Быль и сказка / А. Михайлов // Молодая гвардия. – 1971. – № 8. – С. 304–310.

218. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии / А. И. Михайлов. – Л.: Наука, 1990. – 277 с.
219. Михайлов В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи: учебное пособие / В. Н. Михайлов. – Симферополь: Изд-во Симферопольского ун-та, 1981. – 28 с.
220. Мифы народов мира :в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – 712 с.
221. Мифологический словарь / И.Н.Лосева [и др.]. – Ростов н/Дону:[б. и.], 2000. – 576 с.
222. Молчанов С. В. Образ воина-пахаря в поэзии Н. Тряпкина / С. В. Молчанов // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 99–107.
223. Молчанова С. Сцены из деревенской жизни / С. Молчанова // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 63–76.
224. Москалева А.Г. Цвет в сказках А.С. Пушкина / А. Г. Москалева, Е. А. Воробьева// Начальная школа. – 2003. – № 7. – С. 27–31.
225. Музыкальная энциклопедия / гл. редактор В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 484 с.
226. Мусатов В. Поэтический мир Сергея Есенина / В. Мусатов// Литература в школе. – 1996. – № 6. – С. 17–24.
227. Нагорная Н. А. Магия любви, магия сна: (роман В. Брюсова «Огненный ангел») / Н. А. Нагорная // Русская словесность. – 2006. – № 5. – С. 36–40.
228. Налепин А. И. Фольклоризм как форма и содержание в поэзии Н. А. Клюева и С. А. Есенина : опыт сравнительного анализа / А. И. Налепин // Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях. – М., 2009. – С. 279–301.

229. Народные русские сказки : из сборника А. Н. Афанасьева /вступ. статья В. П. Аникина. – М. : Худож. лит., 1977. – 348 с.
230. Неженец Н. И. Певец великой страны, ее красоты и судьбы. : к 110-летию со дня рождения Н. Клюева / Н. И. Неженец // Библиотека. – 1991. – № 8. – С. 59–63.
231. Неженец Н. И. Певец Северного края : (о поэзии Н. Клюева) / Н. И. Неженец // Русская речь. – 1988. – № 1. – С. 124–131.
232. Неженец Н.И. Поэзия народных традиций / Н. И. Неженец. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
233. Некрасова Е. А. Излюбленные способы использования фразеологизмов в стихотворных текстах Н. Тряпкина, Я. Смелякова и О. Фокиной / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина // Некрасова Е. А. Языковые процессы в современной русской поэзии / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина. – М., 1982. – С. 263–267.
234. Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина / С. Ю. Николаева // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. –С. 108–117.
235. Николаева С. Ю. Художественная философия Н. И. Тряпкина и Ю. П.Кузнецова / С. Ю. Николаева // Вестник Тв ГУ. Серия «Филология». – 2010. – Вып.8. – С. 71-81.
236. Николаева С. Ю. Художественный мир Н. И. Тряпкина / С. Ю. Николаева // Тверь : литературный альманах. – Тверь, 2010. – С. 329–338
237. Неупокоева И. Г. История всемирной литературы : проблема системного и сравнительного анализа / И. Г. Неупокоева. – М. : Наука, 1976. – 358 с.
238. Неупокоева И. Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур / И. Г. Неупокоева // Известия академии наук Армянской ССР. – 1960. – № 5–6. – С. 3-22.

239. Новикова М. Мир «Персидских мотивов» / М. Новикова // Вопросы литературы. – 1975. – № 7. – С. 173–184.
240. Оботуров В. А. Искреннее слово: страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова / В. А. Оботуров. – М.: Советский писатель, 1987. – 254 с.
241. Огнев В. О грустном юморе М. Светлова / В. Огнев // Литературная газета. – 2011. – 26 января. – С. 14.
242. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АзъLtd, 1992. – 960 с.
243. Окунев И. Н. Тряпкин. Избранная лирика / И. Окунев // Октябрь. – 1971. – № 5. – С. 223–224.
244. Орешин П. В. Стихотворения П. В. Орешин // Клюев Н. Избранное / Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин ; [сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. П. Журавлев]. – М., 1990. – С. 237–268.
245. Павлов Ю. М. Критика XX–XXI вв.: литературные портреты, статьи, рецензии / Ю. М. Павлов. – М.: Литературная Россия, 2010. – 304 с.
246. Павлова Т. А. Особенности проблематики книги Н. И. Тряпкина «Вечерний звон» / Т. А. Павлова // Вестник ТвГУ. – 2015. – № 3. – С. 329–333.
247. Павлова Т. А. Романтические тенденции в раннем творчестве Н. И. Тряпкина / Т. А. Павлова // Романтизм: грани и судьбы : учебные записки [НОЦ КИПР ТвГУ] / М-во образования и науки РФ, Тверской гос. ун-т, Науч.-образоват. центр комплексного изуч. проблем романтизма ; [редкол. : И. В. Карташова (науч. ред.) и др.]. – Тверь, 2016. – Вып. 12. – С. 110–113.
248. Павлова Т. А. Сборник Н. И. Тряпкина «Разговор по душам» как поэтическая книга / Т. А. Павлова // Вестник ТвГУ. – 2014. – № 3. – С. 446–450.

249. Павлова Т. А. Сборник Н. И. Тряпкина «Скрип моей колыбели» как поэтическая книга / Т. А. Павлова // Вестник ТвГУ. – 2015. – № 1. – С. 335–340.
250. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. / Н. В. Павлович. М. : Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 2. – 892 с.
251. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
252. Панкеев И. «А мне еще петь» / И. Панкеев // Литературная Россия. – 1998. – № 48 (12 декабря). С. 13.
253. Панченко О. Не изменяя, изменяться / О. Панченко // Октябрь. – 1990. – № 7. – С. 201–204.
254. Парфенова Р. А. О поэме Ю. Кузнецова «Дом» / Р. А. Парфенова // Литература в школе. – 2008. – № 4. – С. 32–33.
255. Перелыгин В.П. Цветопись как элемент идиостиля автора : на материале поэзии С.Есенина и Н.Рубцова / В. П. Перелыгин // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 1 (57). – С. 161–166.
256. Перцов В. Есенин в современности : к 80-летию со дня рождения поэта / В. Перцов // Новый мир. – 1975. – № 10. – С. 227–241.
257. Петрова М.А. Классические жанровые формы и их художественные модификации в лирике С.А. Есенина: дисс... канд. филол. наук / М. А. Петрова. – М., 2013. – 204 с.
258. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 384с.
259. Поздняев М. Шест равновесия / М. Поздняев // Литературное обозрение. – 1988. – № 2. – С. 47–49.
260. Поздняков А. Путь к поэту : о творчестве Юрия Кузнецова / А. Поздняков // Литература в школе. – 1987. – № 2. – С. 11–19.
261. Полубота А. В. «А на земле мазурики...» / А. В. Полубота // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени

Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 118–124.

262. Полубота А. В. Поэт в России – больше чем поэт: прошли чтения, посвящённые Н. Тряпкину / А. В. Полубота // Ежедневные Новости Подмосковья. – 2009. – 25 сентября.

263. Полубота А. В. Из книги очерков «Пером и топором». Деревенька была небольшая // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 156–169.

264. Полубота А. В. Певец золотого вертограда: [Электронный ресурс] / А. В. Полубота – Режим доступа: // URL: <http://www.rospisatel.ru/tryapkin.htm>.

265. Попкова М. В. Фразеология мемуарных текстов Георгия Иванова: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. В. Попкова. – Омск, 2008. – 22 с.

266. Попов И. В. Художественный мир произведений В. Аксенова: дисс ... канд. наук / И. В. Попов. – Сыктывкар, 2006. – 200 с.

267. Поэзия крестьянских праздников / вступит. ст. и примеч. И. И. Земцовского. – Л.: Советский писатель, 1970. – 630 с.

268. Приходько В. Лебеди и вертолет / В. Приходько // Литературное обозрение. – 1977. – № 1. – С. 62–64.

269. Протакилова Н. В. Якутская поэтическая традиция : Генезис литературного текста : на материале поэзии А. Е. Кулаковского: дис... д-ра филол. наук / Н. В. Протакилова. – М., 2000. – 417 с.

270. Прокушев Ю. Л. С. Есенин. Образ. Стих. Эпоха / Ю. Л. Прокушев. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 348 с.

271. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 362 с.

272. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.

273. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
274. Псурцев Д. В. Волшебное зеркало : (очерк поэзии Николая Тряпкина) [Электронный ресурс] / Д. Псурцев. – Режим доступа: // plus.gambler.ru>tavlei/lit/poetry_3a.htm .
275. Псурцев Д. В. Время Тряпкина – будущее в прошедшем / Д. В. Псурцев // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 125–136.
276. Пушкин А. С. Избранные сочинения : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1978. – Т.1. – 751 с.
277. Пушкин А. С. Избранные произведения : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 2. – 635 с.
278. Пчелов Е. «У Лукоморья дуб зеленый...» / Е. Пчелов// Народное образование. – 2009. – № 5. – С. 138–141.
279. Пьянкова Т. В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе : (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Т. В. Пьянкова. – М., 2012. – 21 с.
280. Пьянкова Т. В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дисс. ...канд. филол. наук / Т. В. Пьянкова. – М., 2012. – 203 с.
281. Пьяных М. Ф. «Покой нам только снится...» : заметки о романтических тенденциях в современной русской поэзии / М. Ф. Пьяных // Звезда. – 1979. – № 2. – С. 192–203.
282. Разин Д. А. Художественный мир Е.А.Гагарина: дисс ...канд. наук / Д. А. Разин. – Архангельск, 2008. – 149 с.
283. Редькин В. А. Аксиология творчества Николая Тряпкина / В. А. Редькин // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля

имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 137–146.

284. Редькин В.А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина / В. А. Редькин // Вестник ТвГУ. –2011. – Вып 3. – С. 54-63.

285. Редькин В. А. Русская поэзия второй половины XX века : учебное пособие / В. А. Редькин ; Федерал. агентство по образ., Тверской гос. ун-т. - Тверь : Тверской гос. ун-т, 2006. – 279 с.

286. Редькин В. А. Тверская поэзия на пути храма / В. А. Редькин // Тверская литературная газета. – 2013. – № 1. – С. 7.

287. Редько Я. П. Поэтика цикла «Избяные песни» Н. Клюева : автореф. дис. на соис. учен.степ. канд. филол.наук 10.01.01 / Я. П. Редько.– Красноярск, 1999.– 23 с.

288. Рогалев А. Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина / А. А. Рогалев// Литература в школе. – 2009. – № 2. – С. 16–18.

289. Рогощенков И. Цельность сознания и воля к творчеству : о традициях в жизни и литературе / И. Рогощенков // Москва. – 1987. – № 8. – С. 200–203.

290. Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в творчестве А. Межирова и С. Гудзенко / Е. В. Романова // Филологическому семинару – 40 лет. – Смоленск, 2008. – С. 266–276.

291. Романова Е. В. Тема судьбы военного поколения в поэзии А. Межирова : дис...канд. филол. наук / Е. В. Романова. – Смоленск, 2008. – 279 с.

292. Рудзенько Е. Всеу начало здесь – в родном краю : 17 декабря 2010 года прошли Тряпкинские чтения в районной центральной библиотеке / Е. Рудзенько // Сельская новь. – 2010 . – 30 дек. – С. 14.

293. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиографический словарь : в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит.

(Пушкинский Дом) ; [науч. ред. и сост.: В. Н. Запевалов и др.]. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 2 :3 - О. – 720 с.

294. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.

295. Рыжкова-Гришина Л. В. Библейская тема в творчестве Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Филология и литературоведение. – 2013. – № 6. – С. 13-17.

296. Рыжкова-Гришина Л. В. «Бубен мироздания». Религиозные мотивы в поэзии Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Мнемозина [Электронный ресурс]: российско-немецкий журнал. – 2015. – № 1(3). – С. 97 – 101. – Режим доступа: URL: <http://www.mnemosina.eu/wpcontent/uploads/2015/01/ryzhkova-grishina.pdf>

297. Рыжкова-Гришина Л. В. «В поисках всемогущего слова». Развитие темы поэта и поэзии в творчестве Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Наука о человеке : гуманитарные исследования. – 2013. – № 2(12) : Август. – С. 153 – 156.

298. Рыжкова-Гришина Л. В. «Вечное зерно» как аллегория жизни и смерти в поэтической парадигме Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» : научный журнал. – 2014. – № 1 (57). – С. 280 – 282.

299. Рыжкова-Гришина Л. В. «Возвожу русский храм...». Русский человек в поэзии Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Актуальные проблемы науки и образования: опыт и перспективы : (памяти выдающегося человека, ученого, педагога, доктора филологических наук, профессора Р. С. Сакиевой) : материалы всероссийской научно-практ. конф. с междунар. участием (29–31 мая 2013 г.). – Армавир, 2013. – Т. 1. – С. 263 – 266.

300. Рыжкова-Гришина Л. В. «Державное Русское Слово...». Архаичная лексика в поэзии Николая Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина //

Гуманитарные научные исследования [Электронный ресурс]. – 2013. – № 8 (24) : Август. – Режим доступа: URL: <http://human.snauka.ru/2013/08/3695>.

301. Рыжкова-Гришина Л. В. «Заревой златоворот эпитетов...» : о фольклорных традициях и художественных особенностях поэтического языка Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11-12 декабря 2014 г.) / под ред. канд. пед. наук, доц. Т. В. Стрыгиной. – Пенза, 2014. – С. 276 – 281.

302. Рыжкова-Гришина Л. В. Отражение традиции почитания солнца в поэзии Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Славянские языки и культура. История и современность : материалы междунар. науч-практ. конф., 15–17 мая 2014 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб., 2014. – С. 37 – 41.

303. Рыжкова-Гришина Л. В. «Пращуров тайная свита...»: тема преемственности поколений в творчестве Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Молодежь. Семья. Общество : материалы междунар. научно-практ. конф. НОУ ВПО «МПСУ», филиал в г. Рязань, 26 – 27 марта 2014 г. – Рязань, 2014. – С. 62 – 67.

304. Рыжкова-Гришина Л.В. «С нагорий былого...», или «Рожденный на скифских берегах...». Тема исторической древности в поэзии Н.И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Materiałyixmiędzynarodowej naukowijpraktycznej konferencji «Wschodniepartnerstwo – 2013», 07-15 września 2013 roku. – Przemyśl, 2013 (Польша). –Volume 20. Filozofia. – Przemyśl Naukaistudia, 2013. – С. 3 – 6.

305. Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча Земли : творческий путь Николая Ивановича Тряпкина, (1918-1999) / Л. В. Рыжкова-Гришина. – Рязань : Скрижали РИБиУ, 2012. – 293 с.

306. Рыжкова-Гришина Л. В. «Суть и соль истории людской...: историческая тема в произведениях Н. И. Тряпкина» / Л. В. Рыжкова-Гришина // История в подробностях. – 2013. – № 5 (35). – С. 86 – 89.

307. Рыжкова-Гришина Л. В. Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5. – С. 178–180.
308. Рыжкова-Гришина Л. В. «Эти размышлы и прибаски...». Народные мотивы и философия природы в лирике Н. И. Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Российский научный журнал. – 2014. – № 3 (41). – С. 246 – 248.
309. Рыжкова-Гришина Л. В. Путь к звездам Николая Тряпкина / Л. В. Рыжкова-Гришина // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 21–46.
310. Рыленков Н. И. Собрание сочинений : в 3 т. / Н. И. Рыленков. – М. : Современник, 1985. - Т. 2 : Стихотворения (1950–1969) ; Поэмы. – 527 с.
311. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: дисс. ... канд. филол. наук / Н. Н. Рухленко. – Белгород, 2005. – 265 с.
312. Саап И. Николай Тряпкин. Летела гагара / И. Саап // Октябрь. – 1968. – № 1. – С. 218–219.
313. Самосюк Г.Ф. П.В.Орешин (1887-1938) / Г. Ф. Самосюк// Русские писатели в Саратовском Поволжье: [сб. очерков] / под ред. Е.И. Покусаева. – Саратов, 1964. – С. 222–223.
314. Сафо. Лира, лира священная / Сафо ;пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. - М.: Летопись-М, 2000. – 155 с.
315. Сванидзе А. «Сказка – ложь, да в ней намек...» / А. Сванидзе // Знание – сила. – 2000. – № 11. – С. 92–101.
316. Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII–XX вв. / Е. В. Свиясов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 304 с.
317. Селезнев Ю. И. Мысль чувствующая и живая / Ю. И. Селезнев. – М. :Современник, 1982. – 336 с.

318. Семенова Л. Мой Тряпкин Л. Семенова // *Неизбывный Вертоград: альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина.* – М., 2019. – Вып 2. – С. 148–151.
319. Семенова С. Певец заповедальной Руси (Н. Клюев) // *Метафизика русской литературы / С. Семенова.* – М., 2004. – Т. 1. – С. 323–359.
320. Семенова С. Философская лира С. Есенина / С. Семенова // *Молодая гвардия.* – 1996. – № 10. – С. 226–262.
321. Сивцова А. А. Прецедентные имена в лирике Н. И. Рыленкова / А. А. Сивцова // *Язык и стиль Н. И. Рыленкова: материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения одного из основоположников Смоленской поэтической школы, 2 февраля 2009 года / отв. ред. И. А. Королёва.* – Смоленск, 2009. – С. 43–49.
322. Сказко А. С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дисс. ... канд. филол. наук / А. С. Сказко. – Ставрополь, 2005. – 171 с.
323. Сланевский, Л. В. "Все мне памятно до боли..." : [о творчестве писателей Верхневолжья] / Л. В. Сланевский ; Твер. гос. ун-т. – Тверь : ТГУ, 1993. – 84,[1] с.
324. Слюсарева И. В разорванном тумане / И. В. Слюсарева // *Юность.* –1986. – № 5. – С. 72–75.
325. Смирнов А. А. Метафорика огня в поэзии Ф. И. Тютчева / А. А. Смирнов // *Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология».* – 2004. – № 3. – С. 74–79.
326. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. – М.: Наука, 1977. – 203 с.
327. Смирнов И. П. Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов [Электронный ресурс]: / И. П. Смирнов // *Режим доступа: Wiener Slawis tischer Almanach. Sonderband.* – Wien, 1981. – P. 154—162.

328. Смоленск : краткая энциклопедия / гл. ред. Д. И. Будаев. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 576 с.
329. Соколова В. Н. Тряпкин Николай Иванович / В. Н. Соколова // Имена в истории края / [А. И. Вершинский, А. Я. Волнухин, Д. П. Петров и др. ; ред. совет.: С. И. Богачева и др.]. – Тверь :Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1997. – С. 149- 155.
330. Сокольникова Н. М. История стилей в искусстве: учеб.пособие / Н. М. Сокольникова, В. Н. Крейн. – М.: Гардарики, 2009. – 395 с.
331. Соколов В. Олонецкий Лонгфелло / В. Соколов // Литературная Россия. – 1996. – № 37 (13 сентября). – С. 14.
332. Соловьев М.С. Изобразительные средства в творчестве Достоевского : очерки / М. С. Соловьев. – М.: Советский писатель, 1979. – 352 с.
333. Соловьева В. Берендеево царство / В. Соловьева // Литература. – 2000. – № 1. –С. 8–9.
334. Старица и Старицкий район : энцикл. справ. / [сост. В. Н. Соколова]. - Тверь : Обл. кн.-журн. изд-во, 2001. - 150, [1] с. : ил., портр.
335. Стрижев А. Н. Лесные травы / А. Н. Стрижев. – М. : Лесная промышленность, 1979. – 192 с.
336. Ступина Н. Россия в «певучем наречии» Виктора Бокова и Николая Тряпкина / Н. Ступина // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 118–130.
337. Субботин С. И. «Уму – республика, а сердцу– мать-русь». Николай Клюев / С. И. Субботин // Дом и душа : образ России в русской поэзии XX в. / отв. ред. Чагин Е. И. – М., 2010. – С. 40–70.
338. Судаков Г. В. Звук и слово в поэзии Н. Клюева / Г. В. Судаков // Русская речь. – 2000. – № 5. – С. 19–27.
339. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

340. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

341. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 43 с.

342. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

343. Сычева Л. Воссоединение Москвы с Тверью / Л. Сычева // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 142–147.

344. Тангалычев К. Стихи из вечности стихии / К. Тангалычев // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 112–117.

345. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : изд-во Петрозаводского ГУ, 1995. – 189 с.

346. Тартаковский П. «И тебя я в песне отзовусь...». «Персидские мотивы» С. Есенина и восточная поэзия П. Тартаковский // Звезда Востока. – 1975. – № 12. – С. 158–167.

347. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов / А. Т. Твардовский // Знамя. – 2000. – № 7. – С. 102–154.

348. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов / А.Т. Твардовский // Знамя. – 2001. – № 12. – С. 130–164.

349. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А.Т. Твардовский. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 1. – 429 с.

350. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А.Т. Твардовский. – М.: Худож. лит., 1978. . – Т. 2. – 430 с.

351. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А.Т. Твардовский. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 5. – 463 с.

352. Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма / И. М. Тойбин. – Воронеж, 1976. – 278 с.
353. Токарева Г. А. Мифологическое и сказочное в художественном мире М. М. Пришвина / Г. А. Токарева. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУим. Витуса Беринга, 2009. – 156 с.
354. Томашевский Б. В. Пушкин / Б. В. Томашевский. – М. ; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1961. – Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). – 576 с.
355. Тортунова И. А. Степан Разин как национальный архетип в творчестве В. М. Шукшина: традиции и специфика освоения образа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. / И. А. Тортунова. – М., 2008. – 25 с.
356. Тресиддер Д. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1994. – 448 с.
357. Тридцать три пирога : [игры, считалки, скороговорки, скороговорки, докуч. сказки, загадки народов Сов. Союза] / собрал и обраб. М. Булатов. – М. : Дет. лит., 1988. – 221, [1] с. : ил.
358. Трубе Л. Л. Остров Буян / Л. Л. Трубе // География в школе. – 1999. – № 4. – С. 26–28.
359. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Трубецкой // Литературная учеба. – 1990. – № 3. – С. 100–117.
360. Тряпкин Н. И. Белая ночь / Н. И. Тряпкин. – Архангельск: Северо-западное кн. изд-во, 1956. – 64 с.
361. Тряпкин Н. И. Вечерний звон/ Н. И. Тряпкин. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 112 с.
362. Тряпкин Н. И. Летела гагара/ Н. И. Тряпкин. – М.: Правда, 1967. – 32 с.
363. Тряпкин Н. И. Гнездо моих отцов / Н. И. Тряпкин. – М.: Совет. писатель, 1967. – 128 с.

364. Тряпкин Н. И. Горящий Водолей / Н. И. Тряпкин ; сост., вступ. ст. С. С. Куняева. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 493 с.
365. Тряпкин Н. И. Гуси-лебеди: стихи / Н. И. Тряпкин. – М.: Московский рабочий, 1971. – 312 с.
366. Тряпкин Н. И. Жнива / Н. И. Тряпкин. – М.: Советский писатель, 1974. – 141 с.
367. Тряпкин Н. И. Заповедь / Н. И. Тряпкин. – М.: Современник, 1976. – 255 с.
368. Тряпкин Н. И. Звездное время / Н. И. Тряпкин. – М. : Лит. Россия, 2018. – 384 с.
369. Тряпкин Н. И. Златоуст: избранные стихи / Н. И. Тряпкин. – М.: Худож. лит., 1971. – 222 с.
370. Тряпкин Н. И. Избранное / Н. И. Тряпкин. – М. : Молодая гвардия, 1980. – 255 с.
371. Тряпкин Н. И. Избранное: стихотворения / Н. И. Тряпкин. – М.: Худож. лит., 1984. – 560 с.
372. Тряпкин Н. И. Излучки / Н. И. Тряпкин. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 159 с.
373. Тряпкин Н. И. Краснополье/ Н. И. Тряпкин. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 148 с.
374. Тряпкин Н. И. Летела гагара / Н. И. Тряпкин. – М.: Правда, 1967. – 32 с. – (Библиотека «Огонек»).
375. Тряпкин Н. И. О себе // Стихотворения / Н. И. Тряпкин. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
376. Тряпкин Н. И. Огненные ясли/ Н. И. Тряпкин. – М.: Советский писатель, 1985. – 173 с.
377. Тряпкин Н. И. Первая борозда/ Н. И. Тряпкин. – М.: Молодая гвардия, 1953. – 85 с.
378. Тряпкин Н. И. Перекрестки/ Н. И. Тряпкин. – М.: Московский рабочий, 1962. – 152 с.

379. Тряпкин Н. И. Песни великих дождей / Н. И. Тряпкин. – М.: Московский рабочий, 1965. – 138 с.
380. Тряпкин Н. И. Подражание Экклезиасту/ Н. И. Тряпкин. – М.: Правда, 1989. – 29 с.
381. Тряпкин Н. И. Разговор по душам: стихи / Н. И. Тряпкин. – М.: Современник, 1989. – 175 с.
382. Тряпкин Н. И. Распевы / Н. И. Тряпкин. – М.: Советский писатель, 1958. – 133 с.
383. Тряпкин Н. И. Серебряные пруды / Н. И. Тряпкин. – М.: Советская Россия, 1966. – 107 с.
384. Тряпкин Н. И. Скрип моей колыбели / Н. И. Тряпкин. – М.: Советский писатель, 1978. – 285 с.
385. Тряпкин Н. И. Стихотворения/ Н. И. Тряпкин. – М.: Советская Россия, 1977. – 384 с.
386. Тряпкин Н. И. Стихотворения (1940–1982) / Н. И. Тряпкин. – М.: Современник, 1983. – 383 с.
387. Тряпкин Н. И. Стихотворения / Н. И. Тряпкин. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
388. Тряпкин Н. И. Уж видно, тот нам выпал жребий : стихотворения / Н. И. Тряпкин. – М. : Русская книга, 2000. – 304 с.
389. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка : статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 303 с.
390. Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. / Ф. М. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 495 с.
391. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
392. Федоров Ф. П. «Фауст» Гете / Ф. П. Федоров. – Рига: Эвайгне, 1976. – 140 с.
393. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров. – Рига: Зинатне, 1988. – 454 с.

394. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – М.: Вече : АСТ, 1996. – 432 с.
395. Фольклор Тверского региона. Семейные обрядовые песни. Свадебные обряды. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: //URL: <http://www.tverfolk.tverzha.ru>536&m=09&y=2015>.
396. Фролова А.В. Художественная аксиология новокрестьянской поэзии первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Фролова. – Воронеж, 2006. – 189 с.
397. Хализев В.Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с.
398. Харчевников В. И. С. Есенин и народная тема в поэзии начала XX века / В. И. Харчевников // Русская литература. – 1981. – № 2. – С. 58–75.
399. Харчевников В. И. Черты народной Руси в стихах раннего Есенина / В. И. Харчевников // Русская литература. – 1975. – № 3. – С. 63–77.
400. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – М.: Советский писатель, 1970. – 408 с.
401. Чалмаев В. Статичны ли истины? / В. Чалмаев // Литературное обозрение. – 1977. – № 1. – С. 64-65.
402. Чернова А. Звездная символика Николая Тряпкина / А. Чернова // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 77–86.
403. Чубинидзе Н. К. О некоторых народнопоэтических словах в поэзии С. Есенина / Н. К. Чубинидзе // Русский язык в школе. – 1983. – № 5. – С. 66–69.
404. Чубукова Н. В. Лирика С. Есенина, 1911-1915 гг. / Н. В. Чубукова // Русская литература. – 1987. – № 2. – С. 15–31.

405. Чумак-Жунь И. И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина: состав и структура, функционирование : дис...канд. филол. наук / И. И. Чумак-Жунь. – Киев, 1996. – 187 с.
406. Чупринин С. И. Новая Россия: мир литературы : энциклопедический словарь-справочник : в 2 т. / С. И. Чупринин. – М. : Вагриус. 2002. – Т. 1 : М–Л. – 832 с.
407. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
408. Шаповалов М. А. Николай Тряпкин / М. А. Шаповалов // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 160–162.
409. Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева / С. Е. Шаталов. – М. : Наука, 1979. – 312 с.
410. Шевелев Н. Поэзия отворенного дня / Н. Шевелев // Москва. – 1972. – № 8. – С. 216 – 217.
411. Шевченко О. Образ Москвы в поэтическом мире Ю. Кузнецова / О. Шевченко // Литература в школе. – 2008. – № 11. – С. 16 – 19.
412. Шиленко О. В. Поэтика стихотворения И.А. Бунина «Петух на церковном кресте» / О. В. Шиленко // Русский язык в школе. – 2002. – № 4. – С. 64 – 67.
413. Шитков А. В. Николай Иванович Тряпкин (1918–1999) : 90 лет со дня рождения / А. В. Шитков // Тверская обл. универс. науч. б-ка им. А. М. Горького, Тверское обл. краевед.об-во ; [отв. за выпуск Н. В. Романова]. – Тверь, 2008. – С. 173 – 174.
414. Шитков А. В. Всему начало здесь в краю моем далеком / А. В. Шитков // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С. 102–111.
415. Шитькова М. М. «Мне приснилось рязанское небо» / М. М. Шитькова // Русский язык в школе. – 1997. – № 2. – С. 65 – 68.

416. Шостакович Б. С. Памятники и памятные места, связанные с политической ссылкой 1830–1880-х гг. [Электронный ресурс]: / Б. С. Шостакович – Режим доступа: // URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki>.

417. Штильман С. Созвездие слов живых : о стихотворении М. Ю. Лермонтова 1839 года «Молитва» / С. Штильман // Литература. – 2001. – № 42. – С. 14–15.

418. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы / Г. Г. Шпет. – М.: Контекст, 1989.

419. Шубинский В. Битва мифов : (обзор книг о Н. Клюева и С. Есенине) / В. Шубинский // НЛО. – 2008. – № 89 (1). – С. 300 – 314.

420. Шувалов Г. В. Будущее русской литературы / Г. Шувалов // Литературная Россия. – 2013. – № 11. – С. 11.

421. Шувалов Г. В. Родник, какому нет цены / Г. В. Шувалов // Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина / Администрация Лотош. муницип. р-на Моск. обл. [и др.]. – М., 2010. – Вып 1. – С. 163–174.

422. Шувалов Г. В. Последний опыт народного лада : к 100-летию Николая Тряпкина / Г. В. Шувалов // Неизбывный Вертоград : альманах, посвященный 100-летию со дня рождения Н. И. Тряпкина. – М., 2019. – Вып 2. – С.152–155.

423. Эвентов И. «Персидские мотивы» С. Есенина / И. Эвентов // Литературная учеба. – 1986. – № 3. – С. 221– 228.

424. Эльзон М. Когда и кем написан «Тараканище» / М. Эльзон // Звезда. – 2008. – № 5. – С. 200–205.

425. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / автор-сост. К. Королев. – М., 2007. – 600 с.

426. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский. М. : Типография Г. Лисснера и Д.Совко , 1910-1914. – Т. 1 : А-О. – [2], XXIV, 674, V с

427. Ярхо Н. Н. Античная лирика / Н. Н. Ярхо, К. П. Полонская. – М.: Высшая школа, 1967. – 210 с.

Фондовый указатель архивных материалов,
связанных с жизнью и творчеством Н.И. Тряпкина

1. ф. 613 оп. 10 ед. хр. 1711. 44 л. Авторское дело Тряпкина Н.И. «Златоуст». Стихи.
2. ф. 613 оп. 10 ед. хр. 3169. 235 л. Тряпкин Н.И. «Златоуст». Избранные стихи.
3. ф. 619 оп. 4 ед. хр. 586. 10 л. Тряпкин Н.И. «День творения», «Человек спует по магазинам». Стихотворения.
4. ф. 622 оп. 4 ед. хр. 119. 3 л. Тряпкин Н.И. «Как эта стая молодых скворцов», «Сколько вьюг прошумело...», «Хорошо, ребята, быть поэтом...». Стихи
5. ф. 622 оп. 4 ед. хр. 455. 6 л. Тряпкин Н.И. «Чу! Колосья ржанные!», «Что это за праздник, за веселье?». Стихи.
6. ф. 631 оп. 15 ед. хр. 1168. 86 л. СП СССР. Тряпкин Н.И. Заявление в комиссию по работе с молодыми авторами о предоставлении творческой командировки в колхозы Московской и Калининской областей для работы над сборником стихов.
7. ф. 631 оп. 15 ед. хр. 1059. Отчет о творческой командировке в колхозы Московской и Калининской областей для работы над сборником стихов «Первая борозда».
8. ф. 631 оп. 40 ед. хр. 937. л. 1, 3, 7, 32, 60. Тряпкин Николай Иванович, 1918 г. р., поэт.
9. ф. 632 оп. 5 ед. хр. 364. л. 2. Личное дело: Тряпкин Николай Иванович, 1918.
10. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 255. л. 374–381. Тряпкин Н.И. Кассин Николай. «О стихах Николая Тряпкина» Статья. Кон .1940-нач. 1950х гг.

11. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 285. л.132–133. Редакция «Литературной газеты». Тряпкин Н.И. «Моей москвичке». Стихотворение кон. 1940-нач. 1950-х гг.
12. ф. 634 оп. 3 ед. хр. 285. л. 171–174. Тряпкин Н.И. Турков А.М.Отзыв о сборнике стихов Н. Тряпкина «Первая борозда» Машинопись с правкой. 1953.
13. ф. 1128 оп. 2 ед. хр. 404. 1 л. Письмо Н.И. Тряпкина Ф.И. Парфенову.
14. ф. 1234 оп. 17 ед. хр. 975. л. 23–28. Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А.
15. ф. 1234 оп. 19 ед. хр. 2073. 28 л. Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В., Светлов М.А.
16. ф. 1234 оп. 20 ед. хр. 1741. 16 л. Тряпкин Н.И. «Гнездо моих отцов». Стихи.
17. ф. 1234 оп. 21 ед. хр. 1344. 15 л. Тряпкин Н.И. «Жнива». Стихи.
18. ф. 1234 оп. 22 ед. хр. 1346. 27 л. Тряпкин Н.И. «Скрип моей колыбели». Стихи [переиздание].
19. ф. 1234 оп. 23 ед. хр. 1524. 9 л.Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи.
20. ф. 1373 оп. 7 ед. хр. 54. 1 л. Тряпкин Н.И. Письмо Исаковскому М.В.
21. ф. 1572 оп. 1 ед. хр. 93. л. 33–53. Редакция газеты «Литература и жизнь». Тряпкин Н.И. «Старт», «Весенние прибаски». Стихотворения 1959. Авторская машинопись.
22. ф. 1572 оп. 1 ед. хр. 97. л. 153–173. Тряпкин Н.И. Отзыв о сборнике стихов «Распевы». Тряпкина. Рукопись.
23. ф. 1702 оп. 2 ед. хр. 728. 13 л. Тряпкин Н.И. Цикл стихотворений «Гитлер читает Гейне».

24. ф. 2289 оп. 1 ед. хр. 67. л. 8, 18, 29. Тряпкин Н.И. Львов Сергей Львович. «Стихи о Москве» Рецензия на сборник стихов молодых поэтов «Молодая Москва» и др. Вырезка из газеты 1947 г.

25. ф. 2855 оп. 1 ед. хр. 868. л.1. Фотография Тряпкина Николая Ивановича

ф. 2916 оп. 4 ед. хр. 501. л. 4, 30. Личное дело кандидата, не получившего Государственной премии СССР 1987 г. и документы к нему. Тряпкин Н.И. Книга «Стихотворения».

26. ф. 2931 оп. 1 ед. хр. 867. л. 24–28. Редакция журнала «Москва». Тряпкин Н.И. «Все исправим в должном виде...», « У всех мальчишек ножики...». Стихотворения с письмом в редакцию.

27. ф. 2931 оп. 2 ед. хр. 9. л. 97–98. Редакция журнала «Москва». Тряпкин Н.И. Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина.

28. ф. 2931 оп. 2 ед. хр. 12. л. 88. Редакция журнала «Москва». Тряпкин Н.И. Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина.

30. ф. 2931 оп. 3 ед. хр. 604. 4 л. Тряпкин Н.И. «Стихи о Федоре Парфенове», «Сказка».

31. ф. 3113 оп. 1 ед. хр. 18. л.1–4. «Ласкаю детские поверья земли моей...». Н. Тряпкин. «Жнива». М.: Совет пис-ль, 1974. Рецензия Машинопись. 1974.

32. ф. 3192 оп. 15 ед. хр. 204. 14 л. Галахов О. «Гулянье». Цикл из 5 песен для меццо-сопрано и голоса в народной манере с фортепиано. Стихи Н.Тряпкина. Приложены тексты песен.

33. ф. 3192 оп. 15 ед. хр. 309. л. 31–33. Министерство культуры РФ. Тряпкин Н.И. «Сколько милая любила...». Песня. Рукопись.

Перечень изученных архивных материалов
Государственного архива Тверской области

1. Арефьев Н.А. (1893-1987) – поэт. Ф.Р–2007, оп. 1, 12 ед. хр, 1919–1984 гг.
2. Афанасьевы Варвара Павловна (1904–1986) и Андрей Афанасьевич (1900-1985) – краеведы. Ф.Р.-2012, оп.1, 44 ед. хр, 1935–1983 гг.
3. Баранцев А.Д (1891-1971) – краевед. Ф.Р-734, оп1, 79 ед. хр, 1907-1971 гг.; Ф.Р. –1, оп.1, 3 ед. хр. (№№ 5251–5253), 1965–1968 гг.
4. Голубев И.Ф. (1891–1973) – краевед. Ф.Р-619, оп.1, 203 ед. хр, 1881-1991 гг.
5. Павлов Н.П. (1893-1961) – писатель, краевед. Ф.Р.-570, оп 2, 13 ед. хр. (№ 89-101), 1936–1959 гг.
6. Попов Н.И. (1902–1981) – писатель, краевед. Ф.Р.-1777, оп.1, 119 ед. хр, 1920-1983 гг.
7. Рогожин Н.П. (1890-1962) – краевед. Ф.Р.-699, оп.1, 110 ед. хр, 1898–1958 гг; Ф.Р. –1, оп.1, 1 ед. хр. (№ 4390), б/д.
8. Рябов И.А. (1902-1958) – писатель. Ф.Р. –570, оп.2, 75 ед. хр (№№ 248-303), 1927-1972 гг.
9. Смирнов-Кутачевский А.М. (1876-1958) – филолог. Ф.Р.–2911, оп.1, 174 ед. хр., 1878-1957 гг.
10. Шаров Е.Е. (1891–1972) – литератор, краевед. Ф.Р–607, оп.1, 229 ед. хр, 1881–1972 гг.

Приложение 1

Периодизация творческого пути Н.И. Тряпкина

1940-е гг. (74 стихотворение)

Запев, 1940	Ожидание, 1946
Вяжут свежие метелки, 1941	Песенка, 1946
Где ты, мой друг незабываемый?,	Песенка подростка, 1946
1942	Пижда, 1946
Новобранец, 1942	Победителю, 1946
Подражание песне, 1942	Под говор лежанки вздемул
Снег, 1942	вечеру, 1946
Гайда, хлопцы!, 1942-1944	Пред этим днем, 1946
И вдруг под гривою угарной,	Распутица, 1946
1943	Тост, 1946
Лунный час, 1943	Утро, 1946
Пусть метель засыпает ложбины,	Хлопцы! Чин ли нам пешком
1943	ходить по девкам, 1946
За леса, поля и реки, 1944	Хозяин, 1946
Песня казачьей дивизии 1943	Благодарность, 1947
года, 1944	Если синий-синий свет и зори,
Подъезжают казаки', 1944	1947
Сколько трав под чужими	Засмеялась калина, краснея
подковами!, 1944	счастливо, 1947
Суворов играет в бабки, 1944	Легко ругнуть неприхотливость
Чернокрылый прокаркал, 1944	друга, 1947
Возвращение Разина, 1945	Лозняком, да выгоном, да лугом,
Выход, 1945	1947
Жизнь, 1945	Не мила ты, сырая низина, 1947
Зимний вечер, 1945	Предместье весны на снегах
Старый погост, 1945	февраля, 1947
Уже сданы клинки и ружья, 1945	Приехать с дружного покоса,
Хаты в житных щитах, как	1947
извозчики в рыжих тулупах, 1945	Проселок, дождиком
Я дверь к тебе открыл своим	примоченный, 1947
затылком, 1945	Проселок, дождиком
Август зашумел, 1946	примоченный, 1947
Вас, точно брат, замешкавшего	Сказ, 1947; Дай мне, земля, в эти
брата, 1946	громкие годы, 1948
Воскресенье, 1946	Зеленеет луг широкий, 1948
Гимн, 1946	История одной женитьбы, 1948
Годовой отчет колхоза, 1946	Когда вопрос о новой смете, 1948
Горизонт, 1946	Нанесли обиду петуху,
За поемный терновник,	1948; Ночной ветер, 1948
пустивший в рост, 1946	Пароход на Вычегде, 1948
Может быть, из-за балки	Талая вода, 1948; Я все
смолистой, 1946	тревожнее с годами, 1948
Начало, 1946	А сколько было дерева, 1949

Ай лю, 1949
 Будем петь, 1949
 В эту ночь моя гармошка не
 смолкала до рассвета, 1949
 Душистым дымом утренних
 селений, 1949

Ночная песня, 1949
 Песнь о зеленых ростках, 1949
 Песнь о хлебе, 1949
 Только вывел я нашу вечорку,
 1949

1950-е гг. (58 стихотворений)

Не забуду темную землянку,
 1950
 Я не убрал веселого оружия, 1950
 Ясные лица, родные улыбки,
 1950(1952)
 Первый снег, первый снег у
 ворот! 1951
 Анчи, 1952
 Апрель, 1952
 Дорога, 1952
 Другу, 1952
 За маленьким сельским
 прогоном, 1952
 Лесного шума перекааты, 1952
 Не ходил я речником на
 Кострому, 1952
 Радуга, 1952
 Снова беркут над серой
 дубравой, 1952(1953)
 Я тобой, как брагой, отуманен,
 1952
 Где вы, стены, одетые в тес, 1953
 День ты ясный, день забавный:
 то поземка, то вода!, 1953
 Легенда, 1953
 Мартовские ходики, 1953
 Накануне, 1953
 Песнь о зимнем лесе, 1953
 Письмо, 1953
 По городу Ржеву, 1953
 Разве я тебя не понимаю, 1953
 Такие клеились дела, 1953
 Я построю дом сосновый, 1953
 Я спешил к девчоночке, 1953
 Баллада с философией, 1954
 Белая ночь, 1954
 И снова с крыши петухи, 1954
 Люблю я ходить за водою, 1954
 На груди твоей желтые руки,
 1954
 Нас морозная луна, 1954

Пожалею забытую зорьку мою,
 1954
 Рейд, 1954
 Я на море смотрю – и светлеет
 оно, 1954
 А я мечтаю о сонете..., 1955
 Журавли, 1955
 Летела гагара, 1955
 Забылись песни старины, 1955
 Не вздыхал, не грустил, не
 бродил, 1955
 Не метель, а помело, 1955
 Размочило, развело, 1955
 Я живу у холодного моря, 1955
 Я зову тебя своей, 1955
 В школу, 1956
 Другьям, 1956
 Жили, как дети, и пели, как
 дети..., 1956
 Ледоход, 1956
 На дворе раскричался петух,
 1956
 Осень, 1956
 Песню пою, 1956
 Песнь белой тундры, 1956
 Песнь о зимнем очаге, 1956
 Разговор одного читателя со
 мной, 1956
 То градом драит клевера, 1956
 Я уходил в леса такие, 1956
 Ягодиночка, 1956
 Гимн, 1957
 Дело было летом, 1957
 Дожди, 1957
 Желание, 1957
 За морошкой, за черникой...,
 1957
 За синие своды, 1957
 И снова лед очистил воды, 1957
 Как эта стая молодых скворцов,
 1957

- Лесная жалейка, знакомые звуки,
1957
Мне говорят, что я в опасности,
1957
Не весна ль тому виновница,
1957
Песня о безногом солдате, 1957
Песня о красных
звездододах, 1957
Проселки, 1957
Рождь, 1957 (1958)
Улетела грачи стаи, 1957
Унесут меня в бесконечность,
1957
Хорошо здесь одному побыть,
1957
Фауст, 1957
Черная баллада, 1957
Я не зря топором по стропилам
стучал, 1957
Бубенцы, 1958
В стороне лесного гула..., 1958
Все-то хочется, не расхочется,
1958
До конца бы светлыми и
милыми, 1958
Дорогой мой охотник, седой
Еркимен! , 1958
Жгут ботву на огородах, 1958
За двором, 1958
И я кладу мой черный хлеб, 1958
Из блокнота, 1958
Изба, 1958
Исцеление Муромца, 1958
Как у нас на грядах..., 1958
- Мерин шалый, конь брыкастый,
1958
Мы с тобою не храбрились, 1958
Не говори, моя голубка, 1958
Никогда я бродить не устану,
1958
Песня, 1958
Песня, 1958
Рождение, 1958
С какой-то детскою утехой, 1958
Сама и хату подмела, 1958
Хорошо, ребята, быть поэтом,
1958
Колхозная новогодняя пирушка,
1948-1958
Кормя по дюжине ребят, 1958
Кострома, 1958
Куда ты, куда ты? 1958
Прозрачная осень, 1958
Дядя пьет венгерский ром...,
1959
За снегами – весенняя таль...,
1959
Заявление в партию, 1959
Качели, качели, 1959
Лето, мое лето, 1959
Пришла и сказала: прощай, 1959
Радость, 1959
Темнеет кровь. Идут года, 1959
Только зорька-заряница, 1959
Целовал я деревянный крест,
1959
Я пройду тебя, мой родимый
край, 1959

1960-е гг. (220 стихотворений)

- Бабочка белая! Бабочка белая!
1960
В долинах пестрели..., 1960
Два письма, 1960
Две элегии, 1960
Детство, 1960
К беде или к счастью – не знаю –
1960
Коряжема, 1960 (1962)
Ни травы, ни солнца, ни отрады,
1960
Ночные голоса паровозов, 1960
- От всех скорбей и дум
печальных, 1960
Припадаю к темным норам, 1960
Речная нота, 1960
Рыбка прыгает..., 1960
Сколько вьюг прошумело, 1960
Столько вьюг прошумело..., 1960
Хорошо, когда забродит холод,
1960
Через годы, через броды..., 1960
Что это за праздник, за веселье?
1960
Эй, славяне, славяне! 1960

- Аргиш, 1961
 Барда, 1961
 В гостях, 1961
 Все становится горстью простого
 дерьма или пыли, 1961
 Две романтические оды, 1961
 Деду, 1961
 За годом год, за родом род, 1961
 Забросав деревню шишками,
 1961
 Ивняковый, травяной, долинный,
 1961
 Истопил камелек. Хорошо! 1961
 Когда я роюсь в памяти своей,
 1961
 Лесные заливки, 1961
 Мелодия высотных пустынь, 1961
 Море, 1961
 Песенка про Африку, 1961
 Песнь о красных чайках, 1961
 Пробуждение, 1961
 Пусть не лезет в кровь лихая
 спячка, 1961
 Размышления о высших
 началах, 1961
 Резюме, 1961
 Стихи о Востоке, 1961
 Уже не густы листопады, 1961
 Черная печорская тайга..., 1961
 Я вышел оттуда..., 1961
 Я засеваю отчий дол, 1961
 Я люблю осенний шум, 1961
 А это всегда я имею в виду, 1962
 Весенняя прибабка, 1962
 Встреча, 1962
 Горячие вспышки, фугасные
 громы..., 1962
 Да будут святы эти строки, 1962
 Девушка зарницу поджидала,
 1962
 Деду, 1962
 Душа моя бьется в каких-то
 силках непонятных, 1962
 За градски'ми нашими заставами,
 1962
 Завещание, 1962
 Заздравная, 1962
 Заструги, 1962
 Зацвела ромашка, 1962
 Зеленой почкою от рощи, 1962
 Землякам, 1962
 Зимняя притча, 1962
 Зовут сибирские края, 1962
 Зря мы, что ли, земля-молодица,
 1962
 Зовут сибирские огни, 1962
 И вновь кладбище. Сосны и
 трава..., 1962
 И вот я каждому скажу..., 1962
 Из далекой службы ратной, 1962
 Иль не мы с врагами воевали,
 1962
 Ледоход, 1962
 Лето, 1962
 Люблю я слушать голоса земли,
 1962
 Люблю ходить я за водою, 1962
 Майская песенка, 1962
 Не в институтских коридорах,
 1962
 О том, как старели покосные
 травы, 1962
 Первая песня о районном
 кляузнике, 1962
 Вторая песня о районном
 кляузнике, 1962
 Песня о веселом заморозке, 1962
 Песня о горячем камне, 1962
 Песня о деревенском
 кляузнике, 1962
 Пираты, 1962
 По зеленым долинам, по вешним
 лугам, 1962
 Притча о судье Трофиме, 1962
 Про тулуп, 1962
 Провожая брата..., 1962
 Пускай по судьбе я не пахарь,
 1962
 Разговор по душам, 1962
 Редактору моей книги по выходе
 одной из печати, 1962
 Реквием, 1962
 Рожок, 1962
 Сколько раз от мелкой суеты,
 1962
 Стансы, 1962
 Старт, 1962
 У всех мальчишек ножики, 1962
 У реки, у леска..., 1962
 Уж, видно, тот нам выпал
 жребий, 1962
 Умерить пыл, 1962
 Хорошо иль плохо жить на свете,
 1962

- Чайная, чайная..., 1962
 Что будет завтра – я не знаю,
 1962
 Я буду вспоминать, как юность в
 звонком вузе, 1962
 Я выхожу на школьный двор,
 1962
 Я долго жил среди такого круга,
 1962
 Я скучаю по вашим левадам,
 1962
 Я уйду за красные туманы, 1962
 Девочка с книжкой, 1963
 Завивайся, березка, 1963
 Заходили пламенные грозы, 1963
 Какие ветры прошумели! 1963
 Рассказ о том, как у нас в деревне
 справляли вербную (из хроники моего
 детства), 1963
 Масленица, 1964
 Река в сугробах утонула, 1964
 Снег да вечер, 1964
 У меня давно уж сбиты руки,
 1964
 Чу! Колосья ржаные... 1964
 А вы, гуляки и любовники! 1965
 За грохот скал..., 1965
 За поля яровые, 1965
 За пылью ханского набега, 1965
 Забытые вехи, заглохшие дали
 1965 (1966)
 Как весел снег моих полей!,
 1965
 Как людей убивают?, 1965
 Песня, 1965
 Радиолы, 1965
 Разговор у сибирского
 закрома, 1965
 Романово, 1965
 Сполохи, 1965
 Ходит ветер в чистом поле, 1965
 Эшелон скорости, 1965
 Я вновь селькор. И путь мой
 скромн..., 1965
 Я припадал к началам рек, 1965
 Я смеюсь и грущу не впервые,
 1965
 А жизнь прошла. Закончены
 ристанья, 1966
 А на земле мазурики, 1966
 Белая тучка, 1966
 Виноградие да зеленое, 1966
- Все лужки, да ямки
 родничковые, 1966
 Где-то есть космодромы, 1966
 Да с того ли с моря-окияна, 1966
 Да, я знавал тебя такою, 1966
 Докосили всю рожь. И свезли
 яровое, 1966
 Дума, 1966
 Жалоба, 1966
 Жду ответа, 1966
 Жизнь летит, 1966
 Журавли всё с юга, с юга, 1966
 За моей деревней – изгородка,
 1966
 Заклятье, 1966
 Закрываются двери..., 1966
 Как сегодня над степью
 донецкой..., 1966
 Как сошлись да взялись за
 работу, 1966
 Как у тех у ворот столько всяких
 бород!, 1966
 Комарики-мухи, 1966
 Кто с нами?, 1966
 Лето 1945-го, 1966
 Лукавый змий! И ты вкушаешь
 сдобники, 1966
 Марш веселой кавалерии, 1966
 Меня били-колотили..., 1966
 Мой отец играл на мандолине,
 1966
 Не скажу, что мир – поблекший
 снимок, 1966
 Обелиск, 1966
 Песня, 1966
 Песня о деревне Белавенки, 1966
 Посиделки, 1966
 Прощальная, 1966
 Пусть где-то есть там город
 Занзибар, 1966
 Пусть я не данник физкультуры,
 1966
 Савелий Пижемский, 1966
 Серебрятся пруды, 1966
 Скрип моей колыбели, 1966
 Скрипка, 1966
 Снится мне утро, 1966
 Степан, 1966
 Стихи о Гришке Отрепьеве, 1966
 У тебя глаза – как в небе сокол,
 1966

- Уж так поставлено по штату,
1966
Ходит ветер в чистом поле, 1966
Хоровод, 1966
Что за весны без громов
приветных? 1966
Что ж ты, ива, что ж ты, ивушка!
1966
Что с того, что жизни мало, 1966
Что там будет дальше – я не
знаю, 1966
Я только вспомню те названья,
1966
А теперь у нас уже светает...,
1967
Девки бродят по вечерним
скверам, 1967
Каляда-маляда..., 1967
Песня, 1967
Поживешь, так порассудишь,
1967
После жатвы, 1967
У меня к тебе..., 1967
У меня сосед – шофер
бывалый..., 1967
А на улице снег..., 1968
А хмелинушка вьется, 1968
Горы стоят, 1968
Девка мылася, да белилася, 1968
Доброе дело – крепко, 1968
За полночь беседа шла, шла, шла
–..., 1968
За церковкой старинной, 1968
Завивалась пыль из-под крыла,
1968
- Как на улице березка вырастала,
вырастала, 1968
Когда мой дед оплакивал коня,
1968
Никаких таких раки, 1968
Пропадаю в лугах заречных,
1968
Сеял рожь на счастье кто-
то..., 1968
Скажем так – земля ждала
привала..., 1968
Что за купчики проезжали...,
1968
Я свято чту фамильное родство,
1968
А сколько их было за нашим
столом! 1969
Веретена, 1969
Курева, курева..., 1969
Мосты переходов! Мосты
переходов! 1969
Не хватает грома для раската,
1969
О страсти мира! Извечный крик!
1969
Песня сборщиков посуды, 1969
Привяжу свою судьбу, 1969
Рассказ про одну игру, 1969
Свет ты мой робкий,
таинственный свет! 1969
У смеркшего дня..., 1969
У той скрипучей
половицы..., 1969
Что там за вытнами?.. 1969
Я не был славой затуманен, 1969

1970- гг. (119 стихотворений)

- А ты проснись на рубеже какой-
то смутной веры, 1970
Все-то ближе да ближе, 1970
Да. Никому я не доверю, 1970
За мосты, что мы позамостили,
1970
Заповедь, 1970
Знакомое поле..., 1970
Знать, и ветер взял гитару..., 1970
И закопает изба..., 1970
И снова тянется дорога, 1970
Песнь о великом нересте, 1970
- Песня, 1970
Песня про Ваньку-водовоза, 1970
Пока и старые раненья, 1970
Скоро снова затоскую, 1970
Стансы, 1970
Суматошные скрипы раки, 1970
Так неслышно, незаметно, 1970
У дома старая скамейка, 1970
Увы, брат, Черчилль Уинстон,
1970
Я искал твой след неповторимый,
1970

- А я пойду опять к Восходу...,
1971
- Ах, сколько всяких бесенят, 1971
В моем селе устроили музей,
1971
- Где-то звонко стучали зенитки,
1971
- Горячая полночь! Зацветшая
рожь! 1971
- Грохочут стулья о ступень...1971
Днеминочью, снова днем и
ночью, 1971
- За речными плесами...,1971
Зазвенят ли, запоют ли те
свирели? 1971
- Зачерпну-ка я ковшом, 1971
Зеленою почкою от рощи, 1971
Земля, Вода, и Воздух, и Огонь!
1971
- Земная великая дрёма! 1971
Земная тишина! Старуха
богомолка! 1971
- И снова дни, и снова годы, 1971
И снова пьют, блюют и падают в
ухабе..., 1971
- Коли есть волна-попутка, 1971
Листья дубовые...,1971
- Мне снятся солнечные крины,
1971
- Не ведут пути окольные, 1971
Не сердись на меня, молодлица,
1971
- Огнистая белка! 1971
Песенка,1971
- Пролетарии всех стран! 1971
Радуга,1971
- Разговор игрушечьего мастера со
своими изделиями (Ночью, в
мастерской), 1971
- Рассказ про одну посевную,1971
Сколько выпито горячих
самоваров, 1971
- Слово о мешках, 1971
Считалка, 1971
Ты был иль не был на земле...,
1971
- У старой плотины не ропщет
вода, 1971
- Уже мне тридцать было, 1971
Хорошо всегда быть первым,
1971
- Закрывая Библию,1972
- Знаком ли ты, что'сельская
весна..., 1972
- Не проглядим лихого часа, 1972
Песня, 1972 (1973)
- Песня всемирных кастаньет, 1972
Песня о пустых небоскребах,
1972
- Письмо в Японию,1972
Сколько милая любила!.. 1972
Юность, 1972
Жизнь поэта,1945-1972
Прибаски, 1972-1977
- А пока не отрешился, 1973
За каким там холмом и заставою,
1973
- За любыми земными развилками,
1973
- Загостился я, земля, в твоих
долинах, 1973
- Исполать тебе, отцовский дом,
1973
- История, 1973
Луговая, лесная, полынная, 1973
Не поляки, не свеи, не фрязи,
1973
- Послание старому приятелю,
1973
- Предание, 1973
Пускай придет он – вечно
молодой, 1973
Русь,1973
- Старинные песни...,1973
Стихи о битниках, 1973
Стихи о Николае Клюеве, 1973
Стихи о Николае Тряпкине, 1973
Что, братцы, смерть? Не буду
тосковать, 1973
- Песнь о хождении в край
палестинский, 1959-1973
- Стихи о собачьем наследии,
1961-1973
- Две строфы,1966-1973
Песнь песней, 1970-1973
За дворами царства
однолишного, 1975
Песня, 1975
- Стихи в трудную минуту, 1972-
1975
- Где-то там, в полночном
свеченье..., 1977
- Нас морозная луна, 1977
Триптих, 1977

- Уходил самолет на Чикаго, 1977
 Человек снует по магазинам...,
 1977
 А у нас на Мезени... 1978
 Амур, 1978
 Еще книга, 1978
 Завет, 1978
 Курильская песня, 1978
 Лебединая пляска, 1978
 Он всякий раз в субботний
 летний день, 1978
 Песня, 1978
 Посещаю все музеи, 1978
 Сверкающие водные равнины,
 1978
 Старый год, надень парик..., 1978
- У неведомой опушки, 1978
 Частушка, 1978
 Черная, заполярная, 1978
 Вечером, 1979
 Где же ты, сердце мое? 1979
 Дорога, 1979
 Дорогой товарищ мой! 1979
 Желтый тайфун, 1979
 И великое пламя над миром
 прошло, 1979
 Песня, 1979
 Сказка, 1979
 Старинная притча, 1979
 Стихи о Федоре Панферове, 1979
 То ли это в космосе, 1979

1980-е гг. (180 стихотворений)

- А у нас в городке, 1980
 И снова – предзимняя мгла, 1980
 Идол, 1980
 Легенда, 1980
 Песни мои..., 1980
 Романс, 1980
 Это было в ночи, под венцом из
 колючего света, 1980
 Стихи о марсианах, 1977-1981
 А хотел бы я стать для себя
 летописцем смиренным, 1981
 Алексею-воину, 1981
 Ах соседи мои!.. 1981
 Ах ты, Кузя-барышник... 1981
 Будильник, 1981
 В магазине «Тысяча мелочей»,
 1981
 В самое сердце оконного ромба,
 1981
 Детская скороговорка, 1981
 За горами, за лесами, 1981
 За речками, за кочками... 1981
 И вы, и вы, трагические хоры,
 1981
 И не молчать, и не кричать, 1981
 Извечная песня, 1981
 Иркутский базар, 1981
 Ирония судьбы, 1981
 Когда веселый и гремучий, 1981
 Костел в Иркутске, 1981
 Ливонский монастырь, 1981
 Литания, 1981
- Лучшие... 1981
 Люблю районную газету, 1981
 Мне снился сон, что вы моя
 жена, 1981
 Не алтари и не пророчества, 1981
 Не бывал в заморских я
 пределах, 1981
 Не скупы вологодцы на
 праздники, 1981
 Нет, нам с тобой не суждено,
 1981
 Ода к морю, 1981
 Песенка счастливого
 странника, 1981
 После 1612 года, 1981
 Поход, 1981
 Приветствую вас, ледяные
 варяжские воды! 1981
 Приглашение, 1981
 Прогнали иродов-царей, 1981
 Пускай страдал я в том глухом
 поселке, 1981
 Славное море Байкал, 1981
 Снова про Кузю, 1981
 Среди мира многошумного, 1981
 Стихи о единстве, 1981
 Только на плечи накинула, 1981
 Ты все мнишь себя, братец,
 каким-то солдатом, 1981
 Ты похаживал все – чок
 каблучок, 1981
 Тында, 1981

- У прядильной фабрики, 1981
 Убогие улы, убогий плетень,
 1981
 Узкие русла, крутые обрывы,
 1981
 Уточки на озере снуют, снуют,
 1981
 Хулиганская песенка, 1981
 Царская дорога, 1981
 Цены повышаются, 1981
 Экзотика мира сего..., 1981
 А куда же ты, девка? 1982
 А теперь возвращаюсь назад...,
 1982
 Автограф, 1982
 Бабка, 1982
 Веснянка, 1982
 Ворожу свою жизнь..., 1982
 Вот пишу о себе. А себя ведь
 почти не касаюсь, 1982
 Все-то снится мне туман, 1982
 Вспомним заповедь поэта, 1982
 Встреча, 1982
 Гласом царя Давида... 1982
 Года идут, года идут, 1982
 Голубели у изб карнизы, 1982
 Голубень, 1982
 Дворня, 1982
 Деревенька была
 небольшая... 1982
 Допою свои песни земные, 1982
 Достойная поэзия, 1982
 Жили мы вчетвером. Это прежде
 – мамаша с папашей, 1982
 Заревая апрельская рань, 1982
 И снятся мне камни ваших путей,
 1982
 Изба, 1982
 История, 1982
 Лепта, 1982
 Лира священная! Звук
 Филомелы! 1982
 Лихолетье. 1921 год, 1982
 Лотошино, 1982
 Мой отец был столяр, 1982
 Молчи, Иеремия! 1982
 На все цветы и зарожденья, 1982
 Не искал ты, Никита, муравскую
 землю, 1982
 Не с того, так с этого, 1982
 Нет, я не вышел из народа! 1982
- Обращение неопита к народу у
 дверей первого христианского храма,
 1982
 Ода к России, 1982
 Они для злобы лишь умны, 1982
 Они для злобы лишь умны, 1982
 Первое воспоминание, 1982
 Первые воспоминания, 1982
 Первые зовы, 1982
 Песенка моего друга, 1982
 Песнь о великом странствии,
 1987
 Песнь о лучшей собаке, 1982
 Песнь о российском храме, 1982
 Песня, 1982
 Подражание Экклезиасту, 1982
 Поэзия и ложь, 1982
 Поэт, 1982
 Проклятье, 1982
 Райские яблоки, 1982
 Рассказ про одно странствие,
 1982
 Речитатив, 1982
 Родитель мой не зря старался,
 1982
 Свершишь ли ты благое дело...,
 1982
 Семейные забавы, 1982
 Сказание о холме
 Галаадском, 1982
 Скоро к вечному пределу, 1982
 Среди государства
 русского..., 1982
 Среди излюбленной дубравы,
 1982
 Среди лихой всемирной склоки,
 1982
 Стенания у развалин Сиона, 1982
 Стихи о борьбе с религией, 1982
 Стихи о героях, 1982
 Стихи о земных переменах, 1982
 Стихи о медных трубах, 1982
 Стихи о моих бабках, 1982
 Стихи о печенеггах, 1982
 Стихи о 1921-м годе, 1982
 Стихи про одну сходку, 1982
 Тишина кругом такая... 1982
 Ходят слухи... 1982
 Эволюция, 1982
 Этот милый скворечник... 1982
 Два посвящения, 1962-1982
 Грядущие сородичи мои, 1983

Погулял с котомочкой немного,
 1983
 1945-й, 1984
 А птички пели, птички пели,
 1984
 Ах, речка моя! Ах, лодка моя!
 1984
 Да где ж вы, граждане Земли?
 1984
 Дым, 1984
 Семьдесят лет, 1984
 То ли было, не знаю... 1984
 Юмор нашего времени, 1984
 Мой любимый, мой друг, мой
 хороший! 1986
 Не рифмованная капуста, 1986
 Стансы, 1986
 Угасло время той молвы, 1986
 А я эту рифму проверю тотчас,
 1987
 Ах, если бы!.. 1987
 Говорят, что в Нью-Йорке... 1987
 Дураку недаром лестно, 1987
 И, завладев любыми трассами,
 1987
 Из дальней и долгой
 разлуки, 1987
 Из древней книги, 1987
 Как научились воровать! 1987

Лебединая песня, 1987
 Лирика, 1987
 На этой родине Московской,
 1987
 Он жил один в своей тени, 1987
 Подражание Бальмонту, 1987
 Притча для себя, 1987
 Промежуток, 1987
 Процветает человек, 1987
 Рапсодия, 1987
 Расчет, 1987
 Результаты, 1987
 Романтическая ода, 1987
 Сколько было всего... 1987
 Сонет о весне, 1987
 Стихи о кастальском
 источнике, 1987
 Стихи о мазуриках, 1987
 Стихи о моем Лукоморье, 1987
 Стихи о наших детках, 1987
 Стихи о первом совхозе, 1987
 Сухмень, 1987
 У темной просеки сосновой, 1987
 Царская часовня, 1987
 Это было в 1927-м, 1987
 Я родился на земле Тверской,
 1987
 Я родился при Советской власти,
 1987

1990-е гг. (43 стихотворения)

В канун 1994 года, 1993
 Дела моей России, 1993
 Дорогая моя столица! 1993
 Жарким светом полоснуло, 1993
 Запестрели цветные палатки,
 1993
 Вадиму Кожинову, 1993
 И грунт ушел из-под земли, 1993
 Из-за синих рек, из-за белых гор,
 1993
 Когда я увидел партийного
 босса, 1993
 Мать, 1993
 Наталья, 1993
 Не забыть мне хужую избенку,
 1993
 Первая зима в новом доме, 1993
 Песенка Ивана Заблудшего, 1993

Песенка о сорок втором годе,
 1993
 Песнь о великом походе, 1993
 Песня о фонаре «Летучая мышь»,
 1993
 Послание Марку Соболю, 1993
 Послевоенные года, 1993
 Расточилась ты, тьма подножная,
 1993
 Речки, стога, молодые
 ракитники, 1993
 Серьгов день, 1993
 Снова запах весенних проталин,
 1993
 То звуки вальса, то звуки танго,
 1993
 Торжественная первомайская
 ода, 1993

Ты прости меня, дед...1993
Феникс, 1993
Целый век мы прожили в
ГУЛагом, 1993
Этот северный снег! Этот
северный лес! 1993
Вербная песня, 1994
За колча'ми окрестных дорог,
1994
Он сегодня пораньше стадо, 1994
Поменьше снисхожденья,
командор! 1994
Права человека! Права человека!
1994

Раннее утро, 1994
Сколько было сродников в
округе, 1994
Стихи о Павле Антокольском,
1994
Друг ты мой милый, Володя
Семакин! 1995
Когда-то там, в лесах Устюги,
1995
Песнь о российском
возрождении, 1995
Потому что я русский...1995
Рапсодия, 1996
Стихи о березовой роще, 1996

Приложение 2

Список лексем, входящих в СП «война»

Автомат, батарея (2), блиндаж (2), бой (9), боец (2), броня (2), вдова, взвод, винтовка (2), война (21), воронка, враг (3), времянка, взрыв, гарнизон, герой (4), граната (3), дружина (2), железо (2), железный (4), защитник, землянка (2), зенитка (3), знамя (3), картечь, кирза, кладбище, клинок, костыль (3), кровь (2), курган (7), медаль, мертвый, металл, мина (2), могила (5), немец (5), новобранец (2), ноша (2), огонь (10), окоп, ополченцы, орден, осколок, отряд, палатка, партизан (2), пепел (3), пепелище (2), пилотка, пистолет (4), победа (2), победоносец, погон (2), пожарище, позывные, поход (4), приклад, прицел, пуля (3), разруха (2), рана (8), раненый, раненья, рейхстаг, ремень (2), ров (3), ружье, сабля (2), сапог (3), свинец, слава (5), смерть (2), снаряд (3), солдат (19), солдатка (2), сражение (2), старшина, стрельба, танк (2), траншея (2), флот, фриц, фронт (4), фугас, фуражка, чужеземец, шинель (9), шит (3), шлем, штык (4), эшелон (2); безногий, берлинский, боевой (4), вдовий, военный (9), гвардейский (2), геройский (2), горелый, госпитальный, довоенный, зенитный, кирзовый, кровяной, немецкий, огневой, окопный, походный (2), прицельный, пушечный, разбитый, ружейный (2), служба, снаряженный, солдатский (8), торпедный, трофейный (2), тяжелый, фронтовой (3), фугасный (2); зажженный, опаленный, отвоеванный, разбитый, разбомбленный, разоренный; воевать (3), греметь, грохотать, обжечь, реветь; воюя.

Приложение 3

Список лексем, входящих в СП «птица»

Аист (1), буревестник (1), воробей (13), ворон/ворона (18), гагара (11), галка (9), глухарь (2), голубь/голубица, голубка (13), грач (29), гусь/гусыня (37), дергач (2), дрозд (4), дятел (2), зяблик (1), жаворонок (8), журавль (52), иволга (3), касатка (1), коростель (7), коноплянка (1), косач (1), коршун (4), кречет (1), кукушка (6), кулик (6), курица (8), ласточка (3), лебедь (30), орел (1), павлин (1), перепел/перепелка (4), петух (42), подполоть (1), синица (4), скворец (20), снегирь (2), сова (8), сойка (1), сокол (18), соловей (27), сорока (11), стриж (2), сыч (4), утка (10), филин (7), чайка (1), ястреб (1). Птицы, названия которых носят обобщенный характер: квохча (1), пичуга (2), птаха (18), птица (45).

Приложение 4

Список колорем лирики Н.И. Тряпкина

алый (4)

- алая заря «Другу» (1952)
- алые крылья «Только зорька-заряница» (1959)
- алая грань «Я уйду за красные туманы» (1962)
- алые чайки восхода «Песенка про Африку» (1961)

белый (78)

- белые туманы «Запев» (1940)
- белеет дорога «Снег» (1942)
- белые букли махров костряных «Снег» (1942)
- «тащит сыночку мама белых шанег и рушник» «Новобранец» (1942)
- торжественно-белый покой «Лунный час» (1943)
- белый агитпункт зимы «Пред этим днем» (1946)
- бел-камень («Горизонт, 1946)
- белый снег «Горизонт» (1946)
- белый снег «Победоносцы в фартуках весны!» (1958)
- белый-белый зашла огород «Первый снег, первый снег у ворот!» (1951)
- в белой шубке отцовская хата «Первый снег, первый снег у ворот!» (1951)
- белеющая греча «Ясные лица, родные улыбки» (1952)
- белая черемуха «Радуга» (1952)
- бела, как заяц, ушла метель «Песнь о зимнем лесе» (1953)
- белый песок «Где вы, стены, одетые в тес» (1953)
- белый проселок «Накануне» (1953)
- белые сапожки «Письмо» (1953)
- в белом колышутся сосны «Письмо» (1953)
- беленые решетки «По городу Ржевцу» (1953)
- «Белая ночь» (1954)
- белая полянка блокнота «Рейд» (1954)
- белые вежи бегут по России «Рейд» (1954)
- белые туманы «Белая ночь» (1954)
- белый сад «Не вздыхал, не грустил, не бродил» (1955)
- белая роща «Не вздыхал, не грустил, не бродил» (1955)
- белый шум «Не вздыхал, не грустил, не бродил» (1955)
- «на песчанике белом как снег» «Я живу у холодного моря» (1955)
- «Песнь белой тундры» (1956)
- побелевший садик мой «Я уходил в леса такие» (1956)
- белая пушинка «Рожь» (1957)
- белый сумрак «Желание» (1957)

- белые палаты «Песня о безногом солдате» (1957)
- северный дед, убеленный снегами «За синие своды» (1957)
- белая гречка «Песня» (1958)
- белые листья капусты «Прозрачная осень» (1958)
- белая деревянная голубица «Целовал я деревянный крест» (1959)
- «ой, цветы, ромашка, белая рубашка!» «Лето, мое лето» (1959)
- побелеет русая головка моя «Лето, мое лето» (1959)
- белые росы «Только зорька-заряница» (1959)
- бабочка белая (3) «Бабочка белая! Бабочка белая!» 1960
- забелеют кусты на лугу «Два письма» (1960)
- белый облак «Речная нота» (1960)
- белая отмель (2р) «Море» (1961)
- белый аист «Песенка про Африку» (1961)
- белый аист «Стихи о Востоке» (1961)
- белая береза «Девушка зарницу поджидала» (1962)
- белая овчина «Про тулуп» (1962)
- белые фосфаты «Чайная, чайная» (1962)
- белая ромашка «Зацвела ромашка» (1962)
- белая сосна «У реки, у леска» (1962)
- «весенние цветки смотрят на беляночку» «Зацвела ромашка» (1962)
- белая капуста «Песня о веселом заморозке» (1962)
- белый фартучек (2р) «Девочка с книжкой» (1963)
- белым-бела метель «Снег да вечер» (1964)
- белая тучка «Белая тучка» (1966)
- белый конь «Как у тех у ворот столько всяких бород!» (1966)
- белый камень «Ходит ветер в чистом поле» (1965)
- белый свет «Ходит ветер в чистом поле» (1965)
- белые рукава «Листья дубовые» (1971)
- белое море «Песенка» (1971)
- «стоял он, весь белый от пыли мучной» «У старой плотины не ропщет вода» (1971)
- белая лебедь «Юность» (1972)
- белый голубец «Предание» (1973)
- белая луна «История» (1973)
- белый голубец «Стихи о Николае Клюеве» (1973)
- белые морские исполины «Сверкающие водные равнины» (1978)
- белые горошины «Только на плечи накинула» (1981)
- белая ворона «Он жил один в своей тени» (1982)
- белая кость «Нет, я не вышел из народа!» 1982
- белый свет «Вспомним заповедь поэта» (1982)
- белый свет «Среди государства русского» (1982)
- белые шеи «Допою свои песни земные» (1982)
- «Дети Сима и Гада / Не дружили вовек, / А у струй Галаада / Вдруг белели, как снег» «Сказание о холме Галаадском» (1982)
- белые горы «Из-за синих рек, из-за белых гор» (1993)
- Белый дом «Права человека! Права человека!» (1994)
- белая гречка «Стихи о березовой роще» (1996)
- белая роща «Стихи о березовой роще» (1996)

блеклый (1)

- блеклыесарафанчики
«Романс» (1981)

бирюзовый (2)

- бирюзовыедымки
«Возвращение Разина» (1945)

бурый (2)

- бурая гречка «Радуга» (1952)
- бурая медведица «Все лужки, да ямки родничковые» (1966)

голубой (37)

- голубые молнии «Запев» (1940)
- голубое тепло
«Чернокрылый прокаркал» (1944)
- голубеющий низ
«Возвращение Разина» (1945)
- голубой кремлевский меридиан «Гимн» (1946)
- «точно совы, кругом, с голубой поволокой» «Засмеялась калина, краснея счастливо» (1947)
- голубое питье «По городу Ржеву» (1953)
- «раскроется море кругом – голубое дворище» «Где вы, стены, одетые в тес» (1953)
- лужи голубые «Размочило, развело» (1955)
- голубой фонарик Земли
«Унесут меня в бесконечность» (1957)
- голубые квадраты весны «Я вышел оттуда...» (1961)
- голубые долины (2р)
«НилаПесенка про Африку» (1961)
- голубые долины «Стихи о Востоке» (1961)
- голубая ночь «По зеленым долинам, по вешним лугам» (1962)
- голубые покосы «В долинах пестрели» (1962)
- голубой огонек «Где-то есть космодромы» (1966)

- бирюзовая деревенька (2р)
«Среди государства русского» (1982)

вороной (2)

- вороная кобылка «Скоро снова затоскую» (1970)
- вороное крыло «Я не зря топором по стропилам стучал» (1957)

- голубой полдень «Да с того ли с моря-окияна» (1966)
- голубая таль «Девки бродят по вечерним скверам» (1967)
- голубой кафтан Дуная «А я пойду опять к Восходу» (1971)
- голубой кипарис(2р)
«Радуга» (1971)
- голубой океан «Юность» (1972)
- голубые ночки «Прибаски» (1972-1977)
- голубой огонь (семафора)
«Романтическая ода» (1981)
- «все-то мнилось нам голубое» «Голубели у изб карнизы» (1982)
- голубеют окошки «Бабка» (1982)
- голубели у изб карнизы
«Голубели у изб карнизы» (1982)
- голубели у рек мосты
«Голубели у изб карнизы» (1982)
- голубел костерь
«Голубень» (1982)
- голубела зорька «Голубень» (1982)
- «земля в голубом была»
«Голубень» (1982)
- «кровь моя – не голубая!»
«Нет, я не вышел из народа!» (1982)
- «с нами – все голубое»
«Голубень» (1982)

- « что голубая? да худая» «Нет, я не вышел из народа!» (1982)
- голубой мезонин «То ли было, не знаю» (1984)
- голубая советская Русь «Снова запах весенних проталин» (1993)

желтый (20)

- [август] веткой на березе пожелтел «Август зашумел» (1946)
- желтая рожь «Радуга» (1952)
- «за сеялкой желтыми семяпроводами» «Радуга» (1952)
- желтый горный склон «За маленьким сельским прогоном» (1952)
- желтые взгляды «Легенда» (1953)
- желтые руки «На груди твоей желтые руки» (1954)
- желтый дымок «Рожь» (1957)
- желтые жнивы «Прозрачная осень» (1958)
- желтый клен «За двором» (1958)

зеленый (48)

- зеленый праздник «Суворов играет в бабки» (1944)
- зеленый дым «Уже сданы клинки и ружья» (1945)
- зеленая ветла «Выход» (1945)
- зеленая трава «Горизонт» (1946)
- зеленые лужицы «Уже сданы клинки и ружья» (1945)
- зеленый мир (3р) «Август зашумел» (1946)
- я – зеленый, некошенный «Сказ» (1947)
- зеленеет луг «Зеленеет луг широкий» (1948)
- в зеленом фартучке соснят «Лесного шума перекааты» (1952)

- голубой хуторок(2р) «Стихи о березовой роще» (1996)
- голубой палисад «Стихи о березовой роще» (1996)
- голубое крылечко «Стихи о березовой роще» (1996)

- желтый листок «Бабочка белая! Бабочка белая!» 1960
- желтые зубы «Две элегии» (1960)
- желтенькие лютики «Зацвела ромашка» (1962)
- желтый бурьянок «Провожая брата» (1962)
- желтые блики «Свет ты мой робкий, таинственный свет!» (1969)
- желтый клен «Радуга» (1971)
- «Желтый тайфун» (1979)
- желтый курослеп «Я родился на земле Тверской» (1981)
- Желтый Тибет «В самое сердце оконного ромба» (1981)
- желтый Тибет «Допою свои песни земные» (1982)

- зеленая ветла «Радуга» (1952)
- зеленая вичка «Радуга» (1952)
- зелена загустились «Радуга» (1952)
- зелень сел «Радуга» (1952)
- зеленая Катунь «Я тобой, как брагой, отуманен» (1952)
- зеленеет рогатый ивняк «Где вы, стены, одетые в тес» (1953)
- зеленый хмель «Я построю дом сосновый» (1953)
- зеленый день «Друзьям» (1956)
- зеленый зной «Друзьям» (1956)
- зеленый сад «Осень» (1956)

- зеленый пьяница «Дело было летом» (1957)
- зеленая ракета «Песня» (1958)
- зеленая трава «Победоносцы в фартуках весны» (1958)
- зеленый прутик «Лето, мое лето» (1959)
- зеленый дуб «Размышления о высших началах» (1961)
- зеленый дуб – не дуб зеленый «Размышления о высших началах» (1961)
- зеленый прогресс «Пираты» (1962)
- зеленые елки (2 р) «Песня о горячем камне» (1962)
- зеленая макушка «Девушка зарницу поджидала» (1962)
- «зеленую песню поет огород» «Чу! Колосья ржаные» (1964)
- «только солнце да пчелка, зелена, зелена» «За поля яровые» (1965)
- «виноградие да зеленое» «Виноградие да зеленое» (1966)
- зеленый дуб «Да с того ли с моря-окияна» (1966)
- зеленеющий луч «Серебрятся пруды» (1966)
- зеленая ивушка «Что ж ты, ива, что ж ты, ивушка» (1966)

золотой (златой, золотистый) (79)

- «золотой ржун – стригунок» «Пусть метель засыпает ложбины» (1943)
- золотое тепло «Благодарность» (1947)
- золотой век «Дай мне, земля, в эти громкие годы» (1948)
- золотой урожай «Дай мне, земля, в эти громкие годы» (1948)
- золотая бадейка луны «Ночная песня» (1949)
- золотая Весна «Ай лю...» (1949)
- золотые поля «Песнь о хлебе» (1949)

- зеленый дым «После жатвы» (1967)
- зеленая кедрица «Радуга» (1971)
- зелена травка (2р) «Зазвенят ли, запоют ли те свирели?» (1971)
- зелено'е вино «Не сердись на меня, молодница» (1971)
- зеленая бороденка «За любыми земными развилками» (1973)
- зеленый клен «Стихи о Николае Клюеве» (1973)
- зеленый огонь [семафора] «Романтическая ода» (1981)
- зелены проселки «Приглашение» (1981)
- зеленая лужайка «Райские яблоки» (1982)
- зеленая межа «Среди государства русского» (1982)
- зеленая трава «Песня» (1982)
- зеленый скат «Встреча» (1982)
- зеленая травка «Среди государства русского» (1982)
- «дочери наши, как в тлене зеленые мухи» «Рапсодия» (1996)
- зеленью тех опухал «Стихи о березовой роще» (1996)
- золотой караван «Ай лю...» (1949)
- золотая полова «Я спешил к девчоночке» (1952)
- золотая Сибирь «Снова беркут над серой дубравой» (1952)
- «золотой мой, золотой» «Другу» (1952)
- «а про это, золотой» «Другу» (1952)
- золотая медаль «Разве я тебя не понимаю» (1953)
- золотистая коса «Сама и хату подмела» (1953)

- золотые сучки(2р)
«Журавли» (1955)
- золотой одуванчик «Где вы, стены, одетые в тес» (1953)
- золотые ометы«Осень» (1956)
- золотой ключик «Не весна ль тому виновница» (1957)
- золотое лукошко «Исцеление Муромца» (1958)
- «деревенской избе – в золотой, небогатой»(2 р) «Радость» (1959)
- золотаяптичка-невеличка «Только зорька-заряница» (1959)
- золотистый дождь «Я пройду тебя, мой родимый край» (1959)
- златые купавы «Эй, славяне, славяне!» (1960)
- золотой денек «Весенняя прибаска» (1962)
- золотой березняк «Я люблю осенний шум» (1961)
- златые горы «Рассказ о том, как у нас в деревне справляли вербную» (1963)
- золотая купава «Завивайся, березка» (1963)
- золотая кукушка (2р) «Завивайся, березка» (1963)
- золотится душа «За поля яровые» (1965)
- золотистый хмель «Виноградие да зеленое» (1966)
- златой стол «Как у тех у ворот столько всяких бород!» (1966)
- «ты был смешной, золотистый, как лань» «Скрипка» (1966)
- золотая Фросенька!
«Никаких таких раки» (1968)
- золотой перстень «Скажем так – земля ждала привала» (1968)
- золотой петушок «Притча о Ваньке-однолишнике» (1968)
- золотой шеломок «Притча о Ваньке-однолишнике» (1968)
- золотые оглобельки «Что за купчики проезжали» (1968)
- златая куница«Огнистая белка!» (1971)
- златые струи «А я пойду опять к Восходу» (1971)
- золотая ключница сорока «Радуга» (1971)
- златая колесница «Радуга» (1971)
- золотая струя«Зачерпну-ка я ковшом» (1971)
- златой корец «Мне снятся солнечные кринь» (1971)
- златые врата распахнем «За каким там холмом и заставою» (1973)
- золотой костел(2р) «Стихи о марсианах» (1977-1981)
- Золотой Рог (2р) «Завет» (1978)
- золотой терем «И великое пламя над миром прошло» (1979)
- золотой уголек «И снова – предзимняя мгла» (1980)
- золотое блаженство «Стихи о моем Лукоморье» (1981)
- золотой черпак (2р) «За горами, за лесами» (1981)
- золотые ордена «Процветает человек» (1981)
- золотые стяги листопада «Поход» (1981)
- златая корка «Стихи о земных переменах» (1982)
- золотая ветрянка «Первые воспоминания» (1982)
- золотая пила «Мой отец был столяр» (1982)
- золотая солома «Первые воспоминания» (1982)
- золотой год «Встреча» (1982)
- золотой Вертоград «Лотошино» (1982)
- золотой мой дружнице «Песнь о лучшей собаке» (1982)
- золотой Моссельпром «Мой отец был столяр» (1982)
- золотой терем «Сухмень» (1982)
- золотое новоселье «Первые зовы» (1982)

- золотой убор «Песнь о российском храме» (1982)
- золотой хорал «Песнь о российском храме» (1982)
- золотые весенние дрели «Мой отец был столяр» (1982)
- золотые струны «Грядущие сородичи мои» (1983)
- золотое окошко «То ли было, не знаю» (1984)
- золотое зерно «То ли было, не знаю» (1984)

коричневый (1)

- коричневая кожанка «Сколько выпито горячих самоваров» (1971)

красный (68)

- Красный Крест «И вдруг под гривою угарной» (1943)
- красный костер «Возвращение Разина» (1945)
- красный петух «Жизнь» (1945)
- краснею поневоле «Песенка» (1946)
- «засмеялась калина, краснея счастливо» «Засмеялась калина, краснея счастливо» (1947)
- красный флаг «Когда вопрос о новой смете» (1948)
- красная горка «Ай лю...» (1949)
- краснеть у тына «Я построю дом сосновый» (1953)
- красный лес «Письмо» (1953)
- красный лоскут «Баллада с философией» (1954)
- красный поплавок «Белая ночь» (1954)
- красный чум «Я живу у холодного моря» (1955)
- красная звезда «Песня о красных звездоходах» (1957)
- красные горы (2р) «За синие своды» (1957)
- красные зори «Гимн» (1957)
- красное лето «Не весна ль тому виновница» (1957)

- золотая пыль «Снова запах весенних проталин» (1993)
- золотая столица «Дорогая моя столица!» (1993)
- золотой Вавилонский ров «Дорогая моя столица!» (1993)
- золотой Песнослов «Феникс» (1993)
- золотые книги «Песнь о российском возрождении» (1995)

- Красный Смех «Фауст» (1957)
- красные звездоходы «Песня о красных звездоходах» (1957)
- красная рубаха «В стороне лесного гула» (1958)
- красный звон дуги «Радость» (1959)
- красная Москва «Эй, славяне, славяне!» (1960)
- красная клюква «Я люблю осенний шум» (1961)
- Красная Куба! «Две романтические оды» (1961)
- Красная Куба! «Песнь о красных чайках» (1961)
- красный флаг «Через годы, через броды» (1960)
- красное знамя «Песенка про Африку» (1961)
- красное знамя «Стихи о Востоке» (1961)
- красные вестники майских гроз «Две романтические оды» (1961)
- красные птицы «Две романтические оды» (1961)
- красные птицы «Песнь о красных чайках» (1961)
- красные чайки «Песнь о красных чайках» (1961)
- красная горка «Ледоход» (1962)

- красный полушалок «Старт» (1962)
 - красный флаг «Умерить пыл...» (1962)
 - красное дуло кирпичной зенитки «Ледоход» (1962)
 - красные вспышки востока «Дрогнули красные вспышки восток» (1962)
 - красные петлички и лычки «Встреча» (1962)
 - красные туманы «Я уйду за красные туманы» (1962)
 - красненьки лисицы «Снег да вечер» (1964),
 - красная грива царя Самозванца «Забытые вехи, заглохшие дали» (1965)
 - красные боры «Песня о деревне Белавенки» (1966)
 - красные боры «Пусть где-то есть там город Занзибар» (1966)
 - красные леса «Песня о деревне Белавенки» (1966)
 - красные звонницы «За церковкой старинной» (1968)
 - красное виденье (2р) «Мосты переходов! Мосты переходов!» (1969)
 - «воркует красным голубем заря» «Сонет о весне» (1981)
 - красная звезда «Я родился при Советской власти» (1981)
 - красная рубашечка «За речками, за кочками» (1981)
 - красная труба готической фуги «Костел в Иркутске» (1981)
 - с красна рукава «Только на плечи накинула» (1981)
- лазоревый** (1)
- лазоревая рань «Возвращение Разина» (1945)
- малиновый** (8)
- малиновая шубка «Письмо» (1953)
 - малиновый день «Все-то хочется, не расхочется» (1958)
 - красная парча «Встреча» (1982)
 - красная шапка «Стихи о героях» (1982)
 - красный крест «Эволюция» (1982)
 - краснели значки «Мой отец был столяр» (1982)
 - красное плечо «Встреча» (1982)
 - «[лихачи] не стыдятся и не краснеют» «Стихи о печенеггах» (1982)
 - «пиджаки с набором красных шпал» «Стихи о героях» (1982)
 - красная шаль «Наталья» (1993)
 - красные розы «Торжественная первомайская ода» (1993)
 - площадь Красная «Торжественная первомайская ода» (1993)
 - Красная Купина «Торжественная первомайская ода» (1993)
 - красная Ухта «Сколько было сроднико в округе» (1994)
 - красное небо Диктатуры «Сколько было сроднико в округе» (1994)
 - красный свет «Он сегодня пораньше стадо» (1994)
 - красный Барнаул «Сколько было сродникоы в округе» (1994)
 - красный Союз «Вербная песня» (1994)
 - малиновый говор (2р) «Чу! Колосья ржаные» (1964)
 - малиновый гуд «Чу! Колосья ржаные» (1964)
 - «в кумачах, малиновых, как вишня» «Что за весны без громов приветных?» (1966)
 - малиновый тюльпан «Радуга» (1971)

- малиновая рубашка «А пока не отрешился» (1973)

- малиновый перезвон «Среди государства русского» (1982)

медный (1)

- медная папаха «Веретена» (1969)

огненный (4)

- огненный мак «Чу! Колосья ржаные» (1964)
- огненные коняшки «Что за весны без громов приветных?» (1966)
- огненные сны «Что за весны без громов приветных?» (1966)
- огненные телеги «А пока не отрешился» (1973)

огнистый (1)

- огнистая солома «Пускай по судьбе я не пахарь» (1962)

розовый (6)

- розовый берет «Песенка» (1946)
- розовеющий март «Утро» (1946)
- розовый румянец «А сколько было дерева» (1949)
- розовый клевер «Радуга» (1952)

- розовела тучка «Девушка зарницу поджидала» (1962)
- розовая заря «Песенка про Африку» (1961)

румяный (3)

- румяное солнце «Благодарность» (1947)
- румяные корзины «За маленьким сельским прогоном» (1952)

- «шофера-паренька зарумянились» (2р) «Размочило, развело» (1955)

русый (1)

- русый волос (2р) «Я родился на земле Тверской» (1981)

рыжий (10)

- ярко-желтый хвост «Снова беркут над серой дубравой» (1952)
- рыженькие елки «Письмо» (1953)
- рыжий Тузик «Черная баллада» (1957)
- рыжая церковь «Романово» (1965)
- рыжая борода «Степан» (1966)

- рыжие кони «Как сегодня над степью донецкой» (1966)
- рыжие холсты «После жатвы» (1967)
- рыжая тетка моя «Заревая апрельская рань» (1982)
- рыжий космач «Песнь о лучшей собаке» (1982)
- рыжеватый усок «Семейные забавы» (1982)

светлый (8)

- светлая палубка «Пароход на Вычегде» (1948)

- светлая быль «Первый снег, первый снег у ворот!» (1951)

- светлое причастье
«Проселки» (1957)
- светлый путь
«Размышления о высших началах»
(1961)
- Светлое солнышко
«Девочка с книжкой» (1963)

седой (16)

- седые курганы «Сказ»
(1947)
- седые бороды «А сколько
было дерева» (1949)
- седые деда «В эту ночь моя
гармошка не смолкала до рассвета»
(1949)
- «вернусь я, быть может,
седым» «Где вы, стены, одетые в тес»
(1953)
- «он шел не в шутку совсем
седой» «Баллада с философией» (1954)
- седые просторы «Рейд»
(1954)
- седое море «Я живу у
холодного моря» (1955)
- седая просинь «Песнь о
зимнем очаге» (1956)

серебряный (серебристый) (24)

- серебряная речка «Запев»
(1940)
- путь серебрист «Лунный
час» (1943)
- курган в ранних росах
серебрится «Зеленеет луг широкий»
(1948)
- серебристые лучи «В эту
ночь моя гармошка не смолкала до
рассвета» (1949)
- ночка серебристая «Ночная
песня» (1949)
- серебристая пороша
«Первый снег, первый снег у ворот!»
(1951)
- серебрил иней «Я спешил к
девчоночке» (1952)
- серебристая дорога,
серебристая «Дорога» (1952)
- серебряная гирька
«Мартовские ходики» (1953)

- светлые родичи «Река в
сугробах утонула» (1964)
- светлы платья «Веретена»
(1969)
- светлый месяц «Зачерпну-
ка я ковшом» (1971)

- «вышли те, что совсем уже
сед» («Встреча, 1962)
- седые коровы «Редактору
моей книги по выходе оной из печати»
(1962)
- седая борода «Песня о
деревне Белавенки» (1966)
- седая голова «Снится мне
утро» (1966)
- седая Ангара «Костел в
Иркутске» (1981)
- седой дым «Все-то снится
мне туман» (1982)
- седые виски «Стихи про
одну сходку» (1982)
- седые височки «Стихи про
одну сходку» (1982)

- серебристый ключик света
«Песня о красных звездододах» (1957)
- серебристый шалун-
горностаи «Желание» (1957)
- серебряный воздух
«Прозрачная осень» (1958)
- серебряная
нить «Ивняковый, травяной,
долинный» (1961)
- серебрится луна
«Серебрятся пруды» (1966)
- серебрятся пруды (2р)
«Серебрятся пруды» (1966)
- засеребрится луч звезды «А
я пойду опять к Восходу» (1971)
- серебристые Анды «В самое
сердце оконного ромба» (1981)
- серебряный гулкий орган
«Костел в Иркутске» (1981)
- серебряная лодка «Стихи о
кастальском источнике» (1981)

- серебрится песня «Стихи о кастанальском источнике» (1981)
- «озеро – серебряное доньшко» «Уточки на озере снуют, снуют» (1981)
- «колокольчики в серебре» «Голубень» (1982)

серый (15)

- серый дождик «Распутица» (1946)
- серенькая птичка подполоть «Если синий-синий свет и зори» (1947)
- серая дубрава «Снова беркут над серой дубравой» (1952)
- серые гуси «Уже не густы листопады» (1961)
- серая кукушка «Девушка зарницу поджидала» (1962)
- серая птаха (2р) «Девочка с книжкой» (1963)

синий (37)

- синеватая ясь «Лунный час» (1943)
- синева рек «Горизонт» (1946)
- синяя капля «Засмеялась калина, краснея счастливо» (1947)
- синий-синий свет «Если синий-синий свет и зори» (1947)
- синий тумана чад «Лозняком, да выгоном, да лугом» (1947)
- синька матовая «Предместье весны на снегах февраля» (1948)
- синие дожди «Песнь о зеленых ростках» (1949)
- синий дождь «Песнь о зеленых ростках» (1949)
- синие ограды «А сколько было дерева» (1949)
- синее марево «Ясные лица, родные улыбки» (1952)
- синие броды «Радуга» (1952)

- «река блестит серебром» «Песня» (1982)

- серые шинели «Я только вспомню те названья» (1966)
- серая лошадка «Привяжу свою судьбу» (1969)
- «воробышки серые, серые» «Рапсодия» (1981)
- серенький воробей «В магазине "Тысяча мелочей"» (1981)
- серый камень «Костел в Иркутске» (1981)
- серенькие соседи «Рапсодия» (1981)
- серая кость «Нет, я не вышел из народа!» (1982)

- синий дым летних гроз «Я построю дом сосновый» (1952)
- синее сияние снежных иголок «Накануне» (1953)
- синий воздух «Осень» (1956)
- синий Дунай (2р) «Ягодиночка» (1956)
- синяя вода «Ягодиночка» (1956)
- синие своды «За синие своды» (1957)
- синь с поволокою «Рожь» (1957)
- синяя сирень «Мне говорят, что я в опасности» (1957)
- синева рек «Победоносцы в фартуках весны!» (1958)
- синева бесконечная «Море» (1961)
- синие берега «Ивняковый, травяной, долинный» (1961)
- «в полях, где синь да поволока» «Девушка зарницу поджидала» (1962)

- «сверху синь – совсем без дна» «Зеленой почкою от рощи» (1962)
- синий ручей(2р) «Зацвела ромашка» (1962)
- синь туман «Степан» (1966)
- «синь туман» «А теперь у нас уже светает» (1967)
- синий кипарис(2р) «Радуга» (1971)

сиреневый (4)

- сиреневый запах «Ночная песня» (1949)
- сиреневый туман «Я тобой, как брагой, отуманен» (1952)
- сиреневое цветение «Такие клеились дела» (1953)

черный (63)

- черный дым «Ночная песня» (1942)
- черные темницы «Сколько трав под чужими подковами» (1944)
- червонные соколы «Возвращение Разина» (1945)
- черные скворцы «Воскресенье» (1946)
- черные взметы «Снова беркут над серой дубравой» (1952)
- черные фуражки «Радуга» (1952)
- чернеют шапки сорочьих гнезд «Песнь о зимнем лесе» (1953)
- черная работа «Я зову тебя своей» (1955)
- почерневший стог «На дворе раскричался петух» (1956)
- черна прорубь «Черная баллада» (1957)
- чернеют керосиновые бочки «Как эта стая молодых скворцов» (1957)
- черные пожарища войны «Как эта стая молодых скворцов» (1957)
- черный ветер «Фауст» (1957)

- синяя река «Юность» (1972)
- синяя речка «Юность» (1972)
- синий-синий ленок «Я родился на земле Тверской» (1981)
- синь августовская «Райские яблоки» (1982)
- синие реки «Из-за синих рек, из-за белых гор» (1993)

- сиреневый чад «Юность» (1972)

темный (1)

- темные плесы «Проселки» (1957)
- черный ветер «Черная баллада» (1957)
- черный наган «Черная баллада» (1957)
- Черный Хозяин «Фауст» (1957)
- черный хлеб «И я кладу мой черный хлеб» (1958)
- черный хлеб «Рождение» (1958)
- черная смородина(2р) «Лето, мое лето» (1959)
- черненький носик «Бабочка белая! Бабочка белая» (1960)
- черные брови и виски «К беде или к счастью – не знаю» (1960)
- черный пень «Речная нота» (1960)
- черная печорская тайга «Черная печорская тайга» (1961)
- черные брига «Стихи о Востоке» (1961)
- черные века «Пробуждение» (1961)
- черные тряси «Лесные заливки» (1961)
- черные рабы «Песенка про Африку» (1961)
- черные рабы «Стихи о Востоке» (1961)

- черные фонтаны «Черная печорская тайга» (1961)
- черный лед «Барда» (1961)
- черные проемы «Уже не густы листопады» (1961)
- черна земля «Я выхожу на школьный двор» (1962)
- «он, черный, стучит в барабан» «Пираты» (1962)
- черная злюка цепная «Лето» (1962)
- черный лед «Весенняя прибаска» (1962)
- черные доки «Пираты» (1962)
- черные бокалы «Пираты» (1962)
- черные бриги «Пираты» (1962)
- черные силы «Редактору моей книги по выходе оной из печати» (1962)
- черные страны «Пираты» (1962)
- черный кустик «Река в сугробах утонула» (1964)
- черные ели(2р) «Савелий Пижемский» (1966)
- чернели стога «Когда мой дед оплакивал коня» (1968)
- черные рубахи «Веретена» (1969)
- черная пыль «Стансы» (1970)
- черная копоть лица «Лирика» (1971)
- черное небо «Где-то звонко стучали зенитки» (1971)
- черные кости (2р) «Песня всемирных кастаньет» (1972)
- черный сухарек «Стихи в трудную минуту» (1972-1975)
- [Русь] черная, заполярная «Черная, заполярная» (1978)
- «ходит он, чернявенький» «За речками, за кочками» (1981)
- «мои онучи порою черны...» «Нет, я не вышел из народа!» (1982)
- почернел воздух «Гласом царя Давида» (1982)
- черные головни «Гласом царя Давида» (1982)
- черныескалы «Поэт» (1982)
- червонится зыбь речная «Ах, речка моя! Ах, лодка моя!» (1984)
- черный лед «Феникс» (1993)
- черный омут «Он сегодня пораньше стадо» (1994)
- черные барды (2р) «Друг ты мой милый, Володя Семакин!» (1995)
- черный глашатай (2р) «Друг ты мой милый, Володя Семакин!»

Приложение 5

Н.Тряпкин. Три стихотворения (публикация 1947 года) // Октябрь, №
11, 1947

Росело. С заовражной луговины
Я пришагал домой под стадный рёв.
Собрал я восемь строк с её тропинок,
Спугнув десятка два перепелов.
И вот, когда в закате, у комода
Топчусь я над девятою строкой,
Мне матушка блинец со свежим мёдом
Пихает в рот настойчивой рукой.
Я, как Хома, отрециваюсь книжкой,
Шипя в сердцах: мол, сбился с нужных слов!
(Меж нами часты погрознее вспышки
На почве материнства и стихов.)

Темнеет. За окном колотит косу
Соседиха Наталья Бурмина.
Хотите знать? На красный вид колхоза
Седьмой уж год возводится она.
Гляжу: с портфелем кто-то мимопутком
К ней завернул, здороваясь, как свой...
Люблю, друзья, вечерние погудки
Перед окном, открытым с посевной.
Но, чу: крадучись – да грози ей бездна! –
Наталья про меня рассказ ведёт:
–... Уходит в рожь и смотрит так, болезный,
Как будто что-то ищет – не найдет...

И слышу смех. Неловко и досадно.
Но ты права, соседиха, права!
И не в тебя ль, на все хлопоты жадной,
Беру пример искать свои слова?
Я жду тот день, я грежу им, как другом,
Когда, окрепнув, мой заветный пай
Напружистой надстрочною натугой
Вольётся в ваш, комар вас забодай!
Чтоб мужики, скрутивши папироску,
Собранием решили б обо мне:
– На красную его повесить доску
С ударницей Натальей наравне.

Поспорили хлопцы на улке села.
А ночь была ясной, морозной была.
А праздник был святки в старинном селе,
И пенилась брага на нашем столе.

Поспорили хлопцы совсем невзначай,
 А как получилось, ты сам замечай.
 Илья Кобурихин да Кузька Портнов
 Собрались к вечеркам на хутор Покров;
 Зашли за другими – и марш с песняком
 В две тростки,

В три тѣзки,

Вѣрст за пять

Пешком,

– Теперь бы вот санки! – заметил Илья
 А вышли уже ко прогону друзья,
 А путь за прогоном так месячен был,
 Что сторож на ферме и свет потушил.
 – Давно уже, хлопцы, я мысли таю
 Про зимнюю ночь в коллективном краю:
 Чтоб вышел под звѣзды старик-материк:
 –А чьи это в поле и посвист и гик? –
 В точёных оглоблях коньки-сорванцы,
 С грудей бубенцы, бубенцы, бубенцы,
 Полозья визжат, и деревни кричат:
 –Держись! Принимайте колхозных ребят!

Но Кузька ехидно теревит зачѣс:
 – Теперь бубенцы – уж музейный вопрос.
 –Назревший вопрос! – митингует Илья. –
 И чем это, братцы, не наша статья?
 Почто отречься в стране русаков
 От санок фартовых, от злых рысаков?
 И начал Илюха перчатку снимать
 И палец за пальцем, хрустя, загигать:
 – Хозяйство у нас – на промышленный тон.
 Костюмы у нас – тёмносиний бостон.
 Наш конюх Климентий – газетный герой.
 А где проживаем – в артели большой.
 Нет, хлопцы, выходит – довольно пешой!

И в лунный сугроб вколотил свою трость
 Илья Кобурихин – девичий гость.
 Ребята пьянели, как в бражном чаду.
 Сходились планеты в игру-коляду.
 Здоровались сваты на улке села.
 А ночь была ясной, морозной была.
 Ребята гадали: – С которых святых
 У предихи Дарьи просить выездных?
 Толкуя друг другу: – Ты сам посуди,
 Ей палец в ненастье на зуб не клади.
 Но мир наш весѣлый так плотно зажил,
 А путь за прогоном так месячен был,
 Что парни решились на всю прямоу,
 А мы их теперь подбодрим находу,
 А мы согласимся, что в звѣздный мороз
 Колхозная тройка – назревший вопрос.

Мой любимый, мой друг, мой хороший!
 Сколько стран! Сколько лет! Сколько зим!
 Я вбежал, и вишнёвой порошей
 В дверь метнуло за следом моим.

Ну, какую припомним погудку
 За молочным медком лепестков?
 Посидим же, красавец, минутку
 На пороге весёлых деньков.

Посидим, потолкуем, покурим
 Да погресим, как – помнишь? – в былом...
 А в лазури, прочищенной бурей,
 Гуси-лебеди плещут крылом.

Это всё, как и было когда-то,
 Только в целом, конечно, не так.
 Над твоею обугленной хатой
 В пять ракет разгорается флаг.

Пахнет стружкой свежих строений,
 И лазурь по-солдатски ясна.
 Незнакомых полна откровений
 За твоими плечами весна.

И плывут голубые туманы
 По зовущим посевам земли,
 И уходят в моря-океаны
 За чудесным добром корабли.

Мы в ветрах мировых раздорожий!
 Ты все пыли принёс на ремнях,
 Как поруку, что будет проложен
 К самым дивным диковинам шлях...

Посидим, потолкуем, покурим,
 Да и в рейсы, что снились в былом...
 Ах, как славно в промытой лазури
 Гуси-лебеди плещут крылом!

Приложение 6

Михаил Васильевич!

Я очень хотел бы увидеть Вас. Сообщите Вашей прислуге, когда это будет можно. По телефону звонить не могу: заикаюсь. Придется зайти.

Николай Тряпкин

Приложение 7

Дорогой Федор Иванович!

Положение моей семьи очень тяжелое. Жена до сих пор на работу не восстановлена, Московский областной суд пересматривать ее дело категорически отказался. И всё потому, что несколько жуликов из районо и мособлоно решили во что бы то ни стало «поставить на своем» и не поскупились на фальшивые показания. Очень прошу Вас помочь нам распутать эту ложь. Я-то ведь отлично знаю, что человека прогнали с места только потому, что захотели устроить «своего», «ближнего», а заодно и с нами свести какие-то счета, отнять у семьи кусок хлеба. Я уверен, что ради сей благой цели (о самозащите тоже, конечно, подумали) эти люди не поскупились не только на клевету, но и на взятку, - денег-то казенных ведь не жалко.

Попросите пожалуйста замредактора газеты «Литература и жизнь» тов. Осетрова, чтобы он выслал к нам дельного журналиста, а также хорошо бы из обкома партии затребовать сюда серьезную комиссию. В настоящее время мы находимся почти без средств к существованию. У нас – ребенок, родители жены и моя мать.

С большим приветом

Николай Тряпкин. 23-ХІ-59.

P.S. О вашем решении прошу сообщить.

Приложение 8

Дорогая Редакция!

Сейчас трудно найти человека, безразличного к поэзии. Любовью – и только к ней! – горит мое сердце. Именно поэтому я вынужден побеспокоить Вас своей заметкой, которую, надеюсь, Вы встретите доброжелательно.

В ней нет выводов и сообщений?.. Да. Но я сделал это умышленно: читатель любит сам разжевать поданную ему пищу.

Она длинна?.. Пожалуй... Но у нас есть выход: сократите её.

Ей не хватает соли и перца?.. – Добавьте.

Нужно подстричь её, облагородить, навить кудряшки?.. – Пожалуйста!.. Я совершенно не возражаю против этого. Но напечатать её, видимо, нужно: нельзя поощрять пустозвонства в поэзии. Это певчие птички могут распевать свои песни с закрытыми глазами. Поэт должен видеть! Поэт должен знать, о чем он поёт и к чему клонит. Поэт обязан слагать свои стихи, раскрыв сердце навстречу жизни...

Не лириканье – а лирика! Вот что нужно читателю!

С уважением, И.А. Решетов
Ленинград, В-26, 24-я линия,
Д. 19, кв. 15

Уважаемый тов. Решетов!

Может быть, остановивший ваше внимание сборник Н. Тряпкина и заслуживает критики, и даже строгой, однако все творчество этого поэта не позволяет говорить о его неудачах в столь разном тоне, которым ведете разговор Вы и который вообще не свойственен духу нашего журнала. Именно поэтому мы и не сможем воспользоваться вашим фельетоном.

С уважением

Ст. редактор отдела критики (В. Софронов).
3 марта 1966 г.

Приложение 9

Директору изд-ва «Советский писатель»

Н. В. Лесючевскому

Уважаемый Николай Васильевич!

В вашем издательстве распространился странный слух, что якобы в этом году в изд-ве «Современник» вышла книга моих стихов. Никогда я в «Современнике» не издавался и когда буду издаваться – не знаю. Самая последняя моя книга вышла в 1971 году в изд-ве «Московский рабочий» и называется «Гуси-лебеди». Это, конечно весьма приятно, если о твоих успехах кто-то сочиняет всякие легенды. Но если из-за этих легенд издательство отказывается издавать твою очередную книгу, то лучше, по моему, до конца прожить в полной безвестности. Ибо такая слава грозит тем, что прославляемый автор может помереть с голоду.

С уважением

Н Тряпкина

9.-X- 73.

Приложение 10

Председателю Правления издательства
«Советский писатель»

тов. Еременко В.Н.
от поэта Николая Тряпкина

Заявление

Прошу Вас заключить со мною договор на книгу новых моих стихотворений, которая называется «Царская дорога». Книга целиком посвящена нашему времени, сложностям нашего современного бытия.

Рукопись в редакцию предоставлена. Рецензия на нее имеется.

Прошу выделить мне объем в размере пяти авторских листов.

С уважением

Николай Тряпкин

21 июня 1982 года.

Председателю правления изд-ва
«Советский писатель»
тов. Еременко В.Н.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Я очень благодарен Вам за то, что Вы вспомнили обо мне и включили книгу моих стихотворений в план издания будущего года. В связи с этим я хочу попросить Вас о такой услуге: предоставьте редактирование моей книги сотруднику вашего издательства Эдуарду Балашову(подчеркнуто Тряпкиным –Х.Т.). Человек он молодой, энергичный, а самое главное – обладает безошибочным вкусом к поэтическим произведениям. Ко всем его замечаниям я буду относиться с полнейшим доверием, и это благотворно отразится на книге.

Прошу, Владимир Николаевич, – не откажите мне в этой просьбе.

С уважением

Н. Тряпкин.